АНОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-культурный
музей-заповедник «Старина Сибирская»
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Институт истории СО РАН
Алтайский государственный педагогический университет

АНОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы III Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 200-летию Омской области,
90-летию со дня основания Центрального НИИ методов
краеведческой работы и 30-летию Российского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
(р. п. Большеречье Омской области, 12–14 октября 2022 г.)*

Омск
Издатель-Полиграфист
2022

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)
А69

Редакционная коллегия:
А. Д. Гулько, канд. ист. наук *Т. Н. Золотова* (отв. ред.),
канд. ист. наук *С. Р. Сарманова*, канд. ист. наук *И. А. Селезнева*,
д-р ист. наук *Т. Б. Смирнова*, *К. Ю. Смирных*,
д-р ист. наук *О. Н. Шелегина*

Аношинские чтения : материалы III Всероссийской научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–14 октября 2022 г.) / отв. ред. Т. Н. Золотова. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2022. — 408 с. : ил.

А69

ISBN 978-5-98236-132-5

В сборник вошли материалы III Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 12–14 октября 2022 г. в р. п. Большеречье Омской области. Авторы статей затрагивают вопросы музеефикации культурного наследия России, его археологического изучения, культурно-образовательной деятельности музеев и роли краеведов в изучении и сохранении историко-культурного наследия. Рассматриваются формы этнической культуры в прошлом и настоящем, использование наследия в современном туризме. Большое внимание уделяется проблемам исторической и культурной памяти, которые особенно остро встают в современном российском и мировом сообществах.

Материалы конференции будут интересны историкам, археологам, этнологам, культурологам, работникам культуры и образования, краеведам.

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)

ISBN 978-5-98236-132-5

© Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-культурный музей-заповедник “Старина Сибирская”», 2022
© Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2022
© Оформление. ООО «Издатель-Полиграфист», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. МУЗЕЕФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ

Амосова Л. А. Взаимодействие музея-заповедника «Старина Сибирская» с образовательными учреждениями Омского региона 9
Ахунова Э. Р. Традиции и новации в деятельности музеев Сибири в современный период 13
Безродная О. А. Музей как общее дело: о практике развития партнерских отношений с социально ориентированными негосударственными организациями 17
Блинова А. Н. Музеефикация историко-культурного наследия российских немцев в сельских образовательных учреждениях Алтайского края 22
Бочкарева Т. В. Роль школьного музея села Артын Омской области в воспитании подрастающего поколения 26
Бутова И. Н., Себелева Л. И. Деятельность Белгородского государственного историко-художественного музея-диорама «Курская битва. Белгородское направление» по формированию и сохранению исторической памяти 30
Бутова И. Н., Себелева Л. И. Музей-мастерская белгородского графика С. С. Косенкова в социокультурном пространстве региона 36
Елизарова Н. В. Музейная деятельность Омского академического театра драмы 41
Иванова Л. А. Массовые праздники как форма работы музея-заповедника «Старина Сибирская» 45
Кассал Б. Ю., Коников Б. А. Музеефикация конской узды раннего железного века 49
Кирьянова О. Г. Репрезентация сибирских святых в экспозициях церковных музеев Сибири 53
Крынина О. А. Музей-заповедник «Старина Сибирская» — музей живой истории 57
Мишакова О. Э. Музеефикация и презентация православного наследия на примере выставочной деятельности Национального музея Республики Бурятия 62
Огуренко Е. В. Народно-хозяйственная деятельность музейно-краеведческих учреждений в Уральской области в начале 1930-х годов 69

Озерова О. А. Пропаганда культурного наследия мастеров фотоискусства в музейном пространстве Омской области 72
Осадчая О. А. Церковно-приходская школа в составе музея: проблемы и перспективы 77
Пекина А. М. Культурно-просветительная и научная деятельность музеев Республики Карелия в связи с 350-летием со дня рождения Петра Великого 81
Станиславских В. С. Домовая и прялочная роспись в коллекции Алтайского государственного краеведческого музея 86
Шелегина О. Н. Музеи в современном социокультурном пространстве Сибирского федерального округа 96
Шерстнев В. Л. Музей в пространстве малого города (на примере Козьмодемьянского музейного комплекса) 100
Шихова О. Н. Культура участия и школьный музей: на пути к новому осмыслению 106

Раздел 2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Опалев М. Н. Проблемы изучения и сохранения археологического наследия в современном городе на примере Безродненского городища Золотой Орды (город Волжский Волгоградской области) 111
Татауров С. Ф. Сказ о свайке 116
Татауров Ф. С. История изучения памятников саргатской культуры в Большереченском Прииртышье 119
Тихомиров К. Н. О создании тематических экскурсионных маршрутов в Большереченском районе Омской области (на материалах археологических памятников) 122

Раздел 3. РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Казакова К. А. Бренд территории как ключевой фактор развития туризма (на примере Республики Коми) 127
Путрик Ю. С. Внутрикультурные интеграции как ресурс туризма 130
Хилько Н. Ф. Этнокультурное наследие в типологии моделей инфраструктуры досуга Омского региона как средство развития современного туризма 134

Шатова Н. Н. Пешеходная экскурсия как форма презентации историко-культурного наследия Заельцовского района Новосибирска 140

Раздел 4. КРАЕВЕДЕНИЕ И КРАЕВЕДЫ В ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Адам А. Я., Сорокин А. П. Книжная выставка к 100-летию основания Центрального бюро краеведения как форма изучения и представления истории отечественного краеведческого движения в XX веке 146
Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года как краеведческий источник 152
Бокарева О. Б. Письма краеведа А. А. Виноградова члену-корреспонденту А. И. Яковлеву в Архиве РАН 158
Гефнер О. В. Вклад военной интеллигенции в естественно-научное краеведение в Омске во второй половине XIX — начале XX века 163
Гоппе А. А., Люля Н. В. Краеведческая деятельность как средство патриотического воспитания обучающихся в Алтайском государственном педагогическом университете (на примере деятельности кружка «Нити краеведения») 167
Демешко В. Н. Проект А. Ф. Палашенкова и И. И. Гавриша по увековечиванию памяти А. Н. Радищева в Копьёвском совхозе 171
Ерошевская Д. В. Омский краеведческий форум: основные мероприятия и перспективы 175
Махнанова И. А. В. С. Аношин: к биографии, наследию и истории районов (из опыта составления указателя) 179
Платонова П. Р. «Новое краеведение»: перспективы развития через современное искусство. Опыт Евгения Стрелкова 184
Тихонов С. С. Материалы о дорогах Среднего Прииртышья из архива А. Ф. Палашенкова 188
Щеглова Т. К. Развитие общественного краеведческого движения в Алтайском крае: создание и деятельность общества любителей исследования Алтая (1891–1902) и Алтайской краевой краеведческой ассоциации (1989 — начало 2000-х годов) 192

Раздел 5. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Голубкова О. В. Демонологические персонажи у сибирских переселенцев из Полесья 201
Гулько А. Д. Мельницы как памятник крестьянской механики 206
Золотова Т. Н. Фестивали традиционной культуры как форма актуализации культурного наследия 215
Козлова Н. К. История одной рукописи (о сборнике Н. Ф. Чернокова «Сибирские песни и игры. Дневники и письма», составленном И. С. Коровкиным) 225
Пресяжнюк А. Н. Народная игра как средство воспитания школьников 233
Рыков А. В. Фольклорные материалы, собранные на территории Алтайского края, в личном фонде фольклориста М. Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области 237
Секретова Л. В. К вопросу о современных социально-культурных технологиях и практиках популяризации этнокультурных ценностей 241
Смирных К. Ю. Этническая культура в информационном пространстве (на примере сайта Межрегиональной общественной организации «Гильдия межэтнической журналистики») 245
Соловьева Е. П. Звукопись и народная рефлексия в молении «на сон грядущий» Марии Петровны Бобрикович 250
Тойбазарова Д. Ш. Тенденция установки памятных стел у казахов Омской области в контексте исторической памяти 254
Труевцева О. Н. Взаимодействие учреждений образования и культуры в сохранении, изучении и популяризации этнокультурного наследия 258

Раздел 6. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Автеньева Е. Д. «Помните в молитвах» 267
Алисов Д. А. 308-я стрелковая дивизия: от обороны к наступлению (23 февраля 1942 — 29 сентября 1943 года) 273
Алисов Д. А. Информационные войны и исторические фейки 278
Быкова Ю. С. Советская почтовая карточка середины 50-х — начала 60-х годов XX века как инструмент пропаганды: на примере «кукурузной эпопеи» Н. С. Хрущева 283

Кабакова Н. В. Семейный состав и родственные отношения русских служилых в селениях по реке Оше в начале XVIII века 287
Каменецкий И. П. Служилые люди Сибири XVII века: социоментальные черты и особенности 292
Коляскина Е. А. Экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском доме офицеров в Алтайский край для сбора воспоминаний ветеранов гражданской войны 298
Марченко Е. А., Попова Е. В. Визуализация исторической версии реконструкции Покровской крепости 1765–1800 годов (Омская область) 302
Патова Е. М. Книга приказов № 1 (1 ноября 1931 — 27 августа 1932 года) как исторический источник по истории Коми пединститута 307
Полякова Т. С. Творчество художника-фронтовика Н. А. Кузьмина как летопись Великой Отечественной войны 312
Томилов Н. А. Историческая память в Омской области: пути и способы формирования и закрепления (последняя четверть XX — первые десятилетия XXI века) 318
Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В. Трансляция исторической и культурной памяти в макетных визуализациях студентов Омского строительного колледжа 324
Чиканова Н. А. Образ медицины в современных учебниках истории ... 330

Раздел 7. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СПОСОБЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Васильев Г. Е. Специфические проблемы культурной идентификации в современную эпоху 335
Воробьева Н. В. Образ России в представлениях иностранных и российских курсантов 339
Горелова Ю. Р. Культурная среда города в исследованиях сотрудников Сибирского филиала Института Наследия 344
Запорожченко Г. М. Нематериальное наследие Новосибирского Академгородка: любительский театр-студия (1962–1988) 354
Крюков А. В. Сохранение и популяризация цифрового нематериального наследия в регионах Сибири: опыт, проблемы, перспективы 358
Макарчук И. Ю. А. И. Солженицын о проблеме сохранения культурной памяти (на примере романа «В круге первом») 364

Межевикин И. В. Цифровизация культурного наследия омскими научными и культурными центрами 367
Селезнева И. А. Нематериальное культурное наследие: вопросы учета 370
Смирнова Т. Б. Культурная память и символы народа в представлениях современного студенчества (по результатам социологического опроса) 375
Тихонов А. А. Сохранение и популяризация творческого наследия поэта Л. Н. Чашечникова в Подмосковье, Омской и Астраханской областях 380
Чернобай О. Л., Чернобай Г. К. Особенности природных и культурных объектов Чистоозёрного района Новосибирской области. Краткий обзор 384
Щеглова Т. К. Историко-культурное наследие, память, устная история и развитие краеведческого движения 390

Сведения об авторах 398

Список сокращений 405

Раздел 1. МУЗЕЕФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ

УДК 069

Л. А. Амосова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СТАРИНА СИБИРСКАЯ» С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОМСКОГО РЕГИОНА

В статье представлен опыт взаимодействия музея-заповедника «Старина Сибирская» с образовательными учреждениями Омского региона.

Ключевые слова: музей-заповедник, «Старина Сибирская», Омский регион, образовательное учреждение, народные традиции, фольклорно-этнографический проект, экспозиция.

В Омской области имеется положительный опыт по развитию, популяризации народных традиций, воспитанию подрастающего поколения на основах традиционной культуры. Главное направление деятельности музея-заповедника «Старина Сибирская» — изучение, сохранение, освоение и популяризация культурного наследия Омского Прииртышья. Относительная удаленность заповедника от города открывает возможность погружения в атмосферу русской деревни конца XIX — начала XX в. Музей «Старина Сибирская» имеет выраженный интерактивный характер: в нём «живут» подлинные памятники истории и архитектуры, оживают старинные русские обычаи и традиции, отражающие самобытность культуры Омского региона. Сегодня действуют экспозиционные зоны:

– «Усадьба купца Кубрина»;

– «Усадьбы зажиточных крестьян братьев Гладковых»;

– «Торговля в Сибири» — этнографический уголок торговой лавки начала XX в., продажа работ современных ремесленников;

– «Святая Русь» — комплекс объектов: детская церковь благоверного князя Александра Невского, колокольня святого Георгия Победоносца, Памятник Святому Георгию Победоносцу;

– «Крестьянская усадьба П. Дроздова» с восстановленным подворьем;

– «Дом ямщика Копьёва» (место остановки в 1791 г. А. Н. Радищева);

© Амосова Л. А., 2022

– «Ремёсла Омского Прииртышья» — пространство для изучения и воспроизводства технологий обработки древесины, бересты, металла, развития гончарного ремесла, женского рукоделия, росписи по дереву, изготовления народной игрушки, традиционного костюма.

В музее восстановлена «Чаевня», где посетители узнают о традициях русского чаепития, а также дегустируют чай на сибирских травах.

Действующие экспозиции связываются в единую сюжетную линию этнографических зон конца XIX — начала XX в.

Историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская» предлагает публике интерактивные продукты с использованием информационных технологий, привлекательные для детей, дающие им импульс к самостоятельному овладению знаниями, проявлению творчества.

В музее создается атмосфера, оказывающая психологическое воздействие на посетителя, воспроизводящая условия естественного «проживания» в традиционной культуре, вовлекающая в диалог, в ролевую игру. На каждой экспозиции есть главное действующее лицо: бортник, потомственный ямщик, купец с купчихой и всеми полюбившаяся Макаровна. Сразу же дети погружаются в атмосферу столетней давности: в огороде заламывают горох, отдыхают на русской печи, перемалывают зерно на жерновах, работают за ткацким станком, пилят дрова на «козлах».

Для привлечения детей и молодежи в течение всего года «Старина Сибирская» предлагает образовательным учреждениям мероприятия, проведение которых проходит согласно календарному циклу (осенний, зимний, весенний, летний). Каждый из четырех календарно-обрядовых циклов обеспечен музыкальным материалом. Живое исполнение, включающее элементы игры, танца, песни, дает возможность участникам мероприятий глубоко постичь смысл семейно-бытовых обрядов и праздников.

Открывают цикл осенних праздников Спас Медовый, Яблочный, Хлебный. Все три спаса мы объединили в один праздник под названием «Ждем в гости вас: Медовый, Яблочный, Хлебный Спас». Всё действо разворачивается у дома пчеловода с дегустацией меда.

«Дожинки. Как хлеб пришел в наш дом». На крестьянском подворье в интерактивном формате происходит знакомство с орудиями труда крестьянина для обработки земли, для сеяния зерна и уборки урожая. Кульминация мероприятия — угощение детей горячим караваем из русской печи и народные забавы.

До Покрова дня в музее проходят капустинские вечерки, ставшие традиционными, как говорится: «Не жди Покров — секи капусту». Капустные вечерки посещают старшеклассники, учащиеся профессиональных училищ, студенты. Чем интересны эти вечерки? А тем, что девушки рубят

капусту, сообща, вместе под протяжные песни. У каждой девушки свое корытце и сечка. Объявляется конкурс на более мелкое крошение капусты. Девушки узнают различные способы засолки капусты. Хозяйка дома угощает всех народным лакомством — кочерыжкой от кочана капусты, посыпанной сахаром.

С 14 октября в праздник Покрова Пресвятой Богородицы традиционно устраивались первые осенние вечерки. На наших вечерках девочки занимаются рукоделием (вяжут, вышивают). Парни приходят на вечерки, приносят хозяйке дрова, чтобы откупить дом для их проведения. Звучат песни, «вечерошные» игры, кадрили. Вечерки основаны на местном танцевально-игровом материале и являются одной из форм проведения досуга молодежи.

В цикле осенних праздников нельзя не вспомнить о русской свадьбе. Методистами музея «Старина Сибирская» изучены и восстановлены обряды сватовства, выкупа невесты в день венчания. Этот обряд вызывает особый интерес у старшеклассников. Знакомясь с символикой свадебного обряда, примеряя элементы свадебного наряда жениха и невесты, дети вовлекаются в театрализованное действие «выкуп невесты» с участием фольклорного коллектива. После такого знакомства с экспозицией дети не скажут, что было скучно и непонятно.

Очень интересно и познавательно проходит весенний цикл праздников. Открывает его Масленица, о которой в старину говорили: «Хоть себя заложи, а Масленицу проводи». По душе пришлось и катание с гор, и взятие снежного городка, и песни и пляски под гармошку, и масленичные игры. С интересом посетители знакомились с традициями каждого дня масленичной недели. Пили чай прямо на улице из большого самовара, угощались румяными блинами, которые тут же пекли на костре, что называется «с пылу жару». Соблюдая традиции, музей принимает детей именно в масленичную неделю.

В дни Великого поста дети знакомятся с постной кухней, особой атмосферой единения и спокойствия в семье в это время, узнают о значении поста в жизни каждого верующего человека. Яркий праздник «Сороки» проводится 22 марта для школьников и воспитанников детских садов. «Жаворонки, прилетите — весну красну принесите». Дети учат заклички, делают и угощаются обрядовым печеньем «жаворонки».

Великий пост заканчивается великим и радостным праздником — Пасхой. Праздник в музее-заповеднике начинается с посещения детской церкви. Затем веселой большой группой дети идут по дворам с волочебными песнями, заходят к хозяйкам в избы, где узнают о страстной неделе и о самом празднике. Играют в битки, качаются на качели, катают крашеные яйца, лакомятся куличами.

Летний цикл праздников открывает Троица. На Троицын день всё кругом зелено, а зелень — это обновление. Приходящие в этот день старшеклассники, студенты с огромным удовольствием вместе с сотрудниками музея плетут венки, завивают березку, украшают ее лентами, на костре жарят «верещагу» (яичницу), играют, девушки гадают на березовых венках.

Особенно всем полюбился праздник Ивана Купалы — время хороводов и обливания, гадания на купальских травах. После игровой программы, загадывая будущее, все прыгают через костер. Малые да старые прыгают, как в старину, через крапиву.

Летом в каникулярное время, когда школьники и студенты отдыхают, активно работают детские оздоровительные лагеря, школьные площадки. Коллектив музея-заповедника предлагает свои услуги по проведению мероприятий с выездом в лагеря, школы в пределах всей Омской области.

В летний период проходит фольклорно-этнографический проект — квест «Сказки деда Еремея», который пользуется популярностью у школьников. Принимая активное участие в представлении, дети знакомятся с предметами этнографии, участвуют в традиционных трудовых процессах. Они стараются размолоть зерно на ручных жерновах, учатся носить воду на коромысле, пилят дрова на козлах, ткут за ткацким станком, управляются с ухватом возле печи.

Это относительно новый проект, по сравнению с зимним проектом «Владения Сибирского Деда Мороза». В нём ребятам и взрослым предоставляется уникальная возможность очутиться в сказке. Все объекты музея превращаются в жилища сказочных персонажей, приготовивших массу неожиданностей и познавательных открытий для посетителей. В конце театрализованного представления всех ждет встреча с сибирским Дедом Морозом в его тереме. Получить на память сувенир из рук седовласого волшебника, покататься на лошади в его сказочных санях, угоститься на морозе горячим чаем — всё это и многое другое возможно во владениях Сибирского Деда Мороза. Кто хоть раз испытал счастье побывать в сказке, тот с особым душевным трепетом и затаенной надеждой будет ждать встречи со сказочными персонажами вновь и вновь.

В течение всего года музей-заповедник предлагает образовательным учреждениям целый цикл мероприятий под названием «В гостях у “Старины”», включающий в себя следующие разделы: семейно-бытовая обрядность, календарная обрядность, народная словесность, детская игровая культура. Они реализуются в форме костюмированных мероприятий, театрализованных экскурсий, фольклорных театрализованных праздников, игр, конкурсов, спектаклей, участниками которых являются сами дети. Посещая «Старину Сибирскую», знакомясь с экспозициями, дети имеют

возможность любой экспонат испытать в действии, осуществляя принцип «знание через руки». Эти формы работы способствуют формированию положительного образа музея в сознании детей.

Только при взаимодействии и сотрудничестве образовательных и историко-культурных учреждений можно воспитать полноценного, творческого, трудолюбивого человека, любящего свой дом, свою Родину и с уважением относящегося к своей культуре и культуре других народов.

УДК 069

Э. Р. Ахунова

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ СИБИРИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

На примере Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» рассмотрена культурно-просветительная деятельность. Музеи проводят совместную работу с посетителями, превращая их в активных участников музейных программ, выставок, экскурсий, внедряют новые технологии и концепции музейного дела. Помимо традиционной музейной деятельности, осуществляется развитие музеев как образовательных, воспитательных и развлекательных центров.

Ключевые слова: музеи-заповедники, музейные комплексы, новации в музейном мире, интерактивные и развлекательные программы, новые функции музеев.

Музей — это не только хранилище культурных и исторических ценностей, но и место, которое играет значительную роль в современной жизни человечества, является культурным, образовательным, воспитательным, познавательным центром. Известный историк и музеевед Н. А. Томилов уделяет большое внимание теории и методике музееведческих исследований, периодизации музееведения, истории сибирских музеев. Особо он отметил роль социальных функций музеев в современный период: документирования, интеграции, а также познавательной, образовательной, воспитательной, эстетической [1, с. 110].

Для начала XXI в. характерны изменения в традиционных формах работы музеев. Заведующая Научно-методическим отделом Государственного исторического музея Л. И. Скрипкина отмечает, что «произошел переход от полного содержания учреждений культуры к финансированию услуг, ими производимых. Культура становится ресурсом и инструментом в социально-экономических преобразованиях в стране и регионах…

© Ахунова Э. Р., 2022

Ориентация на потребителя, формирование и удовлетворение спроса в системе досуга становится ключевым приоритетом» [2, с. 11].

Наряду с традиционными появились и новые функции музеев, среди которых особо выделяется развлекательная (рекреационная). По мнению историка Л. С. Тимофеевой, «она способствует возникновению новых музеев и учреждений музейного типа, появлению новых направлений музейно-педагогической деятельности, порождает новые функции коммуникации» [3, с. 100].

Сегодня музеи стали активно внедрять в музейную практику информационные технологии: компьютерную каталогизацию, хранение информации в цифровом виде. Отделы по работе с посетителями часто используют интерактивные программы в экскурсиях, экспозициях, выставках, образовательной и информационной работе с посетителями. Наиболее широко развлекательная функция реализуется в работе с подрастающим поколением и молодежью. Интенсивный рост числа игровых и интерактивных программ, различных квестов делает музейные презентации, уроки и экскурсии особенно притягательными и занимательными для молодого поколения. Новые формы общения с посетителями способствуют превращению музеев в культурные и развлекательные центры.

На примере Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТИАМЗ) и Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» можно представить инновационные и интерактивные формы работы, динамику развития экспозиционных и экскурсионных направлений.

В 2017 г. произошла реорганизация музейной сети Тюменской области путем слияния в единое областное учреждение «Тюменское музейно-просветительное объединение», в состав которого вошли: Музейный комплекс им. И. Я. Словцова, Ялуторовский музейный комплекс и Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. Данное музейное объединение обладает богатым историко-культурным наследием и материально-техническим ресурсом, с каждым годом расширяет свою социально-культурную деятельность среди населения. Если проследить динамику развития музейной деятельности ТИАМЗ за несколько последних лет, то увидим интенсификацию выставочной, экскурсионной и интерактивной деятельности. Например, если в 2019 г. в Доме Наместника (одном из объектов музея-заповедника) было 1214 экскурсии, то в уже в 2021 г. — 2453 экскурсии, посещаемость в 2019 г. составляла 66 550 человек, в 2021 г. — 146 403 человека [4, с. 10]. Появились новые интерактивные развлекательные программы, преимущественно ориентированные на детей и старшеклассников. В 2016 г. в здании бывшей губернской типографии был открыт семейный

музейный центр (далее — СМЦ) «Комелек» с постоянной экспозицией «Культура и быт сибирских крестьян». В 2018 г. в нём было проведено «25 мероприятий разного масштаба… интерактивные занятия о народном быте, игрушках… В течение года постоянно функционирует игровая площадка “Интерактивная русская изба”» [5, с. 14].

Еще один проект — Дом мастеров «Музей сибирских промыслов и ремесел», созданный в 2016 г. Экспозиция этого музея показывает становление и развитие народных ремесел Сибири с XVIII в. до начала XX в. За 2018 г. в этом подразделении ТИАМЗ было проведено 158 экскурсий и 5 мероприятий. В рамках мастер-классов желающие могли сами изготовить традиционные предметы гончарного ремесла, ковроткачества, урало-сибирской росписи. В 2021 г. в Доме мастеров прошло 249 экскурсий, 1501 мастер-класс «В гостях у сибирской мастерицы», «Национальная пиала», «Ковроткачество» и др. для всех категорий посетителей [4, с. 13].

Тобольский музей-заповедник в последние годы воплощает в жизнь различные интерактивные экспозиционные, экскурсионные, образовательные и развлекательные программы. Большой популярностью пользуется онлайн-проект «Улицы Тобольска» (виртуальные экскурсии-прогулки по десяти самых значимым улицам). Музейный отдел «Тюремный замок» включает пять основных объектов: здания штаба, три арестантских и один больничный комплексы, а также экспозиционную выставку «Музей сибирской каторги и ссылки». В 2019 г. в «Тюремном замке» прошло 1314 экскурсий и 13 различных мероприятий, в 2021 г. — уже 2659 экскурсий и различных мероприятий [4, с. 9]. Сегодня количество посещений и экскурсий в этом комплексе занимает первое место среди всех музейных отделов. Большим успехом у посетителей, кроме стационарной экспозиции и выставок, пользуются интерактивный проект «Свет в конце тоннеля», экстремальный квест «Побег из тюремного замка. 2.0».

Одним из самых известных районных музеев Омской области является Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», находящийся в р. п. Большеречье. В этот музейный комплекс входят: Картинная галерея, Историко-культурный центр «Старина Сибирская», Археологический и природный памятник «Батаково», а также Историко-этнографический музей. Музейный комплекс выполняет большую научно-просветительскую работу среди населения, им разработано около десятка различных программ, рассчитанных на разный возрастной контингент. В последние годы были разработаны и проведены музейно-образовательные программы: «Жили-были дед да баба» (ряд тематических экскурсий для детей 5–6 лет), «Малая моя родина» (знакомство учащихся начальных классов с предметным миром их предков). Музейно-образовательная

программа «Ремеслу учиться — всегда пригодится» посвящена сохранению *культурного наследия и возрождению утраченных народных промыслов и ремесел.* Целью программы является формирование у посетителей интереса к народным ремеслам и промыслам, изучение и практическое освоение ремесленных традиций, а также сохранение и развитие традиционных видов ремесел: ткачества, вышивки, орнаментального вязания и прядения, традиционной народной игрушки, обработки бересты, гончарного ремесла. В рамках мастер-классов посетители могут сами изготовить изделия из природных материалов. Сегодня в «Старине Сибирской» работают творческие мастерские: «Забытая сказка» — обучение детей плетению из трав и лозы, изостудия «Роспись по дереву», «Волшебная нить» — изучение традиций вышивки русских переселенцев [6].

Таким образом, мы видим, что интерактивные занятия и развлекательная функция занимает всё большее место в деятельности музеев и воспитательно-образовательном процессе. Работа с аудиторией становится совместным проектом сотрудников музеев и посетителей, которые всё больше включаются в интерактивные игры, программы и квесты. Они перестали быть просто зрителями, которым экскурсовод предоставляет интересную информацию, а становятся активными участниками многих мероприятий. Музей становится информационным и развлекательным центром, что весьма актуально и имеет большие перспективы.

---

1. *Томилов Н. А.* Социальная роль музеев: современное состояние (по материалам Омской области) // Музееведение и музеи России: Избранные научные работы : в 2 ч. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2016. — С. 109–110.

2. *Скрипкина Л. И.* Актуальные проблемы музейного дела России на современном этапе // Новации в развитии музейного мира России в первое десятилетие XXI века. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН : Рос. ин-т культурологии, 2011. — С. 8–16.

3. *Тимофеева Л. С.* Эдьтейнмент — модный тренд или новый путь музея? // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии : сб. науч. тр. : в 2 ч. — Омск : Наука, 2021. — Ч. 2. — С. 100–108.

4. Архив ТИАМЗ. Отчет о деятельности Тобольского историко-архитектурного музея заповедника за 2021 г. — С. 10.

5. Архив ТИАМЗ. Годовой отчет 2018 г. «Тюменского музейно-просветительского объединения». Структурное подразделение «ТИАМЗ» — С. 14.

6. Публичный отчет музея-заповедника за 2020 г. // Музей-заповедник «Старина Сибирская» : [сайт]. — URL: https://starinasib.ru/images/tini/2022_02/6987505312182e38e898c9654d05f741.ppt (дата обращения: 20.06.2022).

УДК 069.01

О. А. Безродная

МУЗЕЙ КАК ОБЩЕЕ ДЕЛО: О ПРАКТИКЕ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ С СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫМИ НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В последние годы происходит рост количества и качества проектов, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями. Автор рассматривает работу музеев с данными социальными акторами и ее значение для развитие сообщества и самих музеев. Привлекая СО НКО в качестве партнеров, музей расширяет свои целевые аудитории, делает разнообразными виды мероприятий, формирует лояльность к своей деятельности у разных категорий потенциальных посетителей.

Ключевые слова: музейные программы, социальные партнеры музеев, партиципаторные практики в музеях, культура участия.

Сегодня невозможно представить музей без партнерских проектов. Это относится и к крупным музеям федерального и регионального уровня, и к местным, муниципальным музеям. Партнерство — обязательное условие развития и для бюджетных, и для негосударственных музеев и галерей. Музейное партнерство сегодня — одна из форм диалога музея с сообществом. С их помощью происходит создание таких каналов коммуникаций, которые позволяют музею формировать вокруг себя позитивное пространство обмена, становиться центрами распространения культурного влияния.

Мы разделяем позицию К. Хадсона, характеризующего музей в качестве «агента перемен в обществе». Представить музей как «непреступную крепость», которая на время приоткрывает двери, диктуя сообществу собственные условия диалога, значит лишить его «живой энергии общения». В настоящее время музей рассматривается в качестве института социальной памяти, не только хранящего ее «за семью печатями», но и активно выстраивающего «политику памяти». При этом диалог возможен только на условиях «принятия» партнерами позиции друг друга, взаимного интереса, вовлеченности в обмен. Это относится и к музейным профессионалам, которые должны знать и считывать интересы общества, и к музейным посетителям, которые сегодня через грамотное использование технологий «культуры участия» становятся СО-авторами музейных активностей [1, с. 98]. Сегодня теоретики музееведения говорят о формировании «нового музейного опыта», в котором «задействован и сам посетитель, причем опыт формируется усилиями музея и его аудитории» [2, с. 154].

© Безродная О. А., 2022

В современной ситуации партнерами музея являются как отдельные лица, так и организации. В работе Ю. В. Зиновьевой, Ю. Ю. Мацкевич рассматривается 12 различных акторов, которые выступают участниками системы внешней коммуникации музея, его партнерами в социальной сфере. Это представители сообщества от волонтеров до органов государственной власти. Представители каждой из групп имеют свои особенности, мотивы и стимулы для поиска партнерства с музеями: от банального любопытства до полноценного взаимовыгодного сотрудничества [3, с. 84].

В данной работе рассмотрим пример взаимодействия с таким важным актором общественных отношений, как социально ориентированные некоммерческие организации — один из наиболее сложных, но активно проявляющих себя партнеров музея.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О некоммерческих организациях» в п. 2.1. дает понятие социально ориентированной некоммерческой организации (далее — СО НКО), под которыми понимаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации. В статье 31.1 перечисляются дополнительные виды деятельности, которыми могут заниматься СО НКО.

В последние годы можно говорить о некотором «буме роста» СО НКО. Этому есть ряд причины, основная из которых — стремление государства способствовать развитию гражданского общества через грантовую поддержку инициатив самого общества. Такие фонды, как Фонд Президентских грантов, Фонд культурных инициатив, муниципальные и региональные программы по представлению субсидий СО НКО, успешно осуществляют свою деятельность. Только в Омской области на сайте Министерства региональной политики и массовых коммуникаций в Реестре СО НКО, получивших поддержку в 2021 г., значится 111 организаций [4].

Музеи не остаются в стороне от этого важного общественного процесса. В цикле партнерских отношений первым этапом может выступать инициатива совместной деятельности. Как правило, инициатором выступают данные организации. Причины, по которым они обращаются в музей — наличие у музея, особенно у бюджетного, большого числа ресурсов, которых лишены СО НКО. Это прежде всего площади, которые можно использовать для организации мероприятий, наличие различного рода технических средства (мультимедиа, аудио- и видеоаппаратура), методическая помощь сотрудников музея, их знания и опыт, определенный админис-

тративный ресурс. Существенное значение имеет авторитет бюджетной организации и ее имидж.

С 2017 г. сотрудниками Музейно-выставочного комплекса «Моя история» проведено вместе с СО НКО более 50 мероприятий, различных по масштабу и продолжительности — от нескольких часов до нескольких месяцев. До недавнего времени почти единственной формой взаимодействия с некоммерческими организациями являлись благотворительные экскурсии, когда музей выполнял функцию просвещения и организации досуга для людей, нуждающихся в особом внимании и благотворительной помощи: подопечные социальных центров для пожилых людей, воспитанники детских домов и школ-интернатов, члены обществ инвалидов. В последнее время ситуация изменилась. Взаимодействие с СО НКО становится для музея источником дополнительных разнообразных ивентов, позволяющих привлечь разные категории посетителей. Сотрудничество позволяет музеям расширить свои «социальные горизонты», включить новые категории посетителей, разнообразить формы взаимодействия с сообществами и целевыми группами.

Традиционным партнером для музеев являются творческие союзы, прежде всего Союз художников. За пять лет совместно с ним проведено три крупных выставки, последняя из которых, масштабный проект «Пастель России», в сентябре–октябре 2021 г. В нём наш музей выступил не только как выставочное пространство, но и как площадка проведения научного форума. Кроме того, более 10 выставочных проектов было организовано с отдельными членами Омского отделения союза художников, среди которых Евгений Дорохов, Сергей Сочивко, Елена Боброва, Татьяна Бугаенко, Иван Коротков и др.

Основной причиной обращения художников является возможность в большом объеме показать именно персональное творчество. В пространстве выставочного зала, общая площадь которого — более 200 кв. м., оборудованного специальной системой освещения и крепления работ, художник может представить разные грани творчества, масштабно и разноплановo выразить его.

Художественные проекты реализует не только Союз художников. В 2018 г. нашими партнерами стало Омское общество корейцев, организовавшее замечательный Фестиваль корейской культуры. Одним из его ярких событий стала именно выставка изобразительного искусства с приглашением современных корейских художников.

В связи с возможностями использования выставочных пространств и «медийной» составляющей, позиционирования себя на фоне известного культурного бренда, каким является парк «Россия — моя история», к нам обращаются социальные организации, занимающиеся благородным

делом социализации инвалидов. Так, в 2020 г. прошла фотовыставка «Человек и город», на которой были представлены конкурсные работы как профессиональных омских фотографов, так и любителей. Организатором выставки стала Омская Общественная организация инвалидов «Спортивная Федерация спорта глухих». В 2022 г. нами реализуется проект совместно с Омской региональной общественной организацией детей с инвалидностью и их родителей «Дети-Ангелы» — выставка нестандартных картин и арт-объектов об особенных людях «КИРАсин».

Постоянным партнером музея стал Центр «Сказ», который представляет проекты, ставшие победителями конкурсов Фонда Президентских грантов, областных конкурсов. На наших экспозициях размещались диорамы «Железнодорожный мост», «Омские бронепоезда», «Омск — город милосердия». Таким образом организация получила возможность экспозиционирования, а музей — возможность создать дополнительные привлекательные экспозиционные комплексы, разнообразившие мультимедийную экспозицию. С этим же партнером мы реализуем проект «Омская игрушка», применяя авторскую методику Ю. Е. Титерина — рассказ об истории региона через участие в мастер-классе по росписи деревянных фигурок, чьими прототипами стали исторические личности — И. Д. Бухгольц, Г. Х. Гасфорд, знаменитая «Любочка» и др. Первоначально посетители мастер-класса слушают лекцию, а потом «закрепляют» материал через активную деятельность.

Постоянным партнером музея является семейный ресурсный центр «Радость», с которым подписано соглашение о сотрудничестве. Еженедельно мы принимаем благотворительные мастер-классы, организуемые сотрудниками центра с семейными посетителями, часть из которых нуждается в особой опеке по разным причинам — социальное неблагополучие, проблемы здоровья и др.

Важным направлением работы музейно-выставочного комплекса является не только просвещение, но и патриотическое воспитание. Мы реализуем совместные игровые проекты с Омской региональной общественной организацией социально-культурных инициатив «Отчизна». Это разработка и распространение серии настольных игр, посвященных различным сражениям Великой Отечественной войны. Проект неоднократно получал поддержку Фонда Президентских грантов. Только в 2021 г. в проект было вовлечено пять регионов присутствия парков «Россия — моя история», передано в школы и иные образовательные организации более 250 наборов настольных игр. На площадке парка «Россия — моя история» проведено несколько турниров. Эти яркие запоминающиеся события привлекли более 150 школьников и студентов из Омска и Омской области.

Постоянным партнером музея является Омское региональное отделение Российского военно-исторического общества. Созданное в регионе в 2015 г., оно активно сотрудничает с музеем с 2019 г. Общие мероприятия: лектории, экскурсионные программы, историко-патриотическая игра «Навстречу истории» — стали примером сотрудничества.

Какие сложности могут возникнуть у музеев при работе с СО НКО? Прежде всего организационного характера. Часто у сотрудников данных организаций отсутствует должный опыт, который не всегда можно компенсировать огромным желанием деятельности. Музей должен быть готов к активному содействию, наставничеству. Особого внимания требуют вопросы организации продвижения проектов — разработка дизайна, его «упаковка» брендбуком, представление через интернет. Все эти вопросы часто бывают сложными для общественников, музейным специалистам приходится их отчасти брать на себя. Это хлопотно, но отдача бывает настолько очевидна, что музей становится, наряду со своими постоянными функциями и формами деятельности, притягательным центром консолидации разных людей и смыслов, что позволяет ему «переформатировать» свою деятельности именно под интересы общества, не теряя собственной уникальности.

---

1. *Короткова М. В.* Культура участия и партиципаторные стратегии в музейной педагогике // Наука и школа. — 2020. — № 4. — С. 97–102.

2. *Смирнов А. В.* Партиципаторные технологии как новый вызов теоретической музеологии // Вопросы музеологии. — 2019. — № 2. — С. 153–160.

3. *Зиновьева Ю. В., Мацкевич Ю. Ю.* Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. — 2015. — Т. 212. — С. 83–91.

4. Предоставление грантов в форме субсидий // Портал Правительства Омской области. — URL: https://mps.omskportal.ru/oiv/mrp/otrasl/subs (дата обращения: 28.06.2022).

УДК 069.5:39

А. Н. Блинова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СЕЛЬСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

В статье представлен обзор музеев средних образовательных учреждений Немецкого Национального района Алтайского края, в экспозициях которых представлены материалы по истории и культуре российских немцев. Это школьные музеи сёл Гальбштадт, Гришковка, Дегтярка, Редкая Дубрава, Полевое. Представлена история музеев, состав коллекций и их значение для формирования этнической идентичности школьников. Материалы собирались в ходе экспедиционных поездок в 2018 и 2020, 2021 г.

Ключевые слова: школьный музей, музейная коллекция, идентичность, российские немцы, Немецкий национальный район, Алтайский край.

Российские немцы обладают довольно широкой «музейной сетью». Существует более 160 музеев разного уровня (федеральных, муниципальных, общественных, частных), коллекции которых полностью или частично посвящены истории и культуре этого народа. Географически они расположены в регионах, исторически связанных с этнической историей российских немцев. Больше всего музеев находится в Алтайском крае и Омской области.

Большая часть музейных коллекций по истории и культуре российских немцев собрана в сельских и школьных музеях, не имеющих статуса и правовой защиты. Первые музеи создавались как музеи истории сёл и колхозов: Подольский народный музей Красногвардейского района Оренбургской области (1976), музей с. Казанка Любинского района Омской области (1986). Однако массово музеи стали создаваться в 1990-е гг. Этот процесс был реакцией на массовое эмиграционное движение российских немцев. Много предметов поступило в музеи из семей, выезжающих в Германию.

Школьные музеи — распространенная форма презентации историко-культурного наследия российских немцев. Чаще всего, экспозиция в них носит комплексный характер: помимо предметов по «немецкой» тематике, она посвящена истории села и школы. Организаторами этих музеев выступают учителя истории или немецкого языка. Эти музеи выполняют важные образовательные и воспитательные функции, способствуют формированию этнической идентичности подрастающих поколений. Коллек-

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)»

© Блинова А. Н., 2022

ции часто пополняются и обрабатываются в результате исследовательской работы учащихся. Они восстанавливают истории своих семей, генеалогии и раскрывают страницы истории родного села.

Ярким примером успешной работы по музеефикации и популяризации историко-культурного наследия российских немцев является опыт музея в Гришковской средней общеобразовательной школе Немецкого национального района Алтайского края. Идея создания музея появилась в 2000 г., когда Светлана Абрамовна Генрихс, будучи учителем истории, организовала в школе кружок «Искатель». Основными его направлениями были поисковая и исследовательская деятельность. Ученики изучали источники, собирали воспоминания старожилов села, писали исследовательские работы, организовывали этнографические экспедиции и поездки в те места, где прежде находились немецкие села. На этой основе этой работы и была создана музейная экспозиция в одной из комнат здания школы, а затем и виртуальный музей. В 2013 г. в музее реализован большой проект по ее модернизации. В результате был реконструирован немецкий дом, в том числе возведены стены традиционными для немцев способами. Первыми жилищами немцев в Сибири были землянки или дома из земляных пластов. В некоторых случаях устанавливали деревянный каркас (столбы в углах дома), а пласты укладывали друг на друга и обмазывали раствором глины. Крыша в таких домах чаще всего была из соломы. В степной зоне для строительства домов, помимо дерна, часто использовали саман. Именно эти технологии были применены для «строительства дома» на экспозиции. Школьники под руководством Ивана Ивановича Фризена (преподавателя отделения детской школы искусств, художника) сделали это сами. В доме кропотливо воспроизведен интерьер жилой комнаты, что создает эффект полного погружения в традиционное немецкое жилище середины XX в.

В 2016–2017 гг. музей был расширен, оформлен новый зал «Назад в СССР», в котором руководитель музея и ученики попробовали воссоздать обстановку дома советского времени, представили атрибуты советской эпохи.

В 2021 г. в музее появились витрины к 80-летию со дня депортации. В них хранятся библии, семейный альбом, вязаный гольфик и вилка, привезенные с Волги. С. А. Генрихс рассказывала, что детские гольфики когда-то, еще до войны, были связаны бабушкой своему внуку Гергарду Дику. На момент депортации ему было уже 15 лет, и его мама, собирая детские вещи, сложила и их: в семье были еще и младшие дети. Остался только один гольфик, но Гергард не мог с ним расстаться, так как он олицетворяет все чувства, эмоции, воспоминания о его счастливом, беззаботном детстве.

Вилка тоже имеет свою легенду, она тоже из семьи Дик. Отец, собирая сына в трудовую армию, сказал взять что-то с собой из дома, что напоминало

бы ему семью. Сын взял с собой свою вилочку из столового набора, привезенного еще с Волги. Когда он вернулся домой из трудовой армии, достал эту вилочку и положил в буфет со словами: «Вот, теперь я дома». Уже потомки семьи передали в музей этот предмет.

Учениками разработаны этнографические туристические маршруты, например «Соляной путь». Это двухдневный поход к п. Бурсоль. По этому маршруту когда-то шли подводы с солью из Бурлы на Барнаул, проезжая сёла Степное, Хортицу, Новую деревню, Знаменку, Суетку.

Школьный музей им. Э. Тельмана с. Полевое Немецкого национального района Алтайского края был основан в рамках работы клуба интернациональной дружбы в 1974 г. Основателем музея была Елена Григорьевна Классен. Музей долгое время располагался в старом здании школьного интерната, а затем для него были выделены помещения в школе. Позже музеем заведовали Абрам Абрамович Фаст и Татьяна Андреевна Вайс. В 2012 г. состоялось открытие новой выставочной комнаты и комнаты под названием «Дом российского немца». Музейные экспонаты пополнились в результате экспедиций в соседние заброшенные сёла Чертеж, Дягилевка, Угловое.

В выставочном зале музея представлены стенды и стеллажи, рассказывающие посетителям об истории села, школы и музея. Уникальным экспонатом этой выставки является альбом с личными анкетами и фотографиями трудармейцев с. Полевое. Это 32 анкеты, вопросы в которых касались периода пребывания в трудармии (когда забрали, какие условия труда, что делали), но, кроме этого, в анкете есть вопросы о самом счастливом дне и занятиях после трудармии. Все анкеты сопровождаются портретными и семейными фотографиями интервьюируемого. Интервью собирали школьники с. Полевое.

Второе помещение — «Дом российского немца» — состоит из трех зон: кухни, детской и спальни для взрослых. В кухне собрано большое количество предметов кухонной утвари. Интерес представляют ящик для приборов, деревянный жернов, самодельная кофемолка, коромысло, весы и т. д. В «детской комнате» собрали экспонаты чуть более позднего периода: 1950–1980-х гг. Здесь находятся предметы прикладного творчества — картины, статуэтки и детская мебель, состоящая из шкафов, стола, дивана и трельяжа-зеркала. Кроме того, в музее есть плетенные детские санки и коляска. В «спальне взрослых» представлена мебель и предметы быта: диван, стол, стул, комод, сундуки, швейные машины. Уют комнате придают всевозможные предметы женского рукоделия: скатерти, покрывало на кровать, подзоры, наволочки, рушники. Особое место занимают фисгармония и большая деревянная раздвижная кровать. Фисгармония имеет

интересную историю. Изготовлена она была в Чикаго в 1900 г., в 1920-е гг. была перевезена из Америки в Германию. В 1947 г. была привезена в с. Табуны в качестве подарка невесте в день свадьбы, Долгое время инструмент находился в меннонитской семье, в 2011 г. потомки невесты передали ее в школьный музей. Фисгармония темно-коричневого цвета, покрыта лаком, имеет надписи готическим шрифтом, в рабочем состоянии.

В школе с. Дегтярка Немецкого национального района существует музей немецкой культуры «Ценители времени». Музей был открыт в 2015 г. Экспонаты представлены в двух выставочных залах в помещении школы. Первый выставочный зал посвящен быту и культуре российских немцев и истории села. Зал представляет собой реконструкцию комнаты российских немцев середины XX в. В зале экспонируется этажерка, два буфета, диван, стол, колыбель, есть небольшая коллекция детской игрушки. Представлена также утварь: ступка, сепаратор, маслобойки, чугунки, крынки, пресс для колбас, противни; предметы женского рукоделия, швейная машина, прялки и музыкальные инструменты.

Во втором выставочном зале размещены материалы, отражающие историю страны, села и школы. Большая выставка посвящена 70-летию Победы, землякам — участникам Великой Отечественной войны (среди них немало людей с немецкими фамилиями), истории пионерской и комсомольской организаций школы, истории ученической производственной бригады «Колос». В музее имеется много моделей ретротехники.

В 2006 г. при школе с. Редкая Дубрава создан музей немецкой культуры. Организаторами музея были Ю. Ф. Маурер и О. А. Генатулина. В нём собраны предметы быта немцев, исторические документы, проектные работы учащихся по краеведению. Экспозиция организована по тематическому принципу. Она рассказывает об истории села, школы, немецкого населения и спортивных достижениях односельчан. Ее основная часть посвящена реконструкции интерьера немецкого дома, представлены мебель, утварь, предметы женского рукоделия и т. д.

Самый молодой школьный музей находится в районном центре в с. Гальбштадт, создан он в 2013 г. Музей имеет два зала: «История Гальбштадской школы» и «Этнографический», в котором собраны предметы быта жителей района, села разных лет. Это предметы и вещи, рассказывающие об истории соседства, соприкосновения двух народов, двух культур: российской и немецкой. Многие предметы традиционных ремесел: столярного, плотницкого, ткацкого, прядильного — выполнены как русскими, так и немецкими мастерами.

Из приведенного обзора музеев видно, что экспозиции многих школьных музеев строятся на реконструкции традиционного интерьера, именно

в пространство жилых комнат вписаны основные предметы быта российских немцев. Это позволяет детям соприкоснуться в «вещным» миром предыдущих поколений, фактически исчезнувшим из повседневной жизни.

УДК 929

Т. В. Бочкарева

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ СЕЛА АРТЫН ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье приводится информация об основных формах деятельности школьного музея с. Артын Омской области, направленных на патриотическое, трудовое и культурное воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова: село Артын, Омская область, школьный музей, музейные проекты, патриотизм, экспозиция.

В 1970 г. в с. Артын был создан музей села и колхоза на базе начальной старой сельской школы. Уникальными экспонатами в нём были письмо жителей Иосифу Сталину и ответная телеграмма вождя, — рассказывал в 1980 г. в эфире омского радио директор музея Н. Бородин. Музей, посвященный труженикам и выдающимся людям села, просуществовал до конца 1990-х гг. Старое здание снесли, но часть музейных материалов передали средней школе, другие экспонаты перевезли в Муромцевский музей. В 1980-е гг. музеем руководила бывший учитель Екатерина Степановна Шадрина, часто проводившая в нём воспитательные мероприятия. В музее были четыре больших зала: трудовой, боевой воинской славы, истории Артына и творчества с. Артын.

С музеем сотрудничал Василий Семенович Аношин. В 1995 г. он в возрасте 98 лет писал артынским краеведам В. А. и Е. С. Шадриным: «Я заканчиваю писать Энциклопедию Большереченского района... По Артыну у меня много материала, целая история, но нужны ещё некоторые дополнения. Мне необходимо подробное описание места Артынского пионерского лагеря. Я очень давно не был в Артыне и не знаю, какие в нём произошли изменения, а в Энциклопедию его нужно внести обязательно... У меня есть подробная история Артына, а вот... сведений, какие вы прислали, у меня не доставало...»

Частыми гостями в зале трудовой славы были Герой Социалистического труда, председатель орденоносного колхоза «Заветы Ленина», подполковник в отставке Григорий Александрович Неворотов, заслуженный

© Бочкарева Т. В., 2022

агроном РФ Виталий Константинович Меньщиков, Виталий Дмитриевич Калашников — оператор машинного доения коров, заслуженный работник сельского хозяйства СССР и многие другие уважаемые труженики села.

Верно говорят: «Мать у человека одна и родина — тоже. Никем и ничем ее, как ни пытайся, не заменишь». Об этом говорится в книге «Записки председателя колхоза» Г. А. Неворотова, хранящейся в музее и рассказывающей о людях с. Артын, в том числе агрономах: Николае Алексеевиче Сорока, Владимире Гранине; тружениках фермы: Тамаре Михайловне Девятериковой, «породе Блиновых»; механизаторе Петре Павловиче Блинове — кавалере ордена Ленина, орденоносце Геннадии Константиновиче Менщикове, о Макаровых, Горносталевых, Епанчинцевых...

После знакомства с этой книгой краевед В. С. Аношин записал: «Рукопись книги Г. А. Неворотова прочитал от начала до конца, экономических показателей в ней нет, но люди, с которыми он... работал, описаны подробно. Много в Артыне замечательных и знатных людей, хотя у меня есть они... я теперь добавил много, сделал выписки и отпечатал на машинке шесть страниц».

В **Зале боевой славы** есть стенд с фотографиями участников гражданской войны и передаются рассказы Е. С. Шадриной о том, что в Артыне был свой Сусанин, который повел белых по неокрепшему льду Куруши (река между сёлами Артын и Карташово). Погибло много людей, пропало техники, а смельчак, фамилия которого осталась неизвестной, был расстрелян. В годы гражданской войны у с. Карташово в 5 км от Артына был взят в плен венгерский интернационалист Карой Лигети, расстрелянный в Омске. Венгерская делегация в 1970-е гг. была на месте его пленения и в музее с. Артын.

В Сибири не было войны, но в каждом парке обелиски. Под этим лозунгом в музее представляется период Великой Отечественной войны. Известно, что 279 сынов с. Артын сражались у стен Сталинграда, освобождали Польшу, Румынию, Болгарию, Чехословакию, дошли до Берлина, проливали кровь во льдах Заполярья и горах Кавказа. В музее было организовано поисковое движение школьников по сбору материалов о тружениках тыла и фронтовых подвигах земляках. На воротах домов фронтовиков прикреплялись символические красные звездочки. С. Артын воспитало трех Героев Советского Союза и Героев Социалистического труда. Так грамотно было поставлено патриотическое воспитание молодежи в те далекие и трудные годы.

На здании школы две мемориальные доски Героям Советского Союза: Василию Пахомовичу Чижову и Ивану Ивановичу Сухоручкину.

По воспоминаниям профессора К. А. Нефедовой: «Детство и юность Ивана Сухоручкина прошли в селе Артын Большереченского, а ныне

Муромцевского района, хотя родился он в селе Красный Яр этого же района. Я сидела с ним за одной партой. Ваня был хорошим товарищем, добрым, спокойным, никогда не слышала от него бранных слов» [1].

В послевоенные годы в Артынской школе работало шесть участников Великой Отечественной войны, отважно сражавшихся на фронтах и честно трудившихся на благо нашей Родины, выполняя свою главную задачу по воспитанию подрастающего поколения. На своих уроках они учили патриотизму, мужеству. Артынскую школу закончили воины-афганцы Александр Николаевич Чижов, Владимир Сергеевич Макаров, Александр Петрович Михайлов, Сергей Алексеевич Обыграйков и участники чеченской войны: Александр Васильевич Кривоносов, Евгений Яковлевич Брауэр, Павел Сергеевич Бережнов, Александр Сергеевич Колодов, Станислав Викторович Мухин, Вячеслав Юрьевич Фролов, Максим Владимирович Девятериков, Александр Валерьевич Евсеев, Александр Викторович Лабутин, Евгений Анатольевич Шадрин, Владимир Николаевич Девятериков, Сергей Владимирович Есаулов, Виктор Алексеевич Орлов.

Здесь учились главы Администрации Муромцевского района Михаил Алексеевич Печенин и Вячеслав Владимирович Девятериков, ставшие теперь частыми гостями в школьном музее. Почетным гостям музея была и Капитолина Алексеевна Нефедова, прошедшая нелегкий путь от школьного учителя до профессора, известного в России своими трудами по управлению учреждениями образования, подготовке и повышению квалификации учителей и руководителей школ.

В Артынской школе работали и учились заслуженные учителя России: профессор Капиталина Алексеевна Нефедова, Прасковья Афанасьевна Чистякова, Лидия Михайловна Склярова.

Зал истории Артына. В 2020 г. должны были отмечать 350 лет со времени основания Артына, но историки оспаривают эту дату. «Возникновение Артына относится к далекому прошлому и связано с походом Ермака, который открыл широкий путь для проникновения русских в Сибирь», — написано в книге «Где шумит Артынский бор» В. С. Аношина — автора многочисленных статей, опубликованных в местной периодической печати и посвященных истории Большереченского, Муромцевского и других районов Омской области [2]. Старейший краевед Прииртышья, а то и всей России, до последних своих дней собирал и публиковал краеведческие материалы, которыми будет пользоваться еще не одно поколение краеведов, историков, библиотечных работников, школьников и всех тех, кто интересуется историей родного края.

В зале истории Артына размещены кости мамонта и неизвестных животных, найденные школьниками на берегу Иртыша. В 1965 г. было обследова-

но неолитическое поселение — стоянка «Артын» на правобережье р. Иртыш, недалеко от устья р. Артын у с. Артын Муромцевского района. Оно расположено у края высокого (до 10 м) обрыва к речке и, по-видимому, в большей части разрушенное. Обнаруженный каменный инвентарь включает изделия из серовато-розовой яшмы, найдены и сосуды артынского типа, в изготовлении которых местные мастера достигли большого совершенства [3].

Артын конца XVIII в. — село-полуэтап, где ссыльные, которых гнали по Московско-Сибирскому тракту, преодолев половину пути (из 50–60 км этапа), останавливались на одну ночевку. По этой дороге в 1791 г. в Илимскую ссылку последовал Александр Николаевич Радищев. В советское время в память об этом событии в центре села был установлен памятник Радищеву и воспроизведены его слова: «Что за богатый край, что за мощный край сия Сибирь, потребны еще века, но, когда она будет заселена, она призвана играть большую роль в анналах мира».

В школе работает научное общество учащихся, занимающееся исследованием истории Артына и жизнедеятельности выдающихся людей села. По результатам изучения литературы и краеведческих материалов школьники сделали следующие заключения. Артынское поселение существовало в период неолита, его населяли ханты (финно-угорская группа народов), в более поздний период — татары, что нашло отражение в названии села. Возникновение Артына относится к далекому прошлому и связано с походом Ермака. Об этом свидетельствуют старые дома, «построенные на месте» на улицах Питюлиха и Блиновская, кладбища в Артыне, воспоминания старожилов и экспонаты школьного музея с. Артын.

Зал творчества Артына рассказывает о многих выдающихся художниках, писателях, исполнительницах частушек и песен, родившихся и проживающих в этом селе. О своей малой родине писал профессор, известный художник Андрей Фролович Тоболин — «Родные просторы глазами художника». Живописные работы мастера-сибиряка хранятся во многих музеях и частных коллекциях более полутора десятка стран мира: России, Англии, Франции, Германии, Японии, США, его картины украшают интерьеры детского дома и школы в родном Артыне.

«Ох, Артын у нас красивый и стоит на берегу. Я из этого Артына никуда не убегу!» — поет Валентина Степановна Горнасталёва, выдающаяся народная исполнительница уличных песен и припевок с трудовым стажем 43 года. За отличную работу ей были присвоены звание «Лучший по профессии» и государственная награда — орден «Знак Почета». Она участвовала в концерте «Играй, гармонь!», проходившем на сцене Государственного Кремлевского Дворца. В школьном музее есть портреты Валентины Степановны и ее семьи.

В книге о народном творчестве Муромцевского района, изданной в Москве, есть фотография Анны Максимовны Косаревой, чьи песни записывали знатоки фольклора из Омского педагогического университета.

В музее также представлены стихи и работы школьного сообщества «Соловушка», лучшие рисунки, авторами которых являются ученики школы, творящие под руководством местного художника Алексея Яковлевича Обыграйкова.

Привлечение молодежи к разнообразным видам народного творчества, причастность к культурному опыту прошлых поколений способствуют воспитанию подрастающего поколения. Деятельность Артынского школьного музея направлена на формирование патриотического, трудового сознания, повышение культурного уровня подрастающего поколения. При активном влиянии музея у школьников должно вырабатываться чувство гордости за свою Родину и свой народ, уважение к его великим свершениям.

---

1. *Нефедова К. А.* Годы жизни: преодоление: автобиографическая повесть. — 2-е изд. — Омск : Изд-во ИРООО, 2016. — 183 с.

2. *Аношин В. С.* Где шумит Артынский бор. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1968. — 152 с.

3. Периодизации поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья / В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова, О. М. Кондратьев [и др.] // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. — С. 12–51.

УДК 99/94

И. Н. Бутова, Л. И. Себелева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ДИОРАМЫ «КУРСКАЯ БИТВА. БЕЛГОРОДСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» ПО ФОРМИРОВАНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье рассматриваются представления истории в музейном пространстве как важнейший фактор общественного осмысления исторического прошлого, формирования и сохранения нашей исторической памяти.

Ключевые слова: Белгородский регион, музей-диорама, выставка, историческая память, музейный предмет.

© Бутова И. Н., Себелева Л. И., 2022

Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» занимает особое место среди музеев нашего региона. Это связано с тем, что его экспозиция и работа в целом посвящены увековечиванию памяти об одном из ключевых событий периода Великой Отечественной войны — Курской битве.

Общеизвестно, что центральным направлением деятельности практически всех музеев, имеющих военный профиль, является поиск, изучение, сохранение и распространение информации о военной истории государства, ратных подвигах его армии и народа. Данные музеи занимаются таким важным делом, как патриотическое воспитание детей и молодежи, формирование и сохранение исторического сознания и исторической памяти.

При этом, «говоря о музеях военной тематики нельзя не отметить, что специализированные на военной истории музеи существуют практически в каждой стране мира: военные потрясения за всю историю человечества не миновали практически не единой страны» [1, с. 393]. Всё сказанное выше вполне справедливо и по отношению к деятельности сотрудников Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление».

История создания самого музея-диорамы началась в 1983 г., когда отмечалась 40-я годовщина великого танкового сражения на поле под Прохоровкой. Партийные и общественные организации Белгорода и области обратились к Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову с просьбой увековечить этот бессмертный подвиг советской армии и народа, а конкретно создать в Белгороде «Зал боевой Славы». Строительство было разрешено, и такой зал открылся 9 мая 1985 г. — в 40-летний юбилей Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. В нём разместилась временная фотовыставка, однако было намечено и продолжение строительных и художественных работ (прежде всего — создание живописного полотна и связанного с ним предметного плана). «Зал боевой славы» постепенно превращался в музей-диораму.

Торжественное открытие диорамы произошло накануне очередного празднования Дня города — 4 августа 1987 г. В это время фонды диорамы насчитывали всего 460 экспонатов (к 2018 г. они достигли 16 985 единиц) [2].

Следует особо выделить уникальное по масштабам и исполнению цельнотканое художественное полотно диорамы «Огненная дуга», а также различное оружие и предметы снаряжения воинов-красноармейцев. Во внешней экспозиции музея были представлены образцы боевой техники времен Великой Отечественной войны.

В дальнейшем широко развернулся сбор предметов музейного значения. Для этого сотрудники нового музея определили главные темы

комплектования, наладили сотрудничество с советами ветеранов воинских подразделений, которые участвовали в сражениях на Курской дуге, а также с родственниками погибших в тех боях офицеров и солдат. В музей стали поступать армейские награды, газеты и документы, фотографии военных лет, фрагменты солдатского обмундирования и другие фронтовые реликвии.

В последующие годы пополнение коллекций музея-диорамы продолжилось. Они, в частности, раскрывают следующие темы: «Белгородцы — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Техника и вооружение», «Войска и органы НКВД в Курской битве», «Авиация в Курской битве», «Артиллерия в Курской битве», «Военная формы одежды и снаряжение», «Военно-историческая тема в произведениях искусства и литературы» и др. [2].

Поступлению в музей ценных в культурно-историческом отношении предметов способствуют и различные акции. Например, в 2009 г. сотрудники музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» стали инициаторами акции «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой…». В ходе ее проведения музейные фонды пополнились семейными реликвиями военных лет, поступившими от неравнодушных жителей нашего города и области, которые захотели и смогли поделиться со всеми людьми частицей истории своего рода. Акция «Музей — наше общее достояние» уже стала ежегодной. Она начала проводиться среди населения с 1998 г., благодаря ей в диораму передается на хранение немало ценных предметов, связанных с военной тематикой [2]. Заметим, что, помимо задачи пополнения фондов музея, такие акции выполняют еще очень важную задачу формирования и сохранения исторической памяти. Всё это необходимо, ведь «прошлое, как известно, изменить нельзя, но отношение к нему может изменяться с появлением новых фактов» [3, с. 329].

Разумеется, основу работы всякого музея составляет подготовка, организация и проведение выставок. В этом смысле Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» не является исключением. В своей деятельности он практикует передвижные выставки, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Так, весной 2021 г. состоялась выставка, приуроченная к празднованию Дня Победы. Это совместный выставочный проект; в нём приняли участие наш музей-диорама и Воронежский областной краеведческий музей. Выставка имеет характерное название: «Опаленные конверты». Главными «рассказчиками» этой экспозиции стали военные письма фронтовиков — жителей нашего региона, отправленные с передовой их близким и родным. Таким образом, образцы частной переписки,

наполненной бытовыми и личными подробностями, — фронтовые треугольники и простые почтовые карточки — становятся сегодня ценными документальными свидетельствами целой эпохи, трагической и героической одновременно.

Отметим, что эта выставка вызывает у посетителей очень сильный эмоциональный отклик и создает особый, ни с чем не сравнимый внутренний настрой. Это происходит потому, что ее посетители имеют возможность напрямую соприкоснуться с историей, проследить связь судеб конкретных людей, семей с событиями самой кровопролитной из войн, как бы «примерить» их на себя, благодаря этим уникальным, чудом дошедшим к нам через десятилетия фронтовым весточкам.

Помимо пожелтевших от времени солдатских писем, на выставке «Опаленные конверты» были также представлены подлинные фронтовые рисунки, сделанные рукой участников тех далеких сражений, различные предметы военного времени (гильзы, каски, солдатские фляжки, фрагменты обмундирования и проч.), карты фронтов, плакаты и информационный материал, рассказывающий о воронежском сражении. Всё это — бесценное и подлинное свидетельство событий отечественной и мировой истории, обращенное напрямую к нашим чувствам. Именно поэтому оно способно сделать для формирования и сохранения исторической памяти намного больше, чем патриотические речи и призывы [2].

Особого внимания заслуживает грандиозное начинание сотрудников музея-диорамы по созданию собственной электронной книги памяти.

Еще в 1989 г. стартовал масштабный проект создания Центрального банка данных «Книга Памяти». При Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела была начата обработка всей хранящейся в архивах информации о погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны советских военнослужащих. У их ныне живущих родственников появилась возможность узнать о судьбе, уточнить сведения об участниках войны. Сегодня в этой великой «Книге Памяти» имеются данные уже о примерно 20 млн защитников нашей Родины, а значит, стало намного меньше безымянных военных захоронений и «белых пятен» в историях семей России.

В 2008 г. эта уникальная база данных была размещена в сети Интернет, и тогда же работники музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» организовали для своих посетителей свободный доступ к данному электронному ресурсу. В 2009 г. эта система поиска информации была усовершенствована, и в музейном пространстве диорамы появился целый информационный комплекс с расширенными возможностями поиска необходимых сведений сразу в нескольких банках данных.

Кроме этого, со временем сотрудники музея разработали и собственные базы данных, например «Герои» (информация о советских воинах, получивших награды за подвиги, совершенные в ходе Курской битвы на Белгородском направлении).

Скажем и о том, что списки военнослужащих периодически пополняются и дополняются фотографиями воинов, их биографическими данными и снимками наградных листов. Любой из белгородцев или гостей нашего города может прямо в стенах музея обратиться к «Книге Памяти», чтобы узнать о судьбе воевавших в 1941–1945 гг. предков или же о местах их захоронения. Это важная часть практической деятельности Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» по формированию и сохранению исторической памяти. Ее значимость подтверждается теми благодарными отзывами, которые оставляют посетители музея. Вот лишь один пример: «Разве можно это забыть! Разве можно этого не знать! Я узнал о судьбе родного дяди и благодарен сотрудникам музея-диорамы за предоставленную мне возможность поклониться его праху» [2].

Совсем недавно, в 2020 г., Белгородский музей-диорама принял активное участие в интернет-акции под названием «Лица Великой Победы». В социальных сетях и на сайте самого музея были опубликованы фотографии наших земляков, участвовавших в Курской битве, с рассказами о каждом из них.

Говоря о практическом опыте данного музея по формированию и сохранению исторической памяти, следует проанализировать особенности проводимой им экскурсионной деятельности и связанных с ней программ и мероприятий. Помимо основной обзорной экскурсии «На земле опаленной», проводящейся по постоянной экспозиции музея-диорамы, разработаны выездные экскурсии Белгород — музей-заповедник «Прохоровское поле» и обзорная экскурсия по Белгороду, а также пешеходная экскурсия «Исторический центр Белгорода». Названные мероприятия не только интересны сами по себе, но и способны эффективно формировать и развивать у наших современников чувство уважения и гордости за предшествующие поколения. В целом они закладывают столь необходимую систему нравственных и ценностных ориентиров.

Помимо экскурсионных программ, работники Белгородского музея-диорамы предлагают детям и взрослым посетителям в рамках осуществления нового образовательного проекта «Искусство из бумаги» (Семейный досуг в музее) поучаствовать в мастер-классе по изготовлению оригами [2]. Этот увлекательный практический урок не только развивает креативность, пространственное мышление и мелкую моторику рук, учит концентрации внимания и чтению чертежи и, что немаловажно, расширяет кругозор.

Особо, на наш взгляд, интересны для детей и важны в плане формирования и сохранения исторической памяти такие музейные мастер-классы, на которых посетителей учат изготавливать из бумаги разнообразные фигурки военной техники (например, танк, самолет, пушка, корабль и проч.) и символические фигурки голубя и журавлика. Такая совместная работа непременно сопровождается рассказами сотрудников музея об искусстве оригами и о предметах, фигурки которых изготавливаются на данном занятии. В конце мастер-класса ребята могут унести с собой на память сделанное своими руками.

Богатый практический опыт Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» по формированию и сохранению исторической памяти имеет важное социокультурное значение. Планомерное накопление, изучение и систематизация материала, собранного в данном музее, позволяют активно использовать его при работе с посетителями разного возраста. При этом имеют место как традиционные, так и современные формы работы. Обширный опыт музея-диорамы, накопленный в данном направлении может быть использован и другими музейными учреждениями современной России.

---

1. *Щепотьев А. В.* Роль музеев военной тематики в воспитании молодежи (на примере Государственного учреждения культуры Тульской области «Музей военной истории Тульского края») // Проблемы экономики и информатизации образования : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. — Тула : Тул. ин-т экономики и информатики, 2013. — С. 393–397.

2. Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» // Культура.РФ : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/institutes/11339/belgorodskii-gosudarstvennyi-istoriko-khudozhestvennyi-muzei-diorama-kurskaya-bitva-belgorodskoe-napravlenie (дата обращения: 12.01.2021).

3. *Саралиева З. Х. -М., Балабанов С. С., Куконков П. И.* Историческая память поколений // Россия реформирующаяся. — 2010. — Вып. 9. — С. 325–338.

УДК 99/94

И. Н. Бутова, Л. И. Себелева

МУЗЕЙ-МАСТЕРСКАЯ БЕЛГОРОДСКОГО ГРАФИКА С. С. КОСЕНКОВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

В статье рассматривается деятельность мемориального музея-мастерской заслуженного художника РСФСР, белгородского графика С. С. Косенкова. Музей стал воплощением неординарной программы, ориентирующей зрителя на традиционные достижения изобразительного искусства, в то же время удовлетворяющей требованиям времени.

Ключевые слова: Белгородский регион, музей-мастерская, экскурсия, социокультурное пространство.

В последние годы можно наблюдать возросший интерес к роли музеев в социокультурном пространстве регионов. На музеи возлагается особая миссия: оставаясь хранителем культурно-исторических ценностей, стать анклавом культурной жизни региона. Такие изменения в социокультурной среде регионов способствуют разработке новых подходов к осмыслению места и роли музеев в культурной жизни городов, регионов, государства в целом [1].

Уникальным социокультурным явлением Белгородской области является филиал Белгородского государственного художественного музея — музей-мастерская заслуженного художника РСФСР, белгородского графика Станислава Степановича Косенкова, основанный на личной коллекции художника и его семьи. Научно-исследовательская работа сотрудников авторского музея не ограничивается только работой с представителями научной среды. По результатам научных консультаций сотрудников музея школьники Белгорода и Белгородской области неоднократно становились призерами в различных Всероссийских конкурсах и олимпиадах, участвуя в них с исследовательскими работами, посвященными жизни и творчеству С. С. Косенкова [2].

Организация нового музея одного человека, художника, жившего в советское время и входившего в плеяду крупнейших графиков страны, стало возможным благодаря беспокойству и личной заинтересованности губернатора Белгородской области Е. С. Савченко, а также поддержке Управления культуры Белгородской области, секретариата Правления Союза художников РФ, общественности Белгорода, Министерства культуры Российской Федерации. Тогда же были определены статус музея и его программа, заданы приоритетные направления работы музея: сохранение

© Бутова И. Н., Себелева Л. И., 2022

наследия С. С. Косенкова, глубокое научное исследование его творчества, просветительская, воспитательная и образовательная деятельность, популяризация творчества художника, создание камерной, элитной атмосферы, музейной достоверности и уюта.

Авторский музей — явление не новое, но чрезвычайно трудное и редкое. Удивительно, что до сих пор не существует полного перечня подобных музеев не только в нашей стране, но и в мире. Поэтому каждый музей подобного рода самостоятельно разрабатывает индивидуальную программу работы, определяет приоритетные формы взаимодействия с аудиторией, тем самым создавая уникальное музейное пространство.

В рассматриваемом случае о постоянной экспозиции речи не шло, поскольку графика не любит света и требует особого к себе отношения и хранения. Косенковские выставки сменялись экспозициями, составленными из работ коллег художника, его друзей, учеников, как подаренных ему в разные годы, так и рожденных уже после ухода Станислава Степановича из жизни.

Творческая атмосфера, сложившаяся в музее, кажется, сама подсказывала ход экспозиции, настраивала на поиск новых решений очередной выставки. С самого начала работы музея выставок было достаточно много, до десяти в год, включая выездные. Со временем стало ясно, что подобная эксплуатация хрупкой и нежной графики не только губительна, но и слишком затратна по времени, которое целесообразней было отдать на исследование самой коллекции, ее своеобразия и характера.

Выставочная деятельность музея С. С. Косенкова не ограничивалась показом работ художника только в Белгороде и области. Выставки из музея-мастерской С. С. Косенкова помнят Орел, Липецк, город-побратим Херне (Германия), театр народной артистки СССР Т. В. Дорониной, Дом ученых (Москва), в стенах которого работала выставка, посвященная юбилеям со дня рождения Ф. М. Достоевского. На ее открытии правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский признался, что не знает «лучшего иллюстрирования романа прадеда “Преступление и наказание”, чем иллюстрирование этой книги “блестящим белгородским графиком С. С. Косенковым”».

Старшему поколению чаще всего ближе сохранение привычных, классических форм показа. Молодежь бунтует, находится в поиске новых форм, как в самом изобразительном искусстве, так и в поиске вариантов показа своих работ. Очень точно, на наш взгляд, о форме высказался известный православный богослов Алексей Осипов: «Дух творит себе форму, и если поврежден дух, не может быть доброй формы». Отсюда вывод: следует придерживаться золотой середины в формах показов, экспозиций.

Для детей младшего школьного возраста вот уже вторую весну подряд музей Косенкова отмечает Всероссийский праздник кошки с обязательной выставкой, в которой участвуют как дети, так и взрослые профессиональные художники. В музее звучит колокольчик, весело зазывающий гостей в «Кошкин дом». Дети поют, танцуют, с восторгом рассказывают о своих любимцах, и эти милые рассказы благосклонно или строго выслушивают полосатые, рыжие, черные Пушки или Васьки, изображенные пастелью или карандашом, акварелью или даже маслом, вылепленные из пластилина или вышитые на салфетке. Уверены, эти дети вряд ли вырастут жестокими, никогда не возьмут в руки камень или рогатку, чтобы искалечить ласковое, уютное живое существо.

Нестандартные пути сотрудники музея С. С. Косенкова ищут и в научно-исследовательской работе. Серьезная научно-исследовательская деятельность музея началась с конференции под названием «Художественная культура провинции», посвященной 60-летию заслуженного художника РСФСР С. С. Косенкова. Это была первая проведенная музеем научно-практическая конференция, на которую съехались художники, писатели, искусствоведы, музейные работники, ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Орла, Курска, Харькова. Проведение конференции поддержал Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»). Общую и главную доминанту всем выступающим дал настоятель Преображенского собора Олег (Кобец), назвав творчество Косенкова ярким проявлением жизни нашего общества и должного отношения не только к памяти и таланту Мастера, но и к самим себе: «Понимаем ли мы, что такое культурные ценности и что они значат».

К 60-летию Станислава Степановича сотрудники музея подготовили и издали альбом «Станислав Косенков» с запоминающейся, пронзительной вступительной статьей поэта, писателя, публициста и друга художника, харьковчанина С. А. Минакова. Второй альбом о Косенкове был издан в более широком и подробном формате уже к 70-летию художника. Макет издания был выполнен сыном художника А. Косенковым.

Популяризации творчества С. С. Косенкова способствует и тесный контакт с преподавателями и студентами белгородских вузов — Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова (БГТУ), НИУ «БелГУ», Белгородский государственный институт искусств и культуры и Белгородский университет кооперации экономики и права.

Знаком уважения к творчеству и памяти Косенкова можно считать неоднократные приглашения сотрудников музея учеными Белгородского технологического университета к участию в ежегодных научных круглых столах, проходивших под рубрикой «Духовность. Нравственность. Про-

гресс». Большим событием в жизни музея и стимулом для повышения уровня музейной исследовательской работы была организация вузовскими преподавателями философии научного круглого стола, посвященного памяти Станислава Степановича. Большие возможности для научной и творческой работы дает участие в «Открытом белгородском фестивале памяти заслуженного художника С. С. Косенкова», проводимого Управлением культуры Белгородской области и сотрудниками музея. В архиве музея накопилось с десяток научных сборников с публикациями выступлений сотрудников на пленарных, секционных заседаниях научно-практических и международных конференций Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Белгорода.

В качестве совместного с вузом эксперимента удалось привлечь к посещению музея С. С. Косенкова преподавателей и студентов факультета исполнительского искусства Белгородского государственного института искусств и культуры с последующим проведением круглого стола в стенах музея-мастерской С. С. Косенкова.

Знакомя посетителей музея с искусством графики, рассказывая о различных графических техниках, сотрудники поняли необходимость проведения мастер-классов, позволяющих человеку самому стать на место художника, пройти путь сотворения графического произведения. Первым мастером, проводившим эти занятия, стал художник-график, заслуженный художник РФ В. В. Козьмин, преданный друг и ученик Станислава Степановича, а участниками смогли стать все желающие — и школьники, и студенты, и взрослые.

Дважды «Косенковские встречи» посещал известный режиссер синтетического театра «Октаэдр» Гедрюс Мацкявичюс со всей своей труппой и делился с нами радостью работы над балетами «Акварели любви» и «Айседора», показанными в день посвящения в студенты в концертном зале БГТУ им. В. Г. Шухова.

Структура помещения музея-мастерской С. С. Косенкова с большим столом в центре способствует организации пространства для широкой коммуникации. Поэтому естественной формой работы стали не классические экскурсии или лекции, а прежде всего беседы с посетителями, погружающие в интимно-личностный мир художника и его творчества, позволяющие зрителю на какое-то время стать другом, а иногда и сотворцом мастера.

Своим посетителям музей предлагает посетить экскурсии по выставкам, лекции по искусству графики, музейные уроки, мастер-классы по печати черно-белой линогравюры, мастер-класс по тряпичной кукле-самокрутке, мероприятия из цикла «Косенковские встречи», а также тематические выставки, раскрывающие социальную направленность творчества

С. С. Косенкова. В музее работает литературный лекторий, клуб «Точка пересечения», в котором проводятся концерты-«квартирники», камерные музыкальные вечера, просмотры авторского кино, встречи с выдающимися людьми, организация научных круглых столов, методических и методологических семинаров. Всё это репрезентирует музей-мастерскую как культурный центр, цели и задачи развития которого направлены на усиление социализирующей функции музея, позволяющей вести просветительскую работу, ориентирующую зрителя на традиционные достижения изобразительного искусства и удовлетворяющую требованиям времени [2].

Основной целью выставочных проектов в музее-мастерской С. С. Косенкова является демонстрация широкого творческого диапазона художника, показа лучших работ Косенкова, апробированных на крупнейших выставках, в том числе зарубежных. Сотрудники стремились доказать себе и миру, что музей графика такого масштаба не только имеет право на существование, но и может сказать свое веское авторское слово в музейном деле и дополнить всё, что недооткрыто и недосказано об уникальном творце и человеке. В целом научно-исследовательская работа ведется посредством изучения фотографий, книг, материалов с пометками художника, его рабочих тетрадей, дневников, статей.

Выставки, представленные музеем-мастерской С. С. Косенкова «Земную жизнь пройдя до половины», «Жизнь прожить», «Художник и книга», «Формула шедевра», «Житие не одной бабы», «Эхо войны», «Найду ли краски и слова», ставили своей целью не только привлечь внимание к показу графики и живописи зрелого, профессионально-состоявшегося художника со своим особенным почерком, голосом, отношением к миру, но и приоткрыть так называемую творческую кухню мастера со всей ее сложностью и спецификой [2].

На основании вышеизложенного можно заключить, что социальные и технологические инновации в современном музее-мастерской С. С. Косенкова интегрируются в экспозиционно-выставочное пространство, создают новые возможности для его деятельности, трансляции информации посетителям. Представленный музей обладает значительным социокультурным потенциалом и имеет непреходящее значение в развитии культурной жизни Белгородского региона.

1. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. — М. : ВК, 2003. – 614 с.

2. Информационно-научный сборник Белгородского государственного художественного музея. Вып. 1 / ред. Т. А. Лукьянова, Н. В. Свиридова. — Белгород : Белгор. обл. тип., 2014. — 219 с.

УДК 908

Н. В. Елизарова

МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОМСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ

В статье анализируются деятельность музейного отдела Омского академического театра драмы, роль С. В. Яневской (1941–2014) в основании и формировании музейной коллекции.

Ключевые слова: музей, музееведение, театр, Омск, С. В. Яневская.

Любое яркое, неординарное явление культуры начинается с самобытной творческой личности. Для музейного отдела Омского академического театра драмы такой личностью стала его основатель, театральный критик, историк театра, заслуженный работник культуры России Светлана Васильевна Яневская (1941–2014). Это имя для театрального мира легендарное. Светлана Васильевна пришла в театр в 1973 г., долгие годы бережно и скрупулезно собирала и хранила материалы об истории театра, спектаклях, режиссерах, актерах. Лично встречаясь и общаясь со многими знаковыми для омской культуры людьми, получая от них в дар редкие фотографии, документальные материалы, она существенно обогатила новой информацией историю Омского драматического театра.

Без преувеличения можно сказать, что С. В. Яневская при жизни была личностью полифоничной, поистине ренессансной. Ее наследие внушительно: огромное количество авторских газетно-журнальных публикаций, книг биографического содержания, посвященных отдельным омским артистам, исследований по истории Омского драматического театра и театральной жизни Омска. Ее заслугой является создание уникальной книжной биографической серии «Мастера сцены», посвященной выдающимся омским артистам: Александру Щёголеву, Валерию Алексееву, Наталье Василиади, Елене Псарёвой, Валентине Шершневой, Валерии Прокоп, Алексею Теплову, Борису Каширину, Елизавете Романенко. Всего в указанной серии выпущено девять книг. С. В. Яневская подготовила три основательных труда по истории Омского драматического театра, вышедших в 1975, 1983, 2004 г., ее театральные рецензии и обзоры регулярно публиковались на страницах журналов «Письма из театра», «Театр», «Театральная жизнь», «Петербургский театральный журнал», «Страстной бульвар, 10», «Омск театральный», а также в местной газетной периодике («Омская правда», «Вечерний Омск» и др.). С. В. Яневская являлась основательницей и бессменной ведущей салона «Ретро». В стенах театра ею инициировано проведение многочисленных театральных выставок, встреч, поэтических

© Елизарова Н. В., 2022

вечеров, презентаций книг. Заслуживает внимания и тот факт, что будучи человеком разносторонним и творческим, она сама являлась драматургом одной из пьес, поставленных на сцене Омского академического театра. В соавторстве с Н. А. Мокиным была написана пьеса «Беседы при ясной луне» по мотивам рассказов В. М. Шукшина.

Как мы уже упомянули выше, идея создания музея Омского академического театра драмы принадлежала С. В. Яневской, которая в 1973–1987 гг. заведовала литературной частью. В 1987 г. она возглавила музейный отдел театра (музей и поныне носит статус музейного отдела, отдельного помещения не имеет). Свою главную задачу С. В. Яневская видела, прежде всего, в области комплектования музейного фонда — собирании и сохранении предметов и документов, отражающих историю и тенденции развития театра драмы.

В составе музейного фонда театра драмы хранятся печатные и вещественные документы, которые условно можно разделить на несколько видов:

– управленческая документация (циркуляры, распоряжения, приказы комитета по делам искусств, приказы директора театра, документы отдела кадров, включая личные дела артистов, сведения о личном составе, штатное расписание, репертуарные планы театра, программы спектаклей, акты и протоколы по приему спектаклей, годовые отчеты о деятельности театра, протоколы заседаний художественного совета, книги учета спектаклей, расписание спектаклей и репетиций);

– фотографии и негативы (снимки сцен из спектаклей, фотопортреты актеров в жизни и в ролях, писателей-драматургов, режиссеров, художников и других театральных деятелей, групповые портреты, снимки зданий театра и его интерьеров и др.);

– видео- и аудиоматериалы;

– афиши и программы театра;

– рецензии на спектакли, вырезки из газет о театре;

– книги об омских театрах и театральных деятелях;

– наградная документация (почетные грамоты коллективу театра), памятные статуэтки различных фестивалей;

– декорационно-изобразительные материалы (эскизы костюмов, декораций, сценического оформления);

– предметы театрального быта, личные вещи актеров.

Отметим, что значительная часть делопроизводственных материалов, фотодокументов передана на хранение в Исторический архив Омской области, где театр имеет собственный архивный фонд — Р-1203. Из театра на хранение в архив переданы печатные документы (1248 единиц), видео

(55 единиц), позитивы фотодокументов (296 единиц). Хронологические границы театрального архивного фонда — 1930–2016 гг.

Из документов, находящихся на хранении в музее, несомненный исследовательский интерес представляют личные дела прославленных корифеев Омского театра драмы (актеров, режиссеров, художников, руководителей): Александра Щёголева, Ножери Чонишвили, Татьяны Ожиговой, Николая Чиндяйкина, Елены Псарёвой, Геннадия Тростянецкого, Якова Кижнера, Артура Хайкина, Евгения Марчелли, Светланы Ставцевой, Марии Логвиновой и др., в которых содержатся фактические сведения биографического характера о театральных деятелях, в том числе фотоснимки, собственноручно написанные автобиографии. Все эти документы — ценный источниковый ресурс для научно-исследовательской работы по истории театра.

Выставочная деятельность музея отражает историю и наполненную событиями современную жизнь театра. В выставках отражается творчество нынешнего поколения актеров, режиссеров, художников театра драмы, достижения последних лет. Особое внимание уделяется юбилярам сцены. Так, в 148-м театральном сезоне 2021/22 г. в фойе основной сцены театра были устроены юбилейные выставки к 50-летию актрисы Анны Ходюн и актера Владислава Пузырникова, 60-летию актера Сергея Оленберга, 65-летию актрис Татьяны Прокопьевой, Татьяны Филоненко, Марины Кройтор, актера и режиссера Николая Михалевского; 80-летнию актрис Элеоноры Кремель, Валерии Прокоп, 90-летию со дня рождения народного артиста России Ножери Чонишвили, 100-летию со дня рождения актрисы Елены Псарёвой.

Ежегодно к открытию очередного театрального сезона готовится новая выставка, функционирующая с сентября по июль, которая устраивается в фойе основной сцены. В фойе камерной сцены регулярно экспонируются картины известных омских художников. Например, с сентября по декабрь 2021 г. устраивалась выставка картин Владимира Чупилко «Драма в раме».

Из экспозиций минувшего театрального сезона хотелось бы выделить выставку, посвященную 200-летию Ф. М. Достоевского «На сцене — Достоевский. К 200-летию великого русского писателя». Она размещалась в фойе основной сцены театра (ноябрь-декабрь 2021 г.) и отражала творчество писателя «в театральном статусе». На сцене драмтеатра Достоевский ставился несколько раз, буквально с первых лет открытия нового здания. Инсценировались самые выдающиеся романы классика — «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Омск был в числе первых провинциальных российских городов, увидевших «Братьев Карамазовых»

и «Преступление и наказание», благодаря гастролям петербургского актера Павла Орленева в 1910 г. В советский период Ф. М. Достоевского ставили в 1920-е гг., потом после долгого периода забвения в 1974 г. Яков Киржнер осуществил инсценировку романа «Преступление и наказание». В 1980 г. режиссер Артур Хайкин поставил спектакль «Село Степанчиково и его обитатели», названный критиками новаторским. Исполнителями центральных ролей Опискина и Ростанева стали звезды сцены тех лет — народные артисты РСФСР Борис Каширин и Ножери Чонишвили. Новую версию постановки этого же произведения осуществил в 2001 г. Олег Рыбкин в 2001 г. Роль Опискина в нём исполнял народный артист РФ Евгений Смирнов. В 1990 г. в традициях идеологического театра был поставлен спектакль «Униженные и оскорбленные», автором которого стал художественный руководитель Берлинского «Трансформ-театра», польский режиссер Генрих Барановский. Режиссер Лев Стукалов в 1994 г. обратился к постановке спектакля «Игрок» с народной артисткой России Еленой Псарёвой в главной роли. В 2009 г. Олег Рыбкин поставил спектакль «Дядюшкин сон» с народным артистом России Валерием Алексеевым в роли Князя К. К 200-летию Ф. М. Достоевского в театре появился еще один спектакль по роману «Преступление и наказание» — «Свидригайлов. Сны». Режиссер Георгий Цхвирава поставил спектакль на экспериментальной площадке театра в пространстве под сценой. В роли Свидригайлова выступил заслуженный артист РФ Александр Гончарук.

Экскурсионная работа является одним из направлений деятельности музейного отдела. Посетителям экскурсий: школьникам, студентам, взрослым поклонникам театра — в доступной, увлекательной форме рассказывается об артистах, режиссерах, художниках, прославивших омскую драму далеко за пределами региона. Помимо рассказа об истории и современной жизни омских актеров академического театра демонстрируется самый важный в театре процесс, постановка спектакля, с посещением закулисья и театральных цехов.

Музейные отдел Омского академического театра принимает участие в ежегодных всероссийских культурных акциях: «Ночь искусств», «Экскурсионный флешмоб». На подобных мероприятиях, как правило, проводится экскурсия по театру, театральным цехам, основной сцене с рассказом об истории и устройстве театра, а также устраивается творческая встреча с артистами в форме беседы. Участники такой встречи имеют возможность взять автограф у любимых артистов.

Главным назначением музея драматического театра является отбор, хранение и экспонирование музейных предметов, отражающих факты, события и явления театральной жизни, а также исследовательская работа.

В настоящее время одним из масштабных проектов, в которых участвуют сотрудники музея, является подготовка юбилейного издания, посвященного 150-летию театра драмы. Музейная деятельность театра имеет четко выраженную педагогическую направленность, реализуемую во время проведения музейных экскурсий. Перспективы музея Омского драматического театра видятся в создании специфического музейного пространства в выделенном под музейную экспозицию помещении.

УДК 069

Л. А. Иванова

МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФОРМА РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СТАРИНА СИБИРСКАЯ»

Статья посвящена одной из ведущих форм работы музея-заповедника «Старина Сибирская» — массовым праздникам. Событийные мероприятия погружают посетителей в историческое событие и привлекают их внимание своей интерактивностью.

Ключевые слова: музей-заповедник «Старина Сибирская», народный праздник, музей, обряд, обычай, семейный, традиция.

Культурно-образовательная работа музеев в современный период приобретает большое значение не только для успешного развития и деятельности самих музеев, но и для исторического и культурного развития общества.

В настоящее время музей находится в острой конкурентной борьбе за своих посетителей в связи с появлением альтернативных возможностей проведения досуга: телевидением, интернетом, компьютерными играми и др. Для приобретения постоянных посетителей музеи стали разрабатывать и применять на практике новые формы культурно-образовательной деятельности: интерактивные экскурсии, музейные праздники.

Жизнь каждого человека состоит из чередования будней и праздников, противопоставление которых можно считать ключевым и определяющим в контексте народной культуры. Празднично-обрядовая культура является неотъемлемой частью духовной культуры каждого этноса. В праздниках и обрядах народное творчество проявляется достаточно ярко. Поскольку праздник является важнейшей первичной формой человеческой культуры, постольку обращение к его исследованию является актуальным и востребованным. Народный праздник — это не просто досуг, это форма совместной деятельности, в которой актуализировались сущностные связи,

© Иванова Л. А., 2022

и в совместном «проживании» праздничного времени должны были участвовать все [1].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова праздник трактуется как день, особо отмечаемый обычаем или церковью, свободное время и развлечение [2, с. 578]. В. Н. Топоров определяет праздник в архаичной мифопоэтической и религиозной традиции как «временный отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институциональное (даже если оно носит импровизированный характер) действо» [3, с. 823]. Праздник как явление культуры обладает рядом признаков: наличием праздничного времени, настроения, общения, реально-идеального или условного поведения, ситуации, свободы.

Необходимо также отметить важное значение праздника, выполняющего многообразные функции, среди которых основными являются: коммуникативная, регулятивная, эмоционально-психологическая, идеологическая, нравственно-воспитательная, компенсаторская. В структуру праздника вплетены обычаи и обряды, между которыми не существует резких граней. «Обычай» трактуется как понятие более широкое, чем понятие «обряд». Обычай — «установленное правило поведения в данной этнической общности». Обряд — «это… такая разновидность обычая, цель и смысл которой — выражение (по большей части символическое) некой идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием» [4]. Обрядность — это совокупность установленных обычаем действий, в которых воплощаются мировоззрение, бытовые традиции и стереотипы поведения. На всех ступенях исторического развития обряды пронизывали собой весь общественный, семейный и индивидуальный быт, во многом внешне оформляя его, придавая ему эмоциональную и идеологическую окраску. Семейные и календарные праздники и обряды складывались на протяжении многих тысячелетий, аккумулируя важнейшие события в жизни человека.

Процесс трансформации традиционных праздников, начавшийся с середины XIX в. и обусловленный развитием новых социально-экономических отношений, усилением влияния городских форм культуры, продолжался и в начале XX в. Большинство праздников сохраняли традиционную основу, сложившуюся на базе многовекового синтеза языческих, христианских и общественно-гражданских элементов. Ко второй половине XX в. праздничная обрядность русского населения Сибири сохраняла немало традиционных черт. Обязательным компонентом праздника являлись песни и пляски. Вопросы создания и внедрения новой обрядности, соответствующей новому уровню развития социалистического общества, начали активно обсуждать

как в исследовательском, так и в практическом плане с 1960-х гг. Наряду с социально-экономическим и политическим факторами существенное воздействие на функционирование праздников в XX в. оказали религиозный, этнический и нравственно-психологический. Немногим позже в праздничной-обрядовой культуре стали происходить процессы, характеризующиеся исчезновением обычаев и обрядов, связанных с непосредственной трудовой деятельностью. К концу XX в. практически исчезли многочисленные престольные праздники, уходят в прошлое обрядовая одежда и обрядовая поэзия. Отдельные традиционные элементы праздников исчезли, другие частично сохраняются и трансформируются, приспосабливаясь к изменяющимся условиям российской действительности. Наряду с этим появляются новые элементы и праздники, которые постепенно с течением времени превращаются в традицию. Современные праздники и обряды, с одной стороны, отличаются большим разнообразием, с другой — унификацией отдельных ритуальных действий. Разнообразие современных праздников во многом объясняется тем, что они порождаются реальностью и лишены сакральности. Поляризация российского общества по уровню доходов и увеличение количества социальных страт с ориентацией на различные традиции (народные, советские, религиозные, западные, восточные и т.д.) породили многообразие форм празднично-обрядовой культуры к концу XX в. [5].

В связи с этим в музее-заповеднике «Старина Сибирская» особое значение имеют музейные праздники. Постепенно накапливался опыт их проведения, шел отбор, обоснование: какие праздники проводить, исходя из специфики музея, как их проводить на территории, в чём специфика.

В результате за годы работы музея-заповедника «Старина Сибирская» проведение музейных праздников стало неотъемлемой частью его работы. Сложилась определенная концепция этого вида музейных мероприятий, которая включает свои специфические требования к проведению мероприятий на открытом воздухе в природной среде архитектурно-этнографического комплекса музея-заповедника. Важную роль играет познавательная и историческая составляющая, культурологическая, этнографическая направленность действий во время праздника.

Каждый музейный тематический праздник — это своеобразная система познаний. Ежегодно накапливался опыт их проведения на территории музея-заповедника, а сами праздники стали традицией и важной составной частью его работы. Праздники способствуют познанию и сохранению самобытной культуры народа, знакомству с ней массовой аудитории посетителей, что является определяющим в музейной работе.

Праздники на территории музея-заповедника можно разделить на две категории: массовые праздники с привлечением большого количества

посетителей, связанные с традиционными гуляньями, и проекты, имеющие историко-культурное и этнографическое значение.

В результате изучения спроса посетителей, работы над содержанием праздников, их оснащением, сложилась система проведения праздничных мероприятий и стабильная система взаимоотношений музея и социума. В настоящее время музей-заповедник «Старина Сибирская» проводит народные гуляния: «Масленка», «Красная Горка», «Троица», «Иван Купала», «Спасы». Самым массовым и зрелищным праздником народного календаря является «Масленица». Сегодня, как и в былые времена, этот праздник встречают с размахом: с песнями и частушками под гармошку, солнечными хороводами, веселыми играми. Старинные усадьбы музея-заповедника оживают, люди веселятся, ходят в гости, устраивают гулянья, угощаются блинами. В «городе мастеров» можно поучиться ремеслу. На «мостке влюбленных» проходит чествование семейных пар. Как только завечереет, все веселой гурьбой отправляются на состязания: «Стенка на стенку», «Взятие снежного городка» — и сжигание чучела Масленицы. Масленица набирает популярность, и количество посетителей растет из года в год.

Сотрудничество с православной церковью играет значительную роль в передаче духовно-нравственных ценностей и традиций. На территории музея-заповедника «Старина Сибирская» в 2005 г. была построена детская церковь имени святого Александра Невского, где проходят службы с участием и помощью детей. Чтобы привить им основы православного воспитания, проводятся беседы «От Рождества Христова до Крещения», на которых разучиваются и исполняются духовные стихи.

Особенность таких праздников в том, что они как бы раздвигают границы музея. Музейное значение приобретают духовные традиции народа, мастерство, обряды и ритуалы, национальное искусство. Праздник служит их сохранению и возрождению. Проведение праздника представляет собой попытку вернуть к жизни традиционную форму отдыха человека. В этом заключается самая большая привлекательность праздника в музее-заповеднике «Старина Сибирская» для людей, которые пытаются обрести утраченные традиции проведения праздников как одной из форм бытования культурного наследия.

---

1. Определение праздников и обрядов в народной культуре // Bstudy : [сайт]. — URL: https://bstudy.net/907759/iskusstvo/opredelenie_prazdnikov_obryadov_narodnoy_kulture (дата обращения: 13.05.2022).

2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — М. : А ТЕМП, 2007. — 944 с.

3. *Топоров В. Н.* Праздник // Мифы народов мира : Энциклопедия. — М., 1980. — Т. 2. — С. 329–331.

4. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев // CoolLib : [сайт]. — URL: https:/coollib.com/b/394724/read (дата обращения: 13.05.2022).

5. *Жигунова М. А.* Праздники и обряды русской семьи в середине XX — начале XXI вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 1 (23). — С. 472–479.

УДК 94+902/904

Б. Ю. Кассал, Б. А. Коников

МУЗЕЕФИКАЦИЯ КОНСКОЙ УЗДЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Музеефикация конской узды из средневекового курганного могильника Ирча I на территории лесостепного Прииртышья, кроме экспонирования собственно археологического экспоната, должна сопровождаться соответствующими материалами, отражающими процесс создания узды, ее использования и исторического единства конной культуры на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: музеефикация, конская узда, раннее Средневековье, Западная Сибирь.

С началом времен античности и до начала классического Средневековья содержание одомашненных лошадей представителями угорских охотничье-скотоводческих племен стало системным [1, с. 28; 2, с. 56]. Одновременно в Среднем Прииртышье начался процесс формирования конной культуры. На памятниках эпохи раннего металла обнаружены костяные псалии, раннего железного века — железные удила и подпружные пряжки [3, с. 394; 4, с. 66], другие артефакты. Особенно активно формировалась конская амуниция с эпохи раннего средневековья, во второй половине I тысячелетия н. э. [5, с. 38]. До недавнего времени упряжь эпохи раннего Средневековья с территории Среднего Прииртышья оставалось вне поля зрения исследователей.

Найденная в Среднем Прииртышье ирчинская конская узда раннего Средневековья является ценнейшим археологическим артефактом. Однако концепция подачи этого артефакта в качестве объекта музейного показа до настоящего времени не проработана. Цель работы — предложить музеефикацию ирчинской узды как объекта музейного показа.

Объектом музеефикации является конская узда раннего Средневековья. В работе применены методы графической реконструкции. Рисунки выполнены авторами.

Основные результаты. Узда происходит из средневекового курганного могильника Ирча I (раскопки 1969 г.) Большереченского района

© Кассал Б. Ю., Коников Б. А., 2022

Омской области, которая 40 лет хранится в Музее археологии и этнографии ОмГПУ [3, с. 393]. Памятник был датирован VII–IX вв. н. э. и связан с потчевашской культурой [6, с. 207].

Узда представляет собой фрагмент конской упряжи для верховой запряжки, о чём свидетельствует ее украшенность декоративными металлическими элементами: для тягловой постромочной/оглобельной запряжки узду обычно не украшают. Имеющиеся детали и декоративные украшения узды соответствуют ранее описанным для тюркского мира второй половины VIII — первой половины IX в., она имеет лишь незначительные конструктивные отличия с конской сбруей из захоронений древнетюркского времени на территории Республики Алтай [7, с. 4; 8, с. 184; 9, с. 16]. Относительно высокая сохранность фрагментов ирчинской конской узды позволила выполнить ее качественную реконструкцию и сделать достаточно полное описание [3, с. 395].

Для экспонирования предлагается собственно фрагментированная узда, уложенная на планшете/стенде в порядке, определенном проведенной реконструкцией, с подписанными элементами (рис. 1).

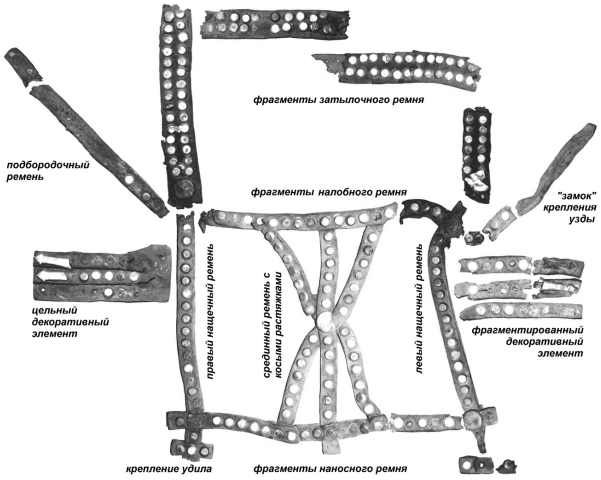

Рис. 1. Размещение фрагментов ирчинской узды в процессе реконструкции. Автор — Б. А. Коников

Она сопровождается макетом головы лошади (желательно примитивной породы, «киргизки») в натуральную величину с надетым на нее новоделом — имитацией реконструированной узды (рис. 2).

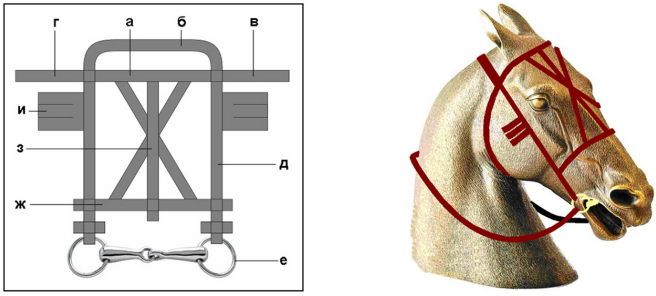

Рис. 2. Конструкция ирчинской узды (слева): а — налобный ремень; б — затылочный ремень; в — «замок», крепящий узду на голове лошади; г — подбородочный ремень; д — нащечные ремни; е — удила; ж — наносный ремень; з — срединный ремень с косыми растяжками; и — декоративные элементы; к — повод (авт.); новодел — имитация реконструированной узды на макете головы лошади (справа)

Эти два экспоната должны сопровождаться соответствующими комментариями, дополненными:

– фотографиями и схемой раскопок с текстовой характеристикой территории, с фотографиями авторов раскопок и обнаружения конской узды, авторов реконструкции и описания узды (В. А. Могильников (1932–2002) — автор раскопок и находки; Б. А. Коников (1947 г. р.) и Б. Ю. Кассал (1956 г. р.) — соавторы реконструкции и описания узды);

– описаниями и иллюстрациями процессов выделки бычьей/лошадиной кожи, изготовления металлических заклепок-украшений узды и элементов удила;

– описаниями и рисунками узды аналогичной конструкции того же временного периода, найденной на Алтае (например, из могил памятника Кудыргэ, из захоронения древнетюркского времени у с. Жана-Аул Республики Алтай [7, с. 4]) и подтверждающей единство конской культуры Западной Сибири;

– описанием снаряжения раннего железного века конного воина и его лошади в сопровождении крупноформатных цветных рисунков и, возможно, небольшого скульптурного макета всадника с соответствующей экипировкой.

Экспозиция может быть дополнена другими известными археологическими находками деталей конской амуниции с территории Среднего Прииртышья (из грунтового могильника Окунево III, курганных могильников Мурлинка I и II, Мурлинского городища, из курганов у с. Иртышское (Изылбаш) и с. Рамантеево): железными стременами, удилами, бронзовыми

и костяными подпружными пряжками с костяными или железными язычками, бронзовым затыльником рукояти и металлической рукоятью плетей, бронзовой пряжкой для чумбура, накладкой и тройником [8, с. 184; 10, с. 80; 11, с. 20; 12, с. 28].

Таким образом, артефакт уникальной сохранности может быть достойно представлен в экспозиции краеведческого музея в виде ее полноценного фрагмента. Предлагаемая полноценность экспозиции призвана демонстрировать возможности музеефикации артефакта для воссоздания быта людей эпохи раннего железного века.

Выводы:

Экспозиция конской узды раннего железного века должна сопровождаться, кроме собственно археологического экспоната, соответствующими материалами, отражающими процесс создания узды, ее использования и исторического единства конской культуры на территории Западной Сибири.

Экономический расчет по подготовке экспозиции конской узды выполняется в соответствии с материальными возможностями экспонента.

---

1. *Кассал Б. Ю.* История коневодства в Омской области // Табунное коневодство на юге Средней Сибири : материалы науч.-практ. конф. — Абакан, 2014. — С. 26–31.

2. *Кассал Б. Ю.* Развитие коневодства в Омской области // Национальные приоритеты России. — 2019. — № 2 (33). — С. 54–65.

3. *Кассал Б. Ю., Коников Б. А.* Псалии из южно-таежного Прииртышья // IV Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : ОГИК музей, 2017. — С. 393–396.

4. *Кассал Б. Ю., Коников Б. А.* Конская узда из Ирчи. Омская область. Эпоха раннего средневековья // Вестн. Ом. ун-та. Исторические науки. — 2018. — № 3 (19). — С. 64–73.

5. *Коников Б. А.* «Тюркская триада» (вооружение, поясная гарнитура, конское снаряжение) как один из компонентов культур раннего и развитого средневековья Омского Прииртышья // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск : Наука, 2013. — С. 35–48.

6. *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье // Археологические открытия. — 1970. — Т. 1969. — С. 206–207.

7. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л. : Наука, 1965. — 112 с.

8. *Могильников В. А.* Культуры лесного Прииртышья // Археология СССР : в 20 т. / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. — М. : Наука, 1987. — Т. 17: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — С. 183–202.

9. *Худяков Ю. С., Кочеев В. А.* Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. — 1997. — № 3. — С. 10–18.

10. *Могильников В. А., Коников Б. А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. — 1983. — № 2. — С. 78–88.

11. *Коников Б. А.* Рамантеевский и Изылбашский могильники степного Прииртышья (по материалам раскопок В. П. Левашовой) // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тезисы докл. — Омск : ОмГУ, 1992. — Ч. 1. — С. 19–21.

12. *Матющенко В. И., Татаурова Л. В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. — Новосибирск : Наука, 1997. — 197 с.

УДК 069.01

О. Г. Кирьянова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИБИРСКИХ СВЯТЫХ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ СИБИРИ

Статья посвящена особенностям репрезентации в региональных музейных экспозициях, созданных религиозными организациями РПЦ, деятельности сибирских святых. Анализируются категории канонизированных РПЦ подвижников Сибири, живших до и после 1917 г. На конкретных примерах показана специфика создания церковных музейных экспозиций, посвященных как отдельным персоналиям, так и социально-общественным явлениям, связанным с их служением.

Ключевые слова: музей, церковный музей, православие, Сибирь, сибирские святые.

Культ святых, воспринятый нашими предками в X в., после крещения Руси, вместе с другими духовными традициями православной Византии, в основе своей предполагает различные формы храмового почитания. Вместе с тем уже в домонгольскую эпоху возникла практика сохранения в церковных ризницах предметов, имеющих мемориальную ценность, в том числе личных вещей выдающихся духовных и светских лиц еще до официального признания за ними статуса святого.

Уже в XVII столетии ризницами храмов и монастырей, в первую очередь служивших складами богослужебных облачений, книг, утвари, начинают усваиваться музейные функции, они становятся доступными для посетителей. В 1880-е гг. на основе ризниц как протомузейных форм и частных коллекций создаются первые институции собственно музейного назначения — церковно-археологические и церковно-исторические кабинеты и древлехранилища, призванные хранить и презентовать памятники церковного искусства и культуры. Именно тогда закладывается основа сети музейных учреждений РПЦ. Сегодня после вынужденного многолетнего перерыва эта сеть динамично развивается, РПЦ предпринимает последовательные усилия по музеефикации своего тысячелетнего материального

© Кирьянова О. Г., 2022

и нематериального наследия. Значительное место в этом наследии, охватывающем различные аспекты церковной деятельности, занимает история святости, личного подвига русских святых. Разумеется, здесь речь идет не о доминировании конкретного этноса, а о том аскетическом опыте и практиках, которые сложились под эгидой РПЦ.

Православное подвижничество, будучи явлением восточно-христианской духовной культуры, многообразно по форме и имеет свою специфику в зависимости от эпохи и региона. В дореволюционной Сибири начиная с XVII в., доминирующую роль играло миссионерство, проводниками которого вначале были монахи. В XVIII–XIX вв. наряду с ними народ чтил праведных мирян, образ жизни которых был максимально близок к монашескому идеалу.

В 1984 г. по инициативе митрополита Омского и Тюменского Максима (Крохи), поддержанного Патриархом Московским и всея Руси Пименом, учреждается новое празднование в честь Собора Сибирских святых. В него первоначально было включено 31 имя сибирских подвижников XVIII — начала XX в. [1].

В церковных музейных экспозициях Сибири нашли отражение жизнь и труды троих: святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, преподобного Макария (Глухарева), праведного Симеона Верхотурского. Следует отметить, что все эти экспозиции создавались в условиях крайней скудости вещественных источников, во многом объясняемой сложными обстоятельствами бытования предметов, связанных с церковной историей в 1920–1980-х гг.

В 2014 г. в действующем Спасском мужском монастыре Якутии (Якутск) была открыта мемориальная келья святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, уроженца Иркутской губернии, выдающегося миссионера, просветителя коренных народов Сибири и Дальнего Востока, автора не только духовных текстов, но и трудов по этнографии, географии и языкознанию. Экспозиция разместилась в братском корпусе и представляет собой реконструкцию интерьера комнаты духовного лица в XIX в. В общей сложности святитель Иннокентий прожил в этом монастыре около восьми лет — с 1852 по 1860 г., в бытность епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, поскольку Якутия входила в состав этой новообразованной епархии. По своему типу мемориальная келья относится к парамузеям, поскольку подлинных вещей Вениаминова здесь не сохранилось, облик воссоздавался из предметов, соответствующих реконструируемому периоду [2]. Само здание также является новоделом, возведенным на месте прежнего братского корпуса монастыря, ранее уничтоженного пожаром.

Православный музей Свято-Николаевского мужского монастыря (Верхотурье), открывшийся в 1996 г., стал одним из первых музейных учреждений в новейшей истории РПЦ. Музей имеет комплексный профиль с преобладанием церковно-краеведческой тематики, в экспозиции преимущественно отражены этапы истории местных храмов и монастырей. Отдельный раздел посвящен праведному Симеону Верхотурскому, жившему в XVII в., преимущественно обретению и перенесению его мощей. Предметный ряд включает фрагменты мраморной плиты из усыпальницы Симеона, образцы православной иконографии этого святого, а также различные издания житий, включая дореволюционные [3].

Деятельность архимандрита Макария (Глухарева) — первого руководителя миссии, созданной в 1830 г. для христианизации алтайцев и шорцев — отражена в экспозиции Музея истории Алтайской Духовной миссии (Бийск) [4], Музея истории православия на Алтае (Барнаул) [5], музея «Свет веры в горах Алтая», являющегося частью мемориального комплекса при храме Михаила Архангела с. Мыюта (Шебалинский район Республики Алтай) [6]. Музейное повествование строится на немногих подлинных предметах, имеющих отношение не столько к конкретной персоналии, сколько к деятельности миссии в целом. Это, например, богослужебная утварь, использовавшаяся миссионерами при служении в поездках, издания Священного Писания в переводах на языки автохтонного населения. В большей степени в экспозиции задействован фотографический материал, а также этнографические находки, иллюстрирующие быт коренных алтайцев.

Вторую, гораздо более многочисленную группу святых Сибири составляют новомученики XX в. Речь идет о тех репрессированных священниках, монахах и прихожанах, имена которых уже одобрены для общецерковного почитания. Исповеднический подвиг сибирских святых новейшего времени находит отражение в экспозициях Музеев Новомучеников. Это музеи монографические, презентующие историю конкретных подразделений ГУЛАГа. Например, доминирующей темой Музея храмового комплекса Новомучеников и Исповедников Церкви Русской в Норильске является деятельность «Норильлага» [7], Церковно-исторического музея при храме Новомучеников и Исповедников церкви Русской в п. Ложок Новосибирской области — деятельность Искитимского штрафного лагеря СИбЛага. Их экспозиции за счет включения обладающих высокой экспрессивностью и аттрактивностью подлинных предметов быта заключенных, а также деталей интерьера лагерных камер и бараков, оказывают серьезное эмоциональное воздействие на посетителей. При этом важную роль играет присутствие в витринах личных вещей, семейных и следственных фотографий репрессированных священнослужителей. Например, в музее в Ложке

выставлены подобные предметы, принадлежавшие священнику-новомученику Николаю Ермолову [8].

Наиболее распространенным экспозиционным приемом является обособление материала, связанного с новомучениками, в отдельный тематический раздел церковного музея исторического профиля. В этом случае все персоналии рассматриваются как входящие в региональное сообщество святых, объединенные схожими обстоятельствами жизни и кончины, например новомученики Зауралья в Успенском Далматовском мужском монастыре [9], кузнецкие — в Музее истории Православия на Земле Кузнецкой [10], алтайские — в Музее истории православия на Алтае [11]. Предметный ряд этих экспозиций свидетельствует о репрессиях в целом как явлении общественно-политической жизни страны 1920–1950-х гг. События локальной истории, связанные с отдельной личностью, предстают частью единого процесса гонений на Церковь. Иногда собрание личных вещей пострадавшего за веру духовного лица или выявление связанного с этим лицом недвижимого объекта служит основой формирования более обширного музейного собрания. Именно так, например, возник музей женского монастыря в честь Похвалы Пресвятой Богородицы Шадринской епархии, где ядром музейных фондов стали предметы, принадлежавшие священномученику Аркадию Горяеву, а сама экспозиция разместилась в комнате дома, принадлежавшего этому священнику [12]. Однако и в случае музеефикации церковного наследия, связанного со святыми новейшего времени, вещественные источники крайне малочисленны, поскольку многое из того, что было связано с репрессированными духовными лицами, умышленно уничтожалось властями или родственниками жертв гонений.

Подводя итог анализу церковных музейных экспозиций Сибири, отражающих деятельность сибирских святых, можно констатировать, что эти экспозиции в целом немногочисленны, создаются в условиях скудости вещественных источников; музейное повествование часто строится на вспомогательных материалах, отражающих не столько биографию конкретной персоны, сколько социально-общественные и исторические условия деятельности РПЦ в Сибири в изучаемый период.

---

1. Минея июнь. Часть 1. — М. : Изд. совет РПЦ, 2002. — С. 325–348.

2. Пермикина Н. А. Келья святителя Иннокентия при Спасском мужском монастыре г. Якутска // Сб. тр. Якут. дух. семинарии. — 2018. — Вып. 5. — С. 43–47.

3. Православный музей // Свято-Николаевский Верхотурский мужской монастырь : [сайт]. — URL: http://monastyr.org/pravoslavnyj-muzej.html (дата обращения: 30.06.2022).

4. Музей // Бийская епархия : [сайт]. — URL: https://biysk-eparhia.ru/muzey/ (дата обращения: 30.06.2022).

5. Музей истории Православия на Алтае // Алтайская миссия : [сайт]. — URL: https://missia.eparhia.ru/museum/ (дата обращения: 30.06.2022).

6. В Мыюте открылся церковный музей // Новости Горного Алтая : [сайт]. — URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/13353 (дата обращения: 30.06.2022).

7. Музей при храме Новомучеников и исповедников Церкви русской // YouTube : видеохостинг. — URL: https://youtu.be/3gIPaJv5YbI (дата обращения: 30.06.2022).

8. Церковно-исторический музей при храме в честь Новомучеников и исповедников Церкви русской на Святом источнике Искитимского района // Сохраним наследие : [сайт]. — URL: https //orthmuseum.ru/museumtwo (дата обращения: 25.06.2022).

9. Монастырский музей // Успенский Далматовский мужской монастырь : [сайт]. — URL: https://www.dalmate.ru/muzej.html (дата обращения: 30.06.2022).

10. Новомученики и исповедники Земли Кузнецкой // Музей истории Православия на Земле Кузнецкой : [сайт]. — URL: https://mitropolia42.ru/muzey/54 (дата обращения: 30.06.2022).

11. Музей истории Православия на Алтае // Алтайская миссия : [сайт]. — URL: https://missia.eparhia.ru/museum/zal/ (дата обращения: 30.06.2022).

12. Монастырский музей // Женский монастырь Похвалы Богородицы : [сайт]. — URL: http://borovskoe.cerkov.ru/monastyrskij-muzej/ (дата обращения: 30.06.2022).

УДК 069

О. А. Крынина

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «СТАРИНА СИБИРСКАЯ» — МУЗЕЙ ЖИВОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена деятельности музея-заповедника «Старина Сибирская». Показана структура музея-заповедника. Описаны формы и методы работы с посетителями, а также работа в интернете в условиях пандемии.

Ключевые слова: музей-заповедник, «Старина Сибирская», экспозиционные зоны, интерактивные приемы, картинная галерея, краеведческий музей.

Одним из целесообразных путей организации музеев-заповедников может стать, как показала практика, объединение нескольких профильных учреждений культуры. В 2013 г. на основе слияния Большереченского историко-этнографического музея, национального археологического и природного парка «Батаково» и историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» был создан Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В настоящее время, органично сочетая в своей

© Крынина О. А., 2022

деятельности статорную (постоянное пополнение, сохранность и научная обработка фондов) и роторную (внедрение адаптированных к социокультурным реалиям музейных продуктов) функции, данный музей-заповедник имеет необходимый потенциал для создания новых экспозиционных пространств, а также для расширения сферы своего влияния в регионе на основе активного освоения нематериального этнокультурного наследия [1, с. 116].

Музей-заповедник «Старина Сибирская» получил официальный статус и название «Омский государственный историко-культурный музей-заповедник “Старина Сибирская”» в 2014 г. Он расположен в районном центре Большеречье, что на 200 км севернее областного центра Омска. В состав музея входит 15 историко-архитектурных памятников XIX — начала XX вв., 5 из которых являются памятниками регионального значения, музейные коллекции, памятники археологии, уникальные по своей первозданной сохранности, и природный парк с богатым флористическим составом (395 видов высших растений, в том числе 33 вида редких и исчезающих, занесенных в Красную книгу).

Архитектурно-этнографический комплекс музея-заповедника включает экспозиционные зоны: «Святая Русь» (детская церковь святого благоверного князя А. Невского, колокольня Георгия Победоносца, памятник Георгию Победоносцу), «Купеческие усадьбы» (дом П. Гладкова, 1904 г., дом Н. Гладкова, 1904 г., дом А. Кубрина, конец XIX в.), «Крестьянские усадьбы» (изба переселенца П. Дроздова, XIX в., дом ямщика Копьева, XVIII в.), «Торговля в Сибири» (торговая лавка братьев Гладковых, начало XX в.), «Промыслы и ремесла» (интерактивные мастерские, где возрождаются старинные ремесла — ткачество, вышивка, прядение, вязание, народный костюм, обработка бересты, гончарное, кузнечное). Основная экспозиционная зона комплекса расположена в исторической части поселка, где жили зажиточные крестьяне и купцы. Сегодня об этом напоминают дома на высоком подклете, богато украшенные резьбой. Все объекты компактно расположились на ул. Советов (ранее ул. Верхняя). Действующие экспозиционные зоны не изолированы друг от друга, а связаны в единую сюжетную линию. Посетителям представляется уникальная возможность увидеть «живую историю».

Краеведческий музей был основан как народный музей в 1959 г. В основу коллекции музея легла личная коллекция писателя и краеведа В. С. Аношина. За это время музейный фонд получил значительное приращение. На 31 декабря 2021 г. в фондах музея-заповедника «Старина Сибирская» числилось 21 512 предметов, из них 15 895 — основного фонда, 5617 — научно-вспомогательного. В музее работают восемь экспозицион-

ных залов, в которых представлены различные стороны истории и культуры Большереченского района Омской области.

В фондах картинной галереи хранится коллекция из более 300 работ профессиональных и самобытных художников. Имеются картины народных художников России А. Н. Либерова, К. П. Белова, а также произведения известных омских художников А. А. Чермошенцева, В. В. Кукуйцева, А. А. Шакенова, Г. А. Штабнова, А. С. Макарова, Г. С. Катилло-Ратмирова и др.

В настоящее время музей-заповедник предлагает посетителям более 40 видов услуг: экскурсии, развлекательно-игровые программы, участие в реконструированных традиционных обрядах и календарных фольклорно-этнографических праздниках. Коллектив специалистов разрабатывает и реализует программы, адресованные широкой аудитории — от детей до пенсионеров. В 2021 г. музей-заповедник посетило 60 400 человек, что на 10 700 больше, чем в 2020 г., проведено 77 массовых мероприятий, работало 59 выставок в музее и за его пределами.

Интерактивные приемы — основная форма работы музея-заповедника. Каждая экспозиция музея — целое театрализованное представление, создающее условия естественного «проживания» в собственной культуре, вовлекающее посетителя в диалог, ролевую игру. Посетителей учат обращаться с традиционными орудиями труда, разучивают с ними старую песню, забытый танец, угощают блюдами национальной кухни. Такое вовлечение посетителей в активную деятельность не только интересно, но и уникально как возможность «прожить несколько часов» жизнью своих предков.

В течение года проходят мероприятия по популяризации народной праздничной культуры. Это всеми любимые и почитаемые праздники: Рождество, Масленица, Пасха, Троица, Иван Купала, Спас, Покров и др.

На базе «Старины Сибирской» реализуются крупномасштабные проекты, направленные на сохранение культурного наследия Омского Прииртышья: «Возрождение народной, праздничной культуры в музее-заповеднике “Старина Сибирская”», «Сохранение, реставрация и реконструкция объектов культурного наследия Омского Прииртышья», «Формирование активной творческой личности через изучение традиционной русской культуры», «Возрождение и развитие утраченных народных промыслов и ремесел Омского Прииртышья в музее-заповеднике “Старина Сибирская”», «Церемония русского чаепития — традиция духовного единения».

Музей-заповедник «Старина Сибирская» — это не только пространство для получения новых знаний, проведения научно-исследовательских

работ, это еще и территория для увлекательного отдыха. Более 10 лет с большим успехом реализуется проект «Сибирские Владения Деда Мороза». В 2020 г. этот бренд был запатентован музеем. Каждый год растет число участников этого проекта. В декабре 2021 — январе 2022 г. более 5 тыс. омичей и гостей посетили Владения Деда Мороза.

В условиях пандемии акцент в работе музея-заповедника пришлось перенести в онлайн-формат, что во многом расширило горизонты для наших потенциальных посетителей. На сайте музея, в социальных сетях удалось показать музей изнутри: экспозиционные залы, фонды, мастер-класс по традиционным ремеслам и декоративно-прикладному искусству, видеоэкскурсии и др. В 2020 г. в связи с пандемией информационная деятельность претерпела существенные изменения, что повлекло за собой плотную систематическую работу с информационным контентом. Безусловно, это принесло положительные результаты и сыграло большую роль в продвижении и популяризации музея-заповедника в интернете, расширении его аудитории и увеличении количества подписчиков, посетителей сайта и социальных сетей. Аудитория сайта за год выросла почти на одну треть, публикаций в социальных сетях Instagram*, «ВКонтакте», «Одноклассники», Youtube, Facebook* стало намного больше. В 2020 г. музей завел аккаунт в «ТикТок», где уже зарегистрировано 390 подписчиков.

Приведем статистику за 2019–2020 гг., собранную через платные сервисы. Общее число посетителей электронных представительств музея в 2019 г. составило 30 тыс. чел., 2020 г. — более 50 тыс., количество посетителей сайта соответственно — 16 931 (2019), 21 304 (2020), группы в «Одноклассниках» — 7039 (2019), 5667 (2020). Охват аудитории составил 316 711 пользователя, группы «ВКонтакте» — 5041 (2019), 22 851 (2020), профиля Instagram* с 26 ноября по 25 декабря 2020 г. — 1795, показы — 60 714 (статистика за год собирается через платные сервисы).

В интернете была проведена масштабная рекламная кампания «Сибирских Владений Деда Мороза», создана «посадочная» страница на официальном сайте музея-заповедника, куда приводились посетители через таргетированную рекламу в поисковой системе Яндекс. Реклама также была запущена в соцсетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram* и «ТикТок» и привела в музей много новых посетителей. Самая большая активность пользователей и наиболее эффективный прирост наблюдался в Instagram* [2].

Ежегодно музей-заповедник принимает участие в региональных, федеральных и международных конкурсах, форумах, фестивалях, выставках.

* Принадлежит компании Meta, запрещенной в РФ.

В 2021 г. проекты музея-заповедника вышли в финал конкурса X Национальной премии в области событийного туризма Russian Event Awards в Ульяновске и получили высокую оценку жюри конкурса. «Фольклорный праздник Масленица широкая в Старине Сибирской» в номинации «Лучшее этнокультурное событие» занял третье место, проект «Сибирские Владения Деда Мороза» в номинации «Лучшее детское туристическое событие» занял второе место.

За время существования музея-заповедника значительно расширилась география туристического потока — это и Омский регион, регионы Сибири и Дальнего Востока, Центральный и Западный федеральные округа. Увеличилось число представителей ближнего и дальнего зарубежья. Налажены долгосрочные дружеские отношения с Казахстаном, Китаем. В музее встречали гостей из Великобритании, Нидерландов, Германии, Белоруссии, Тибета, Швейцарии, Турции, США, Франции, Болгарии, Польши и др.

Значимая роль музеев-заповедников в освоении наследия Сибирского региона, в том числе музея-заповедника «Старина Сибирская», может усилиться «в рамках перспективного тренда — геобрендинга территорий — путем глобального позиционирования их как престижных брендовых объектов, инициаторов интеграции в индустрию туризма, креативную экономику» [1, с. 117].

---

1. *Шелегина О. Н.* Музеи-заповедники Сибири: опыт и перспективы в освоении культурного наследия // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017 . — Т. 24, № 2. — С. 114–118.

2. Публичный отчет музея-заповедника за 2020 г. // Музей-заповедник «Старина Сибирская» : [сайт]. — URL: https://starinasib.ru/images/tini/2022_02/6987505312182e38e898c9654d05f741.ppt (дата обращения: 20.06.2022).

УДК 260.1.304.44

О. Э. Мишакова

МУЗЕЕФИКАЦИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В представленной статье автор определяет значение миссионерской деятельности РПЦ на территории Западного Забайкалья (современной Бурятии). Анализируется и характеризуется выставочная деятельность Национального музея Республики Бурятия по презентации уникального православного наследия из фондов историко-краеведческого центра музея. Показывается роль музеефикации культовых объектов, спасенных в 1930-е гг. при разрушении и разграблении храмов на всей территории страны, превращенных в музейные предметы, благодаря размещению в кафедральном Одигитриевском соборе г. Верхнеудинска (современный Улан-Удэ), сначала антирелигиозного музея, затем фондов музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное наследие, выставочная деятельность, музеефикация, презентация наследия, историко-краеведческий центр им. М. Н. Хангалова Национального музея Республики Бурятия.

Религия в настоящее время играет большую роль в общественной и государственной жизни, является основой духовной культуры. Православие в Российской Федерации представлено РПЦ, старообрядческими объединениями, рядом неканонических (альтернативных) православных организаций русской традиции. Сегодня РПЦ — крупнейшее религиозное объединение на территории государства. По мнению члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко, в современной России проявляется постепенная реализация модели с господствующей православной религией [1, с. 3]. Действительно, на данный момент можно говорить, что РПЦ в расцвете своего влияния на общество и государство. Представители церкви принимают участие в политической жизни России, выпускается церковная литература, пользуются популярностью теле- и радиопрограммы, созданы интернет-порталы, личные блоги священнослужителей, проводятся ярмарки и тематические выставки в музеях.

РПЦ оставила заметный след в освоении Бурятии, оказала влияние на все сферы жизни местного населения. Первыми представителями РПЦ в Забайкалье стали русские служилые люди, появившиеся в этих краях в 1640-е гг. В отрядах казаков были духовные лица, облеченные равной властью с воеводами и наравне с оружием и мечом не менее успешно действовавшие крестом и молитвой. Со строительством острогов обязательно

© Мишакова О. Э., 2022

возводились часовни, позже церкви. Каждое культовое сооружение не может обойтись без храмовой утвари, являющейся неотъемлемой частью ежедневных богослужений. Традиционно утварь изготовлялась из дерева и металла, в том числе из драгоценного (золота и серебра).

Первая православная церковь Забайкалья — Баргузинская острожная Спасо-Преображенская церковь — была построена в 1648 г. В 1681 г., по повелению царя Федора Алексеевича, благословенного патриарха Иоакима, в Забайкалье отправлена первая духовная миссия (Даурская), призванная распространить веру Христову среди коренного населения края. Даурской миссией основаны Свято-Троицкий Селенгинский (1683) и Спасо-Преображенский Посольский (1701) монастыри.

В 20-е гг. XVIII в. была создана самостоятельная Иркутская и Нерчинская епархия, в состав которой вошло и Забайкалье. Духовенство епархии приняло самое активное и непосредственное участие в хозяйственном освоении и культурном развитии края [2]. Было сооружено большое количество православных храмов, многие из которых являлись настоящими архитектурными шедеврами и стали украшением и гордостью Западного Забайкалья (Бурятии). В XVIII — первой половине XIX в. духовенство епархии занималось созданием школ и собиранием библиотек, принимало участие в исследовании края: природы, истории, этнографии, быта, языка и верований коренных жителей, переводом священных книг на бурятский язык.

К началу XX в. Западное Забайкалье представляло собой многонациональный и поликонфессиональный регион, где на протяжении нескольких веков происходило взаимодействие и взаимовлияние шаманизма, буддизма, православия, старообрядчества, иудаизма, католицизма. При этом доминирующее положение по количеству прихожан принадлежало РПЦ [3].

Революционные события 1917 г. внесли радикальные перемены в церковно-государственные отношения. В 1920 г. на территории Бурятии была установлена советская власть, приступившая в том числе к решению религиозного вопроса, начав активную политику по претворению в жизнь основных положений Декрета об отделении церкви от государства и всех общественных институтов.

В период антирелигиозных гонений многие предметы православного культа были уничтожены или утрачены. Однако большую роль в сохранении и музеефикации православного наследия сыграли музеи, в том числе антирелигиозный отдел Бурятского национального музея, фонды которого в то время размещались в здании Одигидриевского кафедрального собора.

В настоящее время полноценными коллекциями предметов православного культа обладают историко-краеведческий центр им. М. Н. Хангалова и художественный центр им. Ц. Сампилова в составе Национального музея Республики Бурятия. Предметы православного культа, утраченные или изъятые с приходом советской власти в XX в. из разрушаемых церквей, монастырей, часовен и храмов, сегодня стали уникальными и сохранились до настоящего времени. Сохранение и изучение подобных предметов становится актуальным не только для духовенства, исследователей и научных сотрудников музеев, но и для общества в целом. Они являются ценнейшими репрезентативными источниками по истории православия, определенные группы предметов православного культа несут высокую художественно-эстетическую ценность.

Национальный музей дважды открывал выставку «Свет веры православной». В 2011 г. она была приурочена к великому православному празднику Рождества Христова, в 2019 г. — к 10-летию Улан-Удэнской и Бурятской епархии. По концептуальному замыслу авторов выставки историко-краеведческого центра Национального музея республики Бурятия все экспонируемые предметы — подлинники. В ней отсутствовали как воспроизведения предметов (копии, макеты, муляжи и т. п.), так и научно-вспомогательный материал (карты, схемы, таблицы, диаграммы). Выставку предварял основной — ведущий текст, содержащий информацию по истории проникновения православия в Забайкалье, раскрывал значимость миссионерской деятельности в регионе и повествовал о современном состоянии и деятельности РПЦ в Бурятии. Экспонаты сопровождались пояснениями, лаконичным, включающим основные атрибутивные сведения этикетажем. Основная задача выставки — с использованием тематико-иллюстративного и коллекционно-систематического экспозиционных методов показать историю проникновения и распространения православия в Забайкалье. Для достижения этого научные сотрудники использовали ряд экспозиционных приемов.

Например, был выделен экспозиционный центр с ведущим экспонатом. В данном случае этим экспонатом стала плащаница «Положение во гроб», расположенная в центральной части экспозиционного пространства и наделенная особой смысловой нагрузкой. Вокруг нее был применен прием «разрядки» путем создания пустого пространства, чтобы ничего не отвлекало посетителя при просмотре центрального экспоната. Иконография плащаницы включала в себя гроб с телом Христа, в центральной части возле гроба стояли оплакивающие его Богоматерь, апостолы, Магдалина и ангелы.

Все выставленные экспонаты можно разделить на три типа музейных источников: вещественные, письменные, изобразительные. Первая группа

Рис. 1. Кресты-мощевики, богослужебная утварь (фрагмент выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

Рис. 2. Головной убор — митра (экспонат выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

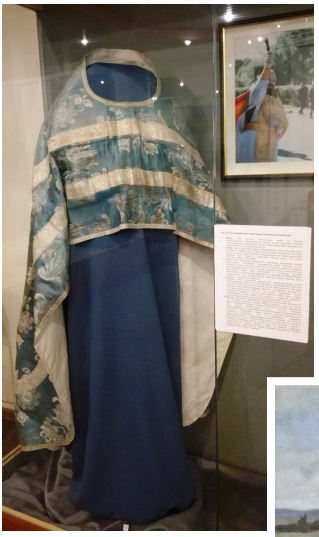

Рис. 3. Богослужебное одеяние епископа (экспонат выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

Рис. 4. А. Ф. Андронов «Крещение бурят», 1938 г. (экспонат выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

Рис. 5. Икона «Николай Чудотворец» в серебряном окладе, начало XIX в., Россия, дерево, серебро, темпера, чеканка (слева); икона «Успение Богородицы» в серебряном окладе, конец XVIII века, дерево, левкас, серебро, темпера (справа) (фрагмент выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

Рис. 6. Икона Божьей Матери (экспонат выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

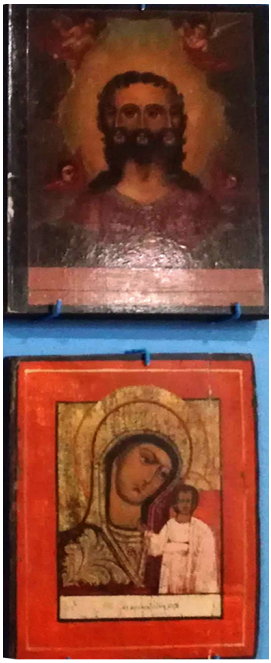

Рис. 7. Икона верхняя «Трехликий Христос», икона нижняя «Казанская Божья Матерь» (экспонаты выставки «Свет веры православной», Национальный музей Республики Бурятия, 2019, фотография О. Э. Мишаковой)

источников была представлена богослужебной утварью, одеянием, крестами, колоколами, деревянной статуей Нила Столобенского. Утварь представлялась дискосом, потирами, звездицей, лжицами, ковшом, дароносицами, дарохранительницей, священными сосудами и жезлом.

Интерес посетителей вызвало большое разнообразие крестов (рис. 1). Кресты-мощевики представлялись в трех видах. Весьма аттрактивен деревянный крест-распятие, выполненный в технике темперы и позолоты. Редким является выставленный крест-напрестольный. Богослужебное одеяние было представлено облачением епископа, в состав которого входят саккос, епитрахиль, поручи, палица, омофор и сулок, головной убор — митра (рис. 2). Всё одеяние расшито золотыми нитями (рис. 3).

Колокола, которые поступили в музей в 30-е гг. XX в., выставленные в нижнем экспозиционном ярусе, красноречиво демонстрировали антирелигиозную политику в годы советской власти.

К письменным источникам относятся богослужебные книги: псалтырь, Евангелие, служебник на монгольском языке. На выставке экспонировались два Евангелия, изданные в Москве. Самая ранняя книга датируется 1764 г.

Изобразительные источники были представлены иконами, образками, картиной и плащаницей (рис. 4). Как известно, иконы являются самыми значимыми культовыми предметами в православном храме. Решив сделать на этом особый акцент, экспозиционеры расположили их так, чтобы во время осмотра создавалось впечатление, что иконы окружают и сопровождают посетителей (рис. 5, 6). Так, на выставке были представлены три уникальные иконы: Святой Христофор, Трехликий Христос (рис. 7) и Святой Великомученник Никита.

Эмалированные образки с изображением двунадесятых праздников (двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии) на выставке посвящались событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы.

Немаловажное значение для раскрытия и понимания темы имеет архитектурно-художественное решение и дизайнерское оформление объемно-пространственной среды экспозиционного ансамбля. В оформлении выставки использовалась легкая непрозрачная ткань белого цвета, что придавало пространству легкость и возвышенность, визуально расширяло его. Цвет и освещение как активные компоненты архитектуры выставочного объема ансамбля являются средством формирования эстетического облика, оказывают значительное влияние на восприятие тематических комплексов, создавая комфортные условия для осмотра экспонатов. Преобладающим цветом выставки являлся белый цвет, символизирующий в православии невинность, чистоту, святость, сияние Божественной славы. Кроме того,

данный цвет в выставочном пространстве выполняет и утилитарную функцию. Имея высокий коэффициент отражения, белый цвет способствует повышенной освещенности при условии, что в зале полностью отсутствует естественный свет. Три подиума были выкрашены и накрыты тканью красного цвета. Этот же цвет присутствовал в оформлении всех витрин, это символизировало торжественность и кровь Христа. Под ведущим текстом дизайнеры оформили пространство в светло-желтый цвет, переходящий в желтый, потом в золотистый, далее в светло-коричневый и затем в темно-коричневый цвет. Перечисленная гамма цветов в православных канонах иконописи символизирует образ Божьего присутствия, вечности и благодати. Таким образом, всё пространственное решение было достаточно аскетично, что продиктовано темой выставки и не отвлекало внимание посетителей.

Итак, в Бурятии история православия насчитывает более 350 лет. Как и все православные церкви, храмы Бурятии в настоящее время восстановлены и открыты для прихожан. В республике достигнут уникальный опыт мирного, уважительного сосуществования многих конфессий, православие наряду с буддизмом занимает лидирующие позиции. Раритетные культовые предметы XVIII–XX вв. бережно музеефицированы, изучены и презентуются в каталогах и выставках Национального музея Республики Бурятия.

---

1. *Тощенко Ж. Т.* Государство как субъект теократии // Социологические исследования. — 2007. — № 2. — С. 3–14.

2. *Наумова О. Е.* Иркутская епархия в XVIII — первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1997. — 24 с.

3. *Цыремпилова И. С.* Русская православная церковь и власть в контексте социокультурной модернизации (на материале Байкальской Сибири) // Власть. — 2008. — № 10. — С. 80–84.

УДК 904(47).084.5/6:069

Е. В. Огуренко

НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЙНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ*

В тезисах рассматривается вовлечение краеведческих организаций и музейных учреждений в социалистическое строительство начала 1930-х гг. Анализируются основные всесоюзные акции, в которых приняли участие советские краеведы и музеи. Делается вывод о сужении функций музейно-краеведческих организаций до поддержки хозяйственного развития, содействия индустриализации.

Ключевые слова: советское краеведение, Уральское бюро краеведения, музеи Урала, Урало-Кузнецкий комбинат, геологический поход краеведов.

С началом первой пятилетки связывается новый этап в развитии СССР. Индустриализация затронула все сферы жизни страны, в том числе краеведческое движение и музеи. Музеи в 1920–1930-е гг. являлись центрами краеведческого движения на местах. Спецификой краеведческого движения этого периода является сочетание научной деятельности (изучение природы, истории, быта по просвещению, науке), просвещения и содействия развитию промышленности. Если для 1920-х гг. характерно превалирование работы по первым двум направлениям, то в 1930-е гг. наибольшее значение приобретает служение интересам социалистического строительства [1, с. 68].

Вовлечение краеведов и музеев в народнохозяйственную деятельность началось гораздо раньше. Еще в 1927 г. председатель Уральского бюро краеведения (УБК) Я. А. Истомин провозглашал: «В центре внимания всех краеведческих организаций должны стать вопросы, тесно связанные с народным хозяйством, с развитием производительных сил» [2, с. 6–7]. В 1930 г. председатель Уралплана Б. В. Дидковский требовал «увязки краеведческой работы с гигантскими проблемами пятилетнего плана хозяйственно-культурного строительства области, подчеркивал, что только эта программа должна и может быть программой уральского краеведения» [3, д. 428, л. 15а].

30 марта 1931 г. выходит Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по развитию краеведческого дела». Этот акт декларировал новые задачи краеведения: «Изучение производительных сил и природных богатств страны,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)»

© Огуренко Е. В., 2022

изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны, изучение, в частности, вопросов поднятия урожайности, внедрения новых культур, выявления новых предметов экспорта и прочее» [4, с. 62–63]. С этой целью краеведческие организации подвергались дальнейшей централизации, их деятельность регламентировалась.

Во исполнение этого постановления в том же 1931 г. в совместном письме Уральского областного бюро краеведения (далее — УОБК) и Уральского областного совета профсоюзов (Уралпрофсовета) к райсоветам, фабзавкомам, рабочкомам, шахткомам, районным бюро краеведения и краеведческим ячейкам Урала прозвучал призыв «объединить мощное движение за встречный план с краеведческим движением, как общественной организацией, проводившей массовую исследовательскую работу» [3, д. 1802, л. 1]. Предполагалось, что это направит работу уральских краеведов на развитие Урало-Кузнецкого комбината. В письме УОБК и Уралпрофсовет предлагали создавать краеведческие ячейки при общезаводских планово-оперативных группах из 2–5 человек, а в цеховых планово-оперативных группах — из 3 человек. Краеведческие ячейки должны были привлекать инициативных рабочих и инженеров-рационализаторов и организовывать научно-исследовательскую работу. Руководство краеведческими ячейками возлагалось на местные бюро краеведения, которые должны были утверждать планы и методы своей работы с профсоюзными организациями. Краеведческую работу предполагалось увязать с мобилизацией фабрично-заводской общественности на борьбу «за углубление научно-исследовательской разработки встречного плана второй пятилетки» [3, д. 1802, л. 2–3].

Помимо «организационно-научного» направления, продолжалась работа по традиционным направлениям — сбор материалов по изучению местного транспорта, режиму вод, выявлению возможности строительства новых предприятий, домов отдыха и санаториев в районе Урало-Кузнецкого комбината [3, д. 1802, л. 17]. Так, в 1932 г. по заявке треста Уралрыба УБК организовало деятельность по инвентаризации водоемов в десяти районах области [5, л. 7].

В 1931 г. Уральское бюро краеведения выступило с инициативой о привлечении краеведов к разведке полезных ископаемых с целью создания второй энергетической базы в рамках Урало-Кузбасского комбината. Предполагалось обследовать 2,4 тыс. кв. км лесных дач [6, д. 1, л. 57]. Инициатором «похода краеведов» стал плановик Шадринского окружного исполкома, член местной краеведческой организации В. Б. Барановский, выступивший с этим предложением на окружной конференции в Шадринске. Эта идея была вдохновлена прошедшим в 1930 г. походом по ликвидации неграмотности и малограмотности (ликбез-похода) [5, л. 4]. Было выпущено письмо-

обращение Уральского бюро краеведения совместно с областным отделом образования (Уралоно), Уралпрофсоветом и областным комитетом (Уралобкомом) Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи «Ко всем районным исполкомам, комсомольским, пионерским и профсоюзным организациям, музеям, школам, районным бюро краеведения и краеведческим ячейкам Урала» [5, л. 1]. Пленум УОБК 20–21 марта 1931 г. утвердил план похода краеведов. Большую помощь в его проведении оказал областной плановый комитет (Уралплан) [5, л. 5]. Результаты разведки полезных ископаемых в 1931–1934 гг. были использованы при строительстве новых предприятий в Челябинске, Бакале, Березниках, Алапаевске, Шадринске.

В своих исследованиях краеведы обращались к архивным документам, старым картам, беседовали с местными жителями [7, с. 19]. В частности, в результате находок краеведов был пущен завод по выделке бесцементных камней для Уралвагонстроя в Нижнем Тагиле [5, л. 12]. Несмотря на массовость и значительные усилия по «мобилизации» краеведческих учреждений, в походе участвовали не все крупные музеи (например, Пермский и Тагильский), инициативу проигнорировали некоторые местные плановые и образовательные организации [5, л. 1, 6].

Активность краеведов не ограничивалась промышленностью. В 1929 г. по музеям было разослано методическое письмо «Организация выставок по повышению урожайности» о необходимости популяризации достижений сельского хозяйства [3, д. 882, л. 15–24]. В начале 1930 г. УОБК разработало план «О степени и формах участия краеведческих организаций в весенне-полевой кампании», который включал справки о местных особенностях районов области: климат, пригодность культур, условия обработки земли, удобрения, выявление вредителей, меры борьбы с ними, бытовые особенности населения, которые могут помешать посевной кампании [6, д. 1, 75]. Уральский краеведческий музей подготовил выставку о ходе весенне-посевной кампании [6, д. 23, л. 84].

Таким образом, музеи и краеведы в начале 1930-х гг. восприняли новую модель работы. Результатом этого стало проведение мобилизационных мероприятий, таких как, например, геологический поход краеведов или серии музейных выставок по повышению урожайности. Сужение функций музейно-краеведческих организаций до поддержки хозяйственного развития являлось шагом на пути ослабления и подчинения краеведческого движения государственной политике.

---

1. *Козлов В. Ф.* «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестн. РГГУ. Сер. : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2013. — № 9 (110). — С. 53–83.

2. Истомин Я. А. Пути развития краеведения на Урале // Уральское краеведение. — 1927. — № 1. — С. 5–8.

3. Гос. архив Свердл. обл. (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 428, 882, 1802.

4. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР. О мероприятиях по развитию краеведческого дела // Советское краеведение. — 1931. — № 4. — С. 62–63.

5. ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 338.

6. ГАСО. Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 1, 23.

7. Тагильцева Н. Н. История краеведческого движения на Урале в 1920–1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — 24 с.

УДК 77.06

О. А. Озерова

ПРОПАГАНДА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАСТЕРОВ ФОТОИСКУССТВА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проводится анализ фотонаследия региона на материале фотовыставок в Омска и Омской области в период 2016–2022 гг. Выявляется их типология, различные формы пропаганды фотоискусства в регионе. Даются рекомендации по расширению экспозиционного пространства в музеях Омской области.

Ключевые слова: музейное пространство, пропаганда фотоискусства, культурное фотонаследие, творческая поддержка, экспозиция, типология фотовыставок, формы пропаганды фотоискусства.

Основной локацией в музейном пространстве Омска, служащей современным центром пропаганды фотоискусства, является галерея Музея просвещения. Она входит в состав Областного мультимедийного исторического парка «Моя Родина — Россия». За последнее время, согласно данным сайта музея, на его выставочной площадке и в пространстве прилежащей уличной территории прошло три выставки: «Лица Омска», «Нескромное обаяние портрета» и «Дикий подводный мир» [1]. На втором месте после основной фотогалереи стоит Городской музей «Искусство Омска», который постоянно оказывает творческую поддержку омским фотохудожникам. В 2021 г. там прошла фотовыставка к 100-летнему юбилею известного омского фотохудожника М. И. Фрумгарца «Фрумгарц и музей. Искусство и Омск». На ней была представлена его многолетняя творческая деятельность по увековечиванию архитектурного наследия Омска, образов выдающихся деятелей культуры и искусства [2]. Оказалось, что во многом его

© Озерова О. А., 2022

образы идентичны архетипам живописных полотен омских художников. Этот диалог картин и фотографий был разработан омским дизайнером Е. Груздовым.

Как пишет Н. Ф. Хилько: «Работы М. И. Фрумгарца погружают нас в поэтическую атмосферу, поражающую своей энергией и искренностью. Живость и глубина могучей стихии говорит о чувстве единения с природой, любовании и мечтаниях. Эти работы обладают очарованием, притягательностью, таинственностью некоторой магической силой» [3, с. 60]. М. Стрелецкая справедливо отмечает, что «мастер ищет разгадку бытия в соприкосновении лица и души, внешнего и внутреннего мира человека. Отсюда — пронзительное одухотворение в его портретах» [4].

Ежегодные фотовыставки и каждое издание очередного альбома омского фотохудожника В. Ф. Кудринского становятся заметным событием в художественной жизни Омска. Название фотоальбома «Омские маршруты» (2016) говорит само за себя. Автор выходит за рамки локальной, сугубо местной темы и обращает внимание если и не на всю Сибирь, то, по крайней мере, на территории, представляющие для фотохудожника больший интерес: Тобольск, Тюмень, Омск, Тара, Томск, Новосибирск, Красноярск, Горный Алтай. Помимо замечательных фотографий сибирских ландшафтов, в альбоме размещено много портретов сибиряков.

Наконец, важной творческой площадкой развивающей направленности для показательных фотовыставок является музей К. П. Белова. В нём, наряду с работами омских фотохудожников, проводились фотовыставки В. Шевырногова, Б. Метцгера, В. Кудринского и др. В 2022 г. здесь открылась фотоэкспозиция А. П. Безбородова «Я люблю эти омские улицы…» — полная фотодраматургии и лиризма в отражении камерных образов городского ландшафта [5].

Наряду с крупными экспозициями регионального уровня в Областном музее изобразительных искусств им. М. Врубеля, в музее Кондратия Белова многократно выставлялся выдающийся омский фотохудожник Н. П. Грязнов. В 2018 г. прошла его персональная фотовыставка «Объективные зарисовки», в которых излюбленная тема лирических пейзажей тесно переплеталась с социальными мотивами. Таким образом, можно сказать, что широта пространства фотоэкспозиций, имевшая место в советское время (музеи, библиотеки, учреждения искусства, торговые центры, кинотеатры, школы, Дома творческих союзов) неизмеримо сузилась до трех типов экспозиционных площадок: музеи, библиотеки, некоторые Дома творческих союзов. При этом нужно отдать должное Музею просвещения в части возможности проведения в нём фотовыставок всероссийского масштаба в соответствии с реализуемыми проектами. Это значительное число

фотовыставок, посвященных 200-летию Омской области, представляющих ряд красивых городских и сельских пейзажей. Это также прокат фотовыставок в рамках всероссийских проектов: фотовыставка «Дикий подводный мир» Станислава Шинкаренко, фоторассказ о живой природе Сибири и Дальнего Востока и его животном мире (2021).

Контент-анализ типологии фотовыставок показывает, что наряду с важнейшими патриотическими, природно-экологическими и социальными фотовыставками активно используются показы экспозиций городского ландшафта (В. Кудринского, О. Деркунского, А. Кудрявцева, Н. Грязнова). Большое место в фотоэкспозициях занимают выставки портретной фотографии, имеющие важное значение с точки зрения регионального брендинга выдающихся деятелей культуры (Б. Метцгер, А. Марашин, Э. Савин, Б. Чигишев). Наряду с этим сохраняется традиция проведения персональных фотовыставок, посвященных юбилеям авторов. За последнее время прошли такого рода фотовыставки омских фотомастеров М. И. Фрумгарца, А. Безбородова, Б. Г. Метцгера, Е. С. Мамакина.

Следует отметить большую роль в пропаганде фототворчества для массового посетителя Омского государственного историко-краеведческого музея. На прошедшей в нём фотовыставке «Тайна фотографии: игра для двоих» (2019) были представлены произведения полные загадок, образцы старинной фотоаппаратуры. Зрители сумели посмотреть фотодокументы и художественные снимки Б. Злобина, Г. Мардера, Б. Сушенцова, А. Чепурко, Б. Метцгера. Социально-жанровые мотивы в их снимках сочетаются с документальной точностью образов. Анализ фотоэкспозиций последнего времени показал, что всего лишь 5 из 19 современных авторов на фотовыставках — молодежь: М. Кармаев, А. Медведева, А. Мальгавко, А. Симкина и П. Симкин. Отдельную ипостась составляет плеяда омских фотожурналистов-художников: Е. Кармаева, отца и сына Сапоцких, А. Чепурко. Ряд начинаний молодых часто не находит места на фотовыставках. В направлении пропаганды народного фототворчества большую работу традиционно проводит Городской центр народного творчества Дворца искусств им. А. М. Малунцева, выставляя в залах работы любительских фотообъединений Омской области, рассказывающих об уникальных народных мастерах, ремеслах, традициях и обрядах в сёлах Омской области. Большую работу также проводят Тюкалинский и Тарский историко-краеведческие музеи, представляющие на выставках замечательные пейзажи родного края, архитектурные виды, портреты выдающихся и знатных земляков.

В начале XXI в., который, по мнению Н. Ф. Хилько, характеризуется «некоторой долей эклектизма творческих направлений и течений в Омском фотоискусстве, происходит противоречивое расширение сферы фотоис-

кусства и уменьшение различий между фотохудожниками и фотолюбителями наряду с формированием фотографической элиты» [3, с. 41], наблюдается выдвижение ряда альтернативных направлений, например «Улица фотографов». Активизируется деятельность последователей С. Сокруты, создавшего уникальную школу классического фотовидения, основанную на самораскрытии фотографа и его модели среди поклонников аналоговой фотографии. Нужно отметить, что С. В. Сокрута — тонкий фотохудожник, умеющий мастерски использовать освещение, работать с композицией. Его творчеству присущ мажорный колорит картин, некоторая ностальгия по красоте. Одна из его любимых выставок так и называлась «Россия — отчий дом» [3, с. 62].

Сегодня серьезную проблему представляет собой невостребованность омичами культурных пластов замечательных омских фотомастеров прошлого: С. Нугманова, Г. Мардера, Э. Савина, А. Сушенцова, С. Антонюка, З. Поляковой, Р. Рамалданова, Е. С. Мамакина и др., и настоящего: М. Пахотина, С. С. Сарсекеева, А. Н. Озерова, В. Буйницкого, В. Филимонова, З. Поляковой, С. В. Сокруты и др.

Обратим внимание, что творчество Султана Нугманова строится на использовании видения с помощью световых эффектов, отражения. Он соединяет в своих работах микрокосм и макрокосм. Азарт и трудовое вдохновение при строительстве нефтепровода запечатлел в 1970-х гг. талантливый омский фотожурналист Григорий Менделевич Мардер (1926–2018).

В настоящее время еще мало внимания уделяется фотовыставкам на тему живой природы родного края. Здесь образцом тончайшей наблюдательности в сфере фотонатурализма является творчество Зинаиды Поляковой. В своих снимках она запечатлела великое разнообразие природы Сибири, Урала, Камчатки, Средней Азии. Многому могли бы поучиться современные фотографы у Э. И. Савина. В его работах можно найти точные световые характеристики, умело подмеченные жесты и мистические символы, психологизм характеров ярких творческих личностей. Хорошую школу творчества могут дать работы. С. Антонюка. В своих снимках он умело сочетает драматические перипетии современности со свойственным ему юмором и ритмическим строем композиции.

В творчестве Владимира Шевырногова, Александра Черненко и Михаила Пахотина прослеживаются экзистенциальные мотивы иллюзии виртуальных впечатлений реальности, наполненные стремлением осмыслить мир через сложность бытия на стыке веков. Тонкая наблюдательность городского ландшафта обнаруживается в снимках С. С. Сарсекеева. Неподражаемые образы речников и красоты иртышских просторов ярко демонстрируют фотоснимки Р. Рамалданова и А. Н. Озерова. Обладатель медали

им. С. И. Манякина А. Н. Озеров является создателем потрясающей фотолетописи о речном училище. Фотолетопись Нефтегородка с момента его возникновения до перестройки осуществили замечательные фотохудожники Е. С. Мамакин и Л. С. Потемкин. В творчестве Л. С. Потемкина запечатлены значимые события советской эпохи: приезд в Омск писателя А. Солженицина, гипнотизера В. Мессинга, космонавта Ю. Гагарина, композитора А. Пахмутовой и поэта Н. Добронравова, а также деятельность А. М. Малунцева и моменты строительства городка.

Итак, в результате анализа форм пропаганды фотоискусства в культурном пространстве Омской области можно выделить четыре направления фотопропаганды, которые следует развивать в регионе: поддержка развития молодых дарований; распространение архетипов классического фотоискусства; развитие творчества фотолюбителей; фотографический брендинг выдающихся деятелей Омского региона. Следует подчеркнуть, что в последние годы стало проходить небольшое число тематических фотовыставок общероссийского масштаба: экспозиций РИА «Новости», фотовыставок снимков с мест проведения спецоперации. Большую лакуну представляют собой фотовыставки народного творчества, народных праздников и обрядов, чествования ветеранов. Недостаточно в Омске и разнообразных уличных фотовыставок, известных массовому зрителю под образным названием «Сушка», которые раньше проходили на многих мероприятиях.

---

1. Омский музей просвещения : [сайт]. — URL: https://www.ompros.ru (дата обращения: 20.08.2022).

2. Городской музей «Искусство Омска» отмечает 30-летний юбилей // Администрация города Омска : [сайт]. — URL: https://admomsk.ru/web/guest/news/-/asset_publisher/mh3W/content/983119 (дата обращения: 20.08.2022).

3. *Хилько Н. Ф.* История фото-, кино-, и видеолюбительства в Омском Прииртышье : учеб. пособие. — Омск : ОмГУ, 2013. — 100 с.

4. *Стрелецкая М.* Надо глядеть зорким взглядом, надо любить всем сердцем… // Омская правда. — 1995. — 27 апр.

5. Новости в 2022 году // Омский музей Кондратия Белова : [сайт]. — URL: http://belovmuseum.ru/news (дата обращения: 20.08.2022).

УДК 069.231

О. А. Осадчая

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В СОСТАВЕ МУЗЕЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе приводится опыт работы музеев с церковно-приходской школой. Поднимается вопрос перспективы реализации проекта по созданию экспозиции «Церковно-приходская школа» в музее-заповеднике «Старина Сибирская», а также проводится анализ сопутствующих проблем.

Ключевые слова: музей, церковно-приходская школа, экспозиция, музей-заповедник «Старина Сибирская».

Обратившись к реестрам действующих в настоящее время православных школ в России, мы выявили 10 церковно-приходских, а также 12 воскресных школ. Однако в реестрах отражена неполная информация [1; 2; 3]. Это подтверждается результатами запросов в «Google-картах», где представлены 29 церковно-приходских школ, а воскресных школ — порядка 200 [4; 5].

С недавнего времени появилась практика сохранения церковно-приходской школы через включение ее в структуру музея. Самым ярким примером является архитектурно-этнографический музей «Тальцы». В данном случае сохранение церковно-приходской школы осуществилось через создание экспозиции «Церковно-приходская школа в конце XIX — начале XX вв.». Здание школы, датируемое концом XIX в., было вывезено из с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области. Реставрационные работы завершились в 1990 г., а в 1993 г. открылась экспозиция [6; 7]. В «Тальцах» посетителю предлагается не только экскурсия по экспозиции, но и урок грамматики и арифметики [8].

Хочется отметить мини-музей «Церковно-приходская школа», расположенный в тюкалинской центральной районной библиотеке им. Л. Иванова. В ней применяется интерактивный формат работы: гостям музея предлагают научиться писать пером, используя чернила, читать с помощью азбуки начала XX в., а также считать на напольных счетах. Помимо этого в музее проводятся мастер-классы [9].

Еще одним примером симбиоза музея и церковной школы является «Второклассная церковно-приходская школа Спас-Клепиков», визитной карточкой которой является то, что здесь с 1909 по 1912 г. обучался С. А. Есенин. Здание школы датируется 1896 г. Литературно-мемориальный музей С. А. Есенина принял на свой баланс 2-этажное здание школы Приказом начальника Управления Рязанского облисполкома от 26 октября

© Осадчая О. А., 2022

1977 г. Музей С. А. Есенина открылся во второклассной школе 2 октября 1995 г. Открытие было приурочено к 90-летию со дня рождения поэта. Были воссозданы мемориальный класс, общежитие для учащихся, квартира учителя Е. М. Хитрова, а также выставочный зал. В настоящее время музей предлагает гостям экскурсии по церковно-приходской школе, по школе грамоты, где проходил практику С. А. Есенин. Проводятся музейные занятия, например по переплетному делу, в результате которого посетители смогут сделать и забрать с собой блокнот [10].

Музей-заповедник «Старина Сибирская» также планирует создать экспозицию «Церковно-приходская школа», за счет которой увеличится экспозиционная зона «Святая Русь». К настоящему времени найдено сохранившееся здание церковно-приходской школы в удовлетворительном состоянии, находящееся в с. Евгащино Большереченского района Омской области [11; 12]. Евгащинская одноклассная смешанная церковно-приходская школа, согласно архивным данным, учреждена в 1892 г. в с. Евгащино и открыта на пожертвования купцов Алексея Дмитриевича и Ольги Николаевны Калижниковых. В данной школе обучались дети от 8 до 11 лет, предполагалось 3 года обучения.

В 1894 г. купцом Павлом Васильевичем Мельниковым пожертвованы средства на новое здание для школы. В 1902 г. на содержание школы (старого здания) было выделено 180 руб. из кредитов Святейшего Синода. Место для постройки нового здания было куплено попечителем возле церкви, тогда как старое здание располагалось неподалеку от винной лавки (в 30 саженях). Первого сентября 1903 г. состоялось освящение нового здания церковно-приходской школы. Оно описывается как светлое, крытое железом. В начале 1920-х гг. школу упразднили [13]. Позднее в ее здании разместился детский сад, а в настоящее время это жилой дом.

Для реализации проекта в первую очередь необходимо изучить состояние объекта, после чего осуществить перевозку строения и провести реставрационные работы. Уже на этом этапе мы сталкиваемся с рядом проблем. Первая проблема связана с тем, что в настоящее время половина здания школы занята собственниками. Чтобы появилась возможность дальнейшей работы по его сохранению, необходимо полностью выкупить дом. Вторая проблема связана с территорией будущей экспозиции. Так как церковно-приходская школа является логическим завершением экспозиции «Святая Русь», есть необходимость ее размещения вблизи объектов, входящих в данный экспозиционный комплекс, однако на данный момент земля, где удачнее всего было бы расположить здание, также занята собственниками. Решение обеих проблем может быть достигнуто только в ходе переговоров с собственниками здания и земли. Проведение

реставрационных работ также не обходится без проблем. Дело в том, что на базе музея-заповедника «Старина Сибирская» нет специалистов в данной области, поэтому музей вынужден обращаться к сторонним организациям. К счастью, в Омской области организаций, имеющих лицензию на проведение реставрационных работ зданий, насчитывается две — «Строймир» и «Трестстрой-2000». Еще одна проблема связана с финансированием. Средств, заработанных музеем-заповедником на предоставлении услуг, хватает на поддержание уже имеющихся объектов, тогда как для расширения музей вынужден прибегать к сторонним источникам финансирования. Решением в сложившейся ситуации может стать поиск меценатов, участие проекта в грантовых конкурсах, а также в государственных программах, например в программе «Развитие культуры и туризма». В рамках подпрограммы «Наследие» можно получить финансирование на «Развитие музейного и архивных дел на территории Омской области». Для того чтобы получить возможность финансирования по любому из векторов, необходимо в первую очередь доказать актуальность и уникальность проекта.

Актуальность заключается в том, что реализация проекта способствует сохранению подлинного здания церковно-приходской школы, а также включению ее в список объектов культурного наследия регионального значения. Церковно-приходская школа станет не просто экспозицией, а действующей воскресной школой, где занятия будут проходить после вечерней службы по воскресным дням. Здесь стоит отметить, что в Большеречье имеется опыт организации воскресной группы, которую «в народе» называют воскресной школой. Группа была создана в 1996 г., однако год назад была закрыта по причине отъезда учителя. Класс, в котором занимались дети до закрытия группы, располагается при храме. В среднем обучалось порядка 10 детей, к православным праздникам собиралось и более 20. Дети изучали Божий закон, предмет по истории православной церкви, а также занимались вышивкой, рисованием, организовывали кукольный театр и ставили различные спектакли. Занятия проводились по воскресеньям в вечернее время после службы. Как и в общеобразовательных школах, здесь были каникулы, однако иногда дети приходили на занятия воскресной школы и в каникулярный период. Протоирей Андрей выражает надежду на то, что благодаря реализации проекта удастся привлечь педагогов, а также появится возможность вовлечь большее число детей для обучения в воскресной школе. Планируется также создание класса иконописи при воскресной школе и образование кружка детского хора.

В рамках работы экспозиции здание школы станет объектом музейного показа, для посетителей будут проходить экскурсии. Главной особенностью работы музея-заповедника «Старина Сибирская» является

внедрение интерактивных методов, будут они применяться и в деятельности церковно-приходской школы. У туристов появится возможность не только посетить обзорную экскурсию, но и погрузиться в учебный процесс посредством участия в «пробном уроке». Для учащихся школ музей может предложить музейные уроки, посвященные вопросам основ православной культуры и краеведения. Здание школы может послужить площадкой для подготовки учащихся к конкурсам и олимпиадам по данным предметам. Дошкольники в здании школы смогут посещать занятия подготовительных групп.

На основе вышеприведенного опыта включения церковно-приходских школ в состав музеев, имеющихся ресурсов (здания, использование интерактивных форм работы), поиска путей решения проблем следует считать актуальным и перспективным создание экспозиции «Церковно-приходская школа» в экспозиционной зоне «Святая Русь» музея-заповедника «Старина Сибирская».

---

1. Православные образовательные организации // Русская православная церковь: [сайт]. — URL: http://calendar.rop.ru/?inc=09 (дата обращения: 11.04.2022).

2. Православные школы и гимназии // Православное христианство.ru : [сайт]. — URL: https://hristianstvo.ru/life/education/school (дата обращения: 11.04.2022).

3. Реестр православных образовательных организаций // Православное образование : [сайт]. — URL: https://pravobraz.ru/reestr-pravoslavnyx-obrazovatelnyx-organizacij/ (дата обращения: 11.04.2022).

4. Воскресные школы // Google : [сайт]. — URL: https://google.com/maps/search/воскресная+школа/ (дата обращения 11.04.2022).

5. Церковно-приходские школы // Google : [сайт]. — URL: https://google.com/maps/search/церковно-приходская+школа/ (дата обращения: 11.04.2022).

6. *Жарников З. Ю., Мыглан З. С.* К истории создания церковно-приходских школ Восточной Сибири на примере датировки церковно-приходской школы из с. Кеуль Усть-Илимского районы Иркутской области // Мир Евразии. — 2011. — № 3. — С. 33–36.

7. Тальцы. — 2001. — № 1 (12). — 96 с.

8. Церковно-приходская школа // Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» : [сайт]. — URL: https://talci-irkutsk.ru/tserkovno-prihodskaya-shkola (дата обращения: 15.04.2022).

9. Мини-музей «Церковно-приходская школа» // Тюкалинская центральная районная библиотека : [сайт]. — URL: https://tukalinsklib.ru/mmcpsh (дата обращения: 15.04.2022).

10. Спас-клепиковская второклассная учительская школа // Государственный музей-заповедник С. А. Есенина : [сайт]. — URL: https:/museum-esenin.ru/expozition/schoolspas-klepikovskaya (дата обращения: 30.06.2022).

11. *Гулько А. Д.* История развития музея-заповедника «Старина Сибирская» и перспективы его работы по сохранению русского культурного наследия //

Культурное наследие Сибири : [сайт]. — URL: http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=141 (дата обращения: 02.04.2022).

12. *Гулько А. Д.* Перспективы развития музея-заповедника «Старина Сибирская» // Аношинские чтения : материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. — Омск : Наука, 2017. — С. 53–62.

13. *Зоркальцев А. В.* Вестн. Тар. уезда. — 2020. — № 1 (1). — 230 с.

УДК 7.01

А. М. Пекина

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ В СВЯЗИ С 350-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 2018 г. музеи Российской Федерации организовывали и проводили различные мероприятия в связи с подготовкой к празднованию 350-летия со дня рождения Петра I. В статье речь идет о двух музеях Петрозаводска — Национальном музее Республики Карелия (РК) и музее изобразительных искусств РК. Автор делает акцент на восприятии студентами постоянных и временных экспозиций, посвященных различным аспектам деятельности первого российского императора. Отмечено подвижничество директоров музеев и вклад исследователя Петровской эпохи А. М. Пашкова.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Карелия, Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Петровская эпоха, М. Л. Гольденберг, Н. И. Вавилова, А. М. Пашков.

Работа в музеях Петрозаводска ведется по следующим направлениям: научная, экспозиционная, экскурсионная, проектная деятельность. Музеи тесно сотрудничают с Петрозаводским государственным университетом (далее — ПетрГУ). Обратимся к конкретным примерам культурно-просветительской и научной деятельности Национального музея Республики Карелия (РК) и Музея изобразительных искусств РК.

Осенью 2021 г. в музее изобразительных искусств (далее — ИЗО) РК прошла выставка «Царь и море». Выставочные стенды с архивной информацией о жизни царя и иллюстрациями привезли в Петрозаводск из государственного музея-заповедника «Петергоф» [1]. Важной составляющей данной экспозиции была научная конференция «Работа музейных организаций с наследием Петра Великого». В конференции принимали участие директор музея ИЗО Н. И. Вавилова, директор национального музея РК М. Л. Гольденберг.

© Пекина А. М., 2022

Посетители музея, поднимаясь по центральной лестнице, могут увидеть портрет Петра I, находящийся в постоянной экспозиции. Полотно XIX в. принадлежит кисти шведского художника Августа Толяндера. Кто посещал Эрмитаж, обращает внимание на копию неизвестного художника картины «Пётр I и Минерва» Якопо Амигони. Всегда вызывает интерес экскурсантов одно из творений И. Айвазовского «Приезд Петра I на Неву». Всего же в фондах музеях находится 130 предметов, относящихся к Петровской эпохе. Это неслучайно, ведь город Петрозаводск — единственный в России, названный в честь Императора и основанный в 1703 г., как и Санкт-Петербург.

В музее ИЗО с 4 марта по 19 апреля 2022 г. с успехом демонстрировалась временная экспозиция «Петергоф — место петровской памяти». Этот выставочный проект был подготовлен Государственным музеем-заповедником «Петергоф» в связи с 350-летием со дня рождения Петра Великого. Огромная заслуга в подобных мероприятиях принадлежит директору музея Н. И. Вавиловой. В частной беседе она сказала: «Вот я смотрю на лица молодежи, когда они входят в музей, а затем — после посещения его… Лица меняются, это одухотворенные лица…» Конечно, студенты ПетрГУ стали активными посетителями этой выставки. Они познакомились с личностью императора через уникальную коллекцию артефактов петровского времени и историю создания его любимого дворца — Монплезир [2].

Это было важным не только для студентов кафедры туризма Института физической культуры, спорта и туризма, но и для студентов специальности «История» Института истории, политических и социальных наук (далее — ИИПиСН). Через образ любимого дворца Петра I, дворцовые интерьеры и личные вещи императора студенты получили уникальную возможность увидеть грозного правителя как человека и проникнуться духом его времени. Хорошо знакомая Петровская эпоха предстала в новых деталях, позволивших еще лучше понять масштаб перемен, произошедших в России в первой четверти XIX в. [3].

В 2021 г. Национальный музей организовал временную экспозицию «Петрозаводский Пётр I. Памятник с биографией». Несмотря на пандемию, студенты небольшими группами посетили эту замечательную выставку. В ПетрГУ учатся студенты из разных районов РК, городов РФ, иностранные студенты.

Автор статьи, читающий курс «Культурология» у студентов 3-го курса специальности «Социальная работа» ИИПиСН, после посещения ими музеев просит оформить свои отзывы в форме эссе. Приведу некоторые из них.

Надежда Еремеева: «По названию выставки можно подумать, что она посвящена Петру I, но нет, она посвящена истории известнейшего памят-

ника города — памятника Петру Великому. На выставке одна часть композиции называлась “Свержение Петра в 1918 году”. Меня очень заинтересовал этот стенд, так как я изучала историю и знаю, что Пётр I правил в XVIII в., что его никак не могли свергнуть в XX в. Но, как оказалось, это авторская интерпретация сноса памятника после прихода к власти В. И. Ленина».

Да, в 1918 г. действительно в Петрозаводске снесли два памятника императорам — Петру I и Александру II, а в 1938 г. чудом сохранившийся памятник Петру I был восстановлен, не раз менял свое местоположение [4].

Анастасия Пастьева: «Памятник Шредера вызывает неподдельные эмоции даже на фотографиях. Он мощный и красивый. Глядя на него, ты понимаешь, что Пётр I был неординарным правителем и выдающейся личностью и заслужил, чтобы в честь него благодарные потомки воздвигли монумент». Дмитрий Пахомов: «Многие гости города приезжали в Петрозаводск, чтобы оценить скульптуру Петра и сравнить с той, что находится в Петергофе. Некоторые отмечали, что памятник Петру в Петрозаводске более величественен, чем в Петергофе, что является одним из предметов гордости среди жителей Петрозаводска. Памятник Петру I можно увидеть на памятных монетах, сувенирных открытках и почтовых марках XIX века». Виктория Имамвердиева: «На мой взгляд, такие выставки делать обязательно нужно, так как людям, живущим здесь, будет интересно узнавать что-то новое о городе, в котором они живут. Мне, как приехавшей из другого региона России, вдвойне интересно узнавать о таких подробностях города, в котором я учусь» [5].

Студенты не только посетили эту временную экспозицию, но и обратили внимание на постоянные стенды, отражающие Петровскую эпоху. Ежегодно привожу своих студентов, изучающих курс «История России», на тематическую экскурсию «Петровские заводы».

Вернувшись из Калининграда, автор статьи рассказала студентам заочной формы обучения по специальности «Открытые горные работы» о Великом посольстве и почему в Балтийске (Пиллау) установлены памятники Елизавете Петровне и основателю Балтийского флота, первому российскому императору. Пояснила, почему Пётр I у Кафедрального собора Калининграда изображен как мастеровой и когда на стене у входа в собор появился его барельеф [6].

Знаковым событием стало проведение научно-практической конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра I. Конференция проходила 22–24 июня 2022 г. в Губернаторском зале Национального музея РК. На пленарном заседании был заслушан доклад члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, директора музея антропологии и этнографии

имени Петра Великого РАН А. В. Головнёва «Петровская Россия: северное измерение». Андрей Владимирович отметил: «Пётр I начал становление будущей Российской империи именно отсюда, с Севера. Отсюда шел флот, Осударева дорога — здесь! Зарождалось государство здесь, и этот край вынашивал все то, что позже стало обширной Россией» [7]. А. М. Пашков, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ИИПиСН ПетрГУ, председатель оргкомитета конференции, выступил по теме «Пётр I: современный взгляд (1972–2022)». Директор Национального музея РК, кандидат педагогических наук М. Л. Гольденберг представил доклад: «Край, разбуженный Петром…»

Присутствовавшему на конференции главе Петрозаводска Владимиру Любарскому был вручен штандарт Петровского города директором Фонда имени Д. С. Лихачева, председателем Совета Института Петра Великого Александром Кобаком. Работа конференции проходила в трех параллельных секциях: «Петровская эпоха и ее люди на Русском Севере»; «Историческая память о Петре I и его эпохе на Русском Севере»; «Петровские памятники, памятные места и артефакты на Русском Севере». Итогом конференции стало подписание соглашения о сотрудничестве между Национальным музеем РК и Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН [8].

Для участников конференции из Санкт-Петербурга, Выборга, Архангельска, пос. Куркиёки РК и Петрозаводска состоялась экскурсия в Музей истории первого российского курорта «Марциальные воды», открытого в 1719 г. В программу вошло и посещение отреставрированной церкви апостола Петра, построенной по проекту и чертежам Петра Великого в год окончания Северной войны, с уникальным и неповторимым иконостасом. Экскурсоводами выступили А. М. Пашков и М. Л. Гольденберг, потому что еще в сентябре 2019 г. в Национальном музее РК совместно с ПетрГУ прошла научно-практическая конференция «Марциальные воды в истории Карелии и России». Председатель оргкомитета этой конференции А. М. Пашков произнес весьма актуальные в наше время слова: «Дело в том, что сейчас мы ищем в истории ответы на вопросы сегодняшнего дня. И в этом смысле очень мощно поднимается петровская эпоха — эпоха реформ, эпоха, когда Россия, с одной стороны, многое заимствует на Западе, а с другой — становится самостоятельной силой, с которой Запад должен считаться» [9].

В рамках одной статьи невозможно привести весь информативный материал по теме. Важно было показать роль отдельных личностей в просвещении и образовании как студентов ПетрГУ, так и гостей города Петра — Петрозаводска.

1. В Петрозаводске открылась выставка к юбилею Петра Великого // «Республика» — Все новости Карелии и Петрозаводска : [сайт]. — URL: http://rk.karelia.ru/social/culture/kgnor/?ysclid=l56xgrhq3h658760858 (дата обращения: 04.06.2022).

2. Студенты кафедры туризма посетили выставку «Петергоф — место Петровской памяти» // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/news/2022/106138/studenty-kafedry-tur (дата обращения: 27.06.2022).

3. Экскурсия студентов-историков на выставку «Петергоф — место Петровской памяти» // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/news/2022/106488/ekskursiya-studentov (дата обращения: 27.06.2022).

4. *Пекина А. М.* Культура и власть: как менялся историко-культурный облик Петрозаводска в 20–30-е годы XX века // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. — С. 136–142.

5. Памятник культуры как текст // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/news/2021/98291/pamyatnik-kultury-ka?ysclid=l50yyy0e5i968540862 (дата обращения: 30.06.2022).

6. Петровская тематика для студентов-заочников // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/news/2022/107709/petrovskaya-tematika (дата обращения: 27.06.2022).

7. Конференция «Материальное и нематериальное наследие Петровской эпохи Русского Севера» // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. — URL: https://petrsu.ru/news/2022/107726/konferentsiya-materi#t20c (дата обращения: 27.06.2022).

8. Программа конференции. Личный архив А. М. Пекиной.

9. Курорт по-карельски: ученые обсудили роль «Марциальных вод» в истории Карелии и России // «Республика» — Все новости Карелии и Петрозаводска : [сайт]. — URL: http://rk.karelia.ru/social/science/kurort-po-karelski-uchenye-obsudili-rol-martsialnyh-vod-v-istorii-karelii-i-rossii/?ysclid=l576iyakvr900610037 (дата обращения: 04.06.2022).

УДК 39

В. С. Станиславских

ДОМОВАЯ И ПРЯЛОЧНАЯ РОСПИСЬ В КОЛЛЕКЦИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРВЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье представлен обзор коллекции Алтайского государственного краеведческого музея по домовой интерьерной росписи Алтая по состоянию на 2022 г. Рассматриваются декорированные деревянные предметы XIX–XX вв. и изделия современных авторов, выполненные в стиле урало-сибирской росписи.

Ключевые слова: домовая и прялочная роспись Алтая, коллекция Алтайского государственного краеведческого музея, урало-сибирская роспись.

Среди экспонатов АГКМ, которых сегодня насчитывается более 200 тыс., представлены предметы декоративно-прикладного искусства, в их числе — деревянные изделия с урало-сибирской росписью. Коллекция АГКМ росписи по дереву масляными красками до настоящего времени редко попадала в поле зрения исследователей. Общая характеристика основных предметов данной коллекции по состоянию на 2014 г. представлена в работе сотрудника музея, заместителя директора АГКМ по научной работе (до 2017 г.) И. В. Поповой «Роспись по дереву. Из собраний музеев Алтайского края: Каталог» [1].

Цель данной статьи — представить характеристику экспонатов музея с урало-сибирской росписью по состоянию на 2022 г. В настоящее время коллекция АГКМ насчитывает более 100 предметов, декорированных в стиле народной росписи: роспись конструктивных элементов строения, встроенной и передвижной мебели, прялочная роспись, роспись домашней утвари и проч. Часть экспонатов (около 40) датированы XIX–XX вв. Они были переданы в музей жителями края, а также привезены сотрудниками музея из историко-этнографических экспедиций в районы края. Другая часть, около 90 изделий, выполнена современными мастерами.

Большинство старинных предметов датированы концом XIX — началом XX в. В это время в Сибири, в частности на Алтае, урало-сибирская роспись достигает своего расцвета. Лишь два предмета коллекции, по словам их прежних владельцев, были созданы в середине XIX в. Стоит отметить, что предметы с росписью, датированные концом XIX — началом XX в., могут быть более ранними. Установить точное время их создания очень сложно по двум причинам. Во-первых, часто отсутствует подробная информация о происхождении таких предметов. Во-вторых, сегодня сложно определить, к какому периоду они относятся, в силу одинаковых

© Станиславских В. С., 2022

материалов, единых технологических приемов, вариативности композиций и не всегда хорошей сохранности предметов с урало-сибирской росписью на момент их приема в музей. В настоящее время значительную часть коллекции АГКМ росписи по дереву составляют изделия, выполненные современными мастерами.

Начало формированию коллекции положила расписная прялка, привезенная сотрудником Н. Я. Савельевым из Змеиногорска в 1959 г. С 1980-х гг. начинается планомерное формирование коллекции. В настоящее время ее география включает в себя территории современных Залесовского, Заринского, Тогульского, Кытмановского, Ельцовского, Троицкого, Солонешенского, Красногорского, Алтайского, Чарышского, Третьяковского, Змеиногорского районов. Данные районы охватывают современную северо-восточную, восточную, юго-восточную и южную части Алтайского края. Эти территории соответствуют старожильческой таежно-предгорной и горной историко-этнографической области с высоким процентом старожилов-старообрядцев XVIII в. и вкраплениями переселенческих жилых секторов и целых населенных пунктов [2, с. 33].

Часть предметов была приобретена музеем у жителей Барнаула. Это и предметы старины (точное место их изготовления не установлено), и изделия современных мастеров, расписанные в стиле урало-сибирской росписи.

Одна треть коллекции сегодня представлена прялочной росписью. Прялки на Алтае изготавливали из березового, елового и кедрового дерева [1, с. 6]. По конструкции местные прялки делятся на два вида: цельные (корневые) и составные. Корневая прялка выполнена из цельного куска дерева: из ствола — вертикальная часть прялки (лопасть — лопаска и ножка), из корневой части — горизонтальная (донце). По словам старожилов Алтая, было сложно найти материал для такого вида прялки — дерево, корень которого отходит от ствола под прямым углом, а ствол — диаметром не менее 25–30 см. Считается, что корневая прялка родом с Русского Севера, выходцы с этой территории на Алтае ее называли еще «прясницей» или «пресницей», а составная бытовала в Поволжье [1, с. 6]. Детали составной прялки выполнены из разных кусков дерева: лопасть и ножка — из одного куска дерева, донце — из другого. Составные расписные прялки в коллекции АГКМ преобладают над расписными корневыми: 21 из 28 рассматриваемых нами.

Прялки отличаются друг от друга формой каждой отдельной детали. Донце имеет прямоугольную или трапециевидную форму, не декорировано, часто не окрашено, иногда с полукруглым выступом или вогнутыми дугами по свободному узкому краю. Ножки, круглые, овальные или

прямоугольные в сечении, чаще выточены на токарном станке. Встречаются ножки как неокрашенные, так и покрытые лаком или краской (моно- и полихромные). Если ножка с рельефной резьбой (фигурная), как правило, в виде круглых выступающих валиков, то детали резьбы (валики) окрашены в разные цвета, что делает ножку прялки полихромной.

Лопаски прялок на Алтае имеют прямоугольную, часто выпуклую на лицевую сторону форму, при этом края лопастей прялок по форме различаются. Больше половины рассматриваемых прялок имеют трехрожковую лопаску: два дугообразных выреза по верхнему краю лопаски образуют три зубца. Нижняя горизонталь лопаски, плечики, представляет собой вогнутые внутрь корпуса лопаски две дуги — по одной с обеих сторон от ножки прялки.

Часть прялок имеют прямой верх лопаски, часть — в виде одной дуги, вогнутой в корпус лопаски, т. е. с двумя рожками — зубцами. У некоторых прялок плечики под прямым или тупым углом переходят в ножку, имеют рельефные выступы.

Еще в коллекции представлена расписная прялка, лопаска которой украшена сверху резными выступами — «городками», а снизу — «серьгами» [3]. Подобного рода украшения в виде «городков» были перенесены на Урал и в Сибирь с севера России [1, с. 7]. «Городки» и зубцы выполняли не только декоративную функцию. С их помощью можно крепить кудель к лопаске прялки. Для привязывания кудели к лопаске прялки с помощью веревки лопаски имеются отверстия, как правило в левом или правом верхнем углу, и по несколько углублений (вырезов) по боковым краям.

Лопаска алтайской прялки наиболее богато декорирована по сравнению с другими ее частями. Алтайский вариант урало-сибирской росписи отличается богатым растительным орнаментом и яркостью красок, что наглядно демонстрирует прялочная роспись. Ведущие мотивы прялочной росписи из коллекции АГКМ — растительные и орнитоморфные изображения. Композиция в большинстве примеров состоит из древа жизни, изображенного в виде куста, куста в вазоне или вертикальной гирлянды из цветов и листьев. Вершину древа часто украшает птица или пара птиц. Росписью полностью декорирована лицевая сторона лопаски прялки. Центральная часть оборотной стороны лопаски, где размещается кудель, не декорирована росписью, иногда не окрашена. В нижней части на оборотной стороне лопаски часто размещается копия композиции, как на лицевой стороне, но в уменьшенном варианте, или отдельные ее элементы.

Фон лопаски большинства прялок (больше половины рассматриваемых предметов) выкрашен яркой краской: от оранжевого и красного до коричневого. Встречаются лопаски с зеленым, синим фоном, реже — с чер-

ным или белым, иногда поверхность лопаски или ее часть не покрыта краской. Мотивы наносятся красками синего, зеленого, красного, белого, черного, желтого цветов. Часто вся композиция по краю лопаски с лицевой и оборотной стороны заключена в рамку определенного цвета, отличного от фона лопаски. Рамка представляет собой ровные или волнистые линии («украешки» и «пояски») по краю лопаски, или «царские кудри» — растительно-орнаментальный мотив урало-сибирской росписи, выполняемый широким протяжным мазком синего или коричневого цвета, или занавес [4, с. 15]. Синий занавес обрамляет композицию на лопасти прялки начала XX в. из с. Залесово Залесовского района Алтайского края [5].

Типичный пример декорирования лопаски алтайской прялки в стиле урало-сибирской росписи представляет собой корневая прялка начала XX в. из Заринского района Алтайского края. Лопаска прялки прямоугольная, трехрожковая, с плечиками с полукруглыми вырезами. На красном фоне лопаски изображен цветущий куст в вазоне, его вершину украшает пара птиц. Композиция выполнена с использованием краски белого, синего, бордового, желтого, зеленого, коричневого и черного цветов. С двух сторон композицию обрамляют широкие пояски (линии) темного цвета. Изображение нанесено в технике свободной кистевой росписи, без четкой симметрии, с приемом разбела («оживки», на Алтае — «разживки») и графическими приписками. Данная прялка была передана жительницей с. Новая Дресвянка М. Н. Злобиной сотрудникам АГКМ во время их историко-этнографической экспедиции в Заринский район в 2009 г. (рис. 1).

Похожим образом декорирована детская прялка из фондов АГКМ. Прялка составная, с прямоугольной трехрожковой лопаской, плечики которой под тупым углом переходят в фигурную ножку. На лицевой стороне лопаски на красном фоне изображены растительные мотивы в стиле урало-сибирской росписи. От остальных прялок коллекции она отличается размерами. Если большинство прялок в высоту в среднем составляют от 70 до 85 см, лопаски — от 30–40 см в высоту и около 20 см в ширину, то высота детской прялки — 49 см, размер лопаски — 26 × 14 см. Детская прялка была изготовлена в конце XIX — начале XX в., передана сотрудникам музея в 2007 г. во время их экспедиции в Чарышский район Надеждой Александровной Лобановой (Ворогушиной, из казачьего рода Ворогушиных), уроженкой с. Тулата [6].

Как уже было сказано выше, о предметах крестьянского быта до наших дней доходит мало информации, поэтому часто сложно установить точную дату их изготовления. Однако в фондах музея хранятся расписные прялки, год создания росписи на которых точно известен, так как его указал мастер на оборотной стороне лопаски. Пример тому — составная прялка начала XX в., переданная музею уроженкой Змеиногорска

Ф. Д. Устюговой. На оборотной стороне лопаски на белом фоне от руки нанесена надпись краской синего цвета «1907 г.» [7].

Наряду с датой создания росписи сложно установить имя мастера и в целом определить, выполнил роспись профессиональный красильщик или хозяин изделия. Выводы мы можем делать сегодня по отрывочным сведениям. Так, прялки, изготовленные в с. Большой Бащелак Чарышского района, с большой долей вероятности расписаны профессиональными красильщиками, так как, по словам местных жителей, в этом селе проживали мастера, занимающиеся росписью прялок. Прялка конца XIX в. из с. Тоурак Алтайского района была расписана членами старообрядческой семьи бабушки Дарьи Ивановны Ивановой. Являлись ли эти люди профессиональными мастерами — неизвестно [8].

Самые ранние по времени изготовления прялки из коллекции АГКМ, датированные серединой XIX в., были привезены из Залесовского района во время экспедиции 1988 г. Обе прялки корневые, по композиции росписи и цветовой гамме не отличаются от более поздних: растительные и зооморфные мотивы на красном и коричневом фонах. Следует отметить, что прялка из с. Большой Калтай, по словам ее владелицы Марии Григорьевны Чупиной, на протяжении многих лет передавалась из поколения в поколение и использовалась в работе до момента передачи в музей [3].

Нестандартный для алтайских расписных прялок внешний вид имеют прялки, полученные в 2020 г. от жительницы Барнаула С. В. Кобзевой. Прялки корневые, крупные: высота прялок — больше 90 см, высота их лопасок — более 50 см. Лопаски прялок расписаны лаконично. На лицевой стороне лопаски одной из них в технике свободной кистевой росписи изображено черное древо жизни с желто-черными округлыми плодами и желтыми ягодами, под древом — желтый циферблат с черными стрелками и римскими цифрами по окружности. По обеим сторонам над циферблатом и под ним — плоды, как на древе. На оборотной стороне прялки указан год нанесения росписи — 1908 (рис. 2).

Вторая прялка также датирована началом XX в. Лопаска, ножка и часть донца прялки окрашены в черный цвет. На лицевой стороне лопаски схематично изображено древо с красными листьями и цветами (плодами), обрамленное красной рамкой. На оборотной стороне по периметру лопаски также проходит красная рамка. В нижней части лопаски — растительный мотив в желто-красной цветовой гамме [9]. Место изготовления данных прялок неизвестно.

Как уже было отмечено, в алтайском варианте урало-сибирской росписи редко встречаются зооморфные и антропоморфные изображения. В этой связи уникальной является прялка из с. Екатерининское Третьяков-

ского района, на обороте лопаски которой изображены мужская и женская фигуры в свадебных нарядах [10].

Роспись встроенной и передвижной мебели представлена тремя экспонатами: подвесная деревянная колыбель, деревянный стол и полати. Все три предмета мебели имеют растительный орнамент.

Колыбель конца XIX — начала XX в. окрашена в коричневый цвет. На внешней стороне стенок, по центру, — стилизованный цветущий куст из зеленых и белых изогнутых листьев с цветами в сине-белой гамме на коричневых стеблях. С обеих сторон около куста — по цветку, составленному из кругов, окружностей и точек белого, зеленого и синего цвета. Место изготовления колыбели неизвестно, она была получена от жительницы Барнаула С. В. Кобзевой [11]. Благодаря ей коллекция музея пополнилась еще одним экспонатом — деревянным столом с росписью. Стол был изготовлен в начале XX в. в Краснощековском районе Алтайского края. Росписью покрыта только царга стола. На ней — гирлянда из чередующихся красных и синих цветов с зелеными листьями в технике урало-сибирской росписи [12].

На полатях изображена композиция, характерная для верхнего яруса росписи помещения, — цветочная розетка. Рисунок занимает почти всё пространство полатей (5 досок), при общем размере изделия 213,5 × 156 см. Известно, что полати были приобретены в 2009 г. в с. Озерное Заринского района у В. И. Лукашовой — наследницы дома, где полати находились. Последние годы в доме проживала семья И. А. Синтякова. Дом был построен дедом Ивана Алексеевича в конце XIX — начале XX в. (рис. 3).

Рис. 1. Прялка корневая. Дерево, масло, роспись. Начало XX в. 76 см, лопасть — 39 × 19 см. Сборы: с. Новая Дресвянка, Заринский район, Алтайский край, 2009 г. АГКМ ОФ 19411

Рис. 2. Прялка корневая. Дерево, масло, роспись. Начало XX в. 93,5 см, лопасть — 57 × 25 см. Сборы: Барнаул, Алтайский край, 2020 г. АГКМ ОФ 19921/3

Рис. 3. Полати (фрагмент). Дерево, масло, роспись. Конец XIX — начало XX в. 213,5 × 156 см. Сборы: с. Озерное, Заринский район, Алтайский край, 2009 г. АГКМ ОФ 18912

Рис. 4. Туес. Береста, дерево, масло, роспись, тиснение. Начало XX в. 29 см, диаметр дна — 20 см. Сборы: с. Каянча, Алтайский район, Алтайский край, 1996 г. АГКМ ОФ 16864/2

Рис. 5. Дверь. Дерево, металл, масло, роспись. Конец XIX — начало XX в. 155 × 78 см. Сборы: с. Туманово, Солонешенский район, Алтайский край, 1996 г. АГКМ ОФ 16764/1

Рис. 6. Блюдо из набора «Благопожелание». Дерево, акрил, лак, токарная работа, ручная роспись. 2010 г., диаметр — 41 см. Автор: Т. Е. Наговицина. АГКМ ОФ 19425/1

Примерами расписной домашней утвари являются туес из бересты с деревянной крышкой и две кадушки с композициями из растительных мотивов.

Туес цилиндрической формы, кроме геометрического орнамента в технике тиснения, украшен живописной росписью: гирлянда из белых цветов и ягод с черными листьями на зеленом фоне. Предназначен туес для хранения сметаны и других жидких продуктов, изготовлен в начале XX в., найден в с. Каянча Алтайского района (рис. 4).

Обе кадушки были обнаружены во время экспедиционных сборов в селах Солонешенского района в 1996 г., композиции и цветовая гамма их исполнения схожи. На одной — горизонтально расположенные гирлянды из цветов и листьев [13], на другой — из «яблок» и листьев [14]. Цвета красок для изображения мотивов: зеленый, красный, синий, желтый, белые и черные приписки, фон — оранжевый. Кадушку для засолки огурцов и капусты сегодня можно увидеть в экспозиции музея «Этнография Алтая».

Среди предметов интерьера с росписью в коллекции АГКМ также представлена небольшая деревянная копилка в виде прямоугольной шкатулки. На крышке копилки изображение растительного характера [15]. Из-за низкой сохранности предмета восстановить рисунок не представляется возможным.

Роспись конструктивных элементов строения в коллекции представляют расписные двери. Дверь из с. Туманово Солонешенского района и дверь из с. Озерное Заринского района похожи по строению композиции росписи. На каждой изображено древо жизни в виде вертикальной гирлянды из цветов. В первом случае на светло-коричневом фоне синие и желтые цветы дополняют зеленые листья, а сам куст (древо) изображен в вазоне из листьев, по углам полотна виден синий занавес [16]. Во втором случае, кроме красных и зеленых цветов на красно-оранжевом фоне, куст состоит из черных побегов с нераскрывшимися бутонами, по периметру полотно покрашено белой краской (рис. 5). Так как рисунки выполнены в стиле урало-сибирской росписи, элементы оттенены белыми оживками и украшены темными приписками. Обе двери однополотные.

Еще одна дверь из коллекции летом 2012 г. была найдена сотрудниками музея в заброшенном доме в с. Калтык Ельцовского района во время историко-этнографической экспедиции. Дом принадлежал А. Р. Тарабукиной, зырянке по происхождению (в начале XX в. в с. Калтык проживали зыряне, сегодня — их дети и внуки). Дверь двухполотная. Лицевая сторона каждого полотна одинаково декорирована: на синем фоне вертикальная цветочная гирлянда как один из вариантов изображения древа жизни, по краям каждого полотна — красный занавес [17].

Помимо домовой росписи прошлых веков в коллекции АГКМ хранятся изделия, выполненные в стиле урало-сибирской росписи современными мастерами: Еленой Юрьевной Леонтьевой, Тамарой Ефимовной Наговицыной и Лилией Васильевной Живовой.

Е. Ю. Леонтьева, народный мастер Алтайского края, создает авторские работы по мотивам домовой росписи Алтая. Яркий пример — елка с изображением цветка из набора «Потешки». Это небольшой деревянный предмет в форме стилизованной елки. Фон выкрашен зеленой акриловой краской. На лицевой стороне — растительный орнамент в виде крупного 8-лепесткового красного цветка с цветной серединой, на черном стебле с желтыми листьями. На оборотной — авторский знак. Поверхность изделия искусственно состарена [18]. Елена Леонтьева создает работы одна и в соавторстве с другими специалистами. Сегодня коллекция музея насчитывает порядка 50 ее изделий, большая часть которых является частью наборов «Потешки» и «Травная полка».

В АГКМ представлены деревянные расписные пасхальные яйца и подставки для них (наборы «Храмы Алтая», 2013), матрешки из набора «Матрешка 25-местная расписная “Как упоительны в России вечера”» (2000) с элементами урало-сибирской росписи в современной версии, блюдо и ваза из набора «Благопожелание» (2010) с растительно-орнитоморфным орнаментом (рис. 6). Данные работы выполнены народным мастером Алтайского края Т. Е. Наговицыной.

В фондах музея хранится разделочная доска, декорированная в стиле урало-сибирской росписи, созданная в 1990-е гг. художницей Л. В. Живовой [19]. Сегодня Лилия Васильевна, являясь старшим научным сотрудником Государственного художественного музея Алтайского края, занимается изучением домовой и прялочной росписи Алтая.

Кроме деревянных изделий с декоративной художественной росписью в коллекции музея хранится несколько рисунков домовой и прялочной росписи, выполненные на бумаге летом 1995 г. художником АГКМ Владимиром Николаевичем Парамоновым во время экспедиции в Солонешенский район Алтайского края, в том числе в с. Сибирячиха, первыми жителями которого были старообрядцы [20]. По этим рисункам мы также можем судить, что из себя представляла урало-сибирская роспись на Алтае в XIX–XX вв.

Таким образом, коллекция АГКМ по свободной кистевой росписи по дереву насчитывает сегодня более 100 экспонатов. К ним относится домовая интерьерная роспись второй половины XIX — начала XX в. и изделия современных авторов, выполненные в народном стиле. Коллекция музея продолжает пополняться и отражает особенности алтайского варианта урало-сибирской росписи: яркость красок, преобладание растительных и орнитоморфных мотивов, вариативность композиций. При этом не прослеживается четкой закономерности между отдельными особенностями росписи и районами ее обнаружения в Алтайском крае.

1. Роспись по дереву. Из собраний музеев Алтайского края : каталог / сост. И. В. Попова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2014. — 44 с.

2. *Щеглова Т. К.* Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции : моногр. — Барнаул : АлтГПУ, 2018. — 508 с.

3. АГКМ ОФ 14994/16. Прялка корневая. Дерево, масло, роспись. Середина XIX в.

4. *Наговицына Т. Е.* Урало-сибирская роспись на Алтае. — Новосибирск : Россазия, 2016. — 64 с.

5. АГКМ ОФ 14992/8. Прялка составная. Дерево, токарная работа, масло, роспись. Начало XX в.

6. АГКМ ОФ 18577/5. Прялка составная (детская). Дерево, токарная работа, масло, роспись. Конец XIX — начало XX вв.

7. АГКМ ОФ 9400. Прялка составная. Дерево, токарная работа, масло, роспись. Начало XX в.

8. АГКМ ОФ 17047/1. Прялка составная. Дерево, токарная работа, масло, роспись. Конец XIX.

9. АГКМ ОФ 19921/4. Прялка корневая. Дерево, масло, роспись. Начало XX в.

10. АГКМ ОФ 16190/3. Прялка составная. Дерево, токарная работа, масло, роспись. Начало XX в.

11. АГКМ ОФ 19921/20. Колыбель подвесная. Дерево, масло, ручная работа. Конец XIX — начало XX вв.

12. АГКМ ОФ 19473. Стол деревянный с росписью. Дерево, масло, токарная работа, столярная работа. Начало XX в.

13. АГКМ ОФ 16765. Кадушка расписная с крышкой. Дерево, масло, бондарная работа, роспись. Начало XX в.

14. АГКМ ОФ 16766/2. Кадушка для засолки огурцов, капусты. Дерево, бондарная работа, масло, роспись. Конец XIX — начало XX в.

15. АГКМ ОФ 15216/53. Копилка кустарной работы из дерева. Дерево, металл, краска, лак, роспись, кустарная работа. Начало XX в.

16. АГКМ ОФ 18700. Дверь. Дерево, металл, масло, роспись. Начало XX в.

17. АГКМ ОФ 19279. Дверь двухполотная. Дерево, масло, роспись. Начало XX в.

18. АГКМ ОФ 19891/8. Елка из набора «Потешки». Дерево, акрил, ручная работа. 2020 г. Автор: Е. Ю. Леонтьева.

19. АГКМ ОФ 15571. Доска разделочная. Дерево, гуашь, лак, токарная работа, ручная роспись. 1990-е гг. Автор: Л. В. Живова.

20. АГКМ ОФ 19657/14. Рисунок цветной. Домовая роспись. Бумага. Карандаш, гуашь. 1995 г. Автор: В. Н. Парамонов.

УДК 069(091)

О. Н. Шелегина

МУЗЕИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Дана характеристика музейной составляющей социокультурного пространства Сибирского федерального округа. Обозначены актуальные и перспективные для анализа социокультурных позиций музеев научно-практические направления. Приведены примеры реализации элементов моделей «Музей и развитие территории», «Музей — инструмент повышения качества жизни».

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ, социокультурное пространство, музейный мир Сибири, региональное наследие.

Музеи являются важнейшими центрами национального и регионального социокультурного пространства. Социокультурное пространство — полисемантическое, междисциплинарное понятие, подвергающееся активной научной рефлексии, находящееся в дискуссионной стадии теоретического обоснования и вместе с тем широко применяемое в прикладных исследованиях [1]. Во всероссийском научно-практическом проекте «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» это понятие использовалось как концепт, включающий в себя физическое, экономическое, политическое, педагогическое, туристическое пространства, объединенные общими ценностями и особыми патриотическими чувствами людей [2]. В современных условиях музей на регионально-локальном уровне является «культурно и социообразующим ядром различных территориальных образований: формирует их культурную среду, приобщает граждан ко всему спектру историко-культурного наследия и нравственным ценностям предков, повышая тем самым уровень гражданской инициативы и ответственности» [3, с. 16].

Как известно, Сибирский федеральный округ (СФО) РФ был образован в мае 2000 г. В настоящее время он включает десять субъектов: три республики — Алтай, Тыва, Хакасия; два края — Алтайский и Красноярский; пять областей — Иркутскую, Кемеровскую (Кузбасс), Новосибирскую, Омскую, Томскую. Все названные территории обладают значительными социокультурными ресурсами, включая объекты историко-культурного и природного наследия, музейные ландшафты, придающие им отличительные черты. В соответствии с Федеральным законом № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. при представлении культуры субъектов РФ выделяются объекты наследия федерального, ре-

© Шелегина О. Н., 2022

гионального и муниципального уровня, влияющие на туристический потенциал региона. Наследие является основой для формирования и развития музейного мира Сибири как одной из приоритетных структур социокультурного пространства [4].

На момент образования СФО в начале XXI в. с учетом данных фундаментального издания «Историческая энциклопедия Сибири» [5] можно выделить особенности российского и мирового уровня в сфере его наследия и музейной инфраструктуры. Так, в Республике Тыва находилось самое значительное для Азиатской России число археологических памятников федерального значения. В 2004 г. был создан республиканский музей-заповедник «Долина царей», известный в нашей стране и за рубежом. Алтайский край входил в число ведущих центров туризма в Российской Федерации. В Красноярском крае отмечалось наличие Енисейска, одного из 116 исторических городов России с более чем 90 архитектурно-историческими памятниками XVII–XVIII вв. В полиэтничном социокультурном пространстве Иркутской области успешно развивался архитектурно-этнографический музей народов Приангарья «Тальцы» — один из крупнейших музеев деревянного зодчества под открытым небом в России. Находящийся в Кемеровской области музей-заповедник «Томская писаница» отнесен к особо ценным культурным объектам России. В Новосибирске имелся самый крупный в Сибири художественный музей с экспозицией в 6 тыс. произведений русских и зарубежных живописцев, уникальной коллекцией картин Н. К. Рериха. Для Омской области с активно работающими центрами традиционной культуры была характерна весьма развитая государственная музейная сеть — 42 музея, в том числе ОГИК музей, Омский областной музей изобразительного искусства им. М. А. Врубеля. В Томской области насчитывалось более 100 (включая общественные) музеев, отличительной особенностью историко-культурного наследия Томска являлись памятники деревянного зодчества, осуществлялась их реставрация и музеефикация.

В первой четверти XXI в. происходит повышение значимости региональной культурной политики, формирование нового отношения к культуре в целом и музеям в частности как к ресурсу социального и экономического развития, расширяются формы включения населения в процессы социокультурного развития территорий [6, с. 11], взаимодействия музеев с местным сообществом. В данных обстоятельствах представляется целесообразным и перспективным анализ позиций музеев в социокультурном пространстве СФО по следующим направлениям (разработки В. Лобановой [7], М. Е. Каулен, О. Е. Черкаевой, И. В. Чувиловой [8] адаптированы автором). 1. Музей и развитие территории: а) музей как инициатор развития

территории; б) музей — инструмент формирования мировых, региональных и локальных брендов; в) интеграция музея в сферу туриндустрии. 2. Музей как системообразующее предприятие: а) музей — главный работодатель; б) музей как творец новых ценностей; в) музей — точка реализации местных товаров и услуг. 3. Музей — инструмент повышения качества жизни: а) музей — мериторное благо, средство социальной защиты; б) музей как площадка для культурных инициатив; в) музей — эталон жизненных стандартов.

Следует подчеркнуть, что наиболее полно все выделенные позиции реализуются при использовании функционально-средового (по определению М. Е. Каулен) [9, с. 93] подхода к музеефикации культурных ландшафтов и объектов наследия. Развитие музейного мира Сибири в социокультурном пространстве СФО связано с актуализацией и музеефикацией наследия на особо охраняемых природных и историко-культурных территориях в форме средовых музеев: музеев под открытым небом, музеев-заповедников, в значительной мере влияющих на экономическую стабильность, благополучие, брендинг и туристическую привлекательность регионов.

В настоящее время музеи-заповедники имеют преимущественно комплексный характер. Вместе с тем с учетом доминирующего типа наследия можно отнести к историко-культурным: «Томская писаница» (Кемеровская область), «Долина царей» (Республика Тыва), «Старина Сибирская» (р. п. Большеречье, Омская область); археологическим: «Казановка», «Хуртуях-Тас», «Сундуки», «Сулеки» (Республика Хакасия); этноэкологическим: «Тюльбергский городок», «Трехречье» (Кузбасс); историко-архитектурным: «Красная горка», «Кузнецкая крепость», «Мариинск исторический» (Кузбасс); историко-этнографическим: «Шушенское» (Красноярский край); мемориальным: Всероссийский музей-заповедник В. М. Шукшина (с. Сростки, Алтайский край). Как показала социокультурная практика одним из целесообразных путей организации музеев-заповедников может стать объединение нескольких профильных учреждений культуры [10, с. 150–172].

Становится весьма актуальным внедрение модели взаимодействия музея и местного сообщества, связанной с так называемым мериторным благом (в рассматриваемой ситуации это музейная и краеведческая потребность) и социальной защитой. Ведущую роль в решении этих проблем играют музеи локальной истории нового типа, к числу которых могут быть отнесены муниципальные и районные краеведческие музеи СФО.

Дальнейшее развитие музеев СФО будет коррелироваться с общей тенденцией роста интенсивности и полифункциональности использования социокультурного пространства на национальном и региональном уровнях.

1. *Орлова Е. В.* Социокультурное пространство: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7 (81). — С. 149–152.

2. *Орлов С. Б., Шелегина О. Н., Чувилова И. В.* Социологические аспекты изучения проблемы актуализации регионального наследия // Международный продовольственный форум «Продовольственная безопасность. Аграрно-политический диалог» : сб. материалов / под общ. ред. М. П. Щетинина. — Барнаул : Полиграфконтакт, 2013. — С. 210–218.

3. *Киселев А. В.* Цивилизационный статус краеведческого музея // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. — 2014. — № 2 (14). — С. 15–30.

4. *Шелегина О. Н.* Наследие — основа формирования и развития музейного мира Сибири // Мировые тренды и музейная практика в России : сб. ст. междунар. науч. конф. / отв. ред. А. А. Сундиева. — М. : РГГУ, 2019. — С. 148–157.

5. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010.

6. *Астафьева О. Н.* Региональная культурная политика в стратегиях социокультурного проектирования инновационной деятельности музеев // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. — С. 11–23.

7. *Лобанова В.* Музей как фактор развития территории // Музей и регион / отв. ред. А. В. Лебедев ; сост. В. Ю. Дукельский. — М. : Рос. ин-т культурологии, 2011. — С. 107–139.

8. *Каулен М. Е., Черкаева О. Е., Чувилова И. В.* Перспективы внедрения результатов социологического исследования «Музей и посетитель — 2012» в практику // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. — С. 213–234.

9. *Каулен М. Е.* Региональное наследие и региональное сообщество: встреча в музее // Музеи как ресурс территориального развития : материалы и доклады междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. Е. Черкаева. — Рязань : Изд-во Ряз. ист.-архитектур. музея-заповедника, 2013. — С. 88–100.

10. *Шелегина О. Н.* Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI в. — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2019. — 230 с.

УДК 069

В. Л. Шерстнев

МУЗЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА)

В статье отмечается наличие значимого культурного наследие в Козьмодемьянске Республики Марий Эл. Рассматривается деятельность сотрудников Муниципального учреждения «Козьмодемьянский музейный комплекс» по освоению наследия в рамках развития территории города.

Ключевые слова: Козьмодемьянск, культурное наследие, популяризация, памятники, образование, туризм.

Выгодное географическое расположение Козьмодемьянска, его хорошие природные условия для жизнедеятельности и проживания человека способствовали тому, что Козьмодемьянск стал городом, имеющим богатое историко-культурное наследие, привлекательное для изучения и знакомства с ним.

В данной статье отражена разносторонняя деятельность музея по развитию Козьмодемьянска, систематизированная по ряду направлений.

Первое направление — работа музея по сохранению культурного достояния Козьмодемьянска.

Козьмодемьянск имеет относительно хорошо сохранившуюся историческую часть, сформировавшуюся в XIX–XX вв. Данная территория города является примером градостроительства второй половины XIX в., что позволяет сегодня ее возвести в ранг памятника градостроительства XIX–XX вв. Город имеет планировочную структуру, которая характеризуется расположением домов и улиц исторической части на террасах, склонах и верхнем плато берега Волги, а также есть отдельные улицы, которые располагаются в городских оврагах: улицы Больничная и Кирпично-заводская.

На территории Козьмодемьянска находится более 60 памятников истории и архитектуры, статус их определен реестром памятников Республики Марий Эл. Из этого числа можно выделить памятники церковной архитектуры, здания, построенные для образовательных учреждений, и здания, построенные под жилье с помещениями для торговли и хозяйственных нужд. Из числа жилых зданий выделяются купеческие усадьбы городского типа и крестьянские усадьбы. Крестьянские дома находятся в основном на Юркино (название части города) и представляют собой пример городской и сельской застройки. Данная часть города является показателем сочетания городской и сельской культуры жителей города XIX–XX вв.

© Шерстнев В. Л., 2022

Важное культурное наследие Козьмодемьянска сосредоточено в музеях. Козьмодемьянская картинная галерея, располагающаяся в Художественно-историческом музее им. А. В. Григорьева, является венцом культурного наследия города. Коллекции изобразительного искусства, собранные основоположником художественной галереи, горномарийским художником Александром Владимировичем Григорьевым, русских зарубежных и местных художников представляют огромное значение в культурной среде народов России, Марий Эл.

Козьмодемьянский музей этнографии им. В. И. Романова, основанный в 1983 г., является кладезью культурного наследия марийского народа. Разнообразная научно-исследовательская, фондовая работа сотрудников этнографического музея способствует планомерной популяризации идентичности марийского народа в большой семье народов России и народов мира. Музей способствует развитию этнотуризма в Козьмодемьянске.

Козьмодемьянский музей купеческого быта, основанный в 1995 г., можно рассматривать как своеобразный памятник козьмодемьянскому купечеству, сыгравшему в свое время важную роль в развитии культуры Козьмодемьянска. Этот музей также отображает культуру русского населения Козьмодемьянска XIX–XX вв.

Козьмодемьянский музей сатиры и юмора в своей работе представляет эти жанры в культуре населения страны, республики и народов других стран, активно популяризует роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Сотрудники музея активно участвуют в региональном фестивале сатиры и юмора «Бендериада».

С целью сохранения историко-архитектурных памятников в городе и улучшения эстетического состояния экскурсионных маршрутов в исторической части города была создана группа из сотрудников музея и общественности с условным названием «Воеводская дружина», которая внесла определенный вклад в сохранение культурного наследия города. С 2019 г. музей стал возглавлять общественное объединение «Культурный патруль», которое занимается популяризацией объектов культурного наследия, его члены оказывают городу посильную помощь в благоустройстве территорий, прилегающей к памятникам.

Музей для решения поставленных задач в области сохранения культурного достояния использует свои собственные интеллектуальные и материальные ресурсы, обращается за помощью к представителям научного сообщества Республики Марий Эл и соседних регионов. Сотрудники муниципального учреждения «Козьмодемьянский музейный комплекс» в настоящее время готовы принять участие и в разработках других музеев в рамках музеефикации исторической части Козьмодемьянска.

Разнообразная музейная работа отражается на музейном сайте. Сайт имеет виртуальный тур и онлайн-канал, трансляции музейных мероприятий, на котором они ведутся в реальном времени и затем фиксируются в архив сайта.

Большая работа в Козьмодемьянске проводится представителями православной культуры: восстанавливаются церкви и часовни, растет культура населения церковных приходов. Показателем роста православной культуры Козьмодемьянска служат работы общественности по восстановлению Тихвинской церкви и ее прихода.

Представители частного сектора Козьмодемьянска, имеющие в своем пользовании памятники архитектуры или живущие в исторической среде города, в силу своих возможностей тоже вносят определенный вклад в сохранение культурного наследия. Представители музея проводят подворовые обходы с целью разъяснения жителям их задач по сохранению культурного наследия города.

Таким образом, механизм, сложившийся в области сохранения культурного наследия в Козьмодемьянске, можно охарактеризовать как механизм государственно – партнерских отношений с церковью, с частным сектором и общественными организациями, в том числе и с ВООПИиК. Этот механизм следует поддерживать и совершенствовать.

Рассмотрим направление деятельности музея с образовательной системой как важным ресурсом в развитии города. Первый краеведческий музей в марийском крае был открыт в Козьмодемьянске в 1919 г. профессиональным горномарийским художником А. В. Григорьевым по инициативе учителей города при отделе образования. Последующие музеи, открытые в разных местах Республики Марий Эл, также принадлежали системе образования и подчинялись областному отделу образования, находящемуся в столице Марийской автономной области — в Йошкар-Оле. В данный период отношения музея с образовательной системой строились по иерархическому принципу: из областного отдела образования шли указания, работники музея их выполняли. Такая ситуация продолжалась вплоть до 1953 г., когда музеи были выведены из системы образования.

Сегодня система образования и музеи находятся в разных министерствах. Взаимодействие их происходят в условиях рыночных отношений в стране. Музеи работают с системой образования на платных условиях. По логике вещей, данная ситуация должна привести к понижению интенсивности взаимодействия музеев с образовательной системой. Но, например, в Козьмодемьянске это не происходит, ситуацию регулирует правительство РФ, правительство Марий Эл и администрация города. Музей получил право проводить как платные, так и бесплатные мероприятия по

пригласительным билетам и письму учебного заведения. По распоряжению руководства Козьмодемьянска, в последнюю субботу месяца для учащихся школ города посещение музеев бесплатное. Такова финансовая сторона взаимодействия музея и образовательной системы.

Другой важный момент взаимодействия музея и образовательной системы — проведение мероприятий, актуальных для школьной программы. Музей, обладающий рядом коллекций живописи, графики, скульптуры, археологии, имеющих даже мировое культурное значение, не всегда способен определить потребности образования. Данная проблема решается на профессиональном двухстороннем уровне представителями музея и образования.

Козьмодемьянский музей развивает рекламную музейную деятельность: печатает рекламы небольшого формата, ведет музейный сайт и онлайн-канал, проводит различные акции по снижению цен на свои услуги. Например, по цене билета одного музея учащимся можно посетить два музея с предоставлением музейного автобуса.

Важным направлением по совершенствованию работы музеев Козьмодемьянска и образования являются совместные методические дни для преподавателей разных дисциплин в залах музея. На них обсуждаются мероприятия при совместном участии представителей образования и музея, что дает положительные результаты в плане повышения эффективности работы школы и музея в образовании и воспитании учащихся.

Музей сотрудничает и с высшей школой. Желанные гости и коллеги научных сотрудников музея — представители вузов Республики Марий Эл, преподаватели и студенты. Они являются активными участниками музейных конференций и мероприятий. Нужно в связи с этим упомянуть студентов Художественного училища Йошкар-Олы, студентов-археологов Марийского государственного университета, членов историко-патриотического клуба Марийского политехнического университета. Они внесли определенный вклад в сохранение и популяризацию культурного наследия Козьмодемьянска и его музеев. Благодаря представителям вузов в городе проходили археологические раскопки, наводился порядок на исторических памятниках города, появлялись картины с видами города, издавались книги о Козьмодемьянске.

Музей сегодня в творческом поиске новых форм работы с системой образования. Сотрудники музея в выполнении свой миссии используют территорию около музея, библиотеки, школьные аудитории. Музей для учащихся школ города проводит в каникулы мероприятия по абонементам. Популярностью пользуются передвижные театрализованные выставки картин по школам города и Горномарийскому району. Следует отметить, что

образовательной системе страны нужно еще более настойчиво, интенсивно и эффективно использовать музейное образовательное пространство.

Следующее направление, по которому ведет работу Козьмодемьянский музейный комплекс, — музейный туризм.

Музейный туризм не являлся изначально традиционным направлением деятельности музеев. Это явление возникло сравнительно недавно: в середине 1990-х гг. в России, в 1970-х гг. в европейских странах. В это время музеи были поставлены в ситуацию предельного самоопределения, поиска новых путей развития и новых внебюджетных источников привлечения средств, в том числе участие в туристской деятельности. «Меняющийся музей в меняющемся мире» — это выражение прочно вошло в современную жизнь. Раньше главным в определении статуса музея были его коллекции. Сегодня эта точка зрения меняется: в центре деятельности музея — посетитель. Вырабатывается новый подход к пониманию сущности музея и его общественного предназначения. Во главу угла поставлен не музейный предмет с его свойствами и функциями, а вовлеченный в сферу деятельности музея человек со свойственными ему социокультурными, психологическими и возрастными особенностями.

Музейный туризм стал средством внутренней мобилизации и адаптации к условиям рынка, способом формирования деловой политики, уточнения целей деятельности и определения стратегии, возможностью выстроить внешние отношения, выработать особую политику музея, открытого окружающему миру. В системе музейной работы туризм — структурообразующая деятельность. Одна из стратегических задач сегодняшнего музея — трансформация его в своеобразную туристскую фирму. Одна из кардинальных проблем, связанных с целым комплексом организационных и психологических факторов, заключается в изменении концепции музея. Долгие десятилетия он представлялся как социально-обслуживающая модель, теперь — как направленный к рыночно-сервисной модели. Особенность музея состоит в том, что он включен одновременно в две системы: государство, где он ведает частью национального достояния, и рынок услуг, где он сбывает свою интеллектуальную продукцию. В этом таится серьезное противоречие, поскольку госучреждение реализует свою функцию «сверху вниз», а фирма, напротив, отталкивается от потребителя. Разрешение этого противоречия, создание комфортного для обеих сторон баланса — одна из задач музейного туризма.

Необходимо отметить, что роль провинциальных городов и музеев огромна в развитии въездного музейного туризма. Для России, переживающей демографический кризис, миграция выгодна и экономически, и социально. В небольших, имеющих свою неповторимую историю населенных

пунктах именно музеи станут центрами «культурного туризма». Технологии туризма могут коренным образом изменить положение многих музеев в российской глубинке. На первом этапе вхождения в сферу «культурного туризма» перед музеем провинциального города стоят задачи: обновление экспозиций с целью придания им уникальной самобытности; повышение комфортности зданий музея; благоустройство территории, организация автостоянок, рекреационных зон; подбор и подготовка профессиональных кадров для работы с туристами, решение вопроса о вознаграждении за труд не менее, чем в туристических фирмах; подготовка оригинальных маршрутов с использованием возможностей музея.

В соответствии с вышеперечисленным был разработан проект «Козьмодемьянск — город-легенда». Целью этого проекта стало создание современного туристского центра, обеспечивающего, с одной стороны, широкие возможности для удовлетворения потребностей населения Республики Марий Эл, российских и иностранных граждан в туристских услугах, с другой стороны, вклад в развитие экономики города, в том числе за счет налоговых поступлений в бюджет, сохранения и увеличения количества рабочих мест, сохранения и рационального использования культурно-исторического наследия.

В рамках данного проекта были разработаны новые 2–3-дневные экскурсионные культурно-познавательные обзорные маршруты по Республике Марий Эл с использованием в каждом из них потенциала Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса. В итоге многолетней работы благодаря усилиям руководства Республики Марий Эл, администрации Козьмодемьянска, сотрудников музеев города и представителей общественности территория Козьмодемьянска развивается и с каждым годом становится более привлекательной для туристов.

Работа по созданию новых туристических маршрутов не прекращается, с 2012 г. в музейном комплексе Козьмодемьянска начал действовать принципиально новый маршрут — виртуальный. Благодаря ему все желающие смогут ознакомиться с музейными ценностями, не выходя из собственного дома. В настоящее время при музее работает туристско-информационный центр.

Важную роль играет научно-исследовательская работа в развитии Козьмодемьянска и прилегающей территории.

Данное направление включает в себя разработку сотрудниками музея актуальных научных тем, публикацию результатов в средствах массовой информации. Участие музейных сотрудников в конференциях различного уровня способствует популяризации Козьмодемьянска и Республики Марий Эл.

Экспедиционная работа ведется по нескольким направлениям:

– пополнение этнокультурных коллекций;

– изучение древнейшей истории окрестностей Козьмодемьянска;

– сбор коллекции минералов и фоссилий с целью создания экспозиции «Зарождение и развитие жизни на нашей планете»;

– экологическое состояние Чебоксарского водохранилища с последующим созданием экспозиции «Современное состояние природы Козьмодемьянска и его окрестностей»;

– этнологические наблюдения в контексте Чебоксарского водохранилища;

– разработка пеших, лыжных, автомобильных туристических маршрутов.

Таким образом, Козьмодемьянский музейный комплекс, эффективно используя музейное пространство в социально-культурном развитии прилегающей территорий, имеет актуальное значение и существенную перспективу, над воплощением которой в жизнь города работает очень активно и продуктивно.

УДК 316.7

О. Н. Шихова

КУЛЬТУРА УЧАСТИЯ И ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ: НА ПУТИ К НОВОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ*

Феномен школьного музея на современном этапе своего развития интересен не только в рамках музейной педагогики, но и социологии культуры. В условиях динамичности, мультикультурности, появления интернет-технологий меняются музейные практики. Они становятся открытыми, демократичными, интерактивными, усиливается «культура участия» посетителей в музейной жизни. Статья посвящена поиску противоречий в развитии школьного музея в условиях массовой «культуры участия».

Ключевые слова: школьный музей, культура участия, музейные практики, интерактивность, историческое сознание, институциональная нестабильность, исследовательская культура.

Дискуссию о современном школьном музее невозможно рассматривать вне общего контекста рассуждений, касающихся трансформации классического музея. Использование новых технологий, проблема транскультурной идентичности, новые форматы коммуникации, участие и ин-

* Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ).

© Шихова О. Н., 2022

терпретация музейных материалов — это вызовы, с осмыслением которых столкнулись сегодня музеологи [1, с. 122].

На наш взгляд, школьный музей переживает особый период поиска своего места в условиях массовой перестройки музейного пространства под культуру участия — активного включения посетителя в (ре)конструирование исторической памяти. На фоне стремительной открытости, публичности, демократичности заметно размываются границы между школьным музеем и любым другим типом музейной организации.

Культура участия (participatory culture) понимается как свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них не только быть «потребителями» или объектами воздействия, но и вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий (например, выставок или образовательных программ), стало быть, в процесс осмысления и актуализации культурного наследия [2, с. 8].

Смена модели взаимодействия музея с общественностью в большей степени свойственна европейскому и американскому музейному сообществу. Однако и в российских реалиях подобные процессы набирают силу. К примеру, проект «Другой Данилов» Дмитрия Андреева [3]; «Лето на заводе» Александра Савичева [4] и др.

Функционирование школьного музея традиционно рассматривается в рамках музейной педагогики, где акцентируется внимание на гуманистическом и образовательном потенциале музея через привитие «ценностного отношения личности к памятнику и расширение чувственного опыта в процессе общения с ним» [5, с. 86]. На основе данной концептуально-теоретической мысли, а также в рамках критической музеологии, современный музей подвергается неоднозначным оценкам. Так, по мнению Оскара Наварро, фактор ориентации на посетителя, а не на музейный предмет в культурных практиках, обострил проблему социальной релевантности музея [6, с. 3–11]. Кроме этого, у современных музеев размывается настоящее понимание образовательной и коммуникативной роли, что выражается в формальном отношении к образовательным функциям. Считается, что школьный музей должен развивать критическое мышление на основе опыта исследовательской деятельности. Если же перекос идет в сторону технологий, презентаций, из внимания упускается историческое послание.

По данным экспертных интервью 2015 г., в России сокращается число молодых людей, способных воспринимать ценности патриотизма, отмечается поверхностность знаний по истории, мифологизированы практически все исторические периоды России. Среди источников, откуда молодежь черпает исторические знания, названы учебник, интернет, кинофильмы и мультсериалы [7, с. 85–90].

На наш взгляд, феномен культуры участия в нашем обществе проходит стадию интерактивности, «зрелищности», имеющих развлекательный характер. В связи с этим обостряется проблема «борьбы между чувственным опытом и интерпретацией» [8] музейных экспонатов, связанная с повторным кодированием культурных текстов, потребительским отношением к музейным практикам. Интерактивный характер взаимодействия музея с детьми сегодня буквально стал основой музейной деятельности, что нами зафиксировано в предыдущих исследованиях [9]. Однако данная практика в большей мере носит пассивный, где-то «зрелищный» характер, ориентирована на получение удовольствий. Как отмечают современные практики в области музейных проектов, «культура участия не отменяет, но и не заменяет интерактивности» [2, с. 14]. Культура участия в большей мере основана на освоении ценностей культурного и природного наследия в процессе исследовательского взаимодействия с разными институциями и сообществами.

Находясь под влиянием трансформационных социокультурных процессов, школьный музей испытывает противоречия.

Мы обратились с вопросом о том, какова специфика культуры участия детей в музейном пространстве на современном этапе к координаторам конкурсов школьных музеев [10], которые отметили несколько позиций:

– Во-первых, *школьным музеем занимаются люди в [солидном] возрасте и делают те же самые проекты, что и 10–15 лет назад. Школьники за эти 10–15 лет изменились*.

– Во-вторых, *проблема взрослых людей — мы люди «зашоренные», мы привыкли делать определенным образом, идти знакомым путем. И пойти другой дорогой и посмотреть на себя со стороны очень сложно.*

– В-третьих, *мы чувствуем, что классика понемногу себя изживает. Дети и взрослые классические выставки не так сильно и любят. Выставки, где можно повзаимодействовать каким-то образом с выставкой самой. Такие новые экспозиционные решения: интерактивные зоны, включение экспозиционных ходов, тайны. Она дает возможность поддерживать внимание ребенка, потому что оно уже быстро рассеивается. Современный ребенок не так сильно готов сосредоточиться как ещё 10–15 лет назад. Клиповое мышление дает определенную проблему именно в педагогике.*

Школьный музей имеет нормативно закрепленные функции: документирование истории, культуры и природы родного края, России путем выявления, сбора, изучения и хранения музейных предметов; осуществление музейными средствами деятельности по воспитанию, обучению, развитию и социализации обучающихся; организация культурно-просветительской,

методической, информационной и иной деятельности, разрешенной законом; развитие детского самоуправления [11].

Проблемы, обозначенные специалистами, находятся на грани институциональной нормы в реализации культурных практик и веяния нового содержания культуры как пространственной организации. Модель передачи информации, в которой посетитель пассивен, постепенно уступает место модели производства смыслов, в которой посетитель — это равноправный участник коммуникации, привносящий собственные идеи [12, с. 118–146]. Происходит ослабление нормативности и расширение свободы участия посетителей. Изменяющийся музей подчеркивает важность практик и опыта, переключает внимание социальных исследователей на контекст проявления участия.

Предполагается, что всё же в школьном музее культура участия детей имеет свои черты. В коммеморативных практиках преобладает институционально сложившийся исследовательский подход. Юному исследователю необходимо пройти путь от собирания и изучения предметов до экспонирования и хранения. Другими словами, поисково-исследовательскую и экспозиционную деятельность, где авторами являются дети, можно соотнести с особым ритуалом, свойственным музею образовательной организации.

Вместе с этим в условиях изменчивости общества музей защищает память, противостоит «прогрессирующей дематериализации мира» [13, с. 10–15]. Как отмечают исследователи в области культуры и социологии, неопределенность в обществе, институциональная нестабильность обусловливают потребность личности в устойчивых символах исторического времени. Данный аспект нуждается в изучении и осмыслении.

---

1. *Жукова Н. М.* Новые тенденции в музеологии. Реферат // Вопросы музеологии. — 2017. — № 1 (15). — С. 122–127.

2. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / отв. ред. А. Щербакова ; сост. Н. Копелянская. — М., 2012. — 176 с.

3. #Другой Данилов // ВКонтакте : [сайт]. – URL: https://vk.com/drugoydanilov (дата обращения: 08.07.2022).

4. Лето на заводе // ВКонтакте : [сайт]. — URL: https://vk.com/letonazavode (дата обращения: 08.07.2022).

5. *Столяров Б. А.* Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 2004. — 216 с.

6. *Наварро О.* История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева // Вопросы музеологии. — 2010. — № 2. — С. 3–11.

7. Исторической сознание российской молодежи : моногр. / общ. ред. С. В. Алексеева. — М. : Изд. Моск. гуманитар. ун-та, 2015. — 115 с.

8. *Худякова Л. А.* Музей в эпоху постмодернизма: потери и возможности? // Вопросы музеологии. — 2010. — № 2 (2). — С. 12–21.

9. *Шихова О. Н.* Музей, который хотел бы посетить современный школьник // Документ. Архив. История. Современность. — 2021. — № 21. — С. 237–246.

10. Материалы интервью с координаторами конкурсов школьных музеев в рамках Регионального форума музеев образовательных организаций Свердловской области, проходившего в Екатеринбурге 28 мая 2022 г.

11. Приложение к письму Минобразования России от 12 марта 2003 г. «О деятельности музеев образовательных учреждений» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации : [сайт]. — URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrazovanija-rf-ot-12032003-n-28-51-18116/ (дата обращения: 08.07.2022).

12. *Максимова А. С.* Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2019. — № 22 (2). — С. 118–146.

13. *Шляхтина Л. М.* Социальные практики современного музея: границы доступности // Вопросы музеологии. — 2014. — № 22. — С. 10–15.

Раздел 2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

УДК 902/904

М. Н. Опалев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ НА ПРИМЕРЕ БЕЗРОДНЕНСКОГО ГОРОДИЩА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ГОРОД ВОЛЖСКИЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Настоящая статья посвящена некоторым аспектам изучения исторического наследия на территории г. Волжский Волгоградской области. Автором обозначаются проблемы определения границ археологического памятника, попавшего в зону застройки многоэтажных домов и нового парка культуры и отдыха. В статье анализируются перспективы продления археологических работ, идентификации находок и консервации (сохранения) территории древнего городища.

Ключевые слова: Золотая Орда, археологические работы, Безродное городище, река Волга, река Ахтуба, сохранность культурного слоя, границы поселения.

Город химиков и металлургов Волжский, являясь спутником Волгограда, насчитывает лишь 72 года истории с начала строительства крупнейшей в Европе и когда-то в мире гидроэлектростанции. До сих пор принято считать, что это комсомольский, молодежный город-сад, во многом для своего времени инновационный, выстроенный вопреки заволжской полупустыне. Следует отметить, что русский населенный пункт сельского типа, существовавший непрерывно в течение двух веков, предшествовавших строительству Волжского, назывался Верхняя Ахтуба или Верхнеахтубинский Безродный городок, основанный при новом казенном шелковом заводе по разрешению императрицы Елизаветы Петровны в 1757 г.

Этот населенный пункт может считаться законным предшественником исторически молодого Волжского.

Однако и с. Верхняя Ахтуба выросло не на пустом месте. Регион Нижнего Поволжья, являясь перекрестком цивилизаций, был центром таких государств древности, как Хазарский каганат и Золотая Орда. Поблизости, в нескольких десятках километров ниже вдоль Волго-Ахтубинской долины, находилась одна из столиц этой могущественной империи — Сарай-Берке, или Новый Сарай.

© Опалев М. Н., 2022

Арабский путешественник Ибн Батутта более 6,5 веков тому назад свидетельствовал о громадных размерах этого столичного города, о развитости в нём торговли, ремесел и о многонациональном составе его жителей. В частности, отмечалось, что от одного конца этого «мегаполиса» до другого было не меньше половины дня пути верхом на лошади.

Впоследствии в ходе гражданской войны в Золотой Орде или, выражаясь языком современников, «великой замятни» города на Нижней Волге были разрушены, жизнь на руинах еще теплилась до конца XV в., до полного распада империи Чингизидов. Далее на три века наступил период забвения и полного отсутствия оседлого населения на берегах Нижней Волги и Ахтубы.

Первыми учеными, зафиксировавшими руины древних построек у с. Верхняя Ахтуба, стали художники-путешественники Чернецовы — Григорий и Никанор Григорьевичи. Путешествуя на специальном суднемастерской в течение лета и осени 1838 г. от верховьев до устья Волги, они создали огромную рисованную панораму речных побережий. Переправляясь у с. Верхняя Ахтуба на подводе вброд через волжский рукав Ахтубу и поднимаясь на надпойменную террасу, путешественники заметили в окрестностях села множество курганов, развалин кирпичных построек и щебня, нетипичных для целинной степи [1, с. 134–135].

В 1843 г. остатки золотоордынского городища изучались ученым А. В. Терещенко, занимавшимся поиском и по развалинам столицы Сарая около восьми лет, до 1851 г. Так, обосновывая необходимость работ по исследованию могильных насыпей и остатков строений А. В. Терещенко в письме министру внутренних дел Л. А. Перовскому от 5 июля 1844 г. ссылается на факт обнаружения крестьянами Верхней Ахтубы в 1841 г. четырех серебряных колец, двух золотых браслетов и золотой оправы седла в кургане в шести верстах ниже по течению реки, т. е. в районе нынешнего поселка Киляковка [2, с. 163].

Во второй половине XIX — начале XX в. на страницах различной научной и справочной литературы периодически появляются сведения о находках древних артефактов у с. Верхняя Ахтуба (Безродное). Так, в «Известиях императорской Археологической комиссии» сообщалось об обнаружении сотен серебряных и медных монет, гончарных изделий и элементов отделки зданий, отделанных глазурью, надписями, орнаментом, о разрушении населением на собственные нужды найденных стен построек и погребальных склепов [2, с. 164].

В 1920-х гг. Ф. Баллод выделил два городища на верховьях Ахтубы в самостоятельный объект изучения. В работе «Приволжские Помпеи» он приводил данные, согласно которым три четверти встреченных на Безрод-

ном городище монет относятся ко временам расцвета Золотой Орды, к периодам правления ханов Узбека и Джанибека [2, с. 165].

После 1920-х гг. исчезли сообщения о золотоордынских древностях в с. Верхняя Ахтуба. Советская археологическая наука утверждала, что Безродное городище было полностью утрачено в связи с застройкой Волжского и сносом старинного села в 1950-е гг.

В 2012–2013 гг. Безродное городище было «открыто» вновь в связи с застройкой 14-го микрорайона, расположенного по верхней надпойменной террасе Ахтубы. В ходе строительства нулевых циклов многоэтажных домов и коммуникаций к ним был поврежден культурный слой, в связи с чем понадобилось проведение так называемых охранных раскопок из-за риска полностью потерять объект культурного наследия.

Раскопки производил отряд «Гюлистан» Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета во главе с кандидатом исторических наук, доцентом Александром Анатольевичем Глуховым. Во-первых, были выяснены примерные размеры прямоугольного в плане городища: 870 × 200 м. Во-вторых, в заложенных раскопах на глубине 2 м был обнаружен культурный слой, насыщенный фрагментами керамики (их было найдено около 1000 единиц), костными останками домашних и сельскохозяйственных животных, сотнями медных и серебряных монет, а также бытовыми изделиями из металла, например коваными гвоздями, охотничьими и боевыми стрелами [2, с. 167–169].

В частности, были выявлены типы фрагментов посуды, определены основные черты волнистого орнамента на средневековых сосудах, сходных с находками из других мест Восточной Европы того же периода. Немало находок металлических изделий, подков, метизов, крепежных кованых элементов строений были определены нами как артефакты с. Верхняя Ахтуба, так как рядом с ними встречались фрагменты посуды с известными «брендовыми» клеймами петербургского и московского производств, а также осколки бомб и снарядов Великой Отечественной войны.

9 октября 2019 г. за объектом археологического наследия «Безродное городище» был установлен особый режим использования территории и государственная охрана от застройки [3]. В 2020 г. А. А. Глуховым была проведена археологическая разведка границ памятника на предмет строительства сетей коммуникаций и водопровода к новому парку «Волжский», к туристическому кластеру «Территория Побед», определены трассы строительства инфраструктуры с выносом ее за пределы научной и исторически значимой территории [4].

Тем не менее вмешательство в культурные слои Безродного городища происходит и в настоящее время. Во-первых, производится противопожарная

распашка местности, где расположен объект археологического наследия, плугом на тракторной тяге с целью предотвращения ландшафтных пожаров в летне-осеннее время. В ходе распашки происходит перемешивание материальных артефактов и повреждение культурного слоя, возможна утрата части материальных свидетельств прошлого. Кроме керамики, на дневной поверхности оказываются кирпичи, изделия из металла и многочисленные кости (см. рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Общий вид культурного слоя Безродного городища, затронутого противопожарной распашкой весной 2022 г. Вид с юго-востока на северо-запад. На ближнем плане видны костные останки

Рис. 2. Типичный вид культурного слоя Безродного городища с осколками керамики на поверхности противопожарной распашки в апреле 2022 г.

Рис. 3. Подъемный материал осколков посуды и изделий из металла с поверхности противопожарных распашек 2020 г. Собран учащимися средних школ г. Волжский Волгоградской области во время экскурсий по территории Безродного городища в парке культуры и отдыха «Волжский» (сентябрь-октябрь 2020 г.)

Каковы перспективы данной территории в рекреационном и туристическом планах? Во-первых, необходимы более масштабные археологические научные работы на этом месте, прежде всего, в спасательном отношении. Во-вторых, необходим сбор всех появившихся на поверхности находок. Уже сущест-

вует проект создания археологического парка на примере городища Безродного в г. Волжский. Это проект туристического кластера с прудами «в форме ордынских зеркал», с гончарными мастерскими, зеленым театром, лучным тиром, плавучими домиками на акватории старицы Ахтубы (оз. Круглое) [5, с. 60–62]. Этот проект этнодеревни на месте древнего поселения был обнародован на конференции в Тамбове в ноябре 2019 г. доцентом Института архитектуры Волгоградского государственного технического университета О. А. Антюфеевой и магистрантом того же вуза М. Б. Никитиной. Вопрос только в том, насколько точно и исторически достоверно будет вписан подобный объект в ткань современного города-спутника Волгограда, не будет ли городище уничтожено навсегда и бесповоротно (руководствуясь «благими целями»)?

В заключение хотелось бы отметить перспективность научного поиска и изучения материального наследия населенных пунктов, ставших предшественником, фундаментом г. Волжский Волгоградской области.

---

1. *Чернецов Г. Г., Чернецов Н. Г.* Путешествие по Волге. — М. : Мысль, 1970. — 191 с.

2. *Глухов А. А.* Безродное городище на реке Ахтубе // Золотоордынская цивилизация. — 2014. — №. 7. — С. 161–175.

3. Приказ комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области от 9 октября 2019 г. № 195 «Об утверждении границ и режима использования территории выявленного объекта археологического наследия “Безродное городище”, расположенного на территории городского округа — город Волжский Волгоградской области» // Информационно-правовая база данных РФ : [сайт]. — URL: https://ipbd.ru/doc/3401201910110006/ (дата обращения: 11.05.2022).

4. Акт государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации, работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ в отношении участка, отведенного под размещение объекта: «Туристско-рекреационный кластер “Территория Побед” г. Волжский. Обеспечение инженерной инфраструктурой пляжной зоны и парка культуры и отдыха “Волжский”. Наружные сети и сооружения водопровода и канализации с выносом сетей за территорию объекта археологического наследия “Безродное городище”» // Комитет государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области : [сайт]. — URL: https://nasledie.volgograd.ru/upload/iblock/5e8/Akt-GIKE-Vodokanalproekt.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

5. *Никитина М. Б., Антюфеева О. А.* Функционально-планировочная организация центров интерпретации археологического наследия на примере городища Безродного в городе Волжский // Современная наука: теория, методология, практика : материалы 1-й всерос. (нац.) науч.-практ. конф. — Тамбов : Изд. Першин Р. В., 2019. — С. 58–63.

УДК 92.2

С. Ф. Татауров

СКАЗ О СВАЙКЕ

Исследование посвящено одной находке — свайке, обнаруженной в ходе раскопок в историческом центре Тары. Этот предмет из железного заостренного стержня и тяжелой граненой головки был широко распространен на Руси как оружие и как игрушка в XVI–XVII вв. С ней связаны трагические страницы истории нашего государства и стихи Великого поэта, приуроченные к известной игре. В этом сообщении попробуем показать всё самое интересное о свайке.

Ключевые слова: Тара, история, археология, свайка, оружие, игра.

Свайка вошла в историю Российского государства 15 мая 1591 г., когда царевич Дмитрий Иоаннович в Угличе во время игры со своими сверстниками укололся свайкой и умер. Его смерть стала одним из камешков в дальнейших потрясениях страны. До конца история с гибелью подростка так и не раскрыта, что стало причиной появления лжецарей, а свайка и игра с ней стали известны всему населению не только России, но и Старого Света.

В 2015 г. в ходе раскопок острожной части Тары был найден интересный железный предмет, который называется свайкой, — заостренный железный стержень с массивной головкой. Параметры: общая длина — 18,7 см; диаметр стержня — 0,8 см; ширина головки — 2 см; головка обработана на 12 граней (рис. 2). Свайки достаточно распространены в русских сибирских городах в XVII в., но не всегда их отличали от гвоздей. Фактически идентичная находка была обнаружена при раскопках Верхотурья. П. А. Корчагин отмечал: «Даже обычный гвоздь, который, вероятно, использовался в качестве вешалки, также не оставлен без украшения. Его шляпка раскована в виде граненого шара» [1, с. 69].

В 1836 г. в Академии художеств в Санкт-Петербурге была открыта скульптура А. В. Логановского «Юноша, играющий в свайку» (рис. 1), показывающая традиционную русскую игру. По этому поводу А. С. Пушкин написал стихотворение:

> Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
> Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
> Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся,
> Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать [2].

Н. В. Гоголь назвал игру в свайки прямо-русскою, как и игры в бабки [3].

© Татауров С. Ф., 2022

Н. М. Языков в стихотворении к А. Н. Вульфу («Помнишь ли, мой друг застольной») написал об этой игре следующие слова:

Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора,
Нашу праздность тешит свайка.
Православная игра! [4]

Рис. 1. Скульптура А. В. Логановского «Юноша, играющий в свайку», располагается перед главным фасадом Александровского дворца в Царском селе

Рис. 2. Свайка из раскопок исторического центра Тары, 2015 г.

Опишем саму игру. Для нее нужен большой толстый гвоздь с граненой головкой весом около 500 г и даже тяжелее в зависимости от силы и навыка играющих. Необходимо также железное кольцо таких размеров, чтобы свайка могла войти в него по самую головку. Известно несколько вариантов игры. Цель игры состоит в том, чтобы чаще других попасть гвоздем-свайкой в железное кольцо, лежащее на земле. Каждый играющий бьет до первого промаха. Промахнувшийся «служит», т. е. подает игрокам свайку до тех пор, пока не подойдет его очередь или пока кто-нибудь из промахнувшихся не сменит его. Набравший наибольшее число очков считается победителем, он забивает свайку как можно глубже в землю, а проигравший, т. е. набравший меньшее число очков, «тащит редьку», пытается вытащить глубоко зарытую свайку из земли. Иногда, по условиям игры, это приходится делать без помощи рук, т. е. зубами.

Свайка — эта достаточно азартная игра, поэтому в нее могли играть и на деньги. Как и другие игры, например шахматы, в XVII в. она была запрещена. Земля, где играли в свайку, становилась изрытой достаточно

глубокими ямками. Поэтому раньше про рябого человека говорили: «Черти на лице в свайку играли». Увлечение свайкой заметили и иностранцы: «Мальчики играют заостренными кусками железа, норовя попасть в лежащее на земле кольцо» [5].

У этого предмета есть еще одно предназначение — это холодное швырковое оружие против доспешных воинов. За счет своего веса и заостренного стержня свайка способна пробить самые крепкие доспехи. «Весит свайка иногда до 4 и 5 фунтов — тяжелее этого мне не случалось видеть, хотя некоторые утверждают, что бывают до полпуда» [6]. Есть несколько приемов его метания, в том числе и с коня. В ближнем бою воины били свайкой в сочленения пластин, в незащищенные части противника. Приемы метания свайки и во время игры, и в боевых действиях идентичны, поэтому подростки, как и во многих других играх, постигали воинскую науку в ходе этого процесса.

В настоящее время эта игра, как и многие традиционные русские народные игры, забыта. В современный период противостояния с западной культурой следует вспомнить наши забытые состязания и забавы и начать проводить по ним соревнования, как, например, это произошло с «русской лаптой». Соревнования по этой игре проходят на региональном и республиканском уровнях.

---

1. *Корчагин П. А.* Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурье. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. — С. 67–80.

2. *Пушкин А.* На статую играющего в свайку // Культура.РФ : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/poems/5048/na-statuyu-igrayushego-v-svaiku (дата обращения: 06.05.2022).

3. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Мир книг : [сайт]. — URL: https://mir-knig.com/read_50781-118 (дата обращения: 06.05.2022).

4. *Языков Н. К* А. Н. Вульфу (Помнишь ли, мой друг застольной) // Культура. РФ : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/poems/41240/k-a-n-vulfu-pomnish-li-moi-drug-zastolnoi (дата обращения: 06.05.2022).

5. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Средневековые исторические источники Востока и Запада : [сайт]. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text31.phtml?id=1183 (дата обращения: 06.05.2022).

6. *Терещенко А.* Быт русского народа. 1848. Ч. 4. Забавы и игры // ЛитМир : [сайт]. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=185044&p=6 (дата обращения: 06.05.2022).

УДК 904

Ф. С. Татауров

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В статье представлена история изучения археологических памятников саргатской культуры раннего железного века, расположенных близ р. п. Большеречье Большереченского района Омской области. Перечислены годы проведения работ, кратко описаны результаты исследований. Опубликованные материалы могут быть использованы при комплексном изучении саргатских древностей Прииртышья.

Ключевые слова: Большереченское Прииртышье, археология, Саргатская культура, IV–II вв. до н. э., курганы, городище.

Саргатские древности на территории Большереченского Прииртышья привлекают исследователей со второй половины XIX в. В 1860-х гг. тарский купец второй гильдии Е. И. Малахов провел серию раскопок курганов «на левом берегу реки Иртыш, в двух верстах от деревни Большеречье по пути к деревне Гущино такмыкской волости Тарского округа Тобольской губернии, в 100 верстах от Тары» [1, с. 19–20]. Полученные в ходе этих работ материалы (человеческие скелеты, детали конской упряжи, керамические сосуды, наконечники стрел, украшения и проч.) он выслал в дар Обществу любителей естествознания при Императорском Московском университете, за что в ноябре 1867 г. он избран членом-кандидатом этого Общества, а находки из курганов представлены на Всероссийской этнографической выставке [1, с. 19–20]. Хотя Е. И. Малахов не был профессиональным исследователем, его работы обозначили потенциал в изучении древностей на данной территории.

Через сто лет памятники, к тому времени уже известные как саргатские, привлекли в район р. п. Большеречье профессиональных исследователей. С начала 1960-х гг. разведочные работы здесь проводит Уральская археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга [2, с. 114]. В ее рамках свердловским археологом Ю. Ф. Рыжовым в 1964 г. между р. п. Большеречье и д. Гущино обнаружено 15 курганов [3]. К сожалению, эта территория активно распахивалась с XVIII в., в связи с чем насыпи постепенно разрушались, плохо идентифицировались на местности. Когда другой уральский исследователь В. А. Овчиников в 1966 г. провел здесь повторное обследование, то смог найти лишь 12 курганов [4]. В 1990 г. в ходе выполнения государственного задания по паспортизации памятников археологии Ю. В. Чернышевой и в 1992 г. А. Я. Труфановым между р. п. Большеречье

© Татауров Ф. С., 2022

и д. Гущино были выявлены и поставлены на учет три отдельных памятника — одиночный курган Большеречье-I, курганные могильники Большеречье-II (две насыпи) и Большеречье-III (шесть насыпей) [5].

В 2020 г. археологическая экспедиция музея-заповедника «Старина Сибирская» под руководством Ф. С. Татаурова провела раскопки одиночного кургана Большеречье-I. Он находился в аварийном состоянии, насыпь, в 1992 г. достигавшая высоты 1,6 м [5], к 2020 г. была полностью разрушена местными жителями, выбравшими с нее грунт для личных нужд. Под остатками насыпи было обнаружено два захоронения, ранее разграбленные, окруженные рвом, диаметр одного из них составил 20 м. Одно из погребений кургана было полностью разрушено, вероятно, Е. И. Малаховым, находок в нём практически не обнаружено. Второе захоронение ограблено в древности, не очень тщательно, что позволило сделать ряд находок: изделия из металла (фрагменты доспешных железных пластин, бронзовая накладка на налуч), костяные пластины от составного доспеха, костяные и железные наконечники стрел, серебряные накладки на конскую упряжь, четыре бусины (из них три глазчатые), бронзовое кольцо (вероятно, от удил), фрагменты керамического сосуда. Кроме того, зафиксирован древесный тлен с остатками покрытия красным лаком [6, с. 647–648]. Эти материалы нашли прямые аналогии в других памятниках саргатской культурно-исторической общности в Прииртышье и позволили датировать памятник III–II вв. до н. э. [6, с. 648–649].

В 2021 г. археологическая экспедиция музея-заповедника «Старина Сибирская» под руководством Ф. С. Татаурова, продолжив работы на курганном поле между р. п. Большеречье и д. Гущино, провела раскопки одного из двух курганов могильника Большеречье-II. Он также находился в аварийном состоянии, половина насыпи была разрушена местными жителями. Исходя из описания, сделанного в 1992 г., курган имел округлую в плане форму, диаметр — 37 м, высоту — 4,2 м [5]. Под остатками насыпи обнаружено одиночное захоронение, окруженное двумя рвами, диаметр внешнего составил 39 м, внутреннего — 12 м. Погребение, вероятно, ранее раскопано Е. И. Малаховым, в пользу чего свидетельствуют следующие наблюдения: 1) выбранная в ходе его исследований яма полностью накрывала могилу; 2) из заполнения могилы выбраны все артефакты (в том числе предметы из кости и железа, обычно не интересующие грабителей) и скелет погребенного. Несмотря на это, удалось проследить и описать остатки внутримогильной конструкции, представляющей собой перекрытие из тонких бревен, остатки которого были зафиксированы в южной части ямы на глубине 0,5 м от уровня зачистки площадки кургана. Выше дна могилы обнаружены остатки погребального ложа, установленного на четыре столба по углам вровень со специально оставленной ступенькой из глины высотой до 0,2 м.

На правом берегу Иртыша, напротив описанных курганов, расположено городище саргатской культуры Карташёво-III. В 1961 г. его впервые охарактеризовал краевед В. И. Морозов [7, с. 98]. В 1980 г. раскопки на памятнике проводил московский исследователь В. А. Могильников. В ходе работ была получена представительная коллекция керамической посуды (как целых форм, так и фрагментов) [8]. В 2005 г. на памятнике проводила работы совместная экспедиция Фонда охраны археологического наследия и ОГИК музея под руководством А. В. Матвеева. В ходе раскопок обнаружены многочисленные фрагменты керамики, глиняные пряслица, наконечники стрел, костяная подвеска, ременная обойма, лощило, точильный камень [9]. Материалы близки к тем, что были обнаружены в ходе исследования кургана Большеречье-I. Можно обратить внимание на сходные орнаментальные композиции на керамике, идентичность костяных наконечников стрел.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы. Саргатские древности в Большереченском Прииртышье изучены фрагментарно, в рамках всего трех памятников, однако в ходе этих работ накоплена представительная коллекция артефактов. Анализируя материалы с городища и курганов, можно заметить, что они относятся примерно к одному периоду — IV–II вв. до н. э. Накопленные данные позволят в дальнейшем провести сравнительный анализ материальной культуры населения изучаемого микрорегиона с соседними территориями, проследить торгово-экономические связи.

---

1. Археологическая летопись земли Тарской / С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, Л. В. Татаурова, С. С. Тихонов. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2019. — С. 19–20.

2. *Корякова Л. Н.* Из истории изучения саргатской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 16. Археологические исследования севера Евразии. — 1982. — С. 113–124.

3. *Рыжов Ю. Ф.* Отчет об археологической разведке по левому берегу Иртыша в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 3019.

4. *Овчинников В. А.* Отчет об археологической разведке, проведенной Уральской экспедицией в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 3425.

5. *Труфанов А. Я.* Отчет о работах в Крутинском, Нововаршавском и Большереченском районах Омской области в 1992 г. // Архив МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского Ф. II. Д. 83-1.

6. *Татауров Ф. С., Татауров С. Ф.* Результаты исследования одиночного кургана саргатской культурно-исторической общности близ посёлка Большеречье в Омском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. — Т. XXVI. — С. 645–649.

7. *Здор М. Ю., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н.* Археологическая карта Муромцевского района Омской области. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. — С. 98.

8. ОГИК музей. Фонд «Археология». Коллекция ОМК 10033. ВОМК 339.

9. ОГИК музей. Фонд «Археология». Коллекции ОМК 14845; ОМК 14939; ОМК 14992.

УДК 902

К. Н. Тихомиров

О СОЗДАНИИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ В БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Рассматриваются возможности создания экскурсий на открытом воздухе в Большереченском районе на материалах объектов археологического наследия. Предлагается создание тематических маршрутов по разным типам археологических памятников (курганов, городищ). Указывается на возможность создания экскурсий, направленных на ознакомление с отдельной эпохой или одной из археологических культур.

Ключевые слова: археология, тематические экскурсии по объектам археологического наследия, Большереченский район, Омская область.

Одной из важных основ сохранения истории какого-либо региона является деятельность местных любителей истории, которые в свое свободное время собирают и сохраняют старые предметы, исследуют окрестности своих населенных пунктов, выявляя и обследуя различные особенные места. Среди них наибольшей популярностью пользуются места, связанные с древней историей, большинство из них являются памятниками археологии. Часто во внимание любителей старины попадают и объекты, связанные с народной культурой. В этом отношении огромную работу проделал В. С. Аношин: он не только создал Большереченский краеведческий музей, но и оставил после себя огромный рукописный архив, в котором он на протяжении многих лет собирал данные об истории и современной ему жизни Большереченского района (статистические данные, вырезки из газет, фотоиллюстрации и т. д., которые он наклеивал в альбомы). В настоящее время эти данные уже являются ценнейшими свидетелями истории этого региона в 1960–1970 гг.

Много времени он отдавал древнейшей истории района, выявив и обследовав большое количество археологических памятников разного типа и культурно-хронологической принадлежности. Большая часть проделанной им работы была использована профессиональными археологами для создания научных работ по древнейшей истории Среднего Прииртышья.

© Тихомиров К. Н., 2022

Однако в настоящее время особенно актуальным стало не только сохранение объектов археологического наследия, так как активное антропогенное воздействие на ландшафт сокращается, но и популяризация древней истории родного края.

Эту функцию успешно выполняют музеи разного уровня. Однако существуют объекты исторического и культурного наследия, которые невозможно экспонировать в залах музеев. Не могут дать в полной мере представления о них и музеи под открытым небом. К ним относятся исторически сформировавшиеся культурные ландшафты. Среди них особо выделяются расположенные концентрировано группы археологических объектов, создающих единый культурно-исторический комплекс. Такие образования включают в себя памятники разного типа (поселения, могильники, городища и т. д.), сохраняющие и иллюстрирующие свидетельства жизни одной группы людей в конкретный исторический период. Демонстрация разнотипных комплексов этой группы поможет показать жизнь древних людей с разных сторон и продемонстрировать их природную обусловленность. К таким комплексам, согласно статье 3 закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...», относятся «достопримечательные места», которыми являются и «совместные творения человека и природы», в том числе культурные и природные ландшафты, объекты археологического наследия, включающие в себя древние городища, селища, курганы и др. [1]. Такие объекты культурного наследия невозможно популяризировать из залов музеев, но они должны быть включены в указанную деятельность. Существуют они и на территории Большереченского района.

Большереченский район на территории Омской области легко доступен. Он находится всего в 150 км от областного центра. Здесь расположен ряд интересных туристических объектов.

Среди них выгодно выделяется историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В его состав входят Картинная галерея, Краеведческий музей, экспозиция сельских усадеб под открытым небом и др. На основе имеющихся экспонатов постоянно проводятся историко-культурные мероприятия разного типа. На территории райцентра также расположены Большереченский государственный зоопарк имени В. Д. Соломатина — единственный в России сельский зоопарк — и дендропарк с уникальными для этих мест растениями.

В Большереченском районе существует несколько мест со значительной концентрацией археологических памятников (участок левобережной террасы от с. Такмык до д. Бызовка, окрестности с. Могильно-Посельское и д. Могильно-Старожильск, с. Старокарасук, с. Ингалы, д. Ростовка, д. Боровянка, район оз. Батаково и др.). Среди них выделяется участок левобережной

поймы — уникальный природный феномен, известный как «Батаковская пойма» [2], где находится удивительный археологический микрорайон, содержащий многочисленные объекты археологического наследия разных типов. В 1990-е гг. здесь был создан Национальный археологический и природный парк «Батаково» под руководством Л. И. Погодина. Его деятельность была направлена на обследование обширных территорий Большереченского района и непосредственно площадей урочища «Батаково», в результате чего были обнаружены и обследованы в разной степени более 142 разнотипных объектов археологического наследия (курганные и грунтовые могильники, поселения, городища, стоянки), датирующихся от финала неолита до эпохи Средневековья. Для этих памятников были составлены научные описания, планы, произведена их фотофиксация. На части из них были проведены раскопки, предоставившие уникальные материалы по древней истории Среднего Прииртышья.

В настоящее время эти работы продолжают сотрудники музея-заповедника «Старина Сибирская» и Института археологии и этнографии СО РАН [3; 4].

На территории Большереченского района есть несколько территорий, которые могут быть отнесены к достопримечательным местам. Среди объектов культурного наследия важными являются и компактные скопления археологических памятников, и ландшафты, в которых они существуют: урочища «Батаково», «Чигарь», «Остров» и др. Все эти места могут стать объектами популяризации культурного наследия и совмещенной с ней рекреации.

К сожалению, популяризация культурного наследия России еще недостаточна. Это можно исправить в числе прочих мер, если активизировать деятельность по ознакомлению с культурным достоянием регионов широких масс населения. Для этого необходимо оценить возможности рекреационной деятельности, создать схемы расположения памятников культуры на местности, разработать и сделать доступными для ознакомления экскурсионно-туристические маршруты, подготовить и установить информационные указатели и др.

На основе имеющихся археологических материалов в Большереченском районе возможно осуществление разнообразной рекреационной деятельности. Одной из них может стать экскурсионная деятельность. Большое количество объектов археологического наследия практически всех типов от эпохи позднего неолита до развитого Средневековья, их доступность и удобное компактное расположение, а также незначительное разрушение вследствие хозяйственной деятельности способствуют экскурсионной и рекреационной деятельности. Возможно проведение экскурсионной деятельности с различными видами маршрутов (линейный, кольцевой, ра-

диальный, линейно-радиальный, радиально-кольцевой). В том числе можно разработать тематические маршруты по объектам археологического наследия разного типа или разных эпох. Например, это могут быть экскурсии по разным городищам или курганам. Возможно ознакомление с комплексами одной эпохи или даже одной археологической культуры (например, саргатской).

Привлекательным в этом плане может стать урочище «Батаково» и примыкающие к нему районы. Среди многочисленных объектов археологического наследия здесь выделяется ряд памятников, которые могут быть интересны туристам. Одним из показательных может стать курганный могильник Боровянка II у с. Старокарасук, расположенный на территории охотбазы. Насыпи курганов большие и хорошо заметны с дороги на базу. Особенно хорошо видна насыпь кургана I, стоящего на открытом месте. Этот район также содержит ряд объектов археологического наследия, которые чрезвычайно интересны в научном плане и в то же время привлекательны для экскурсионной деятельности. Это, прежде всего, городища Батаково XIX, Батаково X (Инберень VII) и поселения Батаково I (Инберень IV), Батаково X (Инберень V), датируемые от эпохи бронзы до раннего железного века. Их исследование позволило значительно скорректировать древнюю историю левобережного Прииртышья. Важным фактором для рекреационной деятельности является то, что все комплексы располагаются вдоль дороги от с. Ингалы до с. Старокарасук, идущей мимо указанной охотбазы и далее вдоль бровки первой надпойменной террасы. Поэтому можно разработать сквозной линейно-радиальный маршрут с проездом по всем показательным объектам археологического наследия в этом месте. Здесь возможно создание тематической экскурсии с демонстрацией городищ разного типа и комплексами разных эпох.

Еще один радиально-кольцевой маршрут можно разработать на гриве «Чигарь», расположенной в левобережной долине Иртыша, в районе д. Ростовка. Здесь на небольшом участке, в березовом лесу, сконцентрировано несколько десятков объектов археологического наследия разных типов и эпох. Среди них могильный комплекс Боровянка XVII [5], с которого были получены материалы поздней бронзы и коллекция уникальных антропоморфных предметов из бронзы [6], поселение саргатской культуры Боровянка XXXVa и др.

Таким образом, территория Большереченского района обладает значительными ресурсами для рекреации на основе объектов археологического наследия, во время которой можно узнать много интересного про историю и культуру жителей этого района, древнюю историю населения Среднего Прииртышья, увидеть воочию различные типы археологических

памятников, посетить и при желании принять участие в археологических раскопках.

1. Федеральный закон № 73-ФЗ Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 г. // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 22.11.2021).

2. *Переладова Ю. А.* Большереченский дендропарк и Батаковская пойма как единый экспозиционный ресурс // Аношинские чтения : материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. — Омск : Наука, 2017. — С. 258–262.

3. *Тихомиров К. Н.* Археологические работы историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» по исследованию и сохранению культурного наследия Большереченского района в 2016-2018 гг. // Аношинские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2019. — С. 73–80.

4. *Татауров Ф. С., Татауров С. Ф.* Результаты исследования одиночного кургана саргатской культурно-исторической общности близ поселка Большеречье в Омском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. — Т. XXVI. — С. 645–649.

5. *Полеводов А. В., Погодин Л. И.* Комплекс эпохи поздней бронзы некрополя Боровянка XVII // Новое в археологии Среднего Приртышья. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2003. — С. 40–48.

6. *Погодин Л. И., Полеводов А. В. Труфанов А. Я.* Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. — Екатеринбург : Урал. изд-во, 2008. — С. 195–206.

Раздел 3. РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

УДК 659.44

К. А. Казакова

БРЕНД ТЕРРИТОРИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

В статье раскрывается понятие «бренд территории». Проанализированы потенциальные возможности, которыми обладает Республика Коми, для создания своего бренда и предпринята попытка сформулировать развернутую концепцию бренда Коми, отражающую ее уникальность.

Ключевые слова: Республика Коми, бренд территории, брендинг территории, продвижение, туризм.

Каждый регион РФ обладает своим уникальным культурным наследием, которое является прекрасной базой для привлечения инвестиций, туристов и создания благоприятной атмосферы для жителей региона. Необходимость этих трех компонентов для успешного развития территории приводит к тому, что практически каждый регион РФ стремится создать бренд собственной территории.

Во многих словарях понятие «бренд» (от англ. brand) определяется как способ графической идентификации конкретного производителя. В свою очередь, бренд территории определяется как уникальный эмоционально-позитивный образ, обусловленный природными, историческими, производственными, социально-культурными и другими особенностями территории, ставший широко известным общественности. Он является важнейшим фактором конкурентных преимуществ и доходов территории, ценным активом национальной/региональной экономики [1, с. 20].

Несомненно, бренд территории должен отражать ее исторические и культурные особенности. В 2002 г. один из ведущих мировых специалистов в области брендинга Саймон Анхольт впервые в качестве термина употребил фразу «брендинг мест». Анхольт стал основным разработчиком комплексного подхода к брендингу территорий, в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте (например, туризме). Анхольт создал концепцию конкурентной идентичности: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди [2].

© Казакова К. А., 2022

Республика Коми — северный регион России, имеющий богатую историю, девственную природу, развитую промышленность и самобытную культуру. Всё это формирует уникальный бренд данной территории и полностью соответствует государственной программе РФ «Развитие туризма»: «История любой страны наложила отпечаток на все процессы прошлого и настоящего, проходившие и проходящие на ее территории. И этот отпечаток тем глубже и интереснее для туристов, чем древнее культура страны, чем она более "многослойна". Туристу всегда интереснее за одну поездку увидеть следы культуры нескольких исторических эпох, и в этом смысле Российская Федерация обладает развитыми историко-культурными традициями, истоки которых лежат в разных исторических эпохах» [3].

Свою государственность Коми получила в 1921 г., когда был принят декрет «Об автономной области Коми (зырян)» [4, с. 289]. Население республики на 2022 г. составляет 803 477 человек [5]. Столицей Республики Коми является Сыктывкар, основанный 5 февраля 1780 г. по указу Екатерины II. Первоначальное его название — Усть-Сысольск [6]. В отделе истории Национального музея Республики Коми хранится самая древняя в мире лыжа (возрастом более 8 тыс. лет). В Сыктывкаре сохранились элементы застройки XIX в., а также есть интересный район под названием «Париж».

В 1920-е гг. началось активное социально-экономическое развитие автономной области (АО) Коми. С 1930-х гг. на территории АО Коми начинает активно развиваться система ГУЛАГ, что привело к появлению здесь большого количества представителей иных национальностей с их культурой и менталитетом. В свою очередь, это способствовало постепенному размыванию коми культуры, последствия чего ощущаются в Республике Коми и в XXI в., когда многие жители региона, несмотря на то что родились здесь и имеют родственников, говорящих на коми языке, абсолютно не считают себя коми. В связи с этим коми культура понесла определенный ущерб в плане использования ее в качестве основы для брендинга территории: многие жители региона не только не знакомы с традициями коми народа, но и не принимают их всерьез. Поэтому зачастую все разговоры о том, чтобы принять в качестве бренда региона какой-либо объект или персонаж коми культуры, заведомо не имеют успеха. На наш взгляд, это является большим упущением, так как именно национальный коми символ выделил бы территорию коми среди остальных регионов страны.

Кроме того, ГУЛАГ имел еще одно негативное последствие для брендинга: Коми АССР стала восприниматься как территория лагерей и заключенных. Этот негативный имидж надолго закрепился в сознании людей [7, с. 43].

Таким образом, особенности исторического развития на протяжении XX в. привели к тому, что в начале XXI в. в Коми так и не оформился свой

четкий, узнаваемый и признаваемый большинством бренд. В настоящее время актуальность данного вопроса всё более нарастает. Студенты кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина активно разрабатывают проекты, направленные на продвижение именно культурно-исторического бренда республики Коми.

Что касается природных факторов, то 70 % территории республики Коми занимают нетронутые леса. На территории Коми находится более 78 тыс. озер, 233 особо охраняемых природных территорий, две из которых — федерального значения: Национальный парк «Югыд ва» и Печоро-Илычский природный биосферный заповедник, включенные в список природного наследия ЮНЕСКО под общим названием «Девственные леса Коми» [8]. Именно благодаря уникальному природному потенциалу на данный момент Республика Коми позиционируется как территория экологического туризма (бренд — «Эко Республика Коми»). Помимо экологического туризма, регион Коми может привлечь и любителей активного туризма (лыжного, пешего, водного). Не может остаться без внимания и этнографический туризм (особенно в зимнее время). В холодный сезон территорию посещают любители краеведения и все желающие познакомиться с бытом оленеводов [7, с. 44]. Новым вектором развития города становится Арктический туризм. Сегодня здесь готовы предложить сертифицированные маршруты природного и экстремального туризма с возможностью посещения уникальных природных объектов Полярного Урала, побережья Карского моря. Воркута — единственное в мире место, где любители экстремальных зимних видов спорта могут тренироваться до конца мая. По итогам конкурса National Geographic Traveler Awards 2018 Республика Коми заняла 2-е место в номинации «Российский экологический отдых», в 2017 г. — стала победителем в этой же номинации [8].

Таким образом, отметим, что продуманный до мелочей бренд территории действительно является ключевым фактором развития туризма. Концепция бренда Коми должна охватывать сразу несколько сфер культурной идентичности: коми народ, коми культуру, коми кухню, декоративно-прикладное искусство, уникальную природу (заказники, парки, природные памятники).

---

1. *Важенина И. С.* О сущности бренда территории // Экономика региона. — 2011. — № 3. — С. 18–23.

2. Национальный брендинг и брендинг территорий // Энциклопедия маркетинга : [сайт]. — URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/nation_branding.htm (дата обращения: 18.06.2022).

3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» (с изменениями на 18 мая 2022 г.) // Кодекс : справ.-правовая система. — URL: https://docs.cntd.ru/document/727709328 (дата обращения: 21.06.2022).

4. История Коми с древнейших времен до конца XX века : в 2 т. / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. — Т. 2. — 702 с.

5. Население Республики Коми // Википедия : [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Коми#Население (дата обращения: 18.06.2022).

6. День республики Коми // РИА Новости : [сайт]. — URL: https://ria.ru/20110822/420123649.html (дата обращения: 18.06.2022).

7. *Казакова К. А., Горунович А. Н.* Влияние исторического развития территории на характер регионального брендинга (на примере Республики Коми) // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, вып. 5. — С. 42–46.

8. Республика Коми. Информация о регионе // Федеральное агентство по туризму : [сайт]. — URL: https://tourism.gov.ru/regions/?freg=234 (дата обращения: 21.06.2022).

УДК 332

Ю. С. Путрик

ВНУТРИКУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ КАК РЕСУРС ТУРИЗМА

Глобализация, развитие цифровизации и коммуникаций открывают новые возможности взаимной интеграции не только сферы культуры и туризма, но и внутрикультурных интеграций, которые возникают на стыке направлений деятельности в сфере культуры. Результатом внутрикультурных интеграций являются новые культурные продукты, привлекающие внимание как местных жителей, так и посещающих данную местность или город туристов и выступающие всё более значимым ресурсом развития сферы туризма.

Ключевые слова: культура, туризм, интеграция, социокультурное программирование.

Стремление посетить культурные ценности, которые находятся вне места постоянного проживания, стало с древнейших времен важнейшим мотиватором поездок и путешествий в другие местности и страны. Традиционно к таким ценностям относятся материальные и нематериальные объекты и явления, так или иначе связанные с особенностями истории и культуры посещаемого региона. Такое взаимодействие двух сфер — сферы культуры и сферы туризма — обеспечивает беспрерывный процесс трансляции информации о культурных ценностях стран и регионов, выполняя важнейшую миссию международных, межрегиональных

© Путрик Ю. С., 2022

и внутрирегиональных культурных обменов. Эволюция интеграционного процесса между культурой и туризмом приводит к возникновению новых форм и видов туристско-культурного взаимодействия, которое на определенном этапе становится эффективным фактором социально-экономического развития региона.

Глобализация, развитие цифровизации и коммуникаций, динамично воздействующих на все сферы общественной и социально-экономической жизни общества, не в меньшей степени влияют на процессы взаимной интеграции различных сфер деятельности, что приводит к появлению новых продуктов и услуг, не только более полно удовлетворяющих традиционные потребности, но и формирующих новые потребности людей. Туризм как сфера межотраслевого характера является мощнейшим интегратором десятков отраслей экономической и гуманитарной сфер, стимулируя социокультурные и экономические виды деятельности к более активному развитию и выводя их на новые уровни взаимодействия между собой в рамках единой туристской системы.

Рассуждая об интеграционных процессах в сфере культуры и туризма, обратим внимание и на внутрикультурные интеграции, которые возникают на стыке направлений деятельности в сфере культуры и результатом которых являются новые и часто нетрадиционные культурные продукты, расширяющие наши представления об окружающем мире и привлекающие внимание как местных жителей, так и посещающих данную местность или город туристов. Так, на базе литературных произведений появляются не только кинофильмы и спектакли, но и проектируются специальные события: праздники, фестивали, выставки и другие мероприятия, которые становятся уже частью конкурентоспособного туристского продукта конкретной территории, не говоря уже о масштабных реставрациях исторических событий, праздниках и др. Событийные ряды в регионах России пополняются как традиционными, так и новыми явлениями и специальными аттракциями для отечественных и иностранных туристов. Это и ярчайшая представительная серия исторических театрализованных массовых фестивалей «Времена и эпохи» в Москве с рыцарскими турнирами и массовыми сценами из эпохи Средневековья, и ежегодная историческая реконструкция Бородинского сражения, и сотни других подобных мероприятий в десятках регионов Российской Федерации. К ярким примерам таких мероприятий можно отнести фольклорно-музыкальный фестиваль, который ежегодно проводится уже более 30 лет в достопримечательном месте «Бежин луг» в Тульской области и собирает более 5 тыс. посетителей и туристов [1]. Места съемок кинофильмов стали, например, причиной появления

кинотуризма как быстро развивающегося подвида туристской деятельности, сопровождающегося не только экскурсионным показом объектов, связанных со съемками популярного фильма, но и другими специально спроектированными мероприятиями, представляющими интерес для туризма, встречи с местными жителями и др. Получающее всё большее развитие социокультурное проектирование и программирование, в рамках которого как раз и реализуется внутрикультурный интеграционный потенциал, способствует более активному вовлечению в сферу туризма материальных объектов культурного и природного наследия, музеев и других типов учреждений культуры, которые, как принято считать, прямого отношения к туризму не имеют. Это образовательные учреждения культуры, библиотеки, театры и др., возможности которых становятся всё более востребованными в сфере туризма для успешного осуществления социокультурного проектирования. В музейной сфере одним из перспективных направлений сотрудничества с туристской сферой могут стать, например, музейно-туристские кластеры [2].

Расширение возможностей использования внутрикультурных интеграций в туризме является вполне конкретной и актуальной задачей в общей группе задач по научному обеспечению и разработке методов активизации вовлечения культурно-исторических и природных объектов в туристский оборот. На современном этапе это происходит в условиях реализации Стратегии развития туризма до 2035 г. и Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [3], где, соответственно, актуализируются проблемы по научному обеспечению развития туристской сферы, в том числе и в части поиска путей и методов повышения эффективности использования историко-культурного потенциала в сфере туризма. Здесь опора всё больше идет на комплексный подход, так как основными условиями достижения положительных результатов при проектировании дальнейших перспектив развития туризма на территории региона или муниципального образования можно считать сбалансированное сочетание таких четырех факторов, как доступность (1), инфраструктура (2), социокультурное программирование (3) и продвижение (4), которые призваны системно, во взаимосвязи обеспечить эффективное функционирование дестинации. Наибольшую сложность здесь представляет выработка оптимальных моделей сбалансированного сочетания этих четырех факторов с учетом особенностей конкретного региона, что в целом заставляет по-новому посмотреть, например, на проблемы кадрового обеспечения туризма в части возрастания потребностей в привлечении представителей творческих профессий, более активного применения технологий социокультурного проектирования

в местах пребывания туристов. Из названных четырех факторов социокультурное проектирование является наименее разработанным и понимаемым компонентом создаваемых туристско-рекреационных структур в регионах. При этом рамки сотрудничества между секторами туризма и культуры вполне могут и должны расширяться, предусматривая в том числе активное участие местных жителей и сообществ, посетителей, государственного и частного секторов. Это открывает путь к созданию новых возможностей социально-экономического и духовного развития для местного населения, способствует укреплению цивилизационной идентичности на региональном уровне.

Вопросы усиления сотрудничества между сферами культуры и туризма могут решаться и путем принятия соответствующих стратегических документов на федеральном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. Так, в 2013 г. впервые в нашей стране была принята государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг., в которой определено, что развитие культуры и туризма представляет собой систему мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере культуры и туризма [4]. На региональном уровне можно привести пример Чеченской Республики, где принималась и с 2014 г. реализуется государственная программа «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике» на 2014–2018 гг. [5]. Совместное рассмотрение проблем и перспектив развития культуры и туризма в их взаимодействии всё чаще можно встретить в муниципальных документах. Так, в 2019 г. администрация Ижевска утвердила муниципальную программу «Развитие культуры и туризма», в которой цели и задачи культуры и туризма взаимосвязаны и направлены на «обеспечение благоприятных условий для развития муниципальной сферы культуры и искусства, повышения креативного потенциала города, сохранения и совершенствования историко-культурного наследия, повышения привлекательности территории и продвижения имиджа Ижевска как современного центра культуры, искусства и туризма» [6]. При этом вполне конкретное внимание в данной программе уделяется внутрикультурным интеграциям, т. е. комплексному рассмотрению деятельности учреждений культуры различных типов — культурно-досуговых, музеев, театров, концертных организаций, цирка, зоопарка и др. Перспективное взаимодействие культурной и туристской сфер всё более закладывается и в таких организационно-информационных документах, как Туристский паспорт территории муниципального образования, который получает в Российской Федера-

ции всё большее распространение на местном (муниципальном) уровне и в котором, как правило, отражаются потенциальные возможности организаций культуры для использования их возможностей в туризме.

1. *Путрик Ю. С., Ельчанинов А. И.* Перспективы развития событийного туризма на объектах культурного наследия: на примере туристско-рекреационного кластера «Бежин луг» Тульской области // Наследие и современность. — 2014. — № 21. — С. 105–119.

2. *Путрик Ю. С., Вагабов М. М., Пересветов В. Н.* Музейно-туристские кластеры как перспективный компонент федеральной программы развития туризма в России // Журнал института наследия. — 2017. — № 3 (10). — С. 6.

3. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года // Официальный сайт Правительства РФ : [сайт]. — URL: http://government.ru/docs/37906/ (дата обращения: 05.07.2022).

4. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы // Гарант : справ.-правовая система. — URL: https://base.garant.ru/70644226/ (дата обращения: 05.07.2022).

5. Постановление Правительства Чеченской Республики от 19 декабря 2013 г. № 336 Об утверждении государственной программы Чеченской Республики «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике» на 2014–2018 годы // Официальный сайт Правительства Чеченской Республики : [сайт]. — URL: https://chechnya-gov.ru/doc/4821 (дата обращения: 05.07.2022).

6. Муниципальная программа муниципального образования «Город Ижевск “Развитие культуры и туризма”» // Город Ижевск : [сайт]. — URL: https://www.izh.ru/spec/info/20568.html (дата обращения: 05.07.2022).

УДК 316.34.52

Н. Ф. Хилько

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ТИПОЛОГИИ МОДЕЛЕЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДОСУГА ОМСКОГО РЕГИОНА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

В статье обосновывается структура этнокультурного наследия в контексте типологии четырех моделей инфраструктуры досуга, характерных для региона (этнокультурный, событийный, рекреативно-оздоровительный, историко-культурный), в местах дислокации сферы туризма. На основе ряда теоретических посылок утверждается, что для развития туризма в Омском регионе, очевидно, необходим синтез событийной и этнокультурной модели. При этом утверждается, что развитие этнокультурного туризма должно способствовать сохранению

© Хилько Н. Ф., 2022

культурного наследия и являться фактором устойчивого развития территорий проживания.

Ключевые слова: этнокультурное наследие, типология моделей инфраструктуры досуга, событийный и этнокультурный туризм, устойчивое развитие территорий, места дислокации сферы туризма.

В современном быстро меняющемся мире важнейшей чертой общества является сохранение этнокультурного наследия, тесно связанного с культурной самобытностью народа. Нельзя не согласиться с Н. М. Геновой, которая пишет, что «культурная самобытность любого народа неотделима от культурной самобытности других народов, и все мы подчинимся законам коммуникации во множестве самобытных культур, постоянно находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом не только по оси настоящего времени», но и по оси взаимосвязи между прошлым и будущим [1, с. 6]. При этом этнокультурный досуг определяется как стремление к достижениям, высшему проявлению человеческих сил [2].

Типология моделей инфраструктуры досуга базируется на типологии свободного времяпрепровождения, которая разработана В. Н. Пименовой. С ее точки зрения, «типология досуга, основанная на содержательном и мотивационном разнообразии досуговой деятельности, предполагает следующие три группы занятий:

1*) Культурно-творческий тип*. Набор занятий, связанных с ним, характеризуется одним общим признаком — создание или воспроизводство материальных и духовных ценностей и включает в себя художественное и научно-техническое творчество, общественную деятельность, различные формы самообразования. Здесь этнокультурное наследие проявляется в этнокультурной специфике самовыражения.

2*) Культурно-потребительский тип*. При всём разнообразии входящих в него занятий их объединяет одно общее свойство — потребление духовных ценностей. Отражение этнокультурного наследия здесь заключается в приобщении к духовным ценностям народной культуры.

3) *Рекреативный тип,* объединяющий различные виды отдыха и развлечений: туризм, спорт, отдых в компаниях, посещение танцевальных вечеров, кафе, ресторанов и т. п. В данном случает компонент этнокультурного наследия выражается в следовании традициям народного досуга как стремление к достижениям и высшей деятельности» [3, с. 115].

Исходя из приведенных выше типов досуга, обозначим принципиальную типологию моделей инфраструктуры досуга.

Культурно-творческий тип досуга располагает к культурно-познавательному, этнокультурному и историко-культурному типам инфраструктуры

досуга (историко-культурные комплексы, летние творческие и развивающие лагеря).

Культурно-потребительский тип предполагает событийную и туристско-экскурсионную типологию инфраструктуры досуга.

Рекреативный тип соответствует рекреативно-оздоровительному типу инфраструктуры досуга. *Рекреативно-оздоровительный тип досуга* направлен на восстановление сил и творческое самовыражение в увлекательных формах отдыха и общения.

Таким образом, можно заключить, что в Омской области имеют место следующие типы моделей инфраструктуры досуга: 1) этнокультурный, 2) событийный, 3) рекреативно-оздоровительный, 4) историко-культурный.

Рассмотрим каждый из указанных типов инфраструктуры в отдельности применительно к Омскому региону.

Как видно из таблицы, в Омской области существуют определенные компоненты этнокультурного наследия в инфраструктуре досуга и местах дислокации соответственно типам моделей инфраструктуры.

1. Этнокультурный тип входит в этнокультурную модель инфраструктуры досуга Омского региона.

Нужно сказать, что в условиях полиэтнических регионов Сибири активно срабатывают механизмы сохранения этнокультурного наследия в контексте механизмов социально-культурной и политической стабилизации. В этом отношении права Н. М. Генова, которая пишет, что «природно-трудовые народные традиции славян интегрируются в народный быт, досуг и творчество и связаны с сезонностью, цикличностью, космизмом, общением с природой и носят ноосферный характер творческих проявлений (появление своеобразного “культа творчества” и его этнонационального своеобразия). В этих условиях национально-культурные объединения являются компонентом стабилизации полиэтнической системы, направленной на сохранение национального менталитета, изучение специфики национальной культуры, родного языка, обычаев и традиций» [4, с. 42].

В основу *этнокультурной модели инфраструктуры досуга* Омского региона положен принцип духовного преображения участников досуговых программ. Она включает в себя десять компонентов, которые связаны со всеми сторонами народной культуры, направлены на приобщение к ней и познание разных сторон народной жизни. Проведение свободного времени жителями региона на основе фольклоризированного компонента проявляется в формах зрелищно-игрового комплекса. Кроме того, посетители развиваются в ходе творческих встреч с мастерами в центрах развития народных ремесел и промыслов («Город мастеров»), активно используют

этнокультурные фото- и видеозоны, проявляют интерес к национальным жилищам, включаются в бытовой и костюмный этнокомплекс. Особое значение приобретает зона этнокультурной реконструкции народных игр, семейных традиций и обрядов.

Компонент этнокультурного наследия и места дислокации различных компонентов инфраструктуры досуга

№	Компоненты инфраструктуры досуга	Компонент этнокультурного наследия	Места дислокации	Тип модели инфраструктуры
1.	Этнопарки, этномузеи	Познание народной жизни	Большеречье, Муромцево, Азград, Политотдел, Калачинск, Тара	Этнокультурный
2.	Базы отдыха	Включение в народный досуг	Лагерь им. И. И. Стрельникова в Чернолучье, Политотдел. Санаторий «Колос» (Красноярка), Калачинский парк культуры и отдыха	Рекреативно-оздоровительный тип
3.	Центры и школы народных ремесел	Развитие навыков в сфере народных ремесел	Муромцево, Большеречье	Этнокультурный
4.	Зоопарки	Приобщение к этнокультурному общению с природой	Большеречье	Рекреативно-оздоровительный тип
5.	Историко-культурные и этнокультурные комплексы	Погружение в этнокультурную среду	Тюкалинск, Тара, Усть-Ишим, п. Любино	Событийный и историко-культурный типы
6.	Природные заповедники	Этнокультурное восприятие природной среды	п. Новая станица, Подгородка Омского района	Рекреативно-оздоровительный тип
7.	Места паломничества	Общение в этноконфессиональной среде	Ачаирский монастырь, Большекулачье	Рекреативно-оздоровительный тип
8.	Природные сафари, экофермы	Приобщение к этноэкологической культуре	с. Усть-Заостровка Омского района	Рекреативно-оздоровительный тип

Посетители участвуют в музейных, празднично-обрядовых комплексах и в пространстве этнокультурного медиадосуга и мультимедийного сопровождения (рис. 1).

Рис. 1. Этнокультурная модель инфраструктуры досуга Омского региона

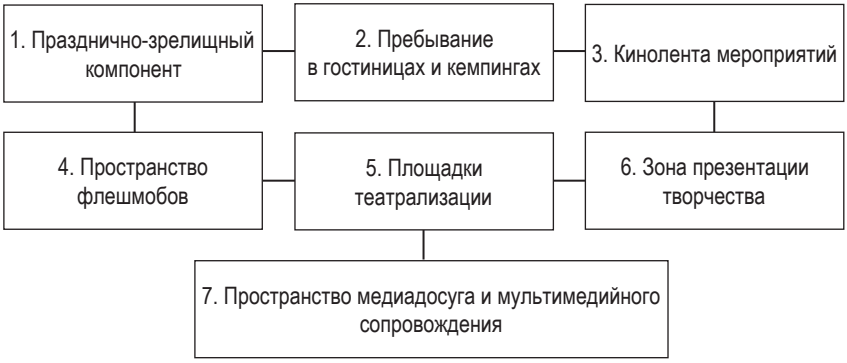

Рис. 2. Событийная модель инфраструктуры досуга Омского региона

В Омской области эта модель наглядно представлена в этнопарках, этномузеях, центрах и школах народных ремесел Большеречья, Муромцево, Азграда, Политотдела, Калачинска и Тары (см. табл.).

Событийная модель инфраструктуры досуга Омской области строится на принципе соответствия традиционной системе значимых дат в календаре региона. Она включает в себя семь компонентов. Основное значение имеет празднично-зрелищный компонент, который зафиксирован в киноленте мероприятий. Все события проходят на трех площадках: в пространстве флешмобов, на площадках театрализации или в зонах презентации творчества. Деятельность сопровождается комфортным пребыванием в гостиницах и кемпингах, имеет отдельное пространство медиадосуга и мультимедийного сопровождения (рис. 2).

Этнокультурный туризм способствует сохранению культурного наследия в контексте устойчивого развития национальных традиций и духовности на исторических территориях. Нельзя не согласиться с тем, что «этнический туризм имеет своей целью ознакомление с бытом, культурой, традициями, обычаями людей, которые живут в гармонии с окружающей природной средой» [5, с. 45].

Для развития туризма в Омском регионе, пожалуй, необходим синтез событийной и этнокультурной модели. Очевидно, что данные особенности слияния этих моделей проявляются в следующих тенденциях формирования сферы туризма:

1) включение туристов в событийную программу путем слияния ее с экскурсионной;

2) создание площадки для традиционных обрядово-праздничных и ритуальных практик;

3) включение компонента творческого общения в мастер-классы, показы и экскурсионные программы;

4) использование фольклоризированной театрализации;

5) включение рекреативно-игрового компонента в экскурсионные программы;

6) костюмированные этностилизованные фотосессии и фотозоны на фоне национального интерьера;

7) реконструкция исторических действий с национальным колоритом.

---

1. *Генова Н. М., Хилько Н. Ф.* Этнокультурное, театральное и кинофестивальное движение в культурной среде Омского Прииртышья : моногр. — Омск : Амфора, 2021. — 185 с.

2. *Волощенко Г. Г.* Древнерусский досуг как носитель народного творчества славянского мира // Ом. науч. вестн. — 2015. — № 4 (141). — С. 116–118.

3. *Пименова В. Н.* Свободное время в социалистическом обществе. — М., 1974. — 311 с.

4. *Генова Н. М.* Сохранение этнокультурного наследия славянских народовв фестивальном движении Прииртышья // Национальные приоритеты России. — 2016. — № 2 (20). — С. 37–43.

5. *Суртаев Б. М.* Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. — 2012. — № 1 (8). — С. 178–182.

УДК 371.233.4(571.14)

Н. Н. Шатова

ПЕШЕХОДНАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЗАЕЛЬЦОВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКА

В статье представлена пешеходная экскурсия-прогулка по территории Заельцовского района Новосибирска «Тайны зеленых кварталов», раскрывающая вопросы истории освоения, специфику застройки и жизнь человека в разные эпохи на особой территории, находящейся недалеко от современного центра города с одной стороны и примыкающей к лесу с другой (Заельцовский бор). Такое расположение является редким для современного мегаполиса и вносит свои черты в жизнь и мироощущение местных жителей. Проходя сквозь жилые зоны разных лет застройки, маршрут экскурсии-прогулки позволяет гидам познакомить посетителей с обширным наследием изучаемой территории (историческим, природным, архитектурно-градостроительным, культурным).

Ключевые слова: пешеходная экскурсия, Новосибирск, Заельцовский район, «Тайны зеленых кварталов», маршрут, застройка, историко-культурное наследие, природное наследие.

Общеизвестно, что Заельцовский район Новосибирска был учрежден 25 марта 1940 г., но и до этой даты данная территория не была «белым пятном» на карте Новониколаевска — Новосибирска: она осваивалась и развивалась с рубежа XIX–XX вв. Специфические черты, особенности развития этой территории прослеживались в дальнейшем на протяжении более чем 70 лет и реализовались как в схеме размещения промышленных предприятий, организованных в разные годы на этой территории, так и в характере ее жилой застройки. Более того, уже в наше время, начиная с 2015 г., на территории района происходят градостроительные события, первопричины которых кроются всё там же — в специфике развития локаций района в достаточно давний период (например, в 1930-е гг.), на что накладываются современные процессы развития городской архитектурно-градостроительной среды Новосибирска. История этих эволюций, подкрепленная воспоминаниями местных жителей, представляет собой некий комплекс информации, трансляцию которой удобно осуществлять по мере последовательного движения через локации района с визуальной демонстрацией

© Шатова Н. Н., 2022

локаций и устным рассказом о происходивших некогда событиях. Наиболее близок к этому способу трансляции историко-культурного наследия формат пешеходной экскурсии или прогулки, которая отличается от экскурсии хронометражем, стоимостью посещения, степенью насыщенности сугубо исторической информацией.

Рассмотрим несколько локаций по маршруту разработанной методистом II категории музея «Заельцовка» Н. Н. Шатовой пешеходной прогулки «Тайны зеленых кварталов» (прогулка была создана в 2018 г. и после нескольких авторских доработок начала проводиться музеем «Заельцовка» — отделом «Музея Новосибирска» на постоянной основе с конца августа 2020 г. и по сей день в летнее время года). Маршрут данной пешеходной прогулки пролегает по территории Заельцовского района Новосибирска.

Название прогулки отражает ту часть специфики развития района, которая касается его природного наследия — Заельцовский район считается самым «зеленым» районом Новосибирска, поскольку почти 15 % территории района занимает Заельцовский бор, расположенный вдоль Оби в городской черте и выходящий за нее к северу от города. Кроме того, часть озеленения ряда улиц Заельцовского района имеет естественный, природный характер, в частности, находящийся на маршруте экскурсии Тимирязевский сквер по своему происхождению является островком Заельцовского бора, не застроенным в 1960-е гг. только потому, что характеризуется неудобным для застройки рельефом. Специфика жизни в этом «зеленом» районе существовала в разные эпохи и просматривается по сей день, она и стала канвой пешеходной экскурсии.

Сам маршрут прогулки представлен на карте (рис. 1). Нетрудно заметить (особенно жителям Новосибирска), что он пролегает через несколько зон застройки, проводившейся, в частности, в конце 1950-х гг., в начале-середине 1960-х гг., в 1990–2000-е гг., 2010-е гг. и с начала 2015 г. по сей день. Прохождение через эти зоны, словно через слоеный пирог, обеспечивает возможность последовательных экскурсов в данные временные промежутки и, кроме того, позволяет раскрывать специфику развития Заельцовского района в целом как первоначально разрозненных зон, с которых начиналось развитие будущей Заельцовки и которые при дальнейшей застройке в послевоенное 20-летие оказались связанными благодаря развитию территорий между ними. Речь о таких удаленных друг от друга локациях, как Новосибирский институт военных инженеров транспорта (сегодняшний Сибирский государственный университет путей сообщения) с Горбольницей (сегодня — городская клиническая больница № 1), аэропорт «Северный» и знаменитая Сухарка — индустриальный район, начавший свое развитие еще на рубеже XIX–XX вв. и, в частности, известный

размещением на его территории Военно-сухарного завода и других предприятий. Маршрут пешеходной прогулки «Тайны зеленых кварталов» находится на промежутке между перечисленными локациями (его застройка началась в конце 1950-х гг. и продолжается по сей день) и захватывает территории, развитие которых началось гораздо позже и исторических вех и событий в своем сегодняшнем облике, на первый взгляд, не фиксирует.

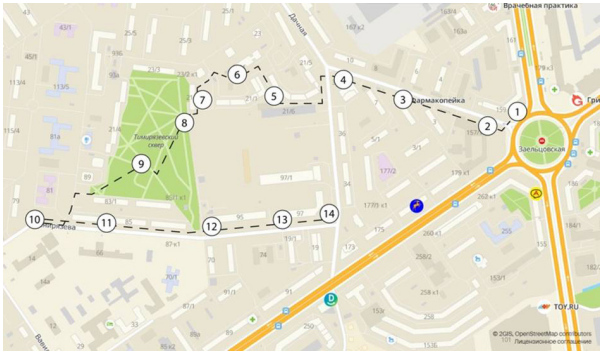

Рис. 1. Локации пешеходной прогулки «Тайны зеленых кварталов»: 1 — место старта прогулки; 2 — «Площадь Калинина»; 3 — «Улица Перевозчикова. Хрущёвское счастье»; 4 — «Стекляшка»; 5 — «Викторина “Лихие девяностые”»; 6 — «МЖК “Электрон”»; 7 и 8 — «Цветы Сибири»; 9 — «Тимирязевский сквер»; 10 — «Больница»; 11 — «Улица Тимирязева»; 12 — «Соболь»; 13 — «Сибирское таможенное управление»; 14 — точка окончания прогулки

Маршрут начинается с площади Калинина, застройка которой окаймляющими площадь 7-этажными домами неоклассического стиля («сталинский ампир») велась в конце 1950-х — начале 1960-х гг., что запечатлено на фотографии (рис. 2), демонстрирующей вид на обширный частный сектор вокруг строящегося дома № 186 по улице Красный проспект (одного из зданий названного архитектурного ансамбля). Уместно процитировать экскурсовода, поясняющего, почему застройка этого участка велась так поздно: «Еще с 1930-х гг. на знаменитой Сухарке функционировало крупное предприятие — обувная фабрика имени Кирова, выпускавшая до миллиона пар обуви в год, с 1929 г. работал Новосибирский аэропорт “Северный”, с начала 1930-х гг. работала легендарная Горбольница. Эти три важные точки были удалены друг от друга, а между ними если что и было, так это островки частного сектора. Многоэтажной жилой застройке мешал сложный рельеф — овраги и маленькие реки, перепады высот и сохранившиеся на этих участках лесные массивы». Эту специфику новосибирско-

го правобережья, в частности, упоминает С. П. Баландин [1, с. 76]. Также посетителям прогулки озвучивается причина эклектичности сегодняшнего архитектурного ансамбля площади Калинина: прекращение реализации неоклассических проектов по указанию Н. С. Хрущёва, сменившего архитектурную парадигму страны.

Рис. 2. Строительство дома № 186 по ул. Красный проспект (на площади Калинина). Конец 1950-х гг.

Далее маршрут пролегает вдоль хрущевских пятиэтажек на улице Перевозчикова, и внимание в экскурсии уделено началу использования свободной планировки, пятиэтажным хрущевкам и атмосфере жизни в них в начале-середине 1960-х гг.: «Изменилась и общая архитектурно-строительная парадигма, размылось понятие “улица”, вдоль которой стоят дома по четной и нечетной сторонам. В противовес традиционному “фасадному” домостроению, пример которого вы видите сейчас перед собой (обильно украшенные дома красиво окаймляют площадь и улицы), появилось понятие “свободной планировки”, когда на определенной территории строится микрорайон, дома в котором могут располагаться как угодно проектировщику (например, с учетом инсоляции) или застройщику (где пролегают коммуникации)». Также рассматриваются особенности различных технических характеристик хрущевских домов, в том числе характерные габариты квартир (приводится одна из схем из трудов советского архитектора Л. З. Чериковера, взятых за основу при разработке габаритов советского жилья), кроме того, в содержании экскурсии затронуто отражение в советской музыкальной культуре начала массового жилого строительства и связанный с последним эмоциональный подъем у советских граждан.

В дальнейшем маршрут пешеходной прогулки проходит через локацию, представляющую собой небольшой двор, окруженный домами,

построенными в период с 1990-х по 2010-е гг. и несущими в себе признаки архитектуры этих лет. Локация интересна тем, что именно здесь, на чрезвычайно удобном и комфортном для жилья месте, вблизи от метро, но недалеко от леса (тот самый Заельцовский бор и его островок — будущий Тимирязевский сквер) имела место самая крупная в городе жилищная афера с недвижимостью (40 эпизодов двойных и даже тройных продаж), реализованная в молодежном жилом комплексе «Электрон». На подходе к этой локации гид проводит для посетителей экскурсии викторину на тему «лихих девяностых», в которой рассматриваются достижения и крупные события Заельцовского района в этот период (ввод в эксплуатацию станций метро, образование крупной коммерческой авиакомпании, открытие первых в районе супермаркетов с внедренной системой штрихового кодирования и т. д.), а также ряд жизненных реалий, присущих времени (новые русские, популярное спиртное тех лет — спирт «Рояль» и ликер «Амаретто» и проч.). После викторины группа проходит в глубину двора, где гид рассказывает об упомянутой выше жилищной афере и цитирует воспоминания пострадавших.

Целый ряд последующих локаций тесно связан тематически: маршрут фактически проходит вокруг территории, ранее занимаемой знаменитым в Сибири тепличным хозяйством — совхозом «Цветы Сибири» (открылся в 1970 г., закрылся в 2015 г.), а с 2015 г. участок земли под бывшем совхозом стал застраиваться элитным микрорайоном «Бульварный переулок». Маршрут огибает данную территорию, а содержание текстовой части экскурсии аккумулирует данные о совхозе, рассказ о его достижениях (в частности, о стихийно сформировавшемся в картине мира новосибирцев бренде «Сибирская роза»), демонстрируются фотографии теплиц изнутри и снаружи. Необходимо отметить, что визуальный ряд этого комплекса локаций украшен не только современной архитектурой элитного жилья и сопутствующей им целой серией первоклассных образцов ландшафтного дизайна, но и парковой зоной Тимирязевского сквера, к которому примыкает территория бывших «Цветов Сибири». Внутри сквера гид рассказывает о том, какое влияние оказывал Заельцовский бор на образ жизни жителей нашего города первой четверти XX в., а также об известных историкам фактах о том, что к устьям Первой и Второй Ельцовок на рубеже XIX–XX вв. имели обыкновение приезжать на отдых томские купцы и чиновники [2, с. 9], а рацион питания жителей примыкавших к Заельцовскому бору улиц был существенно богаче, чем у жителей других новониколаевских локаций, даже центральных [2, с. 12]. Посетители прогулки получают представление о том, что прилегающие к Тимирязевскому скверу территории, застроенные в 1960-х гг., давали возможность целым поколениям своих жильцов в 1960–1980-е гг. на постоянной основе выходить гулять в лес и неплохо

знать его жизнь, что, безусловно, уникально для жителей города-миллионника, третьего по величине мегаполиса страны.

Ряд еще не упомянутых в данной статье локаций пешеходной прогулки «Тайны зеленых кварталов» сопровождается рассказами об учреждениях, находящихся на улицах, вдоль которых идет маршрут, например Новосибирская областная клиническая туберкулезная больница, Сибирское таможенное управление. Затрагивается также история Ботанического сада (ныне — особо охраняемая территория «Дендропарк») и жилмассива «Ботанический».

Проведенные автором экскурсии исследования позволили представить посетителям прогулки интересные факты, в частности, о местонахождении в 1960–1961 гг. на одной из локаций маршрута клиники под руководством выдающегося российского кардиохирурга и ученого Е. Н. Мешалкина [3], и, в частности, кабинета, в котором принимал своих пациентов сам Евгений Николаевич.

Таким образом, пешеходная прогулка «Тайны зеленых кварталов» зафиксировала основные этапы и специфику развития определенной территории Заельцовского района и знакомит горожан с историко-культурным контентом развития перечисленных локаций. Акцентируя внимание на градостроительных и связанных с ними культурных событиях второй половины XX в. и первых десятилетий XXI в. на данной территории, а также подкрепляя их воспоминаниями старожилов района, прогулка актуализирует историко-культурное наследие Заельцовского района Новосибирска, делая достоянием многих факты, которые долгое время оставались доступными лишь исследователям — архитекторам, историкам, краеведам.

---

1. *Баландин С. Н.* Новосибирск. История градостроительства. 1945 — 1985 гг. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986. — 160 с.

2. *Козодой В. И., Осипов А. Г., Степанов А. И.* Годы свершений. История Заельцовского района г. Новосибирска 1940–2010 гг. — Новосибирск : Параллель, 2012. — 656 с.

3. Новосибирский городской архив. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1541. Л. 288–289.

Раздел 4. КРАЕВЕДЕНИЕ И КРАЕВЕДЫ В ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 908(470+571)(091)+021.4

А. Я. Адам, А. П. Сорокин

КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА К 100-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ КАК ФОРМА ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена изучению и популяризации истории отечественного краеведения в 1920–1930-е гг. в ОГОНБ им. А. С. Пушкина через разработку и экспонирование книжной выставки Центра краеведческой информации, посвященной 100-летию Центрального бюро краеведения (ЦБК) и развитию краеведения в Омском Прииртышье. В статье также отражены основные моменты истории советского краеведения этого периода и его изучения, структурные преобразования, затрагивающие взаимоотношения государственных и общественных краеведческих организаций центра и периферии, упомянуты наиболее значимые фигуры в этой сфере.

Ключевые слова: советское краеведение, Центральное бюро краеведения, ЦНИИ методов краеведческой работы, краеведческие журналы, Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, книжная выставка.

Краеведение является одной из важных составляющих духовной жизни как страны в целом, так и отдельных ее регионов и оказывает сильное воздействие на культурный процесс. Оставаясь наукой, краеведение является также и своеобразной общественной инициативой, в отдельные периоды истории перерастающей в массовое движение. Одним из таких периодов стали 1920-е — начало 1930-х гг., получившее в историографии название «золотое десятилетие краеведения», когда краеведческое движение в стране не только обрело массовый характер, но и было поддержано со стороны Российской академии наук, а затем и Академией наук СССР [1].

В начале XX в. под краеведением понимали изучение природных условий и «изыскание дополнительных местных ресурсов» того или иного края. В то же время расцвет российского краеведения в 1920-е гг. был свя-

© Адам А. Я., Сорокин А. П., 2022

зан с новаторскими концепциями в исторической науке. Возглавлявший в 1990–2007 гг. Союз краеведов России профессор, доктор исторических наук С. О. Шмидт писал: «Период первого десятилетия Советской власти — примерно до рубежа 1920-х — 1930-х годов можно назвать “золотым десятилетием” развития краеведения. С 1917 по 1929 гг. число краеведческих организаций увеличилось примерно в восемь раз: с 246 до 2000. У 240 из них были свои периодические и непериодические издания (включая в это число машинописные и даже рукописные). Повсеместно возникающие краеведческие общества, музеи, кружки, разные по масштабам, имели общие задачи: изучение родного края, сохранение памятников культуры (и защита природы), широкое распространение знаний об Отечестве, а также и памятникоохранительных представлений...» [2, с. 16].

В 1922 г. по решению 1-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края при Российской академии наук было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК). С 1922 по 1927 г. его возглавлял академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934), а с 1927 г. — П. Г. Смидович (1874–1935). Бюро издавало журнал «Краеведение», бюллетень «Известия ЦБК», справочную и методическую литературу. В 1930 г. Центральное бюро краеведения координировало деятельность уже более чем 2,3 тыс. краеведческих организаций и экскурсионных станций, под его руководством проходили Всероссийские краеведческие конференции и конкурсы, разрабатывались образовательные программы. После фабрикации органами Объединенного государственного политического управления в 1929 г. «Академического дела» провинциальные отделения Бюро были представлены как филиалы «монархической контрреволюционной организации». В 1929–1930 гг. прошли аресты краеведов по всей стране. В мае 1930 г. решением Президиума Бюро было ликвидировано Ленинградское отделение. Совнарком РСФСР выпустил 10 июня 1937 г. постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», согласно которому существование Центрального бюро краеведения и местных органов краеведения признавалось нецелесообразным [3].

Ещё одним центром краеведческой науки стал Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы, созданный 15 мая 1932 г. постановлением Совнаркома РСФСР, его первым директором был назначен М. П. Потемкин (1876–1954), бывший с 1930 г. ученым секретарем ЦБК. Институт, как и ЦБК на тот момент, находился в подчинении у Наркомпроса РСФСР. Перед институтом ставились задачи разработки идеологически выдержанной методологии краеведения и организации краеведческой работы. Первоначально институт состоял из четырех секторов: общих вопросов, изучения естественных богатств, экономического

и национального краеведения — и, в отличие от ЦБК, ставил своей задачей не оперативное организационно-методическое руководство краеведением, а научное исследование краеведного движения, разработку научно обоснованных программ, инструкций и пособий по краеведческой работе, для публикации которых был создан издательский отдел. Поскольку были закрыты прежние периодические издания ЦБК, вместо них с 1930 г. ЦБК стало издавать журнал «Советское краеведение». Его первым редактором стал бывший ранее ответственным редактором бюллетеня ЦБК, выдающийся метеоролог А. Ф. Вангенгейм, но через полгода его сменил чиновник Наркомпроса И. Г. Клабуновский. С 1933 г. именно Институт стал издателем журнала «Советское краеведение», который выходил в 1930–1936 гг. [4]. По постановлению СНК РСФСР от 10 июня 1937 г. Институт был объединен с Высшими музейными курсами и преобразован в Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. В дальнейшем институт последовательно преобразовывался в НИИ музееведения (1955), НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР (1966), НИИ культуры (1970), Российский институт культурологии (1992). В 2014 г. Российский институт культурологии был официально объединен с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Весной 1938 г. директором Института был назначен Александр Александрович Ширямов (1883–1955), революционер, партийный и советский деятель. Он родился 21 января 1883 г. в Иркутске, в 17 лет вступил в РСДРП. Во время революции 1917 г. вошел в состав Читинского губкома партии, был депутатом Читинского совета. После свержения советской власти летом 1918 г. ушел в подполье, в Приморье и в Иркутске, в декабре 1919 г. возглавил восстание против Колчака. В январе 1920 г. А. А. Ширямов избран председателем Иркутского Совета, затем председателем Иркутского военно-революционного комитета (ВРК). 6 февраля 1920 г. он подписал постановление ВРК о расстреле Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Именем А. А. Ширямова позднее была названа улица в Иркутске. Ответственный секретарь Омского губкома РКП(б) с июня 1920 по апрель 1921 г., председатель Омского губбюро, он внес существенный вклад в становление советской власти в Омской губернии на начальном этапе ее существования. В 1923 г. Ширямов переехал в Москву, где сначала работал в оборонной промышленности, а затем занялся вопросами культурной революции: с 1925 г. был заместителем Н. К. Крупской (Главполитпросвет), членом редколлегии журнала «Коммунистическое воспитание», членом Центральной шефской комиссии при ЦК ВКП(б). С 1935 г. он занялся краеведением. В 1938–1941 гг. возглавлял Институт

краеведения и редакцию журнала «Советское краеведение». Редактором журнала он становится с третьего, мартовского номера 1936 г. и остается им до закрытия журнала в этом же году.

В первые месяцы Великой отечественной войны, правильно оценив положение на фронте, А. А. Ширямов стал рассылать директорам периферийных музеев официальные письма, в которых писал о необходимости спасать фонды, за что приказом Народного комиссара просвещения от 22 сентября 1941 г. был снят с должности директора «за проявление паникерских настроений». До середины октября он продолжал работать в институте в должности заведующего сектором истории, а затем эвакуировался — сначала в Омск, а затем в Ташкент. Впоследствии в Наркомпросе, видимо, оценили предусмотрительность Ширямова и отменили приказ об увольнении с формулировкой «полагать освобожденным от работы по его просьбе» [4]. В последние десять лет жизни Ширямов, уже будучи на пенсии, написал ряд книг и статей по истории революционного движения в Сибири. Умер в 1955 г. в Москве, похоронен на Новом Донском кладбище [5].

Говоря о публичной просветительской деятельности библиотеки, следует отметить, что Центром краеведческой информации Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина с 2013 г. ведется активная краеведческая выставочная деятельность, одной из тем которой является история омского краеведения и сами краеведы, их жизнь и творчество. За девять лет существования Центра был подготовлен целый ряд выставок, посвященных этой теме. Среди них были выставки, представляющие деятельность отдельных краеведов и ученых: П. Л. Драверта (2014, 2019), И. Ф. Петрова (2015, 2020), М. Е. Бударина (2015, 2020), А. Д. Колесникова (2019). В 2014 и 2016 г. под общим названием «Омское краеведение: время, события, люди» были представлены выставки, посвященные сразу нескольким омским краеведам: М. К. Юрасовой, Ф. К. Надю, И. С. Коровкину (2014) и А. Н. Седельникову, А. Ф. Палашенкову, С. Р. Лаптеву (2016). С 2018 г. был запущен выставочный цикл «Юбилейный календарь омского краеведения», каждая выставка которого посвящена краеведам-юбилярам текущего года. В 2021 г. к 100-летию со дня основания Центрального бюро краеведения была подготовлена большая обобщающая книжно-иллюстративная выставка ««От родиноведения к краеведению: к 100-летию основания Центрального бюро краеведения», о которой хотелось бы рассказать чуть подробнее.

Первый раздел выставки включал издания из фондов библиотеки, посвященные развитию краеведения в СССР в 1920–1930-х гг. В изданиях, представленных в экспозиции, подробно освещались процесс создания Центрального бюро краеведения, направления его деятельности, одним из

которых было создание новых краеведческих обществ и взаимодействие с уже существующими в регионах. Большой комплекс литературы был посвящен жизни и научной деятельности членов Бюро, среди которых: востоковед, академик АН СССР Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934), историк и культуролог Николай Павлович Анциферов (1889–1958), историк-медиевист и общественный деятель Иван Михайлович Гревс (1860–1941), востоковед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик и вице-президент АН СССР Николай Яковлевич Марр (1864–1934), историк, член-корреспондент АН СССР Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) и др. В разделе также были представлены журналы, издававшиеся Центральным бюро краеведения: «Известия Центрального бюро краеведения», «Краеведение» и «Советское краеведение». Раздел сопровождался портретным рядом председателей ЦБК и основоположников советского краеведения.

Вторая часть экспозиции была посвящена развитию краеведения и краеведческого движения в Омском Прииртышье. В этом разделе демонстрировались статьи и издания, посвященные изучению Сибири и Омского края в дореволюционный период, деятельности Общества изучения Сибири (ОИС, 1925–1931), Омского общества краеведения (1925–1937), созданного при Западно-Сибирском краевом музее и других краеведческих организаций края. Часть литературы в экспозиции освещала краеведческую деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (1877–1931; с 1947 г. — Омский отдел ГО СССР) и созданного в 1878 г. при нём музея (сейчас — Омский государственный историко-краеведческий музей). Кроме того, были представлены портреты, книги и статьи краеведов, внесших значительный вклад в изучение Омского Прииртышья, среди которых особое место занимают Г. Е. Катанаев (1848–1921), А. Н. Седельников (1876–1919), И. Н. Шухов (1894–1956), П. Л. Драверт (1879–1945), А. Ф. Палашенков (1886–1971), С. Р. Лаптев (1891–1967), Н. В. Горбань (1899–1973), В. С. Аношин (1898–1996), А. Д. Колесников (1919–2012), М. Е. Бударин (1920–2003) и др. Выставка работала с 16 августа 2021 г. по 26 января 2022 г.

В фондах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина в целом сохранились основные краеведческие периодические издания РСФСР 1920–1930-х гг., которые доступны для всех категорий читателей. «Известия ЦБК» (М.–Л., 1925–1929) представлены в составе личной библиотеки П. Л. Драверта в фонде Центра книжных памятников за 1925–1927 гг. (последний комплект неполный), журнал «Советское краеведение» (М., 1930–1936) — в отделе книгохранения за 1931 г. (один номер), 1932 г. (неполный), 1934–1936 гг. К сожалению, журнал

«Краеведение» (М.-Л., 1923–1929) представлен только одним томом, тремя номерами за 1927 г.

Еще в 1927 г. С. Ф. Ольденбург сформулировал мысль: «Надо, чтобы каждый гражданин нашего Союза сознавал, что без краеведения мы бессильны». А. М. Горький, утверждая, что краеведная работа «стала работой государственного, исторического значения», тогда же писал: «Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено». Несмотря на то что отечественное краеведение в своем развитии прошло спады и подъемы и сегодня вновь находится на новом этапе своего развития, также очень важно изучать и помнить период «золотого десятилетия краеведения». Именно в это время были заложены многие основы краеведческой работы и краеведческого изучения регионов, был создан огромный пласт краеведческого материала. Выставка Центра краеведческой информации, посвященная 100-летию ЦБК, не только дань юбилею этой значимой организации, но и попытка представить и рассказать широкой публике о тех людях и организациях, которые, несмотря на меняющееся отношение со стороны властей, активно и самоотверженно вели работу по изучению территории нашего Отечества, его истории, культуры и природы.

---

1. *Ремизов А. В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов: очерк истории. — Омск : Золотой тираж, 2018. — 446 с.

2. *Шмидт С.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. — 1990. — Вып. 1. — С. 11–27.

3. *Моргачева Т. В., Русакова Е. В.* Центральное бюро краеведения // Мемориал : [сайт]. — URL: http://memorial-nic.org/terror/18.htm (дата обращения: 11.07.2022).

4. *Кудрявцева Е. Б.* Образование и первые годы существования Института [культурологии] // Культурологический журнал. Электронное периодическое научное рецензируемое издание : [сайт]. — URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/126.html&j_id=10 (дата обращения: 11.07.2022).

5. А. А. Ширямов: 100 лет со дня рождения // Приангарье: годы, события, люди. — Иркутск, 1983. — С. 50–53.

УДК 908(571.13)

М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко

ДОЗОРНАЯ КНИГА ТАРСКОГО УЕЗДА 1701 ГОДА КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

В статье приводится характеристика Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.: причины ее составления, особенности текста, объем приведенных данных, а также анализируются возможности использования этого источника при проведении краеведческих исследований. Особое внимание обращено на материалы, относящиеся к поселениям, располагавшимся на территории современного Большереченского района Омской области.

Ключевые слова: Дозорная книга, социальная структура, хозяйство, состав населения.

Изучение истории невозможно без всестороннего анализа письменных источников. К подобным материалам, охватывающим широчайший спектр разнообразных вопросов исторической демографии, социально-экономической и этносоциальной истории, ономастики и др., относятся дозорные книги, составлявшиеся в Российском государстве в течение XVII — начала XVIII вв. с целью фиксации населения, земель, наложенных обязанностей, выплачиваемых оброков и т. п. Одним из таких документов является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. [1], содержащая описание территории современных северных районов Омской области. Анализ этого источника позволяет расширить понимание многих процессов становления данного региона, активно осваивавшегося на протяжении XVII–XVIII вв. Российским государством.

Н. Н. Оглоблин указывал, что в Сибирском приказе (ныне — ф. 214 Российского государственного архива древних актов) хранились 54 дозорные книги по разным сибирским уездам, самые ранние из которых относились к 1623 г., самые поздние — к 1710 г., из них по Тарскому уезду — всего 4 книги [2, с. 67]. Можно утверждать, что главным поводом для проведения дозора 1701 г. на Таре было стремление пополнить государеву казну, увеличив сбор налогов с местного населения. Для этого требовалось уточнить материалы предыдущего описания Тарского уезда, произведенного Львом Поскочиным в 1684 г., и осуществить в случае необходимости суд в земельных спорах.

Год проведения дозора и составления Дозорной книги Тарского уезда подтверждается многочисленными упоминаниями внутри самого докумен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)»

© Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н., 2022

та: «в нынешнем 1701 году». Появился же документ в соответствии с указом Петра Алексеевича от 4 января 1698 г., в котором было дано распоряжение дворянину московскому Ивану Родионовичу Качанову переписать, среди прочего, земли Тары и уезда, живущих на них, после чего определить размеры налогов. К этому времени стало очевидным несоответствие реальной ситуации конца XVII в. и данных писцовой книги Льва Поскочина 1680 г. Следовало выяснить, сколько появилось пришлых людей в слободах и деревнях, сколько они платят в казну денег и хлеба, либо пашут десятинной пашни, а также разобрать наказы служилых людей, чтобы упорядочить их хлебное жалование.

Основными объектами Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. являются собственно Тара и уезд, прилегающий к нему. В источнике четко выделяются четыре блока информации: описание города, русских слобод и деревень, приведенных по географическому принципу, владений Спасского монастыря, а также татарских населенных пунктов. Наконец, завершается документ подведением итогов дозора.

Описанию Тары И. Р. Качанов отводит немного места в Дозорной книге. Он указал на особенности ландшафта, составил перечень укреплений, церквей и часовен, административных и военных сооружений. После этого автор перечисляет глав семей, живущих в городе: ружников, детей боярских, литовского списка, черкасской сотни и конных казаков, стрельцов и пеших казаков, пушкарей, казачьих, стрелецких детей и отставных служилых людей, с указанием их имущества и, если они были, дворовых людей. Перечисляются как члены семьи проживающие совместно с отцом дети мужского пола, в том числе и те, что уже сами несли службу и имели собственные семьи. На основании этих данных были определены «прибавления» денежного оброка на тех, кто его уже платил, а также заново установлены оброки на «вновь приисканных» горожан и их имущество: лавки, кузницы, кожевенные промыслы, мельницы, бредники и неводы, как старые, так и недавно появившиеся.

Вторая часть Дозорной книги — опись русских слобод и деревень: деревни по р. Оша (с. Спасское или Ложниково и 14 деревень), деревни от города вверх по р. Иртыш (14 деревень), 3 слободы уезда (Биргамацкая, Татмыцкая и Аевская), деревни вниз по Иртышу (с. Изюцкое и 13 деревень). Обязательным в источнике является и указание того, рядом с какой рекой или озером находится селение, а при описании слобод даются подробные географические ориентиры, перечисление имеющихся строений и церквей, указан и год «заведения». Исключение составляет лишь Аевская слобода, поскольку «в котором году та слобода заведена строить, того не ведомо» [3, с. 414].

Важную часть содержания Дозорной книги составляет информация о жителях уезда, включающая описание дворов, как платящих налоги, так и свободных от них, что подтверждает фискальные цели властей при составлении данного документа, поскольку наиболее значимой для чиновников становилась информация не только о реальных, но и о потенциальных налогоплательщиках. Несмотря на то, что книга дает возможность получить некоторые сведения демографического порядка, по ней нельзя точно судить о количественном составе жителей, поскольку содержатся данные преимущественно о мужском населении.

Описание двора начинается с указания социального положения лиц служилого сословия (беломестный казак, литовской сотни казак, черкасской сотни казак, конный казак, пеший казак, стрелец, сотник и проч.) и духовного звания (дьячок, пономарь), завершали же общий список жителей русских населенных пунктов крестьяне. Далее следуют имя, отчество (если было), фамилия или прозвище дворовладельца. Переписчик также фиксировал, откуда родом глава семьи. Из документа мы узнаем, кем по социальному положению был отец главы семьи, поскольку эти сведения были обязательной частью переписного формуляра.

Переписчик фиксировал владения каждого дворовладельца: наличие и количество скота (лошадей, рогатого, овец); обрисовывал земельные угодья с определением их количества в десятинах, сенные покосы, чаще всего располагавшиеся «около поль», указывая их размеры в копнах. В случае необходимости следовало подробное описание местонахождения владений с указанием географических ориентиров: рек, озер, болот, буераков, границ соседских владений, специальных граней (в виде крестов, ям или отметин на деревьях) и проч. Важное значение приобретала характеристика качества земли — пашни паханые, заимка, заложная и выпаханная земля, лесом поросшая земля, непаханые земли, болотные места, пустоши, поскотинная земля, иногда промысловые угодья («звериные ловли»). В Дозорной книге упоминаются различные приемы хлебопашества: землю пахали «наездом», применяли перелог и трехполье.

На протяжении XVII в. с каждым десятилетием всё более значимое место среди сибирского населения, наряду со служилыми, играло крестьянство. Именно на него возлагалась ответственность за обработку государственных земель, что позволяло властям получать хлеб для обеспечения собственных нужд. Помимо обработки десятинной государевой пашни, сибирское крестьянство несло еще один вид тягла — хлебный оброк. Земля принадлежала государству, но крестьяне получали ее отводом или по подписной челобитной, могли передавать вместе с тяглом, а также заниматься куплей-продажей (по закладным). Дозорная книга выделяет в крес-

тьянской пашне две ее части — казенную и собинную. Конечно, крестьяне стремились увеличить свои земельные владения, хотя возможности такие постепенно иссякали, в частности, из-за естественного роста населения, прибытия новых жителей из-за Урала. Да и государство периодически «пересматривало» земельные владения, устанавливая «прибавочные» пашни и налагая за них на крестьян новые оклады.

Третья часть Дозорной книги перечисляет церковные владения Спасского монастыря. Она содержит указания на пашенные и залежные земли, сенные покосы, рыбные ловли и мельницы, расположенные у Петрова озера, по рекам Изюк и Оша, принадлежавшие монастырю. Названы крестьяне, живущие на монастырской земле и обрабатывавшие ее, платившие «выдельной хлеб» монастырю, описаны их владения. Следующая часть документа — перечень населенных пунктов (всего их названо 52, включая Тару), где проживали служилые, захребетные и ясачные татары, казанцы (татары-переселенцы из европейской части). Сначала описываются расположенные от Тары вверх по рекам Иртыш и Тара, затем — по Оше, далее — поселения вниз по Иртышу. Обрабатывая общую пашню, ясачные должны были нести повинности и платить государев ясак. Чаще всего право подобной собственности в Дозорной книге фиксируется на основании давности такого землевладения: «владеют тою землею истари». Ясачные люди приобретали и новые земли. При этом источник свидетельствует о том, что государство стремилось не ущемлять их права и требовало при заведении новых русских деревень проводить обыск: «порозжее» ли то место. В то же время это правило могло и нарушаться, особенно если селение возникало в важном военно-стратегическом месте.

Значительную часть содержания Дозорной книги Тарского уезда занимает фиксация имущественных споров, возникавших относительно земельных владений между служилыми, крестьянами и татарами. Завершает книгу итоговая часть, в которой И. Р. Качанов приводит общее количество «явившихся по переписке» разных категорий служилых людей, их братьев, детей и племянников, называет размеры денежных и хлебных окладов, оброков, выплачиваемых за пахоту и владенье ясачными землями. Отдельно составитель указывает число жителей посада, пашенных крестьян, бобылей с их тяготами, мельниц, кузниц, лавок, кожевенных промыслов и рыбных ловель с «прибавлениями», происшедшими в результате дозора [3, с. 647–652].

Ссылки на Дозорную книгу Тарского уезда 1701 г. имеются во многих исследованиях советских и современных историков, в поле зрения которых находятся вопросы изучения колонизации Сибири, формирования населения Среднего Прииртышья [4; 5, с. 252–296; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Парадокс заключается в том, что до того, как данный источник попал в поле зрения омских историков, он не публиковался ни полностью, ни фрагментами, а в научной литературе представлен отдельными цитатами и статистическими извлечениями.

В поле внимания омских историков Дозорная книга оказалась более 20 лет назад. За пройденный период осуществлены разноплановые исследования, построенные на материалах этого документа. Первая публикация была посвящена изучению старинного сибирского села Евгащино Большереченского района Омской области [12]. В целом в Дозорной книге упоминается ряд населенных пунктов, сейчас относящихся к Большереченскому району: слобода Татмыцкая (с. Такмык), д. Евгаштина (с. Евгащино), д. Колбышина (д. Колбышево), д. Копейкина, Мешкова та ж (д. Мешково), д. Логинова (ныне урочище Старологиново), д. Терехина (д. Терехово), д. Шадрина (д. Шадрино), д. Чипляровых юрт (д. Чеплярово).

Таким образом, этот исторический документ позволяет раскрыть разнообразные стороны жизни рубежа XVII–XVIII вв. на территории Тарского уезда Тобольского разряда. Помимо указанного ранее Дозорная книга содержит важный историко-географический материал: свидетельства о населенных пунктах, их довольно точном месте расположения, при этом включает огромное количество давно исчезнувших из употребления топонимов — названий мелких речек, озер, оврагов, урочищ, следовательно, данные источника могут быть картографированы. Издание Дозорной книги открывает дополнительные возможности для разворачивания генеалогических изысканий: все персонажи дозора достойны упоминания, поскольку их потомки, пребывающие поныне на территории края или далеко за его пределами, интересующиеся собственными предками, могут узнать о месте их проживания, социальном статусе и занятиях, образе жизни, и получат такую возможность благодаря обнародованию документа.

Предложение активно использовать этот документ основано на том, что в 2021–2022 гг. была осуществлена публикация Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. Издание состоит из трех томов. Первый том содержит печатный вариант рукописного источника [3]. Второй том включает статью, посвященную истории изучения данного источника и характеристике полученных результатов, а также научно-справочный аппарат, состоящий из указателей, справочников, фотоиллюстраций, способствующих пониманию текста источника [13]. Третий том является публикацией оригинала документа [14].

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182 : Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.

2. *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) : в 3 т. — М. : Унив. тип., 1895. — Т. 1. — 422 с.

3. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск : Наука, 2021. — 656 с.

4. *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М. : Наука, 1976. — 372 с.

5. *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. — 1937. — Т. 1. — С. 55–60.

6. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 440 с.

7. *Корусенко С. Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII — XX веках. — Омск : Наука, 2006. — 218 с.

8. *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). — Омск : Наука, 2012. — 296 с.

9. *Крих А. А.* Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII — начало XX века). — Омск : Наука, 2016. — 263 с.

10. *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 275 с.

11. *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — 228 с.

12. *Бережнова М. Л., Корусенко С. Н.* Евгащина, она же Елгащина, она же Изюк: ранний период истории старинного сибирского села // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. — Омск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 184–189.

13. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. Т. 2: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [научно-справочный аппарат] / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск : Наука, 2022. — 288 с.

14. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : [оригинал] / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск : Наука, 2021. — 862 с.

УДК 908

О. Б. Бокарева

ПИСЬМА КРАЕВЕДА А. А. ВИНОГРАДОВА ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ А. И. ЯКОВЛЕВУ В АРХИВЕ РАН

Письма А. А. Виноградова, создателя Весьегонского краеведческого музея (1919), адресованные члену-корреспонденту АН СССР А. И. Яковлеву, представляют интерес для исторического краеведения. Эти эпистолярные источники (три письма и одна почтовая открытка, 1950–1951) сохранились в личном фонде А. И. Яковлева в архиве Российской академии наук, были переданы на государственное хранение вдовой ученого в 1960-х гг. Инициатором переписки выступил А. И. Яковлев. Он направил тематический запрос в музей. А. А. Виноградов предоставил ему подробный ответ (привел ряд данных о Великом Новгороде, изложил краткую историю Весьегонска и подарил одну из своих книг).

Ключевые слова: архив РАН, А. А. Виноградов, краевед, А. И. Яковлев, Весьегонский краеведческий музей, Городской сельский школьный музей.

В архиве Российской академии наук сохранились письма педагога, краеведа Александра Александровича Виноградова (1883–1973), адресованные члену-корреспонденту АН СССР, профессору Алексею Ивановичу Яковлеву (1878–1951). Это три письма и одна почтовая открытка, датированные 25 октября 1950 г. — 10 апреля 1951 г., отложившиеся в личном фонде ученого-историка [1].

А. И. Яковлев, собирая материал для ряда исторических работ, переписывался с сотрудниками краеведческих музеев и любителями родного края: Б. А. Дмитриевым (1913–1944, Углич), А. Воронковым (1923, Кашира), М. И. Смирновым (1945, Переславль-Залесский), А. Д. Баранцевым (1950, Калинин), В. Н. Ивановским (с. Липицы Тульской области, 1915) [2; 3; 4; 5; 6; 7].

В начале 1950-х гг. А. И. Яковлев работал над трудами по истории Новгорода Великого: «Новгородское народоправство» (статья, 1950), «Державный строй Новгорода Великого» (монография, 1950) [7; 8]. Он также разрабатывал тему таможенных пошлин на Руси: «Таможенное обложение в Московском государстве XVII в.» (статья, 1951) [9].

Для уточнения ряда исторических, археологических, лингвистических сведений он обратился к А. А. Виноградову, создателю краеведческого музея в Весьегонске, который ныне носит его имя и является филиалом Тверского государственного объединенного музея [10].

А. А. Виноградов родился в д. Кишкино, которая расположена на ручье Поповский, на восточных склонах Карамышевской моренной

© Бокарева О. Б., 2022

гряды, вблизи от торфяного болота Кишкино-Горское [11]. Деревня, как и соседнее селение Гора, была боярской, затем монастырской вотчиной, а потом перешла в ведение Коллегии экономии. Мужская часть этих селений занималась отходничеством, они возили дрова в Череповецком уезде. Именно в Устюжско-Весьегонский район (Череповецкая и Тверская губернии) была организована научная экспедиция слависта, члена-корреспондента АН СССР Николая Михайловича Каринского в 1920-х гг. [12; 13].

Сведения об обучении А. А. Виноградова разнятся. По одним сведениям, он окончил Петербургский учительский институт (13-я линия Васильевского острова) и ряд московских вузов. По другим — он выпускник Императорского Александровского университета (Хельсинки).

До революции он работал учителем в Весьегонском городском училище. С 1918 г. он стал инициатором создания советского музея в Весьегонске (основан 1 мая 1919 г.) и его заведующим (1923–1926). А. А. Виноградов собрал около 2 тыс. экспонатов для музея в первые годы его открытия.

Весьегонск — один из ряда городов (Молога, Брейтово и др.), подвергшихся частичному затоплению в связи со строительством Рыбинского водохранилища. Часть города была перенесена на новое место (1939–1941). Об этом сложном периоде вспоминал востоковед В. Ф. Минорский, уроженец Корчевы; его письма также сохранились в ряде личных фондов ученых в архиве РАН.

Первое письмо А. А. Виноградова, датированное 25 октября 1950 г., как и последующие, написаны на листах школьной тетради, разлинованной в линейку, синими чернилами [1, л. 1–1 об.]. Оно является ответом на два письма, которые А. И. Яковлев адресовал в дирекцию Весьегонского музея 9 и 13 сентября 1950 г. А. И. Яковлев, в свою очередь, ответил на письмо А. А. Виноградова 31 октября 1950 г. (помета простым карандашом на верхнем поле листа) [1, л. 1] (рис. 1, 2).

В первом письме Виноградов пишет, что рад дать ответы на интереснейшие вопросы ученого: о бывшем торговом селе Шипине, «славившемся своей знаменитой конной ярмаркой» (пообещал поговорить с 80-летними старожилами села), о Весьегонске и речке Егне (Ёгне, Иогне) [1, л. 1]. Он также предлагает ознакомиться с его «книжечкой» «К археологии Весьегонского уезда», изданной Тверской ученой архивной комиссией в 1915 г., «в публичной библиотеке», и сообщает, что прочитал статью Яковлева в журнале «Огонек» [1, л. 1 об.].

Далее он сообщает, что является сельским учителем с. Гора Весьегонского района Калининской области, что в Москве знаком с археологом,

профессором Алексеем Петровичем Смирновым и заведующим археологическим отделом Государственного исторического музея Александром Александровичем Яковлевым, что занимается раскопками курганов близ Ладожского озера. В конце письма Виноградов просит писать ему на домашний адрес; подписывается «А. Виноградов» [1, л. 1 об.].

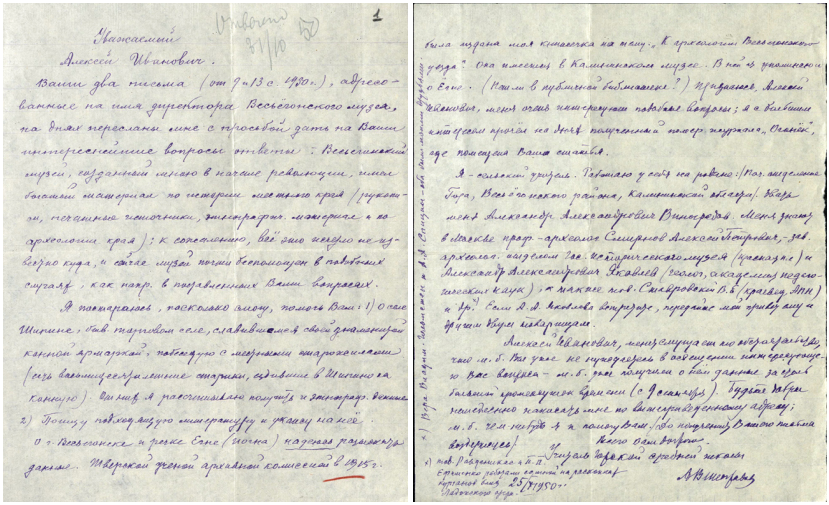

Рис. 1, 2. [Первое] письмо А. А. Виноградова А. И. Яковлеву. 25 октября 1950 г. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 320. Л. 1, 1 об.

Второе письмо — самое объемное, от 7–8 ноября 1950 г. [1, л. 2–11]. Яковлев ответил на него 14 ноября 1950 г. [1, л. 2]. (рис. 3, 4).

Касается оно Великого Новгорода и его «внимания к Бежецкому Верху», к «историческим местечкам» — Егна, Шипино, Городец, которые в «XI–XVII вв. кишмя кишели пушниной и дичью, пчелами, а многочисленные озера и реки — рыбой», имели суглинистую плодородную почву, которая давала «хороший урожай и прекрасные заливные луга» [1, л. 2]. Археологические находки доказывают колонизацию ильменских славян, интерес к этим местам предприимчивых новгородских гостей. Также были обнаружены три вида погребений: полное трупоположение, неполное и положение тел в ямах на поверхности земли в нетронутом виде [1, л. 2 об.].

Об основных находках Виноградов докладывал в «Научно-исследовательском институте краеведения» в Москве по приглашению А. П. Смирнова [1, л. 3].

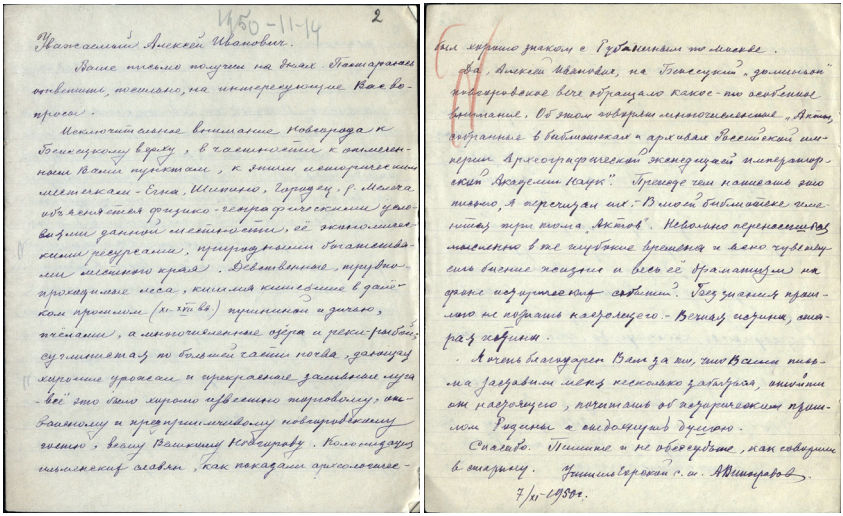

Рис. 3, 4. [Второе] письмо А. А. Виноградова А. И. Яковлеву. 7 ноября 1950 г. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 320. Л. 2, 10 об.

По мнению Виноградова, эти места привлекали также Тверь, которая не хотела «упускать из рук лакомый кусочек, своего рода “Украину”» [1, л. 3 об.].

В большинстве случаев в этих местах встречаются новгородские курганы (р. Молога и др.) [1, л. 4]. Что касается Бежецкого Верха, то «была вековая, упорная борьба, особенно до И. Д. Калиты» между Москвой и Тверью за это место, а «Дм. Донской упрочил власть над этой землей» [1, л. 4 об.].

Далее Виноградов написал краткую историю Весьегонска и его окрестностей [1, л. 5–10 об.].

Почтовая открытка, датированная 12 февраля 1950 г., содержит ценную информацию. Виноградов спрашивал Яковлева, дошла ли его книга о Весьегонске, интересовался, помог ли он ученому [1, л. 12–12 об.] (рис. 5).

Третье письмо, написанное более крупным почерком, от 10 апреля 1951 г. носит скорее личный, чем научный характер. В нём Виноградов написал, что «40 с лишним лет жизни отдал служению Родине, в деле воспитания и обучения молодежи», что горит «желанием жить долго», но чувствует «большое одиночество в своей деятельности» [1, л. 13–13 об.]. (рис. 6, 7).

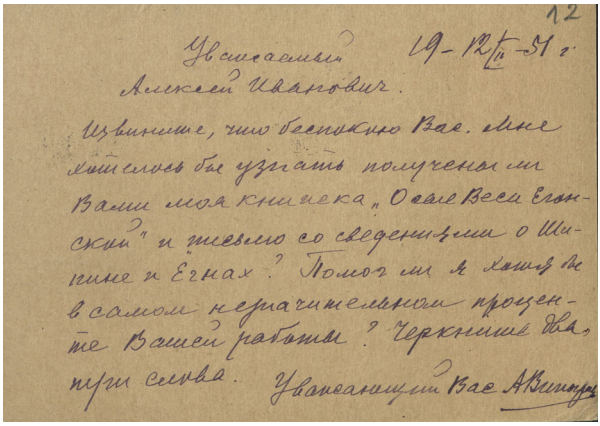

Рис. 5. Почтовая открытка А. А. Виноградова А. И. Яковлеву. 12 февраля 1951 г. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 320. Л. 12.

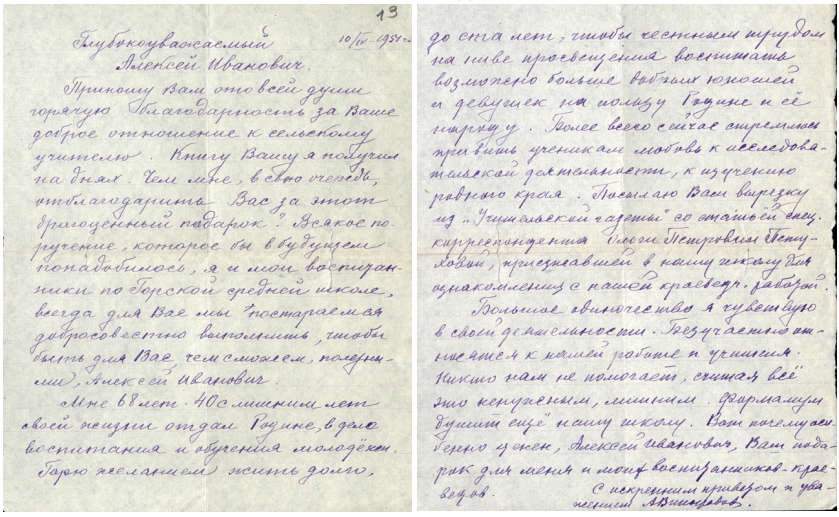

Рис. 6, 7. [Третье] письмо А. А. Виноградова А. И. Яковлеву. 10 апреля 1951 г. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 320. Л. 13, 13 об.

Письма А. А. Виноградова являются ценным историческим источником. В них прослеживается не только научная деятельность, но и личная жизнь скромного сельского ученого, краеведа, детально вникающего в суть вопросов известного профессора, члена-корреспондента АН СССР А. И. Яковлева. Представляется актуальным издать эти письма в соответс-

твии с правилами археографии при сохранении стилистических особенностей автора.

1. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–13 об.
2. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–1 об.
3. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–1 об.
4. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–5.
5. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 283. Л. 1–1 об.
6. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 294. Л. 1–2.
7. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–33.
8. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–90.
9. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–39.
10. Весьегонский краеведческий музей им. А. А. Виноградова. О музее // Тверской государственный объединенный музей : [сайт]. — URL: https://tvermuzeum.ru/affiliates/VsKM (дата обращения: 01.07.2022).
11. *Татурина Т.* Деревня Кишкино // Библиотеки Весьегонского муниципального округа : [сайт]. — URL: http://vesyegonsk.tverlib.ru/derevnya-kishkino (дата обращения: 01.07.2022).
12. АРАН. Ф. 468. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–434.
13. АРАН. Ф. 468. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–8.

УДК 930

О. В. Гефнер

ВКЛАД ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ОМСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье раскрывается роль омской военной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. в изучении края. Рассматривается деятельность военных по изучению природы Омского Прииртышья.

Ключевые слова: естественно-научное краеведение, военные, Омск, наука, природа.

Краеведческая деятельность — комплексное научно-исследовательское изучение родного края, популяризация знаний о богатствах и возможностях региона, характеризующаяся в настоящее время значительной активизацией, актуализируется современными процессами глокализации и потребностью в формировании местной идентичности, стремлением к брендированию территорий, созданию инвестиционно- и туристически-привлекательного имиджа города и региона, значимостью патриотического воспитания молодого поколения.

© Гефнер О. В., 2022

Изучению истории развития омского краеведения посвящены научные работы А. В. Ремизова [1; 2], П. П. Вибе [3; 4], В. Г. Рыженко [5], Н. А. Седельниковой [6], Т. Н. Золотовой [7] и др.

Исследование краеведческой деятельности омской военной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в., описание вклада военных в изучение природы и культуры региона дополняет и расширяет наши представления о становлении краеведения в сибирской провинции, складывании интеллектуального пространства региона и формировании научного и культурного сообщества.

Вторая половина XIX — начало XX в. было временем активного освоения азиатских окраин империи в целом, включения территории региона в административное, экономическое и культурное пространство страны. Интенсивное освоение данных территорий востребовало их комплексного исследования, осуществление которого в условиях дефицита профессиональных научных организаций и кадров ложилось на плечи местной общественности, любителей-краеведов, среди которых были представители самых различных социальных и профессиональных групп — учителей, врачей, чиновников, священников, военных.

Значительный вклад в изучение региона внесла военная интеллигенция. Омск во второй половине XIX — начале XX в. был центром военного округа, что предопределяло значительную долю среди местной общественности военных: офицеров, военных топографов, врачей, преподавателей кадетского корпуса, которые включались в активную краеведческую работу [8]. Стимулировала их краеведческую деятельность не только необходимость решения тех имперских задач, которые ставила перед ними военная администрация, но и профессиональные качества военных — определенное «профессиональное любопытство», особый «изучающий», «разведывающий» взгляд на местность, без которого невозможно осуществлять военные действия, обостренное чувство патриотизма, долга, служения Отечеству. Военные по роду своей деятельности совершали многочисленные поездки по территории военного округа, привозили из них ценные наблюдения и материалы. Они входили в состав членов первого научного центра Омска — Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО), нередко возглавляли его, стояли у истоков формирования первого омского музея, выступали перед горожанами с публичными лекциями, публиковали свои научные труды в местных изданиях. Наибольший вклад военная интеллигенция внесла в естественнонаучное краеведение.

Значительную роль сыграли военные в изучении климата Омска. Первые серьезные метеорологические наблюдения в городе в 1875–1884 гг.

осуществлял делопроизводитель окружного штаба полковник И. Ф. Соколов на специально оборудованной станции, располагавшейся в крепости. Также в 1877–1885 гг. наблюдения за погодой в Омске вел подполковник Корпуса военных топографов Т. Ф. Нифантьев на расположенной в его доме на Мокринском форштадте метеорологической станции. В 1885 г. в Омске была создана метеорологическая станция при ЗСОИРГО, с 1887 г. она располагалась при Омском военном госпитале. Возглавляли станцию в разное время военные медики — военный фармацевт П. Ф. Брейтигам, главный врач военного госпиталя Д. П. Величковский, старший ординатор П. А. Соломин, управляющий аптекой госпиталя В. Л. Реган, военный фармацевт С. Ф. Домбрович. Результаты метеорологических наблюдений стали с 1887 г. регулярно публиковаться в «Протоколах Омского медицинского общества», а с 1892 г. — в «Записках ЗСОИРГО». Здесь же был опубликован ряд работ П. Ф. Брейтигама по климатологии Западной Сибири и Степного края, по истории организации метеорологических наблюдений в регионе.

Военные стояли у истоков изучения растительного мира края. Одним из первых исследователем омской флоры в 1880-е гг. был военный фармацевт Ю. И. Килломан. Он собрал большой гербарий местных растений, выявил и описал 495 видов местных растений, написал научную работу «Флора г. Омска и его окрестностей», опубликованную в 1884 г. в «Записках ЗСОИРГО». Другим омским ботаником-любителем был военный фармацевт К. Л. Гольде, он также занимался выявлением и классификацией растений местной флоры, наблюдением времени их цветения и плодоношения, изучал растения, заносимые в Омск из других местностей. В своих поездках по окрестностям Омска, он собрал большой гербарий местных видов, который составил гордость музея ЗСОИРГО. Главным результатом исследований К. Л. Гольде стала работа «Перечень сосудистых растений, собранных в 1884–1886 гг. в окрестностях Омска и лежащих близь него поселков», напечатанная в 1888 г. в Петербургском журнале Scripta botanica. В ней ученый описал 567 видов растений, указав места их нахождения, время цветения и плодосозревания [9].

Военные занимались также исследованиями в области геологии и гидрологии края. Военный инженер Л. Г. Малеев во второй половине 1880-х гг. изучал каменные угли прииртышского бассейна. Он осуществил химический анализ, определил нагревательные способности различных видов углей, дал практические рекомендации по выгодности добычи, вывоза и использования углей определенных месторождений. В начале 1890-х гг. подобные исследования проводил военный врач П. А. Соломин, он определял содержание воды и серы в разных видах угля прииртышского

бассейна, их удельный вес, нагревательную способность. П. А. Соломин также уделял большое внимание изучению химического состава и целебных свойств вод различных источников, проводил анализы воды рек Иртыша и Оми.

С первых лет организации музея ЗСОИРГО в Омске военные принимали активное участие в собирании и пополнении его фондов. Так, в формирование минералогического отдела большой вклад внесли офицеры М. В. Певцов, К. С. Устюгов, С. Т. Мирошниченко, И. И. Щеголев, Р. М. Закржевский, классный военный топограф П. Г. Богданов. Зоологический отдел обогатили вклады капитана М. В. Певцова, генерал-губернатора Степного края генерала Г. А. Колпаковского, классного военного топографа Г. П. Дроздова. В собирании ботанических коллекций активное участие принимали классные военные топографы Н. К. Хондажевский, Г. П. Дроздов, военный фармацевт К. Л. Гольде.

Таким образом, представители военной интеллигенции Омска внесли значительный вклад в изучение края, выступая пионерами во многих областях исследования природы и ресурсов региона. Они занимались сбором данных, фактов, материалов, закладывая основу для развития омской науки. Даже если «нередко научные результаты были следствием далеко не научных целей», а военных или административных [10, с. 25], труды офицеров, медиков, топографов, имели важное значение для изучения и освоения края, формирования интеллектуального пространства региона.

---

1. *Ремизов А. В.* Три века омского краеведения // 175 лет Омской области (Краеведы Омского Прииртышья). — Омск : [б. и.], 1998. — С. 2–25.

2. *Ремизов А. В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерки истории. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. — 248 с.

3. *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. — М. : Отечество, 1994. — 320 с.

4. *Вибе П. П.* Краеведение в Омском Прииртышье // Омский краевед. — 2003. — № 1. — С. 5–7.

5. *Рыженко В. Г., Захарова Н. А.* Омские краеведы Седельниковы // Изв. ОГИК музея. — 1994. – № 3. — С. 13–20.

6. *Седельникова Н. А.* Областное краеведение как социокультурный феномен (на материалах Среднего Прииртышья. 1930–1980-е гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. — Омск, 2010. — 28 с.

7. *Золотова Т. Н.* Современные сибирские краеведы: сочетание профессионального и любительского, вклад в изучение локальной истории и культуры // Краеведение как феномен провинциальной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : Изд-во ОГИК музея, 2011. — С . 118–125.

8. *Гефнер О. В.* Военные в социокультурном пространстве г. Омска (1870-е — 1903 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1999. — 22 с.

9. *Гефнер О. В.* Вклад военных в становление ботанической науки в Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Электрон. науч.-метод. журн. Ом. гос. аграр. ун-та. — 2021. — № 4. — URL http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/4/00954.pdf (дата обращения: 05.06.2022).

10. *Ремнев А. В.* Научное востоковедение в Азиатской России: несостоявшееся омское общество по изучению Востока // Музейные ценности в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф. — Омск : Изд-во ОГИК музея, 2008. — С. 24–29.

УДК 37.017.4+908+378.02

А. А. Гоппе, Н. В. Люля

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА «НИТИ КРАЕВЕДЕНИЯ»)

В статье рассматривается влияние научных студенческих обществ, занимающихся краеведческой деятельностью, на патриотическое воспитание обучающихся. Важным является профессиональная командная работа со студентами в рамках как традиционных форм работы (научная деятельность), так и инновационных (педагогическая деятельность). Комплексный подход позволяет добиться результатов в разных областях, сформировать личность, интересующуюся историей своего региона, активно занимающуюся исследовательской и просветительской деятельностью.

Ключевые слова: краеведение, патриотическое воспитание, обучающиеся, студенческие кружки, студенческие научные общества.

В настоящее время особенно актуальны вопросы патриотического воспитания молодежи. Перед системой высшего образования стоит задача формирования личности с высокой степенью социальной ответственности, гражданской зрелости, заинтересованной в развитии своей страны. Особенно это актуально для педагогических вузов при подготовке будущего учителя. Важным в патриотическом воспитании студентов является ориентирование их на изучение, а также сохранение историко-культурных ценностей, их популяризацию, формирование исторической преемственности, связи поколений [1, с. 147]. Механизмов вовлечения обучающихся в научно-исследовательскую деятельность достаточно много, хотелось бы более подробно остановиться на организации работы студенческих научных кружков

© Гоппе А. А., Люля Н. В., 2022

как объединений, направленных на патриотическое воспитание молодежи, в том числе в русле организации воспитательной работы.

Сегодня популярность приобретают различные студенческие научные объединения (СНО), созданные на базе образовательных учреждений высшего образования. По данным мониторинга Минобрнауки России, сегодня СНО существуют в 400 вузах страны [2]. Как отмечает кандидат педагогических наук М. В. Сычева, «создание и работа СНО выступает формой профессионального развития будущих специалистов, призванной как расширить общий кругозор и научную эрудицию, так и развить навыки грамотно выстроенной исследовательской работы и закрепить усвоенные теоретические знания на практике» [3, с. 48], что является одной из причин развития научно-исследовательской деятельности посредством создания студенческих научных объединений и активного участия в них учащейся молодежи.

В феврале 2021 г. в Алтайском государственном педагогическом университете при Центре устной истории и этнографии (УИиЭ) (заведующий лабораторией — доктор исторических наук, профессор Т. К. Щеглова) начал работу студенческий научно-исследовательский кружок «Нити краеведения» под руководством сотрудников Центра А. А. Гоппе и Н. В. Люля. Цель кружка — создание благоприятных условий для получения углубленных знаний по истории, географии, этнографии, культуре родного края; расширение кругозора. В ходе работы его члены обучаются практическим навыкам исследовательской деятельности. Посредством вовлечения ребят к научно-исследовательским проектам воспитывается любовь к своей малой родине, вырабатывается уважение к ее прошлому и настоящему.

Создание студенческого кружка при Центре не являлось случайным, еще в 1970-е гг. известный краевед А. Д. Сергеев создал краеведческий исследовательский кружок «Роза ветров» и заложил традицию историко-краеведческих экспедиций, поэтому кружок «Нити краеведения» ведет свою работу, опираясь на опыт и традиции [4, с. 7].

Становление у студентов научного мировоззрения и собственной точки зрения на проблему является важным процессом, в связи с чем всё многообразие возможных тем исследования для членов кружка представляют сами специалисты в разных областях. На заседания кружка приглашаются гости, как правило практики. На 2021–2023 гг. составлена программа для знакомства с новыми темами и ведущими исследователями края. Так, в 2021/22 учебном году студенты познакомились с краеведами Алтайского края — Д. Дегтяревым (Тема встречи: «Фотографии как источник по истории родного края»), В. Бородаевым («Изучая родной край…»), на 2022/23 учебный год приглашены И. Архипова (исполнительный ди-

ректор Алтайского краевого отделения РГО), О. Мамонтова (заместитель директора Алтайского государственного краеведческого музея по научной работе) и др. При проведении тематических заседаний студентов знакомят с «пробелами» в истории, географии, этнографии края и т. д., что показывает возможности выбора актуальных и малоизученных проблем в регионе, позволяет выбрать именно то, что заинтересовало.

Основа работы кружка — краеведческая деятельность, а, как отмечают исследователи, краеведение служит одной из основополагающих систем фундаментальных знаний о русском народе, об особенностях быта и трудовой деятельности, национальном характере, психологии, мировоззрении, культуре, а также о семье, своей родословной, о родном крае и всём, что связано с ним [5]. Одним из ведущих направлений работы студенческого кружка является научно-исследовательская деятельность: помощь в выборе темы для дальнейшего исследования, рекомендации в подборе литературы и исторических источников, консультирование на протяжении написания работы студентом, подготовка доклада. За 1,5 года работы кружка студенты приняли участие в трех конференциях всероссийского и международного уровня.

Еще одним направлением работы кружка является проектная работа. Проекты по краеведению не только позволяют сформировать представления о малой и большой Родине, но и способствуют развитию самостоятельности мышления, целеустремленности, настойчивости, креативности. Так, члены кружка активно занимаются разработкой проектов в рамках конкурсов «Алтай. История. Память», «Письмо солдату», «Твой Ход» и др. Совместная работа студентов и наставников дает результаты, в каждом конкурсе ребята получили призовые места, а Е. Рябченко и А. Матюшкина прошли в финал конкурса «Твой ход», в котором А. Матюшкина стала обладательницей 1 млн руб.

Важным компонентом в краеведческой деятельности является проведение полевых исследований, когда студент самостоятельно занимается сбором информации по интересующей его теме, формирует источниковую базу. Благодаря материально-технической базе, методическим и научным разработкам Центра УИиЭ студенты под руководством наставников выезжают в районы края (как самостоятельные выезды, так и в рамках историко-этнографической практики, руководитель Т. К. Щеглова), работают в Барнауле по различным темам, проводят интервью, фото- и видеосъемку, собирают предметы для Историко-краеведческого музея АлтГПУ.

Направления работы кружка не ограничиваются традиционными формами (научная деятельность), руководители кружка осуществляют совмещение традиционных и инновационных форм для повышения заинтересованности

студентов. В первую очередь это формирование навыков педагогического мастерства. У студентов есть возможность еще до прохождения педагогической практики начать работу со школьниками — с проведения игровых мероприятий в рамках профориентационной работы. Так, члены кружка знакомят школьников с народами, проживающими в регионе, и их культурой (например, игры «Костюмы народов России», «ЭТНОлото»). Знания о народах формируют культуру межнациональных отношений, воспитывают терпимость и уважение к истории, традициям, обрядам, культуре, языку наций и народностей, проживающих в регионе и в России [5]. В ходе разработки и проведения занятий со школьниками студенты расширяют свои знания, формируют и накапливают портфолио будущего педагога, которое они могут использовать уже в своей профессиональной деятельности. На наш взгляд, работа студентов педагогического вуза со школьниками разных классов является практикой использования краеведческого компонента в школе, что является неотъемлемой частью предмета истории в школе.

В кружке также раскрывается творческий потенциал ребят, что необходимо в школе в рамках реализации воспитательной работы. В данной работе мы опираемся на этнокультурное краеведение, поскольку нет понятия «этнографическое краеведение». Так, члены кружка принимали участие в подготовке театрального номера «Старожилы и переселенцы», читали русские и украинские народные сказки для участия во Всероссийском конкурсе «Россия Многоликая», готовили сценку о сибирских шуликанах и т. д. Все сюжеты были отмечены дипломами и благодарностями. Для того чтобы составить сценарий, ребятами проводится колоссальная работа по выявлению и изучению соответствующих публикаций.

Таким образом, деятельность краеведческого кружка «Нити краеведения» направлена на формирование активной жизненной позиции у студентов, нацеливает их на научную, исследовательскую, поисковую, общественную деятельность, связанную с изучением, сохранением и популяризацией истории и культуры края, района, города, села. Совместная работа студентов и наставников, широкий спектр их деятельности позволяют будущим учителям получить навыки научно-исследовательской и проектной работы, работы в команде, взаимодействия с организациями Барнаула, что позволяет максимально приблизиться к практической работе учителя, осознать многогранность своей будущей профессии.

---

1. *Сардаана И. К., Гуляев П. Д.* К проблеме организации деятельности студенческого научного кружка в современных условиях // Учен. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. — 2018. — № 11 (165). — С. 146–149.

2. Конкурс студенческих научных обществ // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. — URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46369 (дата обращения: 11.07.2022).

3. *Сычева М. В.* Деятельность студенческого научного общества педагогического вуза как инструмент формирования профессиональной компетентности // Современное педагогическое образование. — 2022. — № 2. — С. 47–50.

4. *Щеглова Т. К.* Алексей Дмитриевич Сергеев: портрет краеведа, историка, организатора туризма в контексте эпохи // Краеведение и туризм : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Барнул : АлтГПУ, 2020. — С. 4–16.

5. *Деев А. Л.* Краеведение как средство формирования гражданственности школьников // Фундаментальные исследования. — 2005. — № 4. — С. 35.

УДК 908

В. Н. Демешко

ПРОЕКТ А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА И И. И. ГАВРИША ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ А. Н. РАДИЩЕВА В КОПЬЁВСКОМ СОВХОЗЕ

В статье излагается история создания памятника А. Н. Радищеву в усадьбе Копьёвского совхоза (ныне — с. Радищево Нижнеомского района) Омской области и попытка придать статус «тракто-заповедника» сохранившимся участкам Московско-Сибирского тракта. Приводятся данные по обследованию Московско-Сибирского тракта на участке Копьёво-Радищево экспедицией «Русского географического общества» в 2013 г.

Ключевые слова: А. Н. Радищев, А. Ф. Палашенков, И. И. Гавриш, Московско-Сибирский тракт, село Радищево, село Копьёво.

Изучение Московско-Сибирского тракта (МСТ) и связанных с ним судеб — важная научно-краеведческая задача. Одной из наиболее знаковых личностей, неразрывно связанных с историей этого легендарного пути, является Александр Николаевич Радищев — русский писатель, поэт, философ, видный деятель второй половины XVIII в. Позиционирование В. И. Лениным Радищева в качестве «первого революционера» сформировало в советском обществе большой интерес к его биографии и творчеству, в том числе к периоду Илимской ссылки. Омская область не стала исключением. Здесь имя Радищева отмечено и в топонимике, и в музейных экспозициях, и в туристско-экскурсионных программах. Однако благодаря инициативе председателя Копьевского совхоза И. И. Гавриша и выдающегося краеведа, директора Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенкова Нижнеомский район в этом отношении занимает особое место. История

© Демешко В. Н., 2022

этой инициативы уже основательно подзабыта и нуждается не только в сохранении, но и в переосмыслении с позиций сегодняшнего дня.

Речь идет о памятнике А. Н. Радищеву в с. Радищево Нижнеомского района. Его создание было частью крупного проекта, итогом которого могло бы стать утверждение официального охранного статуса всего восточного участка МСТ в Омской области.

В 1952 г. ввиду 150-летия со дня кончины А. Н. Радищева группа корреспондентов во главе с А. Ф. Палашенковым проехала по всему МСТ. Результатом поездки стало открытие мемориальной доски памяти Радищева в с. Артын. Этой темой заинтересовался директор Копьёвского совхоза № 248 Большереченского района И. И. Гавриш [1, л. 2]. Копьёво — это старинное село, через которое Радищев проезжал дважды и оставил записи о нём в дневнике [2, с. 261, 279]. У Гавриша возникла идея установить памятный знак на территории усадьбы своего совхоза, ведь усадьба расположена на МСТ, на месте бывшей церковной земли с. Копьёво и заимки настоятеля, называемой в народе «Поповы рощи» [1, л. 2; 3, с. 225; 4, л. 6].

Весной 1953 г. Гавриш рассказал о своей идее Палашенкову. В личном фонде Омского государственного исторического архива сохранились записи Андрея Фёдоровича о планировании памятника. В одном из вариантов на четырехгранной стеле должен был быть установлен бюст Радищева, на другом — красная звезда [1, л. 5, 8]. В итоге было решено установить четырехгранный обелиск с портретом Радищева в верхней части постамента.

Ниже портрета — три мемориальные доски с надписью золотом:

«В августе 1791 г. по проходящему через усадьбу совхоза Московско-Сибирскому тракту проследовал в Илимскую ссылку великий русский писатель-революционер Александр Николаевич Радищев».

«Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край. Потребны еще века, но когда она будет заселена, она предназначена играть большую роль в анналах мира. А. Н. Радищев».

«Благодарные потомки — Великому предку».

Поскольку это был совместный проект совхоза и музея, то и ресурсное обеспечение его было разделено. Постамент и обелиск сделал совхоз, а портрет и памятные доски — Омский краеведческий музей.

Всё было готово к лету 1953 г., но открытие памятника долго откладывалось и состоялось лишь 18 июня 1955 г. в присутствии более чем тысячи человек.

На открытии секретарь партийной организации совхоза зачитал постановление общего собрания рабочих и служащих и решение райсполкома об увековечивании памяти А. Н. Радищева, после чего Гавриш снял пок-

рывало с обелиска, а двое молодых людей повесили на обелиск венок из свежесрезанных березовых ветвей. Далее с большой речью о жизни и творчестве А. Н. Радищева выступил А. Ф. Палашенков. Завершило церемонию возложение венков от рабочих и учащихся и сообщение старшего агронома о достижениях совхоза и перспективах на будущее [1, л. 2, 9, 10, 11].

Открытием памятника идеи Палашенкова не исчерпывались. В том же 1955 г. он пишет письмо начальнику областного управления культуры О. П. Манторовой, где предлагает рассмотреть вопрос «о признании участка старого Московско-Сибирского тракта от усадьбы Копьёвского совхоза № 248 Большереченского района до границы с Новосибирской областью, протяжением 18 км, историческим заповедником, как памятник прошлого Сибири» [4, л. 2]. Эта инициатива была рассмотрена Омским областным советом депутатов трудящихся и, вероятно, поддержана, ведь в архивном деле Палашенкова есть проект положительного решения. Согласно ему, тракт надлежало охранять, запретив распашку, раскопку, застройку, а также выборку старого настила с полотна. Областному управлению культуры предлагалось установить на территории заповедника соответствующие указатели и надписи, а директору Копьёвского совхоза — принять этот участок под непосредственное наблюдение [4, л. 5]. Интересно, что во всех рабочих записях Палашенков называет этот объект «тракто-заповедником». Такой необычный статус, вероятно, не предлагался для МСТ ни до, ни после.

Однако созданию «тракто-заповедника» воспротивилась юридическая служба Облисполкома, о чём Палашенков сообщал в дирекцию Государственного исторического музея с просьбой «высказать свое суждение по затронутому вопросу и сообщить, заслуживает ли названный тракт признания его историческим памятником» [4, л. 3, 4]. Получил ли он ответ — неизвестно, но «тракто-заповедник» на территории Омской области так и не появился. Не исключено, что главным препятствием для его создания стало отсутствие каких-либо крупных исторических объектов — старинных каменных построек или иных сооружений. После обследования 1952 г. Палашенков отмечал, что от старого тракта сохранились полотно, канавы, боковые насыпи, а также настил в трех местах XVIII в. из толстых лиственничных бревен [4, л. 2, 2 об.]. Для столь высокого охранного статуса этого было недостаточно.

Еще одна идея Гавриша — это присвоение совхозу имени Радищева. Ходатайство об этом трудовой коллектив совхоза возбудил перед Облисполкомом весной 1953 г. [1, л. 3], и оно было одобрено. В 1965 г. с. Радищево в числе прочих деревень Новотроицкого сельсовета вошло в состав Нижнеомского района, а с. Копьёво оказалось в составе Муромцевского [5, с. 212–213].

Безусловно, в этом проекте А. Ф. Палашенков весьма точно определил наиболее рациональный статус для сохранения участков МСТ и связанных с ним культурно-исторических объектов. В настоящее время с историей этого легендарного Сибирского пути в Омской области знакомят два историко-культурных музея-заповедника: «Старина Сибирская» (Большереченский район) и «Московско-Сибирский тракт» (Большеуковский район), а также множество отдельных памятников и историко-краеведческих музеев.

В период с 2010 по 2011 г. учеными Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (ОРО ВОО «РГО») предлагалось использовать участки МСТ в качестве объектов проектируемого национального парка [6, с. 95, 106], но эта инициатива была отклонена. В 2013 г. экспедиция ОРО ВОО «РГО» обследовала МСТ от западной до восточной границы региона, изучив в том числе и Копьёвско-Радищевский участок на протяжении 5,6 км. Ему была дана следующая характеристика: «На местности выражен в виде приподнятого над дневной поверхностью профиля шириной 8–10 м, с обеих сторон имеющего кюветы шириной до 3 м, глубиной до 1 м. Активно используется местным населением для передвижения. Имеет одну хорошо выраженную колею по центру дорожного полотна, разбитую автомобилями и тяжелой сельскохозяйственной техникой» [7, с. 74]. Памятник Радищеву в с. Радищево оказался полуразрушен. На нём уже давно нет ни портрета, ни табличек. Штукатурка с кирпичного основания частично ободрана, а находившийся близ памятника сельский Дом культуры заброшен. Мы считаем, что если бы проект Палашенкова удалось довести до конца, то подобного бы не произошло.

Мы надеемся, что в XXI в. интерес к МСТ в этом уголке Омского Прииртышья вернется, Радищев будет восприниматься в обществе как писатель и общественный деятель, а не как символ революции. И новое поколение краеведов отдаст должное стараниям и чаяниям Палашенкова, Гавриша и другим участникам, выступившим с инициативой создания Копьёвского музея-заповедника — первого подобного проекта на Омской земле.

---

1. ИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 65. Л. 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11.

2. *Радищев А. Н.* Полное собр. соч. в 3 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 3. — 676 с.

3. *Решетникова Т. А.* Писатели России на Нижнеомской земле // Россия между Западом и Востоком : сб. науч. и метод. работ. — Омск : ООИПКРО, 2001. — Вып. 2. — С. 223–227.

4. ИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 2 об., 3, 4, 5, 6.

5. *Мискина Л. И.* Нижнеомский район: вехи истории : учеб. пособие. — Омск : Газетный двор, 2003. — 335 с.

6. Научное обоснование создания национального парка в Омской области : монография / отв. ред. И. А. Вяткин, В. Н. Демешко. — Омск : Амфора, 2012. — 300 с.

7. *Матвеев А. В., Демешко В. Н.* Поиск маршрутов Московско-Сибирского тракта XVIII–XX вв. на территории Омской области экспедицией Омского отделения РГО в 2013 г. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. — Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. — Т. I. — С. 70–76.

УДК 908+069

Д. В. Ерошевская

ОМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ФОРУМ: ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Представлен опыт Омского государственного историко-краеведческого музея по организации и проведению крупного научного мероприятия — Омского краеведческого форума. Рассматриваются его ключевые мероприятия и перспективы дальнейшей работы музея в данном направлении.

Ключевые слова: музей, краеведение, форум, Омский историко-краеведческий музей.

28–30 октября 2021 г. в Омске состоялся Омский краеведческий форум. Он проводился по инициативе Омского государственного историко-краеведческого музея (далее — ОГИК музей) и объединил несколько крупных научных мероприятий, в числе которых — Всероссийская научно-практическая конференция «VI Ядринцевские чтения», Съезд краеведов Омской области с презентацией 10-го тома альманаха «Омский краевед», открытие выставки новых поступлений ОГИК музея «Из повседневности в историю: будни краеведов», XXV Областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура». Форум был посвящен 200-летнему юбилею Омской области [1, с. 3].

В первый день форума (28 октября 2021 г.) состоялось открытие Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения» в Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина (далее — ОГОНБ им. А. С. Пушкина). Участников приветствовали заместитель министра культуры Омской области И. Ф. Шеин, председатель Общественной палаты Омской области Л. П. Герасимова, директор Института истории Сибирского отделения РАН, кандидат исторических наук В. М. Рынков (в онлайн-формате). С пожеланиями успешной и плодотворной работы форума выступил председатель Союза краеведов России, директор ОГИК музея, доктор исторических наук П. П. Вибе.

© Ерошевская Д. В., 2022

Он же открыл работу пленарного заседания своим докладом, посвященным структуре современного отечественного краеведения и его роли в публичном пространстве [2].

Далее выступали ученые из разных городов России, в докладах которых поднимались проблемы публичной истории, взаимодействия профессиональных историков и общества, взаимосвязи массового исторического сознания и политики исторической памяти, рассматривался потенциал образовательной деятельности музея в контексте современной социокультурной ситуации, где учреждение выступает в качестве института сохранения исторической памяти, а также эволюции профессиональных взглядов Н. М. Ядринцева с публицистической точки зрения. Всего было заслушано девять докладов [3].

Во второй половине дня в Музее книги ОГОНБ им. А. С. Пушкина состоялось совместное пленарное заседание конференции и Съезда краеведов Омской области, где было заслушано шесть докладов. Последнее «собрание» краеведов Омской области прошло в 2008 г. в стенах Омского кадетского корпуса при поддержке губернатора, председателя Правительства Омской области Л. К. Полежаева и называлось «Слет краеведов Омской области». В 2021 г., спустя 13 лет, ОГИК музей провел подобное «собрание» краеведов под названием «Съезд краеведов Омской области». Были приглашены представители районных музеев, архивов и библиотек. С приветственными словами выступили директор ОГОНБ им. А. С. Пушкина, кандидат исторических наук А. В. Ремизов и директор ОГИК музея, доктор исторических наук П. П. Вибе. На заседании были заслушаны доклады омских краеведов и членов бюро Совета Союза краеведов России (Воронеж, Пенза, Владимир), посвященные состоянию и перспективам развития краеведения в регионах страны и историко-культурному наследию народов Сибири на современном этапе. Участникам Съезда был вручен 10-й том альманаха «Омский краевед», специально подготовленный к форуму.

В завершение вечера участникам была презентована выставка новых поступлений в ОГИК музее «Из повседневности в историю: будни краеведов», где представлены наиболее ценные предметы, поступившие за последние 10 лет. Как правило, основным источником поступлений ОГИК музея являются экспедиционные сборы. Экспедиции с целью комплектования проводятся с момента его основания. В июле 2021 г. состоялась очередная экспедиция в Любинский и Тарский районы Омской области. В результате фонды пополнили 60 предметов, отражающих материальную культуру населения Среднего Прииртышья XIX–XX вв. Данные предметы были отреставрированы и представлены на выставке.

Во второй день работы форума (29 октября 2021 г.) в ОГИК музее состоялось заседание трех секций Всероссийской научно-практической конференции «VI Ядринцевские чтения»:

1. «Проблема исторического факта: публичная история и мифотворчество», в рамках заседания которой были подняты вопросы состояния и взаимодействия исторической науки и краеведения на современном этапе, проблемы сохранения отдельных исторических событий в социальной памяти, достоверности исторического факта в пространстве публичной истории, представлен опыт работы краеведческих сообществ на местах и др. Было заслушано 13 докладов.

2. «Объекты культурной памяти: опыт сохранения и репрезентации в современной практике», где большую группу работ составили доклады по музееведческой проблематике: опыт репрезентации исторических знаний и применение иммерсивных технологий в рамках экспозиционно-выставочной работы, изучение музейных коллекций, а также просветительная деятельность на разных этапах исторического развития; обсуждались проблемы сохранения и популяризации археологических находок и др. Выступили 9 докладчиков.

3. «Историко-культурное наследие в междисциплинарном дискурсе», в рамках заседания которой были рассмотрены основные направления развития современного краеведческого знания. Значительную часть составили доклады по изучению историко-культурного наследия: классификация образов прошлого, современное состояние и проблемы сохранения объектов исторического наследия на местах, сложности интерпретации и использования археологических материалов, а также вопросы социокультурной идентичности. Заслушано 12 докладов.

В первой половине дня, согласно программе, участниками конференции были возложены цветы к мемориальным доскам Н. М. Ядринцева и А. Ф. Палашенкова, а во второй половине, на заключительном пленарном заседании — подведены итоги работы и принята резолюция конференции.

Всего в работе конференции и съезда приняли участие 123 человека — научные сотрудники различных специальностей (историки, культурологи, археологи, этнографы), специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, краеведы. Среди них зарегистрировались 16 докторов наук и 32 кандидата наук. География включала более 10 городов России [4, с. 95].

В третий день работы форума (30 октября 2021 г.) состоялась культурная программа для участников в филиале ОГИК музея — Этнопарке «Музей сказки “Васин Хутор”». Гостям провели обзорную экскурсию. Директор ОГИК музея П. П. Вибе рассказал об идее проекта и о том, как поэтапно шло строительство этнопарка.

Заключительным мероприятием в рамках Омского краеведческого форума стала XXV Областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура» (3 ноября 2021 г.), которая в 2021 г. носила юбилейный характер. К участию приглашались ученики 10–11-х классов общеобразовательных школ, лицеев, гимназий и учреждений дополнительного образования; студенты средних специальных учебных заведений 1–2-х курсов (после 11 классов) и 2–4-х курсов (после 9 классов); студенты 1–2-х курсов вузов.

Поступило 86 заявок из Омска и 12 муниципальных районов Омской области (Колосовского, Калачинского, Нововаршавского, Марьяновского, Седельниковского, Называевского, Большереченского, Азовского, Кормиловского, Тарского, Таврического). Традиционно работало три секции: «История Омского Прииртышья», «Культура Омской области», «Природа и экология Омской области». Всего было заслушано 25 докладов. Выступления участников оценивали члены компетентного жюри из числа ведущих ученых вузов и научных учреждений Омска.

По результатам работы было определено три победителя (1-е место в каждой секции), которым присудили звание Лауреата премии имени А. Ф. Палашенкова с вручением памятной медали и диплома. Участники, занявшие призовые места (2-е и 3-е места в каждой секции), получили в подарок краеведческую и энциклопедическую литературу. По рекомендации членов жюри ряд работ предложен к публикации в научно-популярном альманахе «Омский краевед». Победителей и призеров конференции, их руководителей награждали ректор ОмГПУ, кандидат исторических наук И. И. Кротт и председатель Союза краеведов России, директор ОГИК музея, доктор исторических наук П. П. Вибе. Памятные медали ОГИК музея были вручены и председателям, которые многие годы принимали участие в организации и проведении молодежной конференции — Юрию Петровичу Родионову, Татьяне Николаевне Золотовой, Людмиле Васильевне Азаровой.

Таким образом, Омский краеведческий форум стал ярким и значимым событием в научной жизни Омска и Омской области. Он собрал на одной площадке авторитетных и молодых ученых, а также тех, кто только начинает делать первые шаги в науке. Участники обсудили важные проблемы современного общества по вопросам фальсификации исторических знаний и мифологизации, а школьники и студенты приобрели ценные рекомендации по продолжению своих дальнейших научных исследований.

Получив высокую оценку от научного сообщества Омска и других городов России, ОГИК музей продолжил плодотворную работу в данном формате. В частности, в октябре 2022 г. планируется провести Всероссий-

ский Омский краеведческий форум, посвященный 200-летию образования Омской области и 180-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева, ключевыми мероприятиями которого станут пленарное заседание, посвященное обсуждению основных проблем и перспектив развития государственного краеведения в Российской Федерации в конце XX — начале XXI в., а также Круглый стол по рассмотрению методики и перспектив работы над «Энциклопедией российского краеведения» с презентацией тестовой электронной версии «Энциклопедии омского краеведения» как составной части общероссийского проекта.

1. *Ерошевская Д. В.* О подготовке Омского краеведческого форума, посвященного 200-летию Омской области // Омский краевед. — 2021. — № 10. — С. 3–5.

2. VI Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. П. П. Вибе. — Омск : ОГИК музей ; СПб. : Любавич, 2021. — 463 с.

3. *Кокоулин В. Г.* Историческую память и публичную историю обсудили на научной конференции в Омске // Сибирский архив. — 2021. — Вып. 4 (10). — URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/page/330 (дата обращения: 25.05.2022).

4. *Золотова Т. Н., Рыженко В. Г.* Краеведение в современном публичном пространстве // Гуманитарные науки в Сибири. — 2021. — Т. 28, № 4. — С. 94–98.

УДК 908

И. А. Махнанова

В. С. АНОШИН: К БИОГРАФИИ, НАСЛЕДИЮ И ИСТОРИИ РАЙОНОВ (ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ УКАЗАТЕЛЯ)

Представлены архивные источники (письма, дневниковые записи и др.) из документов личного происхождения фондообразователей, а также отдельные сведения по персоналиям и истории районов области. Актуализируется предложение о создании краеведческого регионального справочника-указателя.

Ключевые слова: В. С. Аношин, И. С. Коровкин, А. Ф. Палашенков, Д. Я. Криницын, И. И. Яковлев, Н. Г. Линчевская.

В биографии одного из старейших краеведов Омской области отмечается непродолжительный период работы директором Большереченского пищекомбината. Точные даты из личного дела — с 10 августа 1953 г. по 14 октября 1954 г. Приказы по Омскому областному управлению легкой и пищевой промышленности принимались в соответствии с решениями Исполкома Большереченского районного Совета депутатов трудящихся.

© Махнанова И. А., 2022

Получив назначение, вскоре 55-летний директор В. С. Аношин по состоянию здоровья и направлению врачебной комиссии еще «в бытность на работе в Инспектуре» вынужден обратиться к начальнику Облглегпищепрома с заявлением об отпуске «(в счет очередного) на время нахождения на лечении сроком с поездкой 40 дней»: «Обком профсоюза предоставил мне с 10 октября путевку на курорт “Сергиевские минеральные воды”». Через 11 дней, 11 сентября 1953 г., последовал категоричный отказ: «Согласно законоположению очередной отпуск предоставляется по истечении 11-ти месяцев непрерывной работы на данном предприятии, Вы же проработали в райпищекомбинате только один месяц, поэтому Вам отпуск не положен» [1, л. 5]. Из подобных документов складывается картина времени и условий, в которых работал старейший краевед области, занимаясь любимым делом — краеведением.

В письмах В. С. Аношина к адресатам приоткрываются отдельные эпизоды его собирательской и музейной деятельности. Эти цитаты в соотнесении с точными датами — «материалы к биографии» — дают возможность подробнее узнать детали жизненных событий, мнения по различным вопросам, в том числе установить круг общения. В перечне — И. И. Яковлев, уроженец с. Колосовка Тарского уезда Тобольской губернии, ветеринарный врач, участник Гражданской войны, преподаватель Московской ордена Трудового Красного Знамени ветеринарной академии, «краевед Кузьминок», как себя называл.

«Дорогой Иван Иванович! Посылку Вашу получил. Большое спасибо за Ваше внимание к нам. Еще пока бегло в день получения посылки просмотрел присланное Вами. Удивляюсь, насколько Вы любознательны и трудолюбивы. Чтобы так тщательно, с любовью и большим знанием подобрать различные материалы, а потом оформить в отдельные альбомы, сопровождая всё это соответствующими фотоснимками. Не счесть, сколько Вы вложили труда, энергии, изобретательности. Преклоняюсь перед Вами в этом деле. Мне уже под 80 лет, но я учусь Вашему искусству. Я тоже полсотни лет собираю исторические материалы, но еще не дошел до такой обработки и систематизации. Как у Вас. Знакомясь с Вашими материалами видно, что Вы свою жизнь прекрасную посвятили служению народу, помимо служебных обязанностей провели большую общественную работу. Моя служебная и общественная работа частично напоминает Вашу. Большую память Вы оставляете о себе. Вы писали, что можете выслать нашему музею фототеку. Будем очень благодарны Вам за это» [2, л. 1].

Этот «старец из Колосовки — Кузьминок», как подписан фотоснимок однокашнику, другу и соратнику многих лет жизни Дмитрию Яковлевичу Криницину, уроженцу Тары, первому омичу, получившему в 1935 г. сте-

пень доктора биологических наук, профессору Омского ветеринарного института, в архивном фонде которого хранится это письмо, направил все свои «фонды и жизнеописание в Большеречье — Народный музей краеведения» «на вечное хранение». В своем «отчете о том, что я сделал за прошедшие 60 лет» и воспоминаниях «Из записок ветеринарного врача (60 лет в строю)» И. И. Яковлев рассказывает о своих предках из Тары в ряду других долгожителей. «Мой прадед по отцу Терентий прожил 105 лет, а его дед Андрей — 118 лет. Прабабка по матери Анна — 102 года. А ее зять, мой дед Степан — 84 года. Вот какие богатые перспективы жизни человека» [3, л. 9]. Пытливый исследователь получит новые знания о прошлом региона и СССР.

В письме директору архива Н. Г. Линчевской В. С. Аношин направляет опубликованные в районной типографии в 1985 г. 8 страниц печатного материала «Большеречье — село сибирское» со списком литературы, информирует о работе. «В настоящее время я заканчиваю описание событий в нашем районе периодов коллективизации, ликвидации кулачества и 1937 года» [4].

В. С. Аношин, подробно раскрывая периодизацию местных событий, сообщает сведения из биографии, начав «описание с 1920 г., как кредитные товарищества и комитеты крестьянской взаимопомощи помогали беднякам и середнякам приобретать машины, племенной скот, семенной материал.

Первые коммуны 1920–1921 гг., а затем с 1925 г. организация простейших кооперативов — ТОЗы, машинные, семенные, сельскохозяйственные, мелиоративные товарищества, с 1929 г. сплошная коллективизация, как она происходила в районе со всеми негативными событиями.

Я сам в начале 1930 г. был председателем коммуны в Большеречье, мне эти события знакомы. Как определяли хозяйства кулаков к высылке, сколько их было выслано из района. Действительные кулаки и их вредительства в колхозах.

1936–1939 гг. — экономическое состояние колхозов и колхозников. Нарушения устава сельхозартели в годы Отечественной войны: растаскивание колхозного имущества руководителями районных организаций. Итоги проверки этих нарушений (я сам участвовал в этих проверках), наемные председатели колхозов и другие события.

1937 г. Как выявляли в районе “врагов народа”, высылка их из района. По этим событиям материал подобран и отпечатан.

Продолжением этому буду писать послевоенные события: укрупнения колхозов, как они проходили, кого “ставили” председателями, экономика укрупненных колхозов, а затем переход их в систему совхозов» [4].

Другие автобиографические сведения, в том числе о первых десятилетиях жизни, находим в письмах к И. С. Коровкину, краеведу из Любинского

района: «Я сын крестьянина, родился в 1897 году в деревне, что в 12 километрах от Тюкалинска. В деревне школы не было, учился у пастуха-ссыльного, а потом у сельского писаря-ссыльного, которые учили по квартирам, вся моя учёба продолжалась в общей сложности месяцев 13–14, а потом самообразование». Рассказал о начале краеведческих занятий: «…с 1923 года меня увлек в эту работу землеустроитель, с которым мне приходилось работать в Тюкалинске. Он в 1922–1923 годах написал подробное описание природных богатств Тюкалинского уезда» [5, л. 5]. Возможно, фамилия бывшего тюкалинского коллеги Василия Семеновича еще не известна.

Понимая важность профессионального общения, сохранения и передачи знаний о прошлом, Василий Семенович в письмах обращался к коллеге с предложением о встречах краеведов. Так, в письме от 12 апреля 1962 г. читаем: «Нас уж не так много в области любителей-краеведов, нельзя ли добиться в областных организациях, чтобы нас когда-то собрали всех на совещание, поделиться опытом и получить методическую помощь в этой работе. Очень интересная и занимательная работа — краеведение, я так увлекся ей, что никак не могу от нее оторваться, а сколько еще много таится у населения в памяти того, что не найдется ни в каких книгах.

Прошу Вас, И. С., Вы ближе к Омским Начальникам, поговорите, где это следует, может быть, они пойдут на это, чтобы в ближайшее время собраться и не упустить лето для работы» [6, л. 2–2 об.].

О востребованности долгожданного издания, труда многих лет жизни читаем в январском 1969 г. письме автора А. Ф. Палашенкову: «Высылаю Вам вышедшую из печати книгу “Где шумит Артынский бор”. На наш район дали только 400 книг и в 2–3 часа половину их уже раскупили, а многие еще не знают, что они поступили в продажу, привезли 20/I, а 21/I уже половин<а> разошлась только в Большеречье, а в сельские магазины посылать нечего» [7, л. 64 об.]. Этому содержательному исследованию по истории района требуется переиздание, дополненное публикациями за прошедшие 50 лет.

В архивном фонде личного происхождения А. Ф. Палашенкова отдельные письма В. С. Аношина включены в коллекции документов по Большереченскому району. В дневниках не раз встречается имя краеведа в кратких рукописных записях (нередко выполненных карандашом) о посещениях Большереченского музея, фактах из истории района.

К примеру, Андрей Фёдорович о колхозном саде «совхоза Пустынского» (справа от вертикальной черты — запись «Самый северный сад»): «Садовод Тимофеев Андрей Гаврилович, ученик Лисавенко, 11 гектар сад, 15–20 лет, заложен в 36 году на площади 5 га, ныне 11 гект <селекц-но (неразб.)> 18 сортов было штамбов 1943 заболели, вымерзли 700 штук, а сте-

люще — 1200 деревьев, никаких болезней, нет вредителей, ежегодно плодоносит. С полутора га в 1956 г. взято 113 центнеров, нет более здорового сада в области, никогда не было вредителей» [8, л. 60 об.–61].

Следует отметить В. С. Аношина, внесшего значительный объем сведений по району, как корреспондента-соавтора многолетнего исследования А. Ф. Палашенкова, опубликованного университетскими историками через много лет после смерти ученого, в 1990-е гг. — «Памятники древней истории Прииртышья». В описательной части археологических объектов области упоминается более 30 (!) раз фамилия В. С. Аношина — достоверный источник информации, который за долгую жизнь хорошо изучил каждый древний уголок своего района [9].

При подобном многообразии документальных и печатных источников, которые хранятся в различных учреждениях (архивах, музеях, библиотеках), для комплексного подхода к истории краеведения Омской области и внимательного изучения наследия краеведов региона (по муниципальным образованиям и персоналиям) необходим (единый, сводный, межведомственный, электронный) справочник-указатель трудов, отражающий вклад наших предшественников в изучение родного края.

---

1. ИАОО. Ф. Р-374. Оп. 2. Д. 5а. Л. 5.
2. ИАОО. Ф. Р-2879. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.
3. ИАОО. Ф. Р-2879. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.
4. ИАОО. Ф. Р-3410. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–5.
5. ИАОО. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 289. Л. 5.
6. ИАОО. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 289. Л. 2–2 об.
7. ИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 264. Л. 64 об.
8. ИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 30. Л. 60 об.–61.
9. ИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 3. Д. 2. Л. 164–185.

УДК 7.067.4

П. Р. Платонова

«НОВОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ»: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. ОПЫТ ЕВГЕНИЯ СТРЕЛКОВА

Данная статья посвящена «новому краеведению» в книге художника Евгения Стрелкова, который, благодаря обращению к различным фондам библиотек и фотоархивам, переинтерпретирует и актуализирует события локальной истории художественно-выразительными средствами XXI в. Сегодня в современных творческих практиках можно наблюдать интересный феномен становления искусства междисциплинарной площадкой для осуществления художниками различных научных открытий наравне с традиционными учеными.

Ключевые слова: новое краеведение, книга художника, Евгений Стрелков, медиа, междисициплинарность.

Ушедший XX в. как период бурного развития науки, техники и общества предстает крайне сложным для современного осмысления трансформации гуманитарного научного дискурса. Прошлое столетие ввиду политических и социальных изменений стало причиной смены самой постановки вопросов. Современные ученые всё больше обращают внимания не на глобальные явления, но на те малые объекты и личные истории, которые находятся внутри. Представляется, что именно переживание актуальным научным дискурсом кризиса глобализма и антропоцентризма стало причиной формирования иного подхода к исследовательской деятельности, акцентирующего внимание на том, из чего состоят крупные культурные явления.

Краеведение, представляющее, по мнению ряда исследователей, «комплексное научно-исследовательское и популяризаторское изучение определенной территории и накопление знаний о ней», также проживает в XXI в. этап кардинальной пересборки [1, с. 43–44]. Основной задачей традиционного краеведения выступало подтверждение и комментирование глобальных процессов истории страны, тогда как локальные прецеденты считались чем-то вторичным. Изменения, происходящие в современной краеведческой теории, демонстрируют смену отношения к понятию «регион». Как точно подметила М. В. Короткова, «сегодня регионоведение изучает локус — как совокупность микрообществ и людей с их микроисториями, их восприятие и мироощущение по поводу происходящего. В центре локальной истории оказывается человек в его социальной среде» [2, с. 101].

Художники как люди, тонко чувствующие по своей натуре, в XXI в. выступают своеобразными соавторами ученых. Первые создают и задают столь же важные прецеденты и вопросы, что и вторые. Художники нередко

© Платонова П. Р., 2022

предвосхищают смену гуманитарных направлений мысли задолго до исследователей, которые, по сути, двигаются по их следам. В рамках «нового краеведения» многие современные художники обращаются к изучению регионального контекста через собирательство историй края или реконструкцию народных практик.

Одним из ярких представителей «нового краеведения», говорящего художественным языком, можно назвать Евгения Стрелкова, работающего в авторской книге, сочетающей в себе традиционные и новые медиа. Для его творчества характерно переосмысление регионального контекста Нижегородской области, в которой он живет. В этом ему помогает не только его собственная чуткость и любопытство, но и исследовательский опыт физика-акустика, привязанного к земной поверхности. Для Е. Стрелкова книга становится местом притяжения локальных историй Нижегородской области, «перерасказанных» зрителю с помощью текста, графики, анимации и звука, создающих единый художественный образ.

Первой такой работой является «Фотопортация. 1896» (2016) [3]. В ней осмысляются события Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г., где, по мнению автора, ярко проявил себя антропоцентристский взгляд на культуру малых народов. Краеведческая основа данной работы базируется на архивных фотоматериалах Максима Дмитриева, к изучению которых художник обращается достаточно часто, дабы почерпнуть для себя своеобразные «казусы» из истории Нижегородского края. По его собственным словам, большинство инфоповодов региона ушедших эпох удается найти в библиотечных книгах, которые он сканирует, а иногда заказывает целые фотоархивы, являющиеся изначально пограничным явлением между художественной и документальной практикой. Именно эти данные впоследствии выступают базой для его художественных обобщений.

Так, Евгению Стрелкову удалось узнать, что на выставке 1896 г. присутствовала определенная логика деления павильонов в соответствии с регионами России, в частности, была экспозиция Крайнего севера, формированием которой занимался известный меценат Савва Мамонтов. В те годы он поддерживал строительство Северной железной дороги. Ему пришла идея экспонировать в павильоне не что иное, как живых людей — семейную пару самоедов. Представители самобытной культуры должны были играть роли самих себя в выстроенных декорациях. В павильоне также был представлен тюлень по кличке Васька. Исходя из архивных материалов, Е. Стрелкову стало известно, что история сохранила имя животного, но исключила любую персональность людей так же, как и их дальнейшую судьбу. Описанная неравноценность поразила автора настолько, что

он решил осуществить ситуативную инверсию внутри книги художника, демонстрируя зрителю на створках «раскладушки» мистифицированную смену исторических событий. Внутри авторского проекта северяне становятся главными действующими героями, хозяевами окружающего пространства. На створках книги их фигуры представлены пропорционально, в той же цветовой гамме, что и ландшафт, в котором они выглядят логично и комфортно. А вот вписанные в развороты изображения нижегородцев, скопированные с архивных фотографий Максима Дмитриева, представлены фрагментарно, не полностью и с разрывами. Они не вписываются и кажутся странными рядом с остальным ландшафтом и фигурами. Таким образом, Евгений Стрелков меняет ролями главных и второстепенных персонажей, в очередной раз напоминая зрителю о важности малых народов. В футляр книги художника входит диск с анимацией, визуализирующей процесс «фотопортации» (аллюзия на телепортацию, но средствами фотографии). В авторской книге параллельно сосуществуют два пространства медиации со зрителем: первое имеет конструкцию книги-раскладушки из традиционных материалов; второе создает нематериальный, исключительно визуальный нарратив, который тем не менее является составляющей частью образа [4].

В проекте «Water бюст» [3] осмысляется крайне конкретное материальное воплощение регионального наследия, которое стало толчком для создания работы и основой ее образной системы. В книге художник размышляет о традиционной резьбе по дереву г. Городец (Нижегородская область). Конкретнее стимулом для создания работы послужил феномен соотношения культурных ценностей старообрядцев и декора домов, в которых они проживали. Большая часть деревянных изб этого региона декорировалась изображениями полуобнаженных русалок-берегинь, которых еще называли «фараонками». Противоречие закрытости, вакуумности культуры староверов (закрытый характер одежды, полное отрицание индивидуальных или ярких черт) и достаточно провокационного украшения их места жительства побудило Евгения Стрелкова создать интерактивный медиапроект, впоследствии дополненный авторской книгой в форме табличек. Первичный этап работы заключался в создании вместе с программистами специального сайта, опирающегося по формальным признакам на онлайн-конкурс красоты. Только в случае «Water бюст» зрителю предлагается оценивать внешность девушек-русалок, изображаемых на избах. Героини взяты с конкретных оцифрованных наличников. Сначала посетителю сайта предлагается маленький фрагмент целого изображения, при наведении курсором на который можно посмотреть полный анимированный образ девушки. Смотрящему предложено три варианта оценки. Вторым этапом

стала поездка с этим «конкурсом красоты» по нескольким городам России и Европы, дабы собрать результаты оценивания старообрядческих русалок среди зрителей разной региональной принадлежности. Позднее итоги были собраны и систематизированы в упомянутую ранее книгу художника, которая таким образом заключала в себе своеобразное антропологическое исследование, так как визуальные предпочтения и «победители» варьировались в зависимости от города, в котором демонстрировалась работа. Так данный проект изымает из временного вакуума конкретные явления, вписанные в традиционный уклад культуры прошлого, меняя темпоральность той оптики, через которую мы смотрим на них: элементы декора старообрядческих изб становятся нашими современниками и вращаются внутри той же системы субъективного визуального восприятия [5].

Следующее произведение автора рассматривает частное явление ярмарочной культуры прошлого века, распространенное в регионах. Проект «Сиренада» (2015) [3] представляет собой традиционную для Евгения Стрелкова медиакнигу. Краеведческим вдохновением для ее создания выступил цикл фоторабот Максима Дмитриева и Михаила Хрипкова «Шансонетки Нижегородской ярмарки». Изначально термин «Шансонетка» пришел из парижских кафешантанов, где обозначал игривую песенку фривольного содержания, позднее так стали называть самих исполнительниц. Постепенно такие певицы появились и на российских ярмарках, где в специальных комнатах исполняли упомянутые песни. М. Дмитриев и М. Хрипков посвятили фотофиксации данного явления достаточно большое количество времени. В свою очередь, Евгений Стрелков ознакомился с работами фотографов и решил переосмыслить их в духе, актуальном XXI в. Первично оцифровав изображения девушек, он пропорционально увеличил их до портрета и понял, что им просто необходимо звучание, ведь оно было непосредственной сутью их профессии. Так как кадры, сделанные фотографами, черно-белые, важно было сохранить и использовать эту составляющую специфику времени. Именно поэтому Е. Стрелков вновь обратился к программистам, вместе с которыми был совершен процесс «озвучивания» сути самих изображений девушек, источником нот выступила глубина черного цвета на каждом кадре. Таким образом, специально написанная программа считывала лица девушек через спроецированную на них спираль из 99 точек — «пункций», каждая из которых реагирует на глубину и разницу оттенков черного, серого и белого. Как говорит сам автор: «Проект “сИренада” посвящен темам места и памяти. Архивные фото немы, их персонажи — словно рыбы, выброшенные из глубины века на берег нынешний. Но искусство приставляет к их губам магическое зеркальце медиа — и с губ, как со спирали допотопного грамофонного диска, льется звук...» [6].

Подводя итог статьи, важно отметить несколько черт, характерных для современного научного дискурса. Одной из них является то, что сегодня авторами исследовательских изысканий являются не только научные деятели, но и художники. Их творческая практика является ярким примером одного из наиболее популярных определений искусства как формы познания мира. Современное искусство сегодня выступает крайне перспективной площадкой для осуществления художниками самостоятельных краеведческих исследований. Так как уже сейчас можно наблюдать их активное стремление к работе с собственным региональным наследием, его осмыслением и актуализацией, восприятием себя как части единой традиции.

1. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение : учеб. — М. : Гардарики, 2002. — 382 с.

2. *Короткова М. В.* «Новое краеведение» как современное направление развития музейной педагогики XXI века // Педагогический поиск. — 2018. — № 1. — С. 100–103.

3. Сайт художника Евгения Стрелкова и издательства «Дирижабль» // Дирижабль : [сайт]. — URL: https://dirizhabl.ipfran.ru/index.html (дата обращения: 27.06.2022).

4. *Герчук Ю. Я.* Художественная структура книги. — М. : Книга, 1984. — 205 с.

5. *Цилински З.* Археология медиа. О «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. — М. : Гараж : Ад Маргинем Пресс, 2019. — 530 с.

6. сИренада // Дирижабль : [сайт]. — URL: https://dirizhabl.ipfran.ru/kniga/izdat_dirizhab/index.html (дата обращения: 19.08.2022).

УДК 904:908

С. С. Тихонов

МАТЕРИАЛЫ О ДОРОГАХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ ИЗ АРХИВА А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА

В статье автор рассматривает возможности углубленного изучения одного из компонентов этнографо-археологических комплексов народов Сибири и сопредельных территорий — системы дорог, сложившихся здесь ко времени прихода русских. Известно, что в зарубежной и отечественной науке ученые изучают дороги по данным археологии, этнографии, картографическим материалам. Автор предлагает дополнить этот комплекс источников материалами, хранящимися в архивах, и показывает возможность этого на примере изучения фонда А. Ф. Палашенкова.

Ключевые слова: этнографо-археологические комплексы, дороги, Среднее Прииртышье, А. Ф. Палашенков, архивные материалы.

© Тихонов С. С., 2022

Одним из вариантов изучения культуры населения Западной Сибири [1] является реконструкция и анализ этнографо-археологических комплексов (ЭАК) эпохи позднего Средневековья — Нового времени, оставленных их предками. Эта концепция была предложена Н. А. Томиловым, и к ее разработке присоединились его омские коллеги и ученики. В настоящее время после выпуска обобщающих работ [2; 3] изучение проблемы идет не так активно, как четверть века назад. Практика показала, что интересные результаты можно получить как при рассмотрении концепции в целом [4], так и при изучении компонентов ЭАК в частности [5, с. 56–61; 6, с. 48–53].

Одним из таких компонентов являются дороги, на что обращали внимание мои коллеги и я [7, с. 306–311; 8, с. 125–128; 9, с. 106–112]. Очевидно, что дороги можно ранжировать по значимости:

– Магистральные, соединяющие отдаленные регионы. Широко известны система караванных путей «Великий шелковый путь», дороги Древней Персии и Древнего Рима, а также система путей, созданных в империи инков Теуантисуйя.

– Региональные, позволяющие попасть из одной точки региона (пусть даже и обширного) в другую. К ним можно отнести дороги, например, в Среднем Прииртышье по обоим берегам Иртыша и его притоков, проложенных как по террасе, так и у ее подножия.

– Локальные, ведущие на места ведения промыслов и хозяйствования (сенокосы, пасеки, места заготовки дров, пашни и т. д.) в пределах площади, занимаемой одним или несколькими населенными пунктами.

При изучении материалов А. Ф. Палашенкова, хранящихся в Историческом архиве Омской области (ИАОО) в фонде Р-2200, оказалось, что в некоторых делах исследователем были собраны материалы и о дорогах, проходящих по Омской области [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. В качестве примера приведу краткие описания некоторых из них:

Участок Старого Московского тракта. В 1955 г. А. Ф. Палашенков подготовил докладную записку начальнику областного управления культуры О. П. Мантуровой об организации тракта-заповедника в Большереченском районе Омской области от д. Копьева до границ Новосибирской области на протяжении 18 км. Участок тракта был обследован А. Ф. Палашенковым. Исследователь установил, что сохранился профиль участка, водоотводные канавы, боковые насыпи. В трех местах зафиксирован настил из толстых лиственниц [10, л. 2–12].

Макаров прокоп. В Карташово Иртыш течет на запад в сторону Большеречья, затем поворачивает на север к Красному Яру и оттуда идет на восток в сторону Карташова, образуя петлю длиной около 15 км, а перешеек

в основании этой петли имеет длину чуть менее 2 км. Вот этот перешеек решил прокопать тобольский купец Макаров. Работы были проведены в 1860 г., и появился канал-прокоп. Но первый же пароход в нём застрял, а Иртыш в прокоп не пошел, поэтому он был затянут илом. Ко времени сбора материала (конец 1950-х гг.) была видна канава шириной около 8 м и глубиной до 1 м. Сохранились гидронимы «Макаров прокоп», «речка Макаровка» [12, л. 36].

Воровская дорога — это название тропы, по которой перегоняли лошадей, украденных в районах южнее Омска. Сведения записаны А. Ф. Палашенковым от Н. Ф. Чернокова в 1959 г. Тропа выходила из Семиверстного колка, располагавшегося на правой стороне Иртыша в 7–8 км севернее Омска. Украденных лошадей несколько дней передерживали в густых зарослях, а потом перегоняли в более северные районы. Тропа шла много правее (восточнее. — *С. Т.*) прииртышских деревень по колкам и кустарникам. У Горной Битии конокрады переправляли лошадей на левый берег Иртыша и гнали их пойменными лугами в сторону Саргатки-Большеречья. По пути лошадей продавали. По словам Н. Ф. Чернокова, о дороге и Семиверстном колке знали как полиция, так и власти, но никаких мер они не принимали [13, л. 1].

Тропа Кучума. В 1937 г. зоотехник Тевризского РайЗО (районного земельного отдела. — *С. Т.*) А. В. Вахитов рассказал А. Ф. Палашенкову о «тропе Кучума», которая начиналась между выселком Курья и Абаульскими юртами на границе Омской и Тюменской областей. Тропа шла через Уватское болото к югу и заканчивалась в районе Аромашево на Вагае (ныне районный центр Тюменской области). Она по внешнему виду отличалась от обычных таежных троп и имела ширину до 2 м. На ней когда-то находили лошадиные и человеческие кости. До 1959 г. объездчик Дубровного лесничества Солосенко и А. Т. Белякова рассказали А. Ф. Палашенкову это же предание. Это позволяет хоть как-то описать маршрут бегства Кучума из Искера берегом Иртыша, затем через Уватское болото на Вагай и далее на Ишим [16, л. 8; 21, л. 15, 46].

В других папках архива собраны описания дорог, почтовых станций, упомянуты известные лица, которые следовали этими дорогами, публикации (часто вырезки из газет), в которых имеются сюжеты из истории дорог, картографические материалы и т. д. К сожалению, этноархеологи, специалисты по поздней археологии Сибири, историки, занимающиеся проблемами заселения Сибири, эти материалы пока не используют. Однако даже предварительное изучение наследия А. Ф. Палашенкова показывает, что его материалы могут существенно допол-

нить наши знания о системе дорог в Западной Сибири и особенностях передвижения по ним.

---

1. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов, С. С. Тихонов [и др.]. — Омск : Наука, 2005. — 268 с.

2. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники / М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, А. В. Матвеев [и др.]. — Омск : Наука, 2014. — 192 с.

3. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ / М. Л. Бережнова, М. А. Корусенко, А. В. Полеводов [и др.]. — Омск : Наука, 2016. — 294 с.

4. *Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Введение в этноархеологию : учеб. пособие. — Омск : Наука, 2003. — 72 с.

5. *Тихонов С. С.* Компоненты этнографо-археологического комплекса (по материалам иссследований аялынских татар) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. — Алматы ; Омск : Наука, 2004. — С. 56–61.

6. *Тихонов С. С.* «Анатомия» этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. — Одесса ; Омск : Изд-во ОмГПУ ; Наука, 2007. — С. 48–53.

7. *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* К вопросу о методах исследования сухопутных коммуникаций прошлого в археологии Сибири // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова : сб. науч. тр. — Омск : ОмГУ, 2008. — С. 306–311.

8. *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Дороги сибирских ханств: к постановке вопроса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. — Новосибирск : Наука, 2008. — С. 125–128.

9. *Тихонов С. С., Татауров С. Ф.* Система путей сообщения в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. — Новосибирск : Наука, 1996. — Т. 1. — С. 106–112.

10. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 15. Материалы по организации тракта-заповедника (Старый Московский тракт) в Большереченском районе.

11. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 27. Описание и фотографии древних путей — дорог в Среднем Прииртышье.

12. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 91. Историко-географическое описание г. Тары и его окрестностей. Л. 57–58

13. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 105. Материалы по истории Воровской дороги.

14. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 106. Записки по истории Сыропятского тракта.

15. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 107. Материалы по истории Тюкалинского тракта.

16. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 168. Материалы об исследовании иртышской поймы.

17. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 181. Материалы по истории Старого Московско-Сибирского тракта. 1745–1755.

18. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 181А. Материалы по истории Старого Московско-Сибирского тракта (вырезки из газет и другие материалы).

19. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 182. Материалы по истории Семипалатинского тракта.

20. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 183. Материалы по истории Петропавловского тракта.

21. ИАОО. Ф. Р-2200. Д. 221. Описание памятных мест древней истории народов Среднего Прииртышья и Приомья.

УДК 908(571.15)

Т. К. Щеглова

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛТАЯ (1891–1902) И АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (1989 — НАЧАЛО 2000-Х ГОДОВ)

В статье на примере истории создания и деятельности в конце XIX и в конце XX столетий добровольных общественных объединений исследователей Алтайского края (Общества любителей исследования Алтая и Алтайской краевой краеведческой ассоциации) рассматриваются причины, формы, результаты, слабости и преимущества общественного краеведческого движения. Характеризуются состав, структура, цели, задачи, направления исследований, издательская деятельность. Обобщается опыт работы с возможностью его использования на современном этапе.

Ключевые слова: краеведение, краеведческие общества, Общество любителей исследования Алтая, Алтайская краевая краеведческая ассоциация, участники, формы, направления и результаты деятельности, Алтайский сборник.

На рубеже XX–XXI вв. в научной жизни Алтайского края заметным явлением стало развитие общественного краеведческого движения, вылившееся в создание общественной организации, объединившей на добровольных началах исследователей для изучения региона, — Алтайской краевой краеведческой ассоциации. Эта общественная организация провозгласила себя преемницей Общества любителей исследования Алтая, существовавшего с 27 октября 1891 по 1902 (1919) г. История обоих обществ является успешным примером создания общественных объединений региональных исследователей. Их опыт деятельности может быть полезен для современного регионального краеведческого движения. В публикации сравниваются участники, цели, формы и результаты работы двух общественных организаций.

© Щеглова Т. К., 2022

В современной исследовательской практике нет устоявшихся понятий краеведения. Есть подходы к его определению и есть позиция, для которой характерно деление исследований и исследовательских работ на академические, собственно научные исследования и краеведческие, т. е. любительские исследования. В таком подходе просматривается некоторое пренебрежение профессиональных исследователей к непрофессиональным. Интересным является зарубежный подход, в котором часто встречается понятие — эксперт по региональной истории, географии и т. д. Им может быть профессор университета; им может быть независимый исследователь или сельский любитель старины. Их профессионализм может быть сопоставим и адекватен и вместе с тем может отличаться. В формировании источниковой базы недавнего прошлого с опорой на информационную среду населенных пунктов исследователи-любители могут быть более убедительными, в аналитическом осмыслении источников и обобщении — более убедительны профессионалы-исследователи.

Интересные представления о краеведческом движении мы находим в работах историка и краеведа А. Д. Сергеева. Он выделили три группы участников краеведческого движения по их составу [1]. Первая группа — научное краеведение, куда входят профессиональные исследователи-ученые. Во вторую группу он включил «краеведные» организации, чья деятельность по своему назначению призвана заниматься или управлять изучением региона. В нее входят региональные и муниципальные музеи, архивы, в том числе и административно-управленческие учреждения региона, от которых так или иначе зависит изучение и популяризация историко-культурных знаний и наследия. Третья группа участников составляет общественное краеведение. В нее обычно включают краеведов-любителей, собирателей историко-культурных артефактов, устных и письменных свидетельств, летописцев сел и т. д.

Наивысшей формой развития общественного краеведения является добровольное объединение участников всех трех групп в общественные организации для комплексного исследования региона — исторического, этнографического, географического, природного, экономического и проч. В разные периоды взлетов и падений в развитии краеведения, о причинах которых автор уже неоднократно писала, наибольшие результаты в изучении природно-географического и историко-культурного наследия Алтая достигались именно в периоды объединения усилий краеведов-профессионалов, краеведов-любителей, краеведных организаций. На Алтае ими стали Общество любителей исследования Алтая и Алтайская краевая краеведческая ассоциация.

Общество любителей исследования Алтая (далее — Общество) было создано 27 октября 1891 г., объединив исследователей-энтузиастов-краеведов. Одни из них выросли на Алтае (архивист Алтайского округа Н. С. Гуляев, краевед П. Е. Семьянов), другие оказались на Алтае в результате разных обстоятельств — служба (Е. Г. Родд, И. И. Тыжнов), административная ссылка (С. П. Швецов) и др. Среди основателей Общества были ботаник, метеоролог Ф. Е. Засс; экономист, статистик, этнограф С. П. Швецов; врач, орнитолог А. П. Велижанин. Историк И. И. Тыжнов [2; 3] разработал Программу изучения истории заселения и освоения Алтая русскими. Экономико-географ, основатель экономической географии Н. Н. Баранский занимался экономико-статистическими исследованиями крестьянского хозяйства по собственной методике, поселившись в сельской местности (с. Чистюнька, Топчихинский район) [4]. Лесовод, энтомолог Е. Г. Родд (1871–1933) подарил музею Общества коллекцию из 7 тыс. насекомых, собранную в результате экспедиции 1902 г. в Горном Алтае.

Можно говорить, что в барнаульском обществе сформировалась прослойка креативных интеллектуалов, из которых сформировалось региональное научное сообщество. До этого времени Барнаул как центр горнозаводского округа также отличался развитием науки, но обусловленной в первую очередь техническим развитием горнозаводского производства, наличием высокообразованных горных инженеров и чиновников — изобретатели И. И. Ползунов (паровая машина), К. Д Фролов, П. П. Аносова (булатная сталь). Научным центром было одно из трех барнаульских Горных училищ России по подготовке горных инженеров, в котором в разное время преподавали тюрколог В. В. Радлов, физик-экспериментатор В. В. Петров (электрическая дуга) и т. д. Но в конце XIX в. началось общественное движение исследователей и сформировалось краеведческое объединение, охватившее природно-географическими и историко-культурными исследованиями территорию алтайского региона.

Цель Общества — «содействие возможно широкому изучению Алтая», собиранию материала, его обработке и распространению [5, л. 50]. В него вошли исследователи, которые комплексно занимались статистикой, археологией, этнографией, экономикой, природой, географией Алтая. Многие из них служили в «краеведных» организациях, например в Управлении Алтайского округа, Статистическом бюро Алтайского округа, Барнаульской метеостанции. Землеустроителем Кабинета Его Императорского Величества был член Общества Н. Я. Овчинников, который одновременно занимался исследованием поземельного устройства крестьян и их хозяйства. Секретарем Общества долгое время был С. П. Швецов, который в 1897–1901 гг. предпринял историко-статистическое обследование Горного Алтая вмес-

те с членом Общества, специалистом по землеустройству П. М. Юхневым, а также обследовал крестьянские переселения [6]. Одним из организаторов Общества, затем помощником председателя и казначеем был Д. И. Зверев, с 30 января 1895 г. являющийся заведующим статистического бюро Алтайского округа, а в 1902 г. от имени Общества отвечавший за работу Барнаульской метеостанции. Их всех можно причислить к краеведам, так как они сочетали в своем лице разные сферы исследовательской деятельности, являлись известными общественными деятелями, публицистами и пропагандистами историко-культурного наследия Алтая. С. П. Швецов писал по этому поводу: «В общей сложности мои работы по исследованию народной жизни на Алтае охватывают семнадцать лет (1888–1905 гг.)» [7, с. 68].

Печатным органом Общества с 1894 г. стало периодическое издание «Алтайский сборник». Его выход в свет продемонстрировал традиционные для общественного движения трудности, которые сопровождают деятельность общественных объединений, прежде всего финансовое обеспечение их деятельности. Для издания первого выпуска «Алтайского сборника» пришлось прибегнуть к подписке, которая дала 703 руб. Первый сборник был напечатан в Томске, последующие два — в Барнауле. В них были опубликованы работы краеведов-исследователей, которые стали первыми серьезными региональными исследованиями по населению, истории, этнографии, историко-культурному наследию Алтая. Помимо «Алтайских сборников», с 1894 по 1905 г. было издано 12 «Отчетов». Оба издания до сих пор являются важнейшими историографическими и историческими источниками. Из-за финансовых трудностей Общество любителей исследования Алтая было решено преобразовать в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, что сразу облегчило членам Общества организацию экспедиций, исследований, публикаций [8]. После преобразования общества в подотдел ЗСОИРГО «Алтайские сборники», начиная с четвертого тома, стали издаваться Алтайским подотделом ЗСОИРГО. Всего до 1912 г. вышло 11 выпусков, 12-й выпуск — в 1930 г., 13-й выпуск не прошел цензуру и не был опубликован.

История Алтайской краевой краеведческой ассоциации начинается в 1989 г. [9]. К этому времени существовала широкая база учреждений, причастных к краеведческой работе, — сеть университетов, музеев, архивов, административных учреждений, призванных содействовать изучению и сохранению историко-культурного наследия. Еще сохранялась жизнеспособность созданных в советское время общественных организаций — ВООПИиК, ГО СССР, Фонд культуры и др.; существовала сеть музеев и музейных комнат в образовательной системе региона, на заводах и фабриках, сложились сельские центры краеведения с энтузиастами-

летописцами. На Алтае — Е. Назаров (Заринск/Сорокино), Коновалов (Залесово), В. М. Комаров (Волчиха) и др. Одновременно перестройка активизировала общественную жизнь и поставила перед исследователями многие вопросы. Все эти факторы в совокупности привели к идее объединения региональных сил в оформленное краеведческое движение с целью изучения региона.

Толчком к объединению стала инициатива Алтайского отделения Советского фонда культуры, заместителем председателя которого была А. В. Добрикова. Благодаря ее поездке в Российский Фонд вместе с директором Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова (АКУНБ) Л. Г. Койновой, где обсуждались организационные вопросы создания территориальных краеведческих объединений, возникла идея создания в Алтайском крае краеведческой ассоциации. Эта идея нашла широкий и горячий отклик среди ряда участников краеведческого движения, традиции которого были сильны на Алтае, — А. Д. Сергеева, В. Ф. Гришаева и др.

27 декабря 1989 г. в зале заседаний Барнаульской спичечной фабрики состоялась конференция краеведов Алтайского края, организованная Алтайским отделением Советского фонда культуры. Целью данной конференции было создание организации Алтайской краеведческой ассоциации как преемницы «Общества любителей исследования Алтая». В нее были приглашены все «любители исследования Алтая». Для вступления было достаточно написать заявление.

Заявительный характер был призван расширить ряды членов Ассоциации. Самыми сложными и так не решенными стали вопросы финансового обеспечения деятельности ассоциации и оформление юридического статуса созданной ассоциации. В какой-то степени эти две проблемы призвано было решить включением в Ассоциацию на правах коллективных членов краеведных организаций, в том числе и административных учреждений с привлечением их сотрудников, неравнодушных к краеведению. Одни из таких членов-учреждений предоставляли площади для проведения заседаний, другие помогали решать оргвопросы и устанавливать диалог с администрацией края. Среди коллективных членов ассоциации были АКУНБ им. Шишкова; ГААК; АГКМ; отдел станции юных туристов; хозрасчетное объединение «Алтайтурист». Площадкой для проведения заседаний координационного совета, его Президиума и проведения общих собраний Ассоциации чаще всего была краевая библиотека, из числа сотрудников которой выбирались и секретари (Л. Г. Койнова, В. С. Олейник). В состав Ассоциации вошли и некоторые общественные организации, которые находились на грани краха. В последующем Ассо-

циация пыталась поддержать и помочь выжить целому ряду общественных организаций, например алтайскому отделу ВОПИиК (Л. Д. Фатеева) и Центру фольклора и ремесел.

Деятельность организации держалась на энтузиазме ее членов, каждый из которых внес вклад в ее развитие. Особые планы были связаны с теми, кто был работником отделов главного исполнительного органа Алтайского края — Алтайского крайисполкома, которые курировали социальную сферу (культуру, образование, архивное дело и т. д.). Ярким представителем был В. П. Петренко — человек, занимающийся краеведением. О намерении объединить научные, общественные и административные усилия говорил состав президиума конференции: председатель А. В. Добрикова — заместитель председателя правления Алтайского отделения Советского фонда культуры; секретари — И. Шамне, заведующая отделом информации Государственного архива Алтайского края, и О. Чекалина, студентка истфака Барнаульского педагогического института; В. А. Скубневский — от ученых Алтайского государственного университета; Р. М. Наровская — заместитель председателя краевого совета Общества охраны памятников истории и культуры; А. Д. Сергеев — от краеведческой общественности; В. С. Петренко — заведующий архивным отделом крайисполкома; В. М. Скворцова — инспектор Главного управления и народного образования крайисполкома [10]. На этом же заседании были избраны и делегаты на Всероссийскую конференцию краеведов, ими стали В. Ф. Гришаев, В. М. Комаров (краевед из с. Волчиха), К. М. Метельницкий и А. Д. Сергеев.

Избранному Координационному совету было поручено разработать положение и программу Ассоциации краеведов. Первым председателем был избран А. Д. Сергеев. В последующем председателями избирались А. Б. Шамшин (АлтГУ), Т. К. Щеглова (1998–2000) (БГПУ/АлтГПУ), А. В. Контев (2000–2002) (АлтГПУ), Н. Д. Ростов (2002–2004) (АлтГТУ, алтайское отделение Российского военно-исторического общества). Организационная структура окончательно сформировалась 30 марта 1990 г. на втором заседании, когда, по мнению председателя Ассоциации А. Д. Сергеева, «часто созывать совет для обсуждения возникших дел нецелесообразно, поэтому была выделена “рабочая группа” из пяти человек» [11, л. 6]. В него вошли А. Д. Сергеев, А. Б. Шамшин (АлтГУ), А. В. Добрикова, В. А. Скубневский (АлтГУ), Л. Г. Койнова. Члены этой группы стали собираться чаще для решения проблем Ассоциации и разработки плана работы, который сводился к составлению сводного плана, в него включались мероприятия из планов работы коллективных и индивидуальных членов Ассоциации. Это соответствовало и традициям деятельности

предшественников из Общества любителей исследования Алтая, когда они сочетали должностные обязанности и исследования. Этот опыт Общества был использован и Ассоциацией при планировании работы.

Важнейший результат деятельности Ассоциации — возобновление выпусков «Алтайского сборника», научным редактором которого стал известный историк В. А. Скубневский. В 1991 г. Алтайской краевой краеведческой организацией был издан 14-й выпуск, а в 2004 г. — последний 21-й выпуск [12]. Несмотря на то, что Ассоциация пыталась найти пути государственного финансирования его издания и достать деньги для деятельности краеведческой организации, эти проблемы решались в основном одним человеком — А. В. Добриковой. Она использовала свои личные связи и договоренности благодаря ее прошлой работе руководителем сектора управления промышленности горисполкома Барнаула. Как вспоминает В. А. Скубневский: «Когда возникали какие-то проблемы, связанные с деньгами, потому что надо было вот эти Алтайские сборники [издавать], она шла к директорам заводов…. и ее поддерживали директора заводов, директора каких-то предприятий, потому что… у общественной организации своих денег, как бы и не было» [13]. Проблемы финансирования могло решить только оформление юридического статуса и открытие собственного счета. Но дальше обсуждения дело не пошло, что в будущем станет одной из причин затухания деятельности Ассоциации.

Другой проблемой, над которой работали председатели, было объединение исследователей в сфере естественных и социогуманитарных наук, что являлось сильной стороной краеведческой деятельности предшественников. Связано это было с рядом причин, среди них кризис или ликвидация общественных организаций (ВООПИиК, РГО и др.) и наоборот, формирование региональной сети научных центров на базе университетов, музеев, архивов и их обособление. Вопрос об объединении усилий исследователей в области естественных и социогуманитарных наук обострился на рубеже 1999–2000 гг. Пиком этого являлась отчетно-выборная конференция 2000 г., которая собрала исследователей из разных сфер — историков, географов (В. С. Ревякин), биологов (Т. А. Терехова) и др. Заседание проходило в большом зале АКУНБ и с трудом вместило представителей научного, общественного краеведения и представителей краеведных учреждений [14]. К сожалению, эта конференция в прямом смысле стала пиком деятельности Ассоциации. В последующие четыре года работа велась вяло и последней точкой стало в 2004 г. издание последнего «Алтайского сборника».

В завершение необходимо отметить, что в каждом регионе нашей большой страны существует свой опыт и сложились свои традиции развития краеведческого движения. Алтайская история двух краеведческих

общественных организаций показала, с одной стороны, высокую эффективность объединения усилий региональных исследований в комплексном изучении региона, с другой стороны, недолговечность общественных объединений без правового оформления статуса краеведческих сообществ. Успех деятельности краеведческих объединений определялся в значительной степени возможностями финансирования их деятельности. На современном этапе этот вопрос может решаться благодаря сложившейся грантовой практике. Например, на Алтае — это ежегодные губернаторские гранты, которые позволяют в том числе издавать периодические сборники краеведческих объединений. Субъективный фактор жизнеспособности общественного краеведческого движения связан с наличием креативных личностей, осознающих потребности объединения региональных исследований и берущих на себя работу по привлечению исследователей в разных сферах — истории, археологии, природы, этнографии, демографии, языковой сфере, культуре, искусстве и т. д., т. е. вовлечение в единое сообщество исследователей в сфере исторического краеведения, природного краеведения, языкового краеведения и др. При современном уровне развития сети краеведных учреждений (академических структур, университетов, колледжей, музеев, библиотек, архивов и т.д.) любое из них может стать площадкой для краеведческого объединения. В совокупности это даст более эффективные результаты в изучении региона и популяризации его наследия (историко-культурного и природно-географического).

---

1. *Сергеев А. Д.* О краеведении Алтайского края: теория, история, практика / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 196 с.

2. *Тыжнов И. И.* Программа исследования русской колонизации в Сибири // Отчет Алтайского подотдела ЗСОИРГО за 1902. — Барнаул, 1904. — С. 23–24.

3. *Тыжнов И. И.* Из истории горнозаводского населения на Алтае // Алтайский сборник. — Барнаул : [б. и.], 1907. — Т. 6. — 161 с.

4. *Баранский Н. Н.* Непричисленные переселенцы // Н. Н. Баранский и некоторые вопросы экономической и учебной географии. — Барнаул : [б. и.], 1981. — С. 3–6.

5. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5.

6. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: результаты статистического исследования в 1894 году, вып. 1 : Экономические таблицы, вып. 2 : Описание переселенческих поселков / С. П. Швецов. — Барнаул : Типо-Лит. при Главном Упр. Алтайскаго округа, 1899.

7. *Швецов С. П.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. — 1928. — № 3 (40). — С. 57–87.

8. *Сергеев А. Д.* Славное географическое (материалы к 100-летию Алтайского филиала Географического общества СССР) / редкол. И. В. Архипова, В. Г. Иванченко, Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2021. — 408 с.

9. Резолюция конференции краеведов Алтая (27 декабря 1989 г.) // Вестн. Алт. краев. краевед. ассоц. — Барнаул, 1990.

10. Сообщение о конференции краеведов Алтайского края // Вестн. Алт. краев. краевед. ассоц. — 1989. — № 1. — С. 3.

11. ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 358.

12. *Ермакова Л. И.* Алтайский сборник // Весь Алтай : [сайт]. — URL: http://altlib.ru/a-ya/a/altayskogo-sbornika/ (дата обращения: 02.06.2022).

13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. 2022 г. Барнаул. Скубневский Валерий Анатольевич, 1945 г. р.

14. *Щеглова Т. К.* Краеведение Алтайского края на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы (доклад на 3-й науч. сес. краевед. ассоц. «Перспективы развития краеведения Алтайского края в XXI столетии» // Алтайский сборник. — Барнаул : [б. и.], 2000. — Вып. 20. — С. 285–295.

Раздел 5. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 398.4

О. В. Голубкова

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ У СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЕСЬЯ*

В статье резюмированы выводы, составленные на основе полевых материалов, о демонологических персонажах у этнолокальной группы западносибирских переселенцев из Полесья. Люди нескольких поколений на протяжении более ста лет продолжали воспроизводить сюжеты о русалках, ходячих покойниках, невидимых людях, сохранили представления о «чистой» и «нечистой» смерти. С опорой на мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми символами, персонажами и ритуалами, переселенцам было легче адаптироваться на новой территории, формируя привычную традиционно-культурную среду.

Ключевые слова: мифология, восточные славяне, русалки, покойники, нечистая сила, иной мир.

В исследовании восточнославянских демонологических представлений особое место занимают этнографические и фольклорные материалы Полесья — региона, охватившего южную часть Белоруссии, северную и северо-западную части Украины, отдельные районы Брянской области России. Данный регион отличается особенным этнокультурным колоритом, поскольку полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла многие архаичные элементы славянской культуры, утраченные в других местах. Археологи, антропологи, этнографы и лингвисты выявили ряд признаков, которые позволили отделить население полесской зоны от белорусских и украинских территорий [1, с. 9–11]. Полевые материалы [2] по переселенцам из областей Полесья (Киевской, Черниговской, Гродненской, Могилевской (Гомельский уезд), Курской (Белгородский уезд) и Орловской (Брянский уезд) губерний), обосновавшихся в начале XX в. на юге Западной Сибири, богаты сюжетами несказочной устной прозы о демонологических персонажах. В ряде сёл и деревень закрепилась целостная система верований и мифоритуальных практик (семейных, кален-

* Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.»

© Голубкова О. В., 2022

дарных, окказиональных обычаев и обрядов), которая поддерживалась на протяжении более ста лет. Из поколения в поколение передавались нарративы о персонажах иного мира: русалках, домовых, мертвецах, огненных шарах, невидимых людях. Большинство сюжетов соответствует мифологическим представлениям в исходных регионах. Локальная специфика проявилась, прежде всего, в высокой степени сохранности народных верований, которая стала самобытной чертой этнолокальной группы сибирских полещуков, отличающей их от других групп сибирских русских, украинцев и белорусов. Некоторые сюжеты и образы сложились и развивались уже в Сибири, гармонично вписавшись в матрицу единого комплекса демонологических воззрений.

Важнейшей частью восточнославянской мифоритуальной системы являются представления о смерти и посмертном существовании, включающие культ предков, легенды о происхождении нежити, похоронно-поминальные обряды, правила и табу, сохранившие большое число архаичных элементов. С одной стороны, эти обряды помогали умершему благополучно перейти в иной мир, с другой — защищали людей от смерти и опасных мертвецов. Поскольку «структура традиционной обрядности, ее символика, функциональная сущность, предметный состав во многом обусловлены языческими представлениями о вечном мире предков, взаимосвязях его с миром живых на земле, о многостороннем воздействии предков на земную жизнь потомков» [3, с. 10], подобные представления о смерти и посмертном существовании не утратили своей актуальности в системе народных верований, ориентированных на традиционное мировосприятие. Смерть считалась исходной точкой, определяющей дальнейшую судьбу умершего, а характер смерти прогнозировал статус покойного, показывал, в каком направлении может происходить его взаимодействие с живыми. «Умершие “своей” смертью почитались как предки, “не-своей” — избегались как существа демонической природы, заложные» [4, с. 39].

Мифологизация умерших была одним из наиболее продуктивных механизмов создания демонических образов в славянской традиции. В его основе лежит универсальное для славянского сознания представление о «правильной» и «нечистой», «не-своей» смерти [5, с. 7]. Из ряда мифологических сюжетов у сибирских полещуков выделяется группа нарративов о «страшных покойниках» и способах борьбы с ними [2]. Истории отличаются большой эмоциональностью и претензией на достоверность. Эти тексты показали большую жизнеспособность мифологических воззрений: описываемые в быличках события происходили во второй половине XX — начале XXI в. В ряде сёл еще живы представления о «чистоте» смерти.

«Плохой»/«нечистой» смертью считалась преждевременная кончина, ее причины могли определить уровень негативного статуса покойного.

К категории «самых страшных мертвецов» относили умерших ведьм и колдунов, их посмертное существование было предопределено: они обретали бóльшую силу, чем имели при жизни, и становились опасными демонами — «ходячими мертвяками». Также полагали, что тела колдунов и ведьм принадлежат нечистой силе, которая поднимает их из могил. Не менее опасными покойниками считались самоубийцы. «Архаическая мотивировка самоубийства как “неизбытого века” вытеснилась или подкрепилась новым христианским представлением о тягчайшем грехе самоубийства» [4, с. 47]. У потомков полесских переселенцев сохранились представления о самоубийстве как о самой «нечистой» смерти по статусу кончины. Следующими по степени опасности считались утопленники и умершие от алкоголизма. Смерть в воде, даже если не была суицидом, наделялась более высоким негативным статусом, чем кончина по причине других несчастных случаев. Это можно объяснить тем, что вода воспринималась как дорога в нижний мир, а водоемы населены его обитателями. Утонувших людей считали похищенными нечистой силой, они становились нежитью: блуждающими мертвецами, русалками, болотными духами. Как колдуны, самоубийцы и «опойцы», утопленники могли влиять на погоду: вызывать проливные дожди, град, заморозки или засуху [6, с. 108, 110–120]. В начале XXI в. представления о влиянии «заложных покойников» на погоду сохранились в редуцированном виде и касались только утопленников, семантическая связь с водой и дождем которых наиболее очевидна: причины засухи уже не касались других категорий «нечистых мертвецов». Могилы утопленников поливали водой, чтобы вызвать дождь. Умершие «до срока» в результате несчастного случая, болезни или убитые также причислялись к числу покойников с негативным статусом, но их считали менее опасными. Души покойников нередко видели летящими по воздуху огненными шарами. «Вставать» могли также умершие, по которым сильно горевали, поэтому было опасно долго оплакивать покойного: сильная эмоциональная привязанность удерживала его рядом с домом, не давала душе перейти в иной мир. Неуспокоенная душа так же, как и «нечистый» покойник, могла утянуть горюющих на тот свет.

Из опасности «заложных покойников» вытекающим обстоятельством была необходимость их изоляции при помощи превентивных ритуально-магических практик и особых способов захоронения [7, с. 12–13]. В первой половине XX в. «нечистых» умерших хоронили еще отдельно, за территорией сельского кладбища. Орудиями борьбы со страшными мертвецами, кроме универсальных христианских оберегов (креста, иконы, молитвы,

святой воды), был осиновый кол. Кол забивали в могилу, не раскапывая. Практика «усмирять» осиновым колом активных мертвецов в ряде мест существовала до конца XX в. [2]. Боязнь опасного покойника, способного «утянуть» за собой на тот свет, наряду с базовым страхом смерти, актуализировала обряды борьбы с «нечистыми» мертвецами в обществе, поддерживающем традиционные стереотипы, характерные для определенной этнокультурной среды.

Некоторые особенности верований о домашнем духе у сибирских полещуков имели региональную локализацию. Например, в ряде сёл Маслянинского района Новосибирской области зафиксировано использование слова «домовой» в качестве обобщающего наименования нечистой силы. «Невидимцы это те же самые домовые, только как мужики» [2, с. Прямское, 2018]. В одном из нарративов брянских переселенцев домовой, подобно «нечистому» покойнику, летал в виде огненного шара [2, д. Кукарка НСО, 2004].

В ряде сёл, где компактно проживали переселенцы из Киевской и Черниговской губерний, распространены представления о русалках, обитающих в поле и лесу. Также сохранились верования о том, что русалками становятся умершие в «Русалкину неделю» (Граную неделю) девушки и дети — как девочки, так и мальчики. «В Полесье повсеместно верили, что русалок можно видеть только в летнее время (Троицкая или Русальная неделя, период цветения или колошения злаков, на Купалу). Соответственно, более отчетливо проявляется связь этого персонажа со злаковым полем, с растительностью, чем с водой» [5, с. 467]. «Был такой день, называется русалки. Ты в этот день в поле, в лес не ходи, там русалки. Русалки могут шпынять, задушить. Они будут тебе щекотать, ты будешь смеяться и помэрти» [2, с. Морозовка НСО, 2019]. Умерших в «русалкину неделю», несмотря на то, что их посмертное существование как нежити было предопределено, хоронили на общем кладбище и не относили к «нечистым» покойникам: «Русалочка она же невинная ничем» [2, с. Морозовка НСО, 2019].

У потомков переселенцев из украинского и белорусского Полесья распространены сюжеты несказочной устной прозы о невидимых людях, которые обитают в ином (параллельном) мире. Невидимками могли стать проклятые родителями, похищенные нежитью, пропавшие без вести люди, к ним относили и саму нечистую силу. Невидимых людей представляли обитателями различных локусов: их можно было встретить в поле, в лесу, около водоема, на дороге, на сельских улицах в темное время суток или в полдень. Невидимцы похищали людей (обычно детей, девушек, женщин), забирали в свой мир навсегда или на три года. Очевидно, невидимость де-

монологических персонажей является признаком, подчеркивающим их бестелесность и принадлежность к иномиру.

Таким образом, переселившись в Сибирь, выходцы из Полесья и их потомки сохранили образы демонологических персонажей и продолжали развивать связанные с ними сюжеты. Нарративы повествуют о событиях, случившихся уже на сибирской земле. Люди нескольких поколений продолжали воспроизводить легенды и былички, близко повторяющие мифологические воззрения Полесья. Глубина архетипических представлений об ином, параллельном мире и его обитателях, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов. Опираясь на мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми символами, персонажами и ритуалами, людям было легче адаптироваться на новой территории, формируя привычную традиционно-культурную среду.

---

1. Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века / сост. Л. В. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Т. I: Люди со сверхъестественными свойствами. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 648 с.

2. Материалы этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2004–2019 гг.

3. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. — М. : София, 2003. — 240 с.

4. *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М. : Индрик, 2004. — 320 с.

5. Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Т. II: Демонологизация умерших людей. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 800 с.

6. *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. — М. : Индрик, 1995. — 432 с.

7. *Морозов И. А., Ткачук Л. А.* «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 1. — С. 11–26.

УДК 725.4.03

А. Д. Гулько

МЕЛЬНИЦЫ КАК ПАМЯТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕХАНИКИ

Статья посвящена изучению водяных и ветряных мельниц как памятников промышленной и народной архитектуры. В ее основу легли результаты экспедиционной работы на территории Большереченского района Омской области. Исследования частично охватили северные районы Омского региона. По мнению автора, результаты работы будут способствовать воссозданию на территории музея-заповедника «Старина Сибирская» экспозиции «Ветряная мельница. Дом мельника».

Ключевые слова: водяная мельница, ветряная мельница, жернова, «шатровка», «в ряж», Большереченский район, Низовое.

Мельницы, как ветряные, так и водяные, относятся к архитектуре сельских промышленных зданий. Сегодня их изучение вызывает большие трудности, связанные с практически полным отсутствием данных объектов на территории Омского региона. И причин тому несколько: на рубеже XIX–XX вв. в связи с распространением паровых двигателей многие мельницы были заброшены; в годы коллективизации хозяйственные и производственные постройки были утрачены; в 1960-х гг., в период резкого оттока сельского населения в города, сотни деревень остались без хозяев, а постройки в них разорялись; в 1970-х гг. во время «борьбы с неперспективными деревнями» часть построек навсегда была потеряна для исследователей [1].

Сведения о мельницах Омского Прииртышья, содержащиеся в архивных и библиографических источниках, в целом носят фрагментарный характер. В личных архивах местных краеведов В. С. Аношина и А. В. Горобцова имеются различные материалы, в том числе и фотографии мельничных построек на территории современного Большереченского района. С целью изучения данных памятников сотрудниками музея-заповедника была проведена большая экспедиционная работа, во время которой обследованы северные поселения Омского региона. В результате были обнаружены интересные находки, о которых пойдет речь в данной статье.

Известно, что в 1596 г. по специальному царскому указу в Сибирь были направлены мастера по строительству мельниц, поскольку хлебопашество в Сибири до прихода казаков-первопроходцев не было развито и хлеб для населения строящихся острогов доставляли из «Расеи». В конце XVII в. Сибирь могла уже обходиться без привозного хлеба. Согласно данным переписи 1912 г., земледелием в Тарском округе (уезде) Тобольской губернии занималось 82,95 % населения, в Тюкалинском округе — 88,7 % населения. Таким образом, земледелие здесь составляло главный источник

© Гулько А. Д., 2022

существования [2]. Для жителей современного Большереченского района, земли которого во время проведения переписи входили в состав южных волостей Тарского и северных волостей Тюкалинского уездов, хлебопашество было ведущим видом хозяйственной деятельности.

В 1912 г. в Тобольской губернии действовало 15 290 ветряных мельниц и 992 водяные мельницы. В одном только Тарском уезде Тобольской губернии было 539 мельниц, из которых — 309 ветряных и 230 водяных. В Тюкалинском уезде насчитывалось 3036 ветряных и 448 водяных мельниц. Все эти мельницы принадлежали 993 сельским обществам и 1363 населенным пунктам в указанных уездах [2].

Необходимо отметить, что обилие рек на севере Омской области способствовало строительству водяных мельниц, а в южной части региона по причине ограниченного количества водоемов преобладали ветряные мельницы. В воспоминаниях М. П. Анфиногенова, жителя с. Низовое Муромцевского района, написано следующее: «С 17 лет я работал на мельнице в д. Малинкино, и вот у нас в каждой деревне по р. Верхняя Тунгуска были водяные мельницы: в Михайловке, Колобова, Курганке, Льнозаводе… Сколько было деревень на речке, столько и мельниц было. На них камнем мололи…» [3]

К 1924 г. в населенных пунктах, входящих в Большереченский район, насчитывалось 184 мельницы* [4, с. 164]. Согласно данным архива

* Во многих из них имелось до десятка и более мельниц. В д. Бугалы имелось 12 ветряных мельниц, д. Горькая — 13 ветряных мельниц, д. Инберень — 5 ветряных мельниц, д. Бабье — 5 мельниц, д. Бещеул — 8, Хуторы — 6, с. Ингалинское — 5 ветряных мельниц, с. Карасукское — 15 ветряных мельниц и 2 водяные мельницы, д. Картовь — 4 ветряные мельницы, пос. Милинский — 3 ветряные мельницы, пос. Ростовцевский — 5 ветряных мельниц, д. Русинова — 1 ветряная и 1 водяная мельницы, д. Козырлы (Фирстова) — 12 ветряных мельниц, д. Чебаклинское — 8 ветряных мельниц, д. Черново — 10 ветряных мельниц и 1 водяная мельница, в д. Буганская и участке Весёлый — по 2 ветряные мельницы, с. Могильно-Посельское — 3 ветряные мельницы, д. Могильно-Старожильская — 2 ветряные мельницы (мельницу содержал Петр Георгиевич Борисов), д. Моховое Озеро — 7 ветряных мельниц (владельцы: Кондратий Григорьевич Луцковский, Павел Григорьевич Луцковский, Андриян Григорьевич Луцковский, Николай Андреевич Борисов, Михаил Щеглаков. Позднее Кондратий Григорьевич Луцковский и Николай Андреевич Борисов были раскулачены и высланы), д. Терехово — 3 водяные мельницы, д. Коршуново при речке Нюхаловке — 1 водяная и 1 ветряная мельницы, с. Осихинское — 6 ветряных мельниц и 3 водяные мельницы, д. Сухо-Карасук — 6 ветряных мельниц, д. Шипицина — 5 ветряных мельниц (мельницы содержали Дмитрий Ефимович Шипицин, Алексей Платонович Шипицин, которые и после раскулачивания продолжали на них работать), д. Байгачи — 2 ветряные и 1 водяная мельницы, с. Большереченское — 6 ветряных мельниц и 1 водяная

А. В. Горобцова, первая водяная мельница появилась в устье речки Большая, ее построил Яков Федорович Казачинин. Мельница проработала до 1910 г. Вторую мельницу соорудили братья Гладковы в том месте, где сейчас находится зона отдыха (пляж). Третью мельницу построил Прудков на Норках. Четвертая была на р. Чукрес, ее построили братья Гладковы и продали Алексею Ефимовичу Петрову. Работала мало, унесли вешние воды. Петров построил водянку в Качесово, где она работала долгие годы. Впоследствии все эти мельницы были заменены паровыми. Братья Гладковы построили паровую мельницу в том месте, где сейчас расположена контора зоопарка. Приводимая в движение 4-цилиндровым японским двигателем мельница работала на нефти. Позже она была национализирована и в 1929 г. передана в коммуну им. Калинина, а в 1931 г. — колхозу «Коминтерн». Хозяином Гладковской мельницы был Иван Карелин. Одним из работников мельницы в то время был П. Я. Гладков, которого позже обвинят в порче имущества, арестуют и в 1937 г. расстреляют. После этого случая в мельнице появился другой двигатель — паровой, работающий на дровах. Но от него вскоре откажутся, поскольку необходимое для его работы топливо (дрова) вовремя не поступало. Таким образом, работа мельницы приостановилась. Потом ее продали [5].

Владельцами водяных мельниц, как правило, были крупные домохозяева или купцы. Для работы на мельнице приглашались наемные работники. Такие мельницы выделялись размерами зданий, объемом производства и современным оборудованием. В ходе экспедиционной работы в с. Низовое Муромцевского района была обнаружена водяная мельница, находившаяся в удовлетворительном состоянии: с действующим механизмом и необходимым мельничным оборудованием (рис. 1). На всех трех этажах деревянного здания было установлено оборудование. Крыша заменена на профнастил, однако сами стены, окна, внутреннее убранство и оборудование остались такими же, как 100 лет назад. Следует отметить, что мельница оснащена передовым для своего времени оборудованием. На некоторых узлах можно увидеть заводские таблички с указанием фирмы-производителя (рис. 2). Завод братьев Бюлер — швейцарская компания Buhler Group, существующая более 150 лет и занимающаяся производством мукомольного оборудования. В конце XIX — начале XX в. станки братьев Бюлер стояли буквально на всех механизированных мельницах по всей России.

мельница, д. Ботвино — 2 ветряные и 3 водяные мельницы, д. Курносово — 4 ветряные мельницы. В д. Каиркуль в 1920–1930-х гг. была всего одна мельница, которая принадлежала Якову Шипицыну. Впоследствии из-за нее он был раскулачен. В д. Рямовка была ветряная мельница, а в д. Гущино — водяная мельница. Водяные мельницы работали на речках Большая, Карасук, Нюхаловка и Бызовка.

Табличка товарищества «Антон Эрлангер и Ко» — это уже отечественный производитель. Компания принадлежала предпринимателю Антону Максимовичу Эрлангеру, самому крупному промышленнику своего времени. История данной мельницы такова: недалеко от Низового, предположительно у д. Льнозавод, р. Тара была перегорожена плотиной, рядом с которой стояла мельница. Ее здание вместе с оборудованием в советские годы было полностью перевезено в Низовое, в производственный комплекс колхоза. Когда мельница стояла на реке, силой, приводившей в действие жернова, был поток воды. Потом, когда мельницу перевезли, жернова крутил трактор, затем электродвигатель. Владельцем мельницы был Дмитрий Степанович Сибирцев. Из рассказов местных старожилов известно, что он также владел кожевенным заводом, маслодельным заводом и мукомольным производством. Кожевенный завод и водяная мельница Сибирцевых располагались в их родовом имении на берегу Верхней Тунгуски. В советские годы всё имущество было национализировано, а хутор Сибирцева переименован в д. Льнозавод [6]. В настоящее время мельница находится в собственности фермера Алексея Геннадьевича Иуса.

Имеется еще одна интересная находка, пополнившая фонды музея-заповедника, — два металлических колеса от водяной мельницы. Она была обнаружена в Знаменском районе Омской области, на р. Куяры, благодаря жителям этих мест Валерию Степановичу Бурдинскому и Валерию Анатольевичу Юрченко. Согласно данным Переписи населенных мест Тобольской губернии на 1912 г., располагавшаяся на р. Куярник мельница была единственной в пос. Любанский, образованном в 1897 г. [2, с. 328]. С карты района этот населенный пункт исчез в середине XX в.

Говоря о типологии водяных мельниц, в зависимости от способа подведения воды к мельничным колесам можно выделить следующие их разновидности: мельницы-мутовки, подливные (пойменные) и верхнебойные (наливные). Водяное колесо мельниц-мутовок вращалось в горизонтальной плоскости на вертикальной оси. Производительность таких конструкций была невысокой. При максимальном потоке воды за год на ней можно было смолоть не более 200 пудов зерна [7, с. 135]. У подливных мельниц водяное колесо приводилось в движение потоком воды снизу, а у верхнебойных — сверху. Для этого необходимо было создание плотины. Именно такие мельницы отличались наибольшей производительностью. Сегодня в с. Евгащино Большереченского района еще можно встретить плотину от водяной мельницы.

Внешний вид водяной мельницы в целом зависел от технологического процесса, начиная от подачи воды на колесо и заканчивая размещением внутреннего мельничного оборудования. Главными условиями постройки

должны были быть прочность и удобство. В основном — это амбары различной величины, покрытые тесом на два ската. Фасады выполнялись без малейшего декора. Разнообразие вносили оконные и дверные проемы, иногда съезды или всходы (если организовывался подъезд телег с мешками на второй этаж мельницы). Помещение, в котором размещались водяные колеса (кожух), именовалось теплушей. Не всегда таковое строилось при мельнице. Теплуши характерны для мельниц второй половины XIX в.

Наряду с однокамерными, строились и двухкамерные типы (пятистенки) мельничных амбаров. В таком случае вторая, меньшая, часть служила местом отдыха мельника и заказчиков, частично складом готовой продукции либо непосредственно жильем мельника и его семьи. Известны описания мельниц, состоящие из двух отдельных срубов с организованными сенями между ними (трехчастные). Подобные мельницы на севере Омской области нами не были выявлены. Более подробная информация о мельницах приводится в воспоминаниях Михаила Петровича Анфиногенова, 1938 г. р., уроженца д. Малинкино Муромцевского района* [3].

* «С 17 лет работал на мельнице учеником и сразу же стал молоть, работали вдвоем по очереди, а мололи по одному. Жернова ковали вдвоем, если сильно забиты, то ковали по 3–4 часа, а то и пять. Два камня ведь надо ковать, а они больше метра в диаметре. А потом отрегулировать надо, тоже вдвоем, я подбиваю, а он крутит: в середине на вал надевали специальное приспособление, похожее на циркуль, гвоздь да две палки, и крутишь камень и смотришь, где гвоздь цепляет, задевает — подобьешь клин, чтобы гвоздь везде одинаково задевал и не было большого зазора. Вот так выставляли уровень нижнего вала, а верхний он уже по нижнему идет. Верхний круг он поднимался и опускался. Мололи не только для своей деревни, и Курганка к нам возила, и Колобовские привозили. У них мельницы были, а мельника хорошего не было. Вверх деревни были: Михайловка, Карбыза у них мельницы были, а воды мало было. В Михайловке там вообще ручей тек, наберут воды, себе смелют пару мешков, там их несколько дворов было. У нас мельница была немаленькая, чтобы развернуться можно было с камнем. Семь на пять, длинная. Стояла на сухом, у воды. А вал от большого колеса в воде. Колесо было деревянное с широкими лоточками. Вода наливалась в лоточки и начинала крутить. Вал от мельницы на расстоянии 20–30 см, рядом. Мельница была рубленая, стояла на хороших столбах. Строили всей деревней и еще приезжали помогать строить с соседней Курганки, колобовские приезжали: два, три, четыре дня отработают. До этих деревень местность ровная и воды мало было, а у нас воды хватало. Строили плотину: вот речка идет, перехватывают и делают у́же и у́же, используют пласты, солому, чащу и так рядами выкладывают и совсем узко сделают, там лоток пошел на мельницу, он был деревянный до самой турбины, а тут ставни, лишнюю воду спускают. Столб воды был не меньше двух метров. Речку заужали на два, три метра. Чащу ложили по ходу реки, а камельки навстречу воды. Пласт, глина, чаща, солома и так слоями. Сваи четыре, пять

Главные затраты при устройстве мельниц шли на приобретение жерновов, которые привозили с Урала. В фондах музея-заповедника имеются парные жернова «лежак и бегунок», обнаруженные во время экспедиционных исследований, проведенных на территории Большереченского района (рис. 3). Так, из д. Моховое озеро и д. Покровка привезены жернова метрового диаметра, д. Бугалы — 85 см в диаметре, д. Копьёво — небольшие, до 50 см в диаметре. В фондах музея хранятся полутораметровые жернова с паровой мельницы евгащинских купцов Калижниковых.

Как уже было отмечено, в Большереченском районе ветряные мельницы в количественном отношении преобладали над водяными. Производительность ветряных мельниц была низкой, при среднем ветре за световой

забиты по бокам и лежня два бревна огромные, стойки пропаженные, которые вставляются в бревно, которое понизу, и ставни деревянные хорошо подогнатые. Если воды много: одну, две ставни открой, если мало — закрой и она набирается. Весной подмывало, воды-то много идет, весной и лед. Поэтому воду спускали, ставни откроешь, и она моментом пошла. Зимой долбить надо ставни, которые в воде, те не замерзнут, а сверху долбили, чтоб вода сходила. Колесо деревянное было до 1949 г., а с сорок девятого поставили турбину. Был в деревне мужик грамотный, он и предложил турбину. Турбина — это много согнутых лопаточек на заклепках. Турбина помещена в деревянный цилиндр, а над турбиной — колесо, направляющее с “лопаточкой” — регулятор воды, лопаточку в сторону — прибавили, открыли напор, много — закрыли. Турбина она уже вся в воде стоит, 4 градуса — и вода уже застывает, а чтобы колесо не застывало, над колесом делали деревянный балаган и укрывали на зиму соломой. За этим строго следил наш мельник — дед Сава, ему было более 70 лет. Мельница не отапливалась, окон не было, двери двойные. Мололи днем. Коли съезжались молоть из соседних деревень, поэтому рядом с мельницей стояла рубленая избушка, в ней нары сделаны. Двое нар было, до 10 человек ложилось, ночевали в ней, и по две ночи ночевали. Возле избушки была крыша, для зерна. В мельнице был деревянный пол и от пола лестница к камню, камень на 70 см был поднят от пола. Вокруг камня можно было ходить по полу свободно. К камню по лестнице поднимались, а засыпать зерно лежала доска поперек толстая, и сыпать можно было с мешка. Если тяжело с мешка — пудовки стояли, пудовкой сыпь в засыпной ковш, который шел конусом, снизу корытце было, оно отбивало зерно, регулятор был, который регулировал поступление зерна на жернова. Мельник регулировал поступление зерна в жернова. Хозяин, бывало, просил: “Прижми, друг!” “Нет. Не прижму, я тебе тогда долго молоть буду, ты же не один”. Если прижмешь, то мука будет очень мягкая, хорошая. На нашей мельнице одного сорта была мука, она была как второго сорта. А уже у хозяйки разные сита были частые и редкие, надо чтобы побольше было, почернее на хлеб — пореже сито, почаще сито — мука лучше будет — на стряпню. Хороший мельник, он на ощупь чувствует муку: “Пересушила, хозяйка!”, ведь обычно хозяйки мололи муку, мужики редко. В деревне все всегда знали, как сушить, зачастую сушили на русской печи».

Рис. 1. Водяная мельница (с. Низовое, Муромцевский р-н, 2022, фотография В. А. Дмитриева)

Рис. 2. Заводская табличка с указанием фирмы-производителя (с. Низовое, Муромцевский р-н, 2022, фотография В. А. Дмитриева)

Рис. 3. Погрузка жерновов (исчезнувшая д. Бугалы, Большереченский р-н, 2013, фотография Н. Н. Гулько)

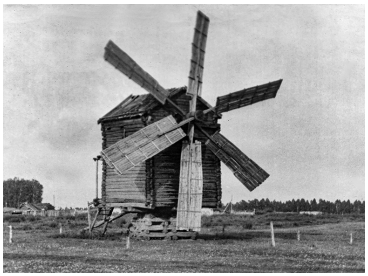

Рис. 4. Ветряная мельница на низком ряже (фотография из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», 2022)

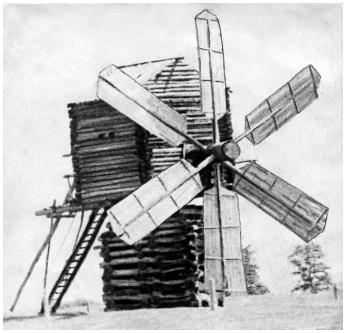

Рис. 5. Ветряная мельница на высоком ряже (фотография из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», 2022)

Рис. 6. Макет мельницы (Большереченский районный историко-этнографический музей, фотография В. А. Дмитриева)

день размалывалось около 10 пудов зерна. В личном архиве В. С. Аношина сохранились фотографии ветряных мельниц, расположенных на территории Большереченского района, и их краткое описание. На основе данных материалов были сделаны следующие выводы: ветряные мельницы в основном принадлежали частным владельцам. На них мололи зерно «про свой обиход» и для соседей. Строились ветряные мельницы и столбовой, и шатровой конструкции (рис. 4, 5). Строительство шатровых мельниц начинается с XIX в., и в связи с укрупнением производств они постепенно вытесняют более архаичные мельницы — «столбовки».

Конструктивные особенности и типы мельниц всегда зависели от природных условий, имущественного состояния владельца и от того, что предполагалось разместить в мельнице и какие производственные процессы организовать. Внешний вид столбовой ветряной мельницы — это квадратный или прямоугольный сруб на раме, закрепленной на центральном столбе. Шатровая мельница восьмиугольной, шестистенной или круглой формы в зависимости от материала постройки. Принципиальная разница между ними заключается в том, что у столбовых мельниц при неподвижном основании поворачивается весь мельничный амбар, а у шатровых подвижна лишь верхняя часть с горизонтальным валом, на конце которого закреплены крылья. В зависимости от конструкции основания, на котором базируется мельничный амбар, среди столбовых мельниц встречались: столбовые мельницы на ряже, на стойках и на раме. В д. Боровянке Большереченского района зафиксирована «столбовка на раме», ее основанием служит невысокий сруб высотой около метра и мельничный амбар значительно выше и крупнее, чем у других столбовых мельниц. Мельницы «на раме» позволяют добавить к одному поставу крупорушку с пестами или толчею, или даже второй постав. В д. Картовь зафиксирована мельница «на ряже». Ряж здесь представляет собой пирамиду из бревен, рубленную «в реж», в которой закреплена стержневая ось. Форма бревенчатого ряжа имеет прямоугольную форму и начинает сужаться только в верхней части сруба, над ряжем стоит мельничный амбар с крыльями. Оборудование таких мельниц обычно состояло из одного жернова для размола зерен в муку или из толчеи для получения круп. Мельницы-столбовки «на ряже», пожалуй, самые живописные из всего многообразия мельниц. Шатровые мельницы в ходе поисково-исследовательской работы на территории Большереченского района выявить не удалось, однако в трудах В. С. Аношина представлено описание «шатровки», которое дает возможность предполагать, что данные мельницы зафиксированы им на территории района. Так, автор отмечал, что «корпус строился с самой земли шестистенный, вал, на котором устраивались крылья, строился под самой крышей. К крыше прикреплялось длинное бревно,

и за него поворачивалась верхняя часть мельницы с маховыми крыльями, а сам корпус оставался на месте» [4, с. 165].

В рамках программы развития музея-заповедника «Старина Сибирская» предусмотрена работа по созданию действующей интерактивной экспозиции «Ветряная мельница. Дом мельника». Сегодня вполне реальной становится возможность воссоздания ветряной мельницы как памятника крестьянской механики. При этом обязательным условием, конечно же, должно быть соблюдение традиционных старинных технологий. На ученом совете музея-заповедника было принято решение о воссоздании мельницы-столбовки «на раме» из д. Боровянки. Согласно концепции, экспозиция будет функционировать в интерактивном «живом» формате, посетителям представят весь процесс помола зерна. В Большереченском краеведческом музее хранится макет мельницы «на ряже», изготовленный руками нашего земляка-большереченца А. И. Рещикова в 1960-х гг. Он представляет собой точную копию мельницы «на ряже» (рис. 6).

---

1. *Заяц И. С.* Водяные и ветряные мельницы северо-западного региона России: история и перспективы сохранения : дис. … канд. архитектуры. — СПб., 2007. — 412 с.

2. Перепись населенных мест Тобольской губернии // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина : [сайт]. — URL: https://www.prlib.ru/item/370964 (дата обращения: 30.06.2022).

3. Фонды БУК «Музей-заповедник “Старина Сибирская”». Оцифрованные фольклорно-этнографические материалы отдела этнокультурного наследия. Цифровой носитель № 043.

4. Фонды БУК «Музей-заповедник “Старина Сибирская”». Личный архив Аношина № 33. Архитектурные памятники в районе.

5. Архивный отдел Администрации Большереченского муниципального района Омской области. Ф. № 104. Д. № 8.

6. *Гальчин Д.* «Старая мельница в Низовое» // ВКонтакте : соц. сеть. — URL: https://vk.com/@lostvillages-staraya-melnica-v-nizovoe (дата обращения: 30.06.2022).

7. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX веков. — М. : Наука, 1989. — 370 с.

УДК 394; 398

Т. Н. Золотова

ФЕСТИВАЛИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье на основе анализа фестивалей традиционной культуры в Омском регионе, Сибири и России в целом рассматривается их роль в социокультурном пространстве регионов, сохранении и актуализации народных традиций.

Ключевые слова: фестиваль, народная культура, фольклор, актуализация традиций, культурное наследие.

Фестивали традиционной культуры и фольклорные праздники занимают важное место в современной российской действительности как своеобразная форма актуализации культурного наследия. В мире фестивали — одна из самых популярных форм культурно-массовых мероприятий (от фр. Festival, от лат. Festivus — праздничный). Фестивали традиционной культуры, стимулируя творческую активность населения, в то же время способствуют проявлению этничности, создавая особую культурную среду, в которой представители отдельных этносов могут прикоснуться к истокам народных традиций. Сегодня фестивали стали наиболее доступным способом передачи народной культуры. Но возникают вопросы: является ли современный фольклорный фестиваль эффективным способом сохранения и трансмиссии той или иной традиции? чем вызвана популярность этих фестивалей? какие еще функции они выполняют? Ответить на эти вопросы нам поможет анализ проходящих в Омской области и в России в целом фольклорных фестивалей.

В каждом регионе Российской Федерации имеется свой перечень традиционно проводимых фольклорных праздников, многие из которых со временем приобрели всероссийское и даже международное значение. Фольклорные фестивали во второй половине 1980-х гг., с одной стороны, стали закономерной формой презентации и обмена опытом развивающегося с 1960-х гг. фольклорного движения, а с другой — явились альтернативой «заорганизованным» советским праздникам. В 1988 г. в дни празднования 1000-летия Крещения Руси в Новгороде прошел один из первых больших фестивалей с участием фольклорно-этнографических коллективов из разных городов России, тогда же был проведен Московский международный фестиваль фольклора [1]. С 1990 г. по инициативе Российского союза любительских фольклорных ансамблей начали проводиться праздники

© Золотова Т. Н., 2022

русского фольклора на Троицу, которые проходили ежегодно в разных городах России: в 1990 г. — в Новгороде, затем в Коломне, Нижнем Новгороде, Волгоградской области, Подольске, Твери, Москве и т. д. [2, с. 99]. Эти процессы не обошли стороной и Урал, и Западную Сибирь. В 1994 г. в Екатеринбурге в дни празднования св. Дмитрия Солунского и Дмитровской родительской субботы впервые прошел Всероссийский фольклорный фестиваль традиционной мужской культуры «Дмитриев день». А за Уралом Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии под руководством В. В. Асанова стал лидером в деле популяризации народных традиций, организовав сначала фольклорный фестиваль «Егорий Хоробрый» (1990–1992), а затем Сибирский фольклорный фестиваль «На Кирилла и Мефодия», проходивший в разное время в Новосибирске, Барнауле и Омске.

В начале 2000-х гг. государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» (Постановление Правительства Российской Федерации № 122 от 16 февраля 2001 г.) придала новый импульс развитию различных направлений патриотической работы, в числе которых стали активно организовываться центры традиционной культуры, этнографии и народных ремесел, что, в свою очередь, способствовало появлению новых фестивалей фольклора и народного творчества. В этот период в городах Зауралья и Западной Сибири стали традиционными фестивали и праздники этнических культур: в Тюменской области — межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Благовест» и областной фестиваль русской культуры «День славянской письменности», в Томской области — фестиваль казачьей культуры «Братина», в Новосибирской области — «В гостях у Лявонихи», «Мельниковский фестиваль», «Заволокинская гармонь», «Сибирская глубинка», в Алтайском крае — фестивали народного творчества «Калина красная», «Вместе мы — Россия», «День России на Бирюзовой Катуни». В рамках этих фестивалей проходили народные гуляния с представлением блюд национальной кухни, традиционных костюмов, игр, песен, танцев, семейно-бытовых обрядов. Становится всё более популярным во многих регионах России татаро-башкирский праздник окончания весенних полевых работ Сабантуй. В Удмуртии проводятся общереспубликанский праздник Гербер и календарно-обрядовый праздник бесермян Корбан. В Ольхонском районе Иркутской области в 2001 г. был возрожден межродовой бурятский праздник Ёрдойн наадан, который превратился в Ёрдынские игры с песнями и играми, кульминацией которых стал круговой танец ёхор вокруг священной горы Ехэ Ёрд. В Якутии в день летнего солнцестояния проводится свой национальный праздник — Ысыах, главными событиями которого являются круговой танец осуохай как сим-

вол жизненного круга, кумысопитие, конкурс сказителей-олонхосутов. Всечувашский праздник Акатуй, «свадьба плуга», проводится в Чебоксарах по завершении весенних полевых работ, когда чуваши водят хороводы, поют национальные песни, угощаются традиционными блюдами, соревнуются в скачках, прыжках, стрельбе из лука, борьбе на поясах кереш. Ежегодный традиционный фестиваль коренных народов Сибири «Этюды Севера» в Томской области представляет культуру селькупов, хантов, манси, эвенков, хакасов, алтайцев и тувинцев. Тверские карелы ежегодно проводят праздник «Калитка» в с. Толмачи, где гостей знакомят с культурой карел через национальные блюда, песни и танцы, баллады сказителей-рунопевцев.

В культурном пространстве Омского региона одним из первых грандиозных мероприятий, связанных с народной культурой, стал фестиваль «Душа России», начавший свой путь по инициативе певца и общественного деятеля А. В. Шахматова, поддержанного областными учреждениями культуры. Творческий проект, возникший в период подъема национального самосознания после распада СССР, имел целью реализацию русской этничности на основе возвращения к культурным истокам и народным традициям [3]. На первый фестиваль (ноябрь 1992), посвященный 600-летию Сергия Радонежского, были приглашены Л. Зыкина, Л. Сметанников, Б. Штоколов, творческие коллективы из Москвы, Вологды, Иркутска, Сочи, Кубанский русский народный хор. С 1994 г. фестиваль проходит раз в два года с участием коллективов из всех муниципальных районов Омской области, благодаря чему в области возрос интерес к фольклору и народному творчеству. В недрах фестиваля «Душа России» родились и получили дальнейшее развитие другие фестивали и конкурсы: фестиваль православной духовной музыки «Купина неопалимая», фестиваль «Поет село родное», фольклорно-этнографический фестиваль «Егорий Хоробрый», конкурс исполнителей народной и эстрадной песни «Родные напевы», фестиваль-конкурс русской народной песни для юных дарований им. Е. В. Калугиной, фестиваль хорового песенного творчества «Певческое поле», межрегиональный праздник фольклора и ремесел «Покровская ярмарка».

Всероссийский фестиваль русской традиционной культуры «Егорий Хоробрый», из которого вырос Межрегиональный конкурс детских и юношеских фольклорно-этнографических коллективов «Егорий вешний», возник в 2001 г. по инициативе Сибирского культурного центра Главного управления культуры и искусства Администрации Омской области и Омской областной общественной организации «Центр славянских традиций», объединившей ученых (этнографов, фольклористов, музыкологов) и активистов фольклорного движения. За годы своего существования фестиваль

«Егорий Хоробрый» выполнил и продолжает выполнять поставленные цели: возрождение духовных традиций русского народа, приобщение населения к истокам национальной культуры, укрепление творческих связей между фольклорно-этнографическими коллективами России. Фестиваль способствовал созданию центров традиционной культуры во всех муниципальных районах Омской области, стал началом возрождения песенного, танцевального, инструментального фольклора, традиционного костюма, народных праздников и обрядов, а главное — фестиваль во многом изменил в лучшую сторону социокультурную среду в городской и сельской местности, сделав ее благоприятной для восприятия и дальнейшего развития фольклора в близких к аутентичным формах. В рамках фестиваля традиционно проходят богослужения, творческие встречи этнокультурных центров и фольклорно-этнографических коллективов в форме лабораторий и мастер-классов по обмену опытом, концерты, праздничные гуляния (рис. 1). Молодежь общается на вечерках, а центральным событием фестиваля становится «Егорьевская ярмарка» в областном центре с выставкой-продажей изделий народных мастеров, играми, танцами, хороводами, в которых принимают участие все желающие [4]. Для молодежи фестивальные формы становятся местом знакомства и образования пар, как это было в традиционной культуре на вечерках, в хороводах, на праздниках. На фестивале сложился свой песенно-хороводный репертуар, составляющий основу программы фестиваля и являющийся его «визитной карточкой», — кант святому великомученику Георгию Победоносцу, хоровод-шествие «Пахал мужик огород», волочебная песня «Пойдем, братцы, вдоль улицы», плясовая «Травка моя, травушка» [5]. В последние годы организаторы фестиваля в поисках доступных для молодежи современных форм презентации народной культуры используют различные фолк-сейшны и флешмобы, которые привлекают внимание сотен горожан.

Своеобразным съезжим праздником Омского региона стала Покровская ярмарка, которая постоянно расширяет количество участников и разнообразие форм. Опросы населения, проводимые нами на мероприятии, свидетельствуют о том, что омичи каждый год с нетерпением ждут этот праздник, чтобы пообщаться, окунуться в атмосферу народной культуры и купить что-либо из привезенных товаров (рис. 2). В разные годы посетителями и участниками ярмарки становились от 3 до 10 тыс. человек. Несмотря на то, что ярмарка проводилась на разных площадках (перед Омским государственным историко-краеведческим музеем, в Воскресенском сквере, на Проспекте культуры), самым удобным и любимым омичами местом является бульвар Мартынова, где Сибирский культурный центр своим «теремочным» видом настраивает на деревенский лад. В самом «теремке»

можно посетить выставку народного быта и одежды из частных коллекций и собраний муниципальных музеев. Визитными карточками праздника являются традиционные ярмарочно-развлекательные формы — балаганы, театр Петрушки, гадания цыганок, шуточные состязания, «распродажа» сладостей и снадобий, выбор «невесты» и «сватанье», игры с петухом, продажа ряженого коня и т. д. На сцене демонстрируются реконструированные обряды (рис. 3). Помимо традиционной выставки-продажи изделий декоративно-прикладного искусства, происходит важный этап ознакомления с процессом создания предметов быта — можно увидеть, как плетут лапти и корзины, ткут дорожки, вяжут кружево, лепят глиняные горшки и игрушки, вырезают деревянные изделия по дереву (рис. 4), шьют домашние обереги и куклы. Зрители могут попробовать сделать всё это своими руками. И здесь важен процесс погружения в народную культуру. Устраиваются мастер-классы и по народной хореографии, росписи по дереву и металлу, изготовлению традиционных пряников и т. д. Общепринятыми на ярмарке стали народная драма «Лодка» (рис. 5), конкурсы гармонистов, плясунов и частушечников, осенние игры и хороводы, концерты фольклорных коллективов (рис. 6). Муниципальные районы участвуют в смотре-конкурсе ярмарочных мест, который проводится по номинациям «Тематическое торговое место», «Визуальная реклама», «Работа с публикой» (рис. 7). Актуализирует использование фольклорных элементов в одежде конкурс «Этностиль», в рамках которого организуется дефиле «Мода от народа», представляющее современные версии народного костюма. С целью развития творческой инициативы и внедрения в современную праздничную практику традиционных форм культуры в 2019 г. был проведен областной конкурс площадных театров «Покровская карусель». В номинации «Малые театральные формы» были представлены «скоморошьи потехи», «балаганы», «раешники», «карусельные деды», театр Петрушки. Здесь приветствовалось обращение к этнографическим текстам из литературных или архивных источников, использование материалов, записанных на территории Омской области. Особенно ценилось умение использовать аутентичный текст, импровизировать, работать с публикой, вовлекая ее в интерактивные действия, а также — использование костюмов, отражающих региональную специфику. Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в проведение ярмарки в 2020 и 2021 гг., но это был лишь короткий перерыв, который не в силах уничтожить традицию, созданную по инициативе работников культуры и поддержанную народными массами региона.

Большой популярностью в Омском регионе пользуется народный праздник (творческая лаборатория) «Большие хороводы», начинавшийся с троицких гуляний в 2004 г. в Муромцевском районе, а в настоящее время

проводится Отделом русской традиционной культуры ГЦНТ и общественной организацией «Центр славянских традиций» в Большереченском районе. Звукозаписи традиционных для Омской области хороводных песен заранее размещаются в социальных сетях («ВКонтакте») в интернете с тем, чтобы все желающие смогли их разучить и воспроизвести в праздничном хороводе. Хороводы всегда присутствуют в программах областных и межрегиональных праздников и на проводимых в городе вечерках. Во многих районах области на Троицу и Петров день возобновилось вождение хороводов, украшение березки и плетение венков из березовых веток и цветов. Красивые и зрелищные хороводы, включающие 25 орнаментальных композиций Омской, Новосибирской областей и Алтайского края, объединяют в фольклорном сотворчестве детские и молодежные коллективы, семьи сельчан и горожан, предоставляя участникам уникальную возможность прикоснуться к традициям предков. Объект наследия «Традиционные весенне-летние хороводы русских Омского Прииртышья» заявлен в Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России.

Региональные певческие, хореографические, художественные, кулинарные традиции были представлены на фестивале сибирской культуры «Слетье», который прошел в Большеречье летом 2022 г. в рамках проекта «Этнокультурный ландшафт Омского Прииртышья» в год 200-летия Омской области. На территории историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская», на центральных улицах поселка, перед зоопарком, у р. Большой развернулись многолюдные мероприятия «Слетья» — фестивали мужских ремесел и акустической музыки, областной фестиваль русской культуры «Душа России», Большие сибирские хороводы (рис. 8), празднование 395-летия Большеречья, областная культурно-спортивная эстафета, концерт гармонистов и частушечников, фестиваль-конкурс по урало-сибирской росписи «Разживка» и Праздник верещаги (рис. 9). В программе приняли участие мастера-ремесленники и исполнители народной музыки из Новосибирска, Челябинска, Тюмени, Кирова, Свердловской области, Алтайского края, Омска и всех районов Омской области. Участники и гости фестиваля погрузились в атмосферу традиционной культуры — узнали секреты «сибиряцкой» кухни (попробовали верещагу и три вида кваса), увидели варианты домовой росписи, поводили «круги» и станцевали кадрили, познакомились с чалдонскими и казачьими певческими и инструментальными традициями, услышали белорусские сказки; научились делать «писанки», глиняные горшки, соломенных кукол-самокруток и зверушек из теста, играть в старинную игру «Кубарь» и др.

Традиции наиболее многочисленных этносов Омского региона находят отражение в областном фестивале национальных культур «Единение», кото-

Рис. 1. Мужской поединок «стенка на стенку» на фестивале «Егорий Хоробрый» (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, май 2012 г.)

Рис. 2. Выставка-продажа изделий мастеров на Покровской ярмарке (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2013 г.)

Рис. 3. Реконструкция свадебного обряда сибирских украинцев (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2011 г.)

Рис. 4. Работа мастера (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2012 г.)

Рис. 5. Народная драма «Лодка» (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2012 г.)

Рис. 6. Выступление фольклорно-этнографической студии «Сретенье» (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2019 г.)

Рис. 7. Встреча гостей на площадке Тары (фотография Т. Н. Золотовой, Омск, октябрь 2016 г.)

Рис. 8. Возвращение с больших хороводов на «Слетье» (фотография Т. Н. Золотовой, р. п. Большеречье, июль 2022 г.)

Рис. 9. Приготовление верещаги (фотография Т. Н. Золотовой, р. п. Большеречье, июль 2022 г.)

рый проводится Омским домом дружбы с 1998 г., который играет важную роль в актуализации фольклора и укреплении взаимопонимания между народами на основе вокального, инструментального, декоративно-прикладного творчества. Фестиваль представляет собой комплекс мероприятий, среди которых — фестивали национальных культур, конкурсы национального творчества, циклы юбилейных и памятных дат, семинары, мастер-классы, творческие лаборатории, выставки народного творчества, предметов быта и блюд национальной кухни, традиционные праздники в Омске и муниципальных районах региона. В рамках «Единения» проходят Международный фестиваль приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан «Да будет дружба искренней и честной», фестиваль «Орнамент восточной души», фестиваль казахской культуры «Урпак-уни — Голос поколений», Межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Наследие», фестиваль украинской культуры «В душе звучат Украины мотивы», фестиваль культуры российских немцев «Phoenix — Феникс», фестивали еврейской, армянской культур, культуры народов Балтии.

Фестивали, представляющие разные этнические культуры, более масштабные и многочисленные, чем фестивали только русской культуры. Во многом это происходит за счет большего количества организаторов и вкладываемых средств (а следовательно, и коммерческой «отдачи»), а также — большего интереса к «экзотике», так как здесь демонстрируются образцы культур малых народов, не известные широкой публике. Наиболее показателен в этом отношении Международный фестиваль этнической музыки и ремесел «МИР Сибири», который проводится в пос. Шушенское Красноярского края с 2003 г. Тысячи гостей и сотни участников на три дня погружаются в разноцветье национальных культур, в ритмы экзотической музыки и зажигательных танцев, в праздничную атмосферу глубинной народной культуры. На главной фестивальной сцене происходят все главные события фестиваля — выступления участников конкурсной программы и музыкальные концерты приглашенных гостей. На выставке-ярмарке изделий декоративно-прикладного творчества можно увидеть и приобрести работы умельцев из разных регионов страны. На «Обрядовой поляне» проводятся различные мастер-классы по вокалу, игре на традиционных музыкальных инструментах, танцы, хороводы, народные игры, обряды, театрализованные действа, музыкальные флешмобы и джем-сейшны; демонстрируется этническое кино под открытым небом. В «Беседке» проводятся лекции по культуре народов мира, на площадке традиционной кухни проходят мастер-классы, где все желающие могут научиться готовить блюда по старинным рецептам. В «Этнодеревне» реконструированы

эвенкийский и таймырский чумы, хакасская и тувинская юрты; расположены национальные подворья с ремесленными мастерскими. Участники и гости фестиваля посещают интереснейшие подворья историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», законсервированного сибирского села конца XIX — начала XX вв., где в выставочном зале располагается выставка работ номинантов на мастеровую премию «МИРА». По официальным данным, мероприятия XVIII Международного фестиваля этнической музыки и ремесел «МИР Сибири» (7–10 июля 2022 г.) посетили 66,5 тыс. гостей, а онлайн-трансляции фестиваля собрали около 100 тыс. просмотров [6], что свидетельствует об огромном интересе россиян к этнической культуре народов Сибири.

Фольклорные фестивали и праздники, как современная форма существования народной культуры, выполняют несколько важных функций. Они имеют большое значение для дальнейшего сохранения и актуализации лучших народных традиций. Благодаря им запускается механизм культурной трансмиссии, формируется благоприятная для сохранения народной культуры среда, актуализируется нематериальное культурное наследие. Среди реконструированных традиций — певческие, инструментальные, хореографические, кулинарные. Фестивали несут познавательную и обучающую нагрузку, стимулируют культуротворческую активность населения, улучшают межэтническую коммуникацию. Фестивали и праздники имеют двойственный характер: это и явление фольклоризма, поскольку фольклор здесь представлен в воспроизведенном виде и в неестественных для него условиях бытования, с одной стороны, и явление аутентичной культуры, поскольку здесь выступают аутентичные фольклорные коллективы и мастера народного искусства, с другой. В разных фестивалях и праздниках степень фольклоризации/аутентичности может варьироваться в зависимости от условий их проведения и участия в них живых носителей традиционной культуры. Фестиваль — это современная форма представления народных традиций разных российских регионов и обмена опытом по воссозданию механизма преемственности этих традиций. Не стоит забывать и о компенсаторной и коммуникативной функциях подобных праздников, а также — о коммерческой составляющей этих мероприятий и их использовании в туристической индустрии, так как фестивали играют весомую роль в брендировании территорий. Но главное в том, что, способствуя реализации этничности и этнокультурной идентификации, фольклорные фестивали в то же время выполняют важную интегрирующую роль, формируя у россиян чувство национального единства и возвращения к своим духовным истокам.

1. *Жуланова Н. И.* Молодежное фольклорное движение // Фольклор и молодежь. От истоков к современности. — М. : Российский фольклорный союз, 2000. — С. 3–29.

2. *Ключникова О. А.* Фольклорное движение в событиях и фактах: 1969–2010 // Фольклорное движение в современном мире : сб. ст. — М. : ГРЦРФ, 2016. — С. 95–106.

3. *Генова Н. М.* Фестивали народного творчества как форма пропаганды этнокультуры и духовно-исторического наследия Сибири // Народная культура Сибири : материалы конф. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. — Ч. 1. — С. 155–164.

4. *Золотова Т. Н.* Роль фестиваля «Егорий Хоробрый» в сохранении традиционной культуры в современных условиях // Егорий Хоробрый : Всерос. фестиваль русской традиционной культуры : информ.-метод. сб. для работников культуры и образования / сост. В. Ю. Багринцева ; отв. ред. М. А. Жигунова. — Омск : Диалог, 2010. — С. 51–54.

5. *Багринцева В. Ю.* Омский фестиваль «Егорий Хоробрый» // Егорий Хоробрый : Всерос. фестиваль русской традиционной культуры : информ.-метод. сб. для работников культуры и образования / сост. В. Ю. Багринцева ; отв. ред. М. А. Жигунова. — Омск : Диалог, 2010. — С. 23–26.

6. История фестиваля // Мир Сибири : [сайт]. — URL: https://www.festmir.ru/festival/istoriya/ (дата обращения: 06.09.2022).

УДК 398.8

Н. К. Козлова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУКОПИСИ (О СБОРНИКЕ Н. Ф. ЧЕРНОКОВА «СИБИРСКИЕ ПЕСНИ И ИГРЫ. ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА», СОСТАВЛЕННОМ И. С. КОРОВКИНЫМ)

В статье рассказано о судьбе сборника фольклорных произведений, записанных в свое время первым прииртышским фольклористом Николаем Фёдоровичем Черноковым (1891–1968). Сборник составил еще один известный омский фольклорист и краевед Иван Семенович Коровкин в 1972 г. Было предпринято несколько попыток издать собрание в 1970–1990-х гг. Но прошло 50 лет, а рукопись так и не была напечатана и считалась утерянной. Обнаруженная в архиве недавно ушедшей в мир иной Т. Г. Леоновой рукопись ждет решения своей судьбы.

Ключевые слова: рукопись, сборник фольклорных текстов, Н. Ф. Черноков, И. С. Коровкин.

Имя Николая Фёдоровича Чернокова хорошо известно омским краеведам во многом благодаря статьям, а затем и монографии А. В. Ремизова [1]. В ней краеведческая деятельность нашего замечательного земляка

© Козлова Н. К., 2022

глубоко освещена. Автор характеризует его и как фольклориста-собирателя [1, с. 273–304]. В 2016 г. вышел в свет отдельный библиографический указатель, полностью посвященный Н. Ф. Чернокову [2]. До этого о нём рассказывала статья в «Энциклопедии Омской области» (авторство того же А. В. Ремизова) [3, с. 518]. В 2018 г. опубликовано еще одно издание, посвященное Н. Ф. Чернокову, с красивым названием «Влюбленный в народную Русь…», подготовленное заведующей Красноярской библиотекой № 7 им. Н. Ф. Чернокова муниципального бюджетного учреждения «Централизованная библиотечная система Омского муниципального района Омской области» Е. Н. Сергеевой, в котором фольклористической деятельности Николая Фёдоровича посвящена отдельная глава [4, с. 89–114].

Казалось бы, омские фольклористы должны хорошо быть осведомлены о биографии Николая Фёдоровича, знакомы с его фольклорным наследием. Однако этого не произошло. И его деятельность как фольклориста-собирателя и как носителя русской старожильческой традиции Сибири еще нуждается в изучении и освещении.

Почему так произошло? После того как я погрузилась в изучение наследия фольклориста, всё время задаю себе этот вопрос. Раньше «завидовала» регионам, которые имели фольклористов, чья собирательская и исследовательская деятельность пришлась на XIX — начало XX в. Например, в Самарском крае — это Д. Н. Садовников, в Вятском — Д. К. Зеленин, в Архангельской губернии — П. С. Ефименко и т. д. С горечью констатировала, что Прииртышье не имеет своего «раннего» фольклориста. Но, оказывается, имеет! Помню в фольклорной аудитории № 212 на филологическом факультете ОмГПУ в одном из шкафов, скромненько в уголочке, стояла фотография Николая Фёдоровича с не менее скромной подписью. Но никогда ни в учебном процессе (когда я еще была студенткой филфака), ни в дальнейшей моей уже преподавательской деятельности это имя не упоминалось или упоминалось вскользь. Мы знали о фольклористе-любителе И. С. Коровкине, о «зачинателе» планомерной экспедиционной работы в Омской области В. А. Василенко. Даже о преподавателе П. Е. Петрове, который защитил диссертацию о сибирской свадьбе (но никогда сам ничего не записал), знали. А о Чернокове нет! Возможно, потому что он был сам по себе, с вузом не сотрудничал (хотя, как выяснилось, с В. А. Василенко общался), а внимание сотрудников вуза, как правило, сосредоточивалось на экспедиционной работе ОмГПИ, на своих заслугах и находках. А ведь пока он был жив (умер Николай Фёдорович в 1968 г.) можно было записать на магнитофон песни, которые он знал с детства, или те, которые записал в своих поездках по районам или в своем родном с. Красноярское. Известно, что что-то записывалось на магнитофонную ленту в Омском народном хоре, в котором с 1952 г. Н. Ф. Черноков работал консультан-

том, что нотные расшифровки собранных им песен делала руководитель хора Е. В. Калугина. Но эти материалы или исчезли, или неизвестно где находятся. В библиотеке Омского народного хора таковых нет.

Может быть, наследие Н. Ф. Чернокова так и прошло бы мимо, если бы у меня в руках не оказался машинописный вариант сборника фольклорных произведений, собранных Н. Ф. Черноковым, подготовленный И. С. Коровкиным. Долгое время сборник после смерти И. С. Коровкина считался утерянным. И вот он «нашелся» в архиве Т. Г. Леоновой, который после ее смерти довелось мне разбирать (далее буду цитировать документы из этого архива, в том числе и выдержки из писем, но так как они еще не обработаны и даже не определено их место в каком-либо из омских архивов, то цитаты будут без ссылок).

Поражает судьба этой рукописи. Началась ее история в 1972 г., когда она и была собрана Коровкиным. Известно, что Коровкин общался и дружил с Черноковым. В одном из писем Т. Г. Леоновой он отмечает: «Я с первых дней знакомства с Н. Ф-чем стал собирать материал для его биографии, снимать копии с собранных им песен и т. д. И в итоге я потратил на рукопись настоящего сборника двадцать с лишним лет (конечно, с перерывами)» (11 декабря 1975 г.). К сожалению, в своем введении к сборнику он не приводит подробности работы с текстами из архива Чернокова.

Итак, сборник, который получил название «Сибирские песни и игры. Воспоминания о старой Сибири. Дневники и письма», был подготовлен к печати. Научным редактором попросили быть Т. Г. Леонову. В декабре 1972 г. она пишет пространную рецензию, которая сохранилась в ее архиве. Рецензия дельная, принципиальных замечаний высказано много. Делает вывод: «При условии соответствующей доработки рукописи в целом можно рекомендовать ее к печати» и отмечает ценность такой публикации: «Публикация архива Н. Ф. Чернокова явится выражением уважения к памяти неутомимого собирателя народного творчества». Забегая вперед, отмечу, что окончательный вариант сборника, который дошел в рукописи до нашего времени, во многом содержит те же недоработки и вызывает те же замечания, которые изначально были высказаны Т. Г. Леоновой. Видимо, составитель убрал излишние подробности биографии собирателя, что-то добавил об исполнителях, немного подработал примечания, откорректировал название, но в целом структуру сборника, его жанровые разделы и их наполнение оставил прежними.

В том же архиве Т. Г. Леоновой следующий по хронологии документ датирован декабрем 1973 г. (т. е. прошел ровно год). Это ответ из Западно-Сибирского книжного издательства (Новосибирск), куда, видимо, сборник был сдан для публикации. Приведу текст с небольшими купюрами: «Уважаемая

Татьяна Георгиевна! Мы обращаемся к Вам как к рецензенту сборника, посвященного Н. Чернокову, и как к человеку, близко к сердцу принимающему судьбы сибирского фольклора. В настоящее время мы заканчиваем составлять план 1975 года [!!!]. План перегружен <…>. У нас появились серьезные возражения против издания у нас рукописи, составленной И. Коровкиным. Она предназначена не для широкого читателя. Может быть, Вы подскажете, кто в Омске (пединститут, Дом народного творчества?) мог бы заинтересоваться сборником о Н. Чернокове и издать его».

Таким образом, перспективы издать сборник в Новосибирске даже через два года не было.

Но вернемся в Омск, в 1974 г. В архиве Татьяны Георгиевны есть ее отзыв о сборнике, датированный июнем 1974 г. Он уже имел следующее название: «Сибирские песни и игры. Дневники и письма». Автор отзыва пишет о ценности такого издания для истории омской фольклористики, а также для современных собирателей фольклора, самодеятельных и профессиональных исполнителей народных песен. Отмечает, что составителем во многом учтены ее первоначальные замечания, повторяет то, что не учтено, но требует корректировки и заканчивает отзыв следующим: «Считаю возможным в настоящем виде рекомендовать рукопись к печати. Издание сборника… целесообразно осуществить как заказное издание Омского областного Дома народного творчества».

Мытарства сборника в 1972–1975 гг. описал сам И. С. Коровкин в своем выступлении на заседании Омской писательской организации в октябре 1975 г. Протокол обсуждения также сохранился в архиве Т. Г. Леоновой. Процитирую часть его выступления: «Творческое наследство Н. Ф. Чернокова хранится в основном у меня и у его дочерей. Для настоящего сборника я выбрал наиболее ценные рукописи Н. Ф. Чернокова… Рукопись была представлена в Западно-Сибирское книжное издательство в 1972 г. По рекомендации издательства я дорабатывал ее, затем она вновь обсуждалась в издательстве. При обсуждении было признано, что материал собран ценный, но выпуск книги для издательства невыгоден. И было предложено издать сборник на заказных началах через Дом народного творчества. После этого рукопись побывала в Доме народного творчества, в областном управлении культуры, в обкоме КПСС. На рассмотрение рукописи в разных инстанциях ушло около двух лет. В настоящее время обкомом КПСС рекомендовано обсудить рукопись в писательской организации и затем уже, при положительном итоге обсуждения, вновь обратиться в Западно-Сибирское издательство».

В обсуждении приняли участие члены писательской организации Т. М. Белозеров, В. В. Полторакин, М. П. Малиновский, И. Ф. Петров,

Л. И. Иванов, а также доцент ОмГПИ Т. Г. Леонова. Во всех отзывах дана высокая оценка сборнику. Процитирую в качестве примера слова Т. М. Белозерова: «Уникальная рукопись Н. Ф. Чернокова дает яркую картину жизни дореволюционной Сибири. В песнях, собранных автором, много настоящей жизни, человеческой души, музыкальности. Это настоящие образцы поэтического мастерства, где каждое слово — золото… Считаю, что книгу надо издавать, и чем быстрее, тем лучше: она будет не только своеобразным памятником нашему замечательному земляку-собирателю фольклора Н. Ф. Чернокову, но и заметным литературным явлением».

Постановили: «Просить Западно-Сибирское книжное издательство об издании рукописи Н. Ф. Чернокова».

Но, как следует из писем 1975 г. уже тяжело больного И. С. Коровкина к Т. Г. Леоновой, еще одна попытка напечатать сборник в вышеназванном издательстве в 1975 г., несмотря на положительные итоги обсуждений и рекомендации, так и не увенчалась успехом.

Дальше были безрезультатные хождения в обком КПСС, обращения к чиновникам (о чём свидетельствует переписка Коровкина и Леоновой 1975–1976 гг.). Но дело с мертвой точки так и не сдвинулось. Возможно, соответствующее решение каждый раз разбивалось о равнодушие чиновников, ссылавшихся на отсутствие денег на публикацию.

В письмах этих лет к Леоновой звучит боль и даже некоторая апатия Коровкина, уже не верившего в успех своего предприятия: «…Простите за долгое молчание, писать мне невозможно (и читать). Если рукопись Н. Ф. Чернокова отказались печатать, так и сообщите мне. Я уже привык к этой мысли…» (19 февраля 1975 г.); «…Если встретите рукопись сб. Чернокова, то возьмите ее себе. Мне уже ничего больше не сделать с ней…» (24 апреля 1975 г.). И в итоге он переправляет экземпляр машинописного текста Леоновой с тем, чтобы он хотя бы не потерялся и сохранился: «Дорогая Татьяна Георгиевна! …Я считаю преступлением с моей стороны держать у себя все три экземпляра. Ведь всё может случиться. Нынче я жив, завтра умру, и все бумаги начнут расхищать (родные не уследят за всем). И пропадет огромный труд Николая Фёдоровича. Поэтому один (первый) экземпляр я считаю необходимым отослать Вам…» (11 декабря 1975 г.).

Далее в письмах 1976 г. почти нет упоминаний о сборнике Чернокова. Видимо, Иван Семёнович почти охладел, увлекся работой над своим сборником сказок. Умер И. С. Коровкин 24 января 1977 г.

Через 6 лет после смерти составителя вопрос по изданию подготовленного им сборника, видимо, вновь встал на повестку дня. Об этом свидетельствует очередной отзыв на него Т. Г. Леоновой, уже датируемый 15 июня 1983 г. Он практически повторяет предыдущие, но добавлена фраза

о необходимости нотирования хотя бы части песен и о том, что «издание рукописи целесообразно форсировать». Этот очередной отзыв, видимо, был предоставлен в Омскую писательскую организацию. И, видимо, уже по инициативе дочери Н. Ф. Чернокова. Свет на это проливает письмо Александра Эрахмиэловича Лейфера к Татьяне Георгиевне, написанное через 5 лет (в марте 1988 г.). Частично процитирую: «Уважаемая Татьяна Георгиевна! Вот уже несколько лет лежит у меня рукопись Н. Ф. Чернокова. Та самая, которую в (19)83 г. Вы рецензировали. Мне передали ее (Четверикова) с устным и невнятным отзывом: "Главный редактор сказал, что мы это не поднимем, не потянем". Мол, слишком специально, узко. Никакого официального отзыва издательства не приложено. Есть лишь: 1) заявка дочери Чернокова; 2) Ваша рецензия; 3) протокол обсуждения рукописи в Омской писательской организации. Дочь уже дважды спрашивала меня о судьбе рукописи. И проще всего было бы отослать ей всё это хозяйство, но… Но, может быть, попробуем еще раз поговорить с издательством?..»

Но 1980-е гг. тоже не сдвинули дело с мертвой точки. Наступили 1990-е.

Первый документ в архиве Т. Г. Леоновой за это десятилетие датирован 12 января 1995 г. Его автор — А. Э. Лейфер. Это некое «дополнение к разговору об издании рукописи Н. Ф. Чернокова от 11 января 1995 г.» Адресовано председателю комитета по культуре и искусству Н. М. Геновой и художественному руководителю Омского народного хора А. А. Попову. В нём он излагает то, что нужно подготовить к изданию в текстовом, иллюстративном и организационном планах. В следующем обращении к Н. М. Геновой, датированном 26 февраля 1996 г., А. Э. Лейфер называет себя уже редактором сборника, поднимает вопрос об оплате тем, кто над ним работает (Т. Г. Леоновой, Е. Я. Аркину и др., а в первую очередь — дочери Н. Ф. Чернокова Надежде Николаевне Черноковой, передавшей рукопись в распоряжение комитета). Здесь же он пишет о том, что Н. В. Калугина привезла в Омск ноты к 16 песенным текстам, три песни нотировал А. А. Попов с напева В. Мартынова, и добавляет, что «ждать больше нечего: вряд ли еще кто-то поможет в нотировании составивших сборник народных произведений».

Очередную, четвертую рецензию («заключение») Т. Г. Леонова пишет в сентябре 1997 г., констатируя, сколько раз она это делала, называя то, что сделано И. С. Коровкиным после ее замечаний, определяя то, что еще необходимо откорректировать и чем сборник дополнить (в частности, материалом Лейфера о составителе). Резюме такое же, как и в предыдущем отзыве: «Издание рукописи целесообразно форсировать». Однако форсирования не получается. Следующий документ в архиве Т. Г. Леоновой датирован мартом 1998 г. Это «Пояснительная записка А. Э. Лейфера к сборнику», в кото-

рой он описывает предыдущие попытки его издать. Здесь, кстати, прояснено, почему не состоялось это предприятие в 1980-х гг.: «Мне эта рукопись попала в руки в начале 1980-х гг. Она была обнаружена среди неучтенных бумаг во время организации Литературного музея им. Достоевского, где я тогда работал. Была предпринята попытка издать рукопись в возрождавшемся тогда Омском книжном издательстве <…>, но рукопись была издательством возвращена из-за большой стоимости предполагаемого издания».

Далее автор говорит, что рукопись предполагается издать в серии «Культура и искусство Прииртышья». Замечает, что она «существует в единственном экземпляре и …необходимо снять с нее ксерокопию».

Сохранился и текст оборота титула сборника с аннотацией. Год выпуска обозначен — 1998. Но увы… сборник и в этом году не был издан.

В своей статье в сборнике материалов XXVI и XXVII научно-практических семинаров Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Материалы И. С. Коровкина в личном хранении» Т. Г. Леонова пишет, что «последняя безуспешная попытка опубликовать сборник относится ко времени подготовки к празднованию 300-летия Омска», т. е. 2016 г. [5, с. 19]. В чём она заключалась, не уточняется.

В вышеназванной статье Т. Г. Леонова констатировала, что «далее откладывать время публикации уже неприлично и неуважительно по отношению к ее авторам и делу их жизни», и призывала устроить очередное обсуждение сборника на семинаре «Народная культура Сибири» [5, с. 19].

Таким образом, в 2022 г. исполнилось ровно 50 лет (!) с того момента, как рукопись сборника Н. Ф. Чернокова была подготовлена к изданию И. С. Коровкиным. Грустный «юбилей»…

И вот этот сборник лежит передо мной. Нет в живых И. С. Коровкина, А. Э. Лейфера, Т. Г. Леоновой. А рукопись сборника — вот она — «нашлась»…

И что с ней делать? Можно сдать в Исторический архив Омской области, и пусть она пополнит фонд или Чернокова, или Коровкина. И пусть там еще лежит последующие десятилетия. А имя Чернокова так и будет оставаться в тени, а его наследие — ждать своих исследователей.

Но выбрать этот путь мне не позволяет совесть фольклориста. Нельзя, чтобы имя этого человека и его деятельность не получили должной оценки и не нашли достойное место в истории омской фольклористики!

Я удивляюсь, почему та же Т. Г. Леонова не воспользовалась какой-либо грантовой поддержкой (ведь в 1990-х гг., а тем более в 2000-х, это было возможно), а продолжала уповать на бюджетные варианты.

Можно сейчас подготовить грантовый проект и опубликовать собрание Чернокова в форме ретро-сборника, т. е. так, как он подготовлен к печати

Коровкиным. Это, с одной стороны, будет и данью уважения к памяти их обоих. И это — минимум временных затрат. Но не будем забывать, что прошло 50 лет со времени его составления! Нужно учесть еще и то, что И. С. Коровкин, при всей значимости его неутомимой собирательской деятельности, не был специалистом. И это определило суть составленного им сборника. Может быть, сборник и не был в свое время принят к публикации, так как был и не научным, и не популярным. И даже научно-популярным его сложно назвать. Скорее — «любительским», если можно применить такое определение. И эта форма уже безнадежно устарела на фоне целого ряда современных публикаций песенных прииртышских материалов и материалов о самом Н. Ф. Чернокове [1; 2; 4]. Вряд ли сборник в том виде, в котором он был подготовлен Коровкиным, будет востребован в настоящее время и будет давать полное представление о наследии первого нашего фольклориста.

Поэтому, на мой взгляд, на основе имеющегося материала нужно готовить новое издание. Причем научное: с научным аппаратом, с расширенными комментариями; сборник, который бы шире представил фольклорное наследие Чернокова и дал его в контексте прииртышской старожильческой традиции. Конечно, ни в коей мере нельзя умалять то, что в свое время сделали и Коровкин, и все те, кто так или иначе пытался продвинуть материал в печать. Это большая и серьезная работа, при которой нужно изучить все имеющиеся у нас фонды и Н. Ф. Чернокова, и И. С. Коровкина, и много чего еще.

И не нужно уже ничего обсуждать. Время бесполезных обсуждений прошло. Пришло время действовать. А о плане этих действий — разговор отдельный.

---

1. *Ремизов А. В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории : моногр. — 3-е изд., испр. и доп. — Омск : Золотой тираж, 2018. — 448 с.

2. Николай Фёдорович Черноков: краевед, фольклорист, библиофил (к 125-летию со дня рождения) : библиогр. указ. / сост. О. П. Леонович ; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. — Омск : Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина, 2016. — 46 с.

3. Энциклопедия Омской области : в 2 т. Т. 2. М–Я / под общ. ред. В. Н. Русакова. — Омск : Ом. книж. изд-во, 2010. — 592 с.

4. «Влюбленный в народную Русь…» Жизнь и творчество Николая Фёдоровича Чернокова / сост. Е. Н. Сергеева. — Омск : Амфора, 2018. — 138 с.

5. *Леонова Т. Г.* Материалы И. С. Коровкина в личном хранении Т. Г. Леоновой // Народная культура Сибири : материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Сиб. рег. вуз. центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. — С. 17–20.

УДК 373.1+796

А. Н. Пресяжнюк

НАРОДНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена вопросу воспитания школьников посредством народной игры. Рассматривается роль народной игры в современном мире. В статье описаны игры «Чижик» и «Бега», взятые из местного архива краеведа А. В. Горобцова.

Ключевые слова: народная игра, русская национальная культура, патриотизм, игра «Кулик», игра «Бега», игровая программа «Народные забавы».

В настоящее время Россия переживает один из непростых исторических периодов. Ныне материальные ценности доминируют над духовными, поэтому у детей искажены представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Детей отличает эмоциональная, волевая и духовная незрелость.

Сегодня перед детьми открывается огромный мир развлечений. Это телевизор, компьютер, различные игровые приставки и т.д. Но, к огромному сожалению, все эти досуговые средства не развивают нравственных, физических и эстетических качеств, не способствуют воспитанию коммуникативной культуры — важнейшей составляющей успешности человека в различных видах деятельности. Сейчас очень редко встретишь семью, где бабушка рассказывает сказки, мама и папа читают детям книги. Поэтому дети лишаются возможности брать пример с людей, живших в прошлом. Нарушились традиции, порвались нити, которые связывали старшее и младшее поколения [1, с. 613–616].

Поэтому в настоящее время очень важно возродить преемственность поколений, дать детям нравственные устои, патриотические настроения, которые живы в людях старшего поколения. Безжалостное обрубание своих корней от народности в воспитательном процессе ведет к бездуховности. Особенно актуальной сегодня является задача привить детям любовь к русской культуре, познакомить с ее истоками, обычаями, традициями, обрядами, т. е. задача приобщения новых поколений к исторической памяти народа, а значит — и сохранение ее в наших детях. Важное средство освоения культуры своего народа — русская народная игра.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля базовые понятия по рассматриваемой проблеме характеризуются следующим образом: игра — действие, забава, установленная по правилам; играть — тешиться, забавиться, веселиться; игрушка — предмет, которым играют, во что играют [2].

© Пресяжнюк А. Н., 2022

Русские народные игры имеют многовековую историю, они сохранились и дошли до наших дней из глубокой старины, передавались из поколения в поколение, вбирая в себя лучшие национальные традиции. Собирались мальчишки и девчонки вечером на деревенской улице или за околицей, водили хороводы, пели песни; без устали бегали, играя в горелки, салочки; состязались в ловкости, играя в лапту. Зимой развлечения носили иной характер: устраивались катания с гор, игры в снежки; на лошадях катались по деревням с песнями и плясками.

Народная игра интересна и уникальна тем, что испокон веков в ней отражался образ жизни людей, их быт, труд, представления о чести, смелости, мужестве; желание обладать силой, ловкостью, выносливостью, быстротой и красотой движений, а также проявлять смекалку, выдержку, творческую выдумку, находчивость, волю и стремление к победе. А эти человеческие качества актуальны всегда. Детям нужно дать почувствовать радость от прикосновения к прекрасному, а именно — к богатейшему наследию русской национальной культуры; помочь ощутить национальную принадлежность, постичь своеобразие русского национального характера, его прекрасные самобытные качества на примере народных игр. Народные игры у детей вызывают живой, неподдельный интерес, способствуют физическому развитию, обогащению словаря детей, развитию их духовно-нравственного потенциала. В народной игре есть весь арсенал необходимых средств для формирования человека — Гражданина, Патриота своей Родины [1, с. 613–616].

Русские народные пословицы гласят: «старый хочет спать, а молодой играть», «играется как дитя». Именно в детстве, играя, ребенок научается, приобретает главные навыки, получает творческий опыт будущей взрослой жизни. Каждая народная игра представляет творческий процесс. Одни игры основаны на коллективном творчестве, другие на реализации творческой индивидуальности [3, с. 63].

В ходе фольклорно-этнографических экспедиций нами были собраны такие считалки и игры, как «Жмурки», «12 палочек», «Бабки», «Горелки», «Зайцы». Была проведена работа с личным фондом местного краеведа А. В. Горобцова. Из архива мы почерпнули давно забытые игры «Кулик» и «Бега». Сейчас мы приведем описания игр, представленные в личном фонде А. В. Горобцова.

Игра «Кулик». «Четырехгранная палочка длиной 15–20 см, концы которой срезаны с одной и другой стороны под углом 45°. Один галит. На земле площадкой один метр в квадрате, очищенной от травы, лежит кулик. Кто галит, тот и бьет по концу, кулик поднимается вверх, а вторым ударом бьет горизонтально. Если попал, то сторож должен бегом, издавая

звук “ку-ли-и-ик” взять и вернуться, не прерывая звука. Выполнил — бьет, кто сбил кулик, галит» [4, с. 2].

Игра «Бега». «Становятся парами “конь” и “хозяин” и по команде бегут определенную дистанцию “Конь, за ним хозяин”. Кто обогнал — овация» [4, с. 2].

На основе исследований О. И. Капицы и Г. М. Науменко игры условно можно разделить на виды:

а) подвижные (спортивные),

б) обрядовые (календарные),

в) по отношению к природе (природные),

г) трудовые (бытовые),

д) с ведущим (водящим),

ж) драматические (с элементами театрализованных действий) [5].

К подвижным (спортивным) играм относятся игры соревновательного характера, включающие в себя бег, прыжки и развивающие силу, ловкость, быстроту, ориентировку в пространстве («Горелки», «12 палочек», «Ремешок», «Прятки» и др.).

Обрядовые (календарные) игры — игры, которые имели связь с народным сельскохозяйственным календарем. К сожалению, многие из них уже давно утрачены. К ним относятся такие игры, как «Катание яиц», «Ручеек», «Гори, гори ясно», «Заря-Зарница», «Кострома» и др. [6].

По отношению к природе. Русский народ всегда очень нежно, трепетно относился к природе, прославлял и берёг ее. Эти игры не только воспитывают любовь и доброе отношение к окружающему миру, но и имеют познавательное значение: дети знакомятся с окружающей природой. Среди них: «У медведя во бору», «Заинька», «Идет утка», «Гуси-лебеди», «Кошки-мышки» и др.

Трудовые (бытовые) игры знакомят с историческим наследием русского народа, с повседневным трудом наших предков («Горшок», «Каравай», «Удочка», «Я веселая ткачиха», «Иголка, нитка, узелок» и др.).

Игры с ведущим (водящим) — игры, где игрок выполняет какое-то действие или ведет игру («Звонари», «Отгадай, чей голосок», «Море волнуется», «Номера», «Я по горенке хожу»).

Игры-забавы — это игры, которые веселят, забавляют ребенка и в то же время несут в себе какой-то познавательный и воспитательный элемент. К ним относятся игры: «Сорока-сорока», «Ладушки», «Идет коза рогатая», «По кочкам» и др.

Драматические (с элементами театрализованных действий) игры — это игры, которые требуют искусство «артиста», умение на время превратиться в кого-либо («Дударь», «Иван-горемыка»).

На основе этих игр нами была разработана развлекательно-игровая программа «Народные забавы». «Народные забавы» посещают дошкольники, учащиеся начальных классов, среднего и старшего звена, а также дети с ограниченными возможностями. С помощью данной программы мы возрождаем, популяризируем, адаптируем народные игры. Наши дети очень любят шутливые игры, веселые стихи-считалки и очень быстро запоминают слова, так как игры совсем простые, доступные и не очень утомительные. А для лучшего усвоения мы изготовили буклеты с описанием игр, которые раздаем детям. Очень радостно, когда приходишь в школу и видишь, что дети играют в народные игры. На наш взгляд, народные игры многому учат детей, развивают ловкость, быстроту движений, меткость, приучают к сообразительности. Через игру воспитывается чувство ответственности перед коллективом, умение действовать в команде. Хочется отметить, что в результате использования народных игр у детей формируется устойчивое, заинтересованное, уважительное отношение к культуре родной страны, создается эмоционально положительная основа для развития патриотических чувств. По нашему убеждению, народные игры дадут положительные результаты только тогда, когда выполнят свою главную функцию — подарят детям радость и веселье, научат играть вместе, а значит, научат терпению, взаимопомощи и дружелюбию.

---

1. *Горохова И. В., Школьникова О. А., Новикова Л. М.* Народная игра как вид игровой деятельности дошкольника // Молодой ученый. — 2015. — № 13. — С. 613–616.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Собрание В. И. Даля. Т. 1. — М., 1999. — URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=10896. (дата обращения: 23.06.2022).

3. *Ширяева Н. С.* Этнопедагогические технологии изучения жанра традиционных игр на уроках народного творчества // Человек и образование. — 2012. — № 1. — С. 63.

4. Личный фонд А. В. Горобцова // Муниципальный архив Большереченского района Омской области. — 1997. — Т. 1. — С. 2.

5. *Тимофеева Е. А.* Подвижные игры с детьми дошкольного возраста. — М. : Просвещение, 1979. — 96 с.

6. *Якуб С. К.* Вспомним забытые игры. — М. : Детская литература, 1988. — 158 с.

УДК 908

А. В. Рыков

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, СОБРАННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ, В ЛИЧНОМ ФОНДЕ ФОЛЬКЛОРИСТА М. Н. МЕЛЬНИКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Автором статьи анализируются особенности формирования коллекции фольклорных материалов, собранных на территории Алтайского края и хранящихся в личном фонде М. Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области. Основное внимание уделено истории ее формирования, а также типологии и особенностям собранных сведений.

Ключевые слова: полевые материалы, М. Н. Мельников, фольклор, Алтайский край.

Важной проблемой для отечественной этнографии является значение региональных архивов и их потенциал для истории и этнографии. Часто исследователи оставляют без внимания архивные материалы, хотя они нередко содержат множество интересных сведений как по истории этнографических исследований, так и самих источников.

Ярким примером в этом отношении может быть личный фонд фольклориста, профессора Новосибирского государственного педагогического университета М. Н. Мельникова (далее — НГПИ), который хранится в Государственном архиве Новосибирской области (Ф. Р-2163).

Личность М. Н. Мельникова и его многоплановая деятельность были неоднократно рассмотрены в публикациях различного уровня [1; 2; 3]. Большую роль в этом сыграло появление в 2003 г. мемориальных Мельниковских чтений, которые на сегодняшний день проводятся раз в два года. На страницах этого сборника исследователям удалось осветить множество разных аспектов жизни и деятельности М. Н. Мельникова [4; 5; 6].

Примечательно то, что сам Михаил Никифорович не проводил экспедиции на территории Алтайского края, однако, несмотря на это, в его фонде содержатся полевые материалы, собранные на территории нашего региона.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

© Рыков А. В., 2022

Это стало возможным благодаря тому, что М. Н. Мельников широко использовал имеющиеся у него возможности преподавателя института, привлекая для сбора полевых материалов студентов заочного отделения факультета русского языка и литературы НГПИ в рамках курса «Устное народное творчество». Студенты-заочники были из разных мест проживания и выполняли эти задания в том числе и у себя в селах.

Фольклорные материалы, хранящиеся в личном фонде М. Н. Мельникова, можно разделить на две части: текстовые документы и фонодокументы.

Текстовые документы представлены преимущественно тетрадями или отдельными листами с записями фольклора, устных историй и обрядов, которые производили студенты заочного отделения НГПИ. Фольклор составляет абсолютное большинство в данных записях.

Всего на сегодняшний день в личном фонде М. Н. Мельникова имеется 57 дел с полевыми материалами, собранными на территории Алтайского края [7]. Возможно, их число больше, так как многие материалы не имеют географической привязки. Практически каждое дело имеет датировку (кроме двух). Собранные материалы охватывают период с 1967 по 1990-е гг. и имеют очень широкую географию сбора, которая представлена 42 населенными пунктами в 25 районах Алтайского края. Кроме этого, исследованием были охвачены еще и шесть городов.

Фольклорные материалы представлены, прежде всего, разными видами песен: лирические, городские, солдатские, тюремные, гитарные, хороводные, похоронные, бытовые и др.

Сами песни старались записывать с сохранением как особенностей языка, так и его строения. В качестве примера можно привести запись украинской песни «Там за луго крынеченько» [8, л. 14], сделанную студентками 1-го курса отделения заочного обучения филологического факультета НГПИ Верой Александровной Яковенко и Ириной Борисовной Бердниковой в с. Гонохово Завьяловского района в 1973 г. Исполнительница песни — Мария Макаровна Демич, 1918 г. р., назвала себя русской, но при этом ее родители были из Полтавы и Харькова.

Запись песни сопровождается комментарием к ней относительно того, откуда исполнитель знает эту песню и в чём ее основной смысл: «Эту песню Мария Макаровна Демич выучила на гулянке, от своих подруг. В песне рассказывается о недоброй матери, которая укоряла свою дочь за встречи с любимым парнем» [8, л. 9].

Кроме этого, иногда фиксировались частушки и заговоры (на приворот, от тоски, от зубной боли и др.). По частушкам фиксировался только текст, а по заговорам также — и обстоятельства, и особенности их приме-

нения. Примером может выступить присушка, записанная М. Н. Иняхиной в 1972 г. от Аграфены Павловны Бирюковой, 1904 г. р., услышанная ею в д. Столбово Каменского района Алтайского края. В ней дается некая инструкция по проведению приворота: «в 12 часов ночи и 6 часов утра в русскую печку говорят, зажигая только осиновую щепочку, 12 раз подряд» [9, л. 11 об.]. Далее следует текст самой присушки.

Всё же следует отметить, что такие подробные работы встречаются не так часто. По фольклорным материалам в большинстве случаев зафиксированы только сами тексты песен, частушек, заговоров, а также фамилия, имя, отчество, год рождения и место проживания исполнителя.

Реже приводится какая-либо более подробная информация об исполнителе, населенном пункте, в котором он проживает, а также определенные сведения об указанных в работе фольклорных произведениях.

В качестве примера можно привести выдержку из материалов, собранных Татьяной Поленовой в с. Константиновка Кулундинского района 14 февраля 1974 г. Сбор фольклорных материалов (текстов похоронных притч, лирических песен и частушек) сопровождается сбором информации об исполнителе, выступившем в качестве информатора (фамилия, имя, отчество, год рождения, место проживания, краткая биография, история семьи и источники знаний фольклорного материала) [10, л. 2–3].

Наиболее полные подготовленные материалы включали в себя еще и характеристику населенного пункта, в котором проводился их сбор. Так, Анна Николаевна Пышьева, проводившая сбор материала в с. Кошелево Тальменского района, в 1971 г. оставила следующую его характеристику: «Село состоит из 150 дворов, проживает там около 950 человек. В этом селе живут русские, немцы и чуваши» [11, л. 2].

Вторая часть материалов, собранных студентами-заочниками, представлена фонодокументами, которые являются отдельной частью личного фонда М. Н. Мельникова. Они оформлены в отдельную опись (№ 2).

Данные фонодокументы изначально были сохранены в виде фонозаписей, магнитофонных катушек и кассет, на которых были записаны собранные материалы. Всего удалось выявить 26 записей, сделанных на территории Алтайского края [12]. Их общая длительность составляет 18 ч. 1 мин. и 3 сек. Половина из них (13 записей) имеет соотносимые текстовые документы в описи № 1 [13], т. е. по ним имеются рукописные расшифровки материалов звуковых записей и комментарии к ним, сделанные студентами-заочниками.

Таким образом, личный фонд М. Н. Мельникова, сформировавшийся в Государственном архиве Новосибирской области, представляет большой интерес для исследователей, чему способствует специфика его формирования.

Определенная часть материалов собиралась студентами-заочниками НГПИ в разных местах не только Сибири, но и СССР в целом. Выявленный массив источников, собранных в Алтайском крае, является значительным, что обусловлено количеством уроженцев региона, обучавшихся в НГПИ в разные годы.

Собранные фольклорные материалы представлены преимущественно песнями, но также в их составе встречаются частушки и заговоры. Ряд материалов имеет подробную характеристику и описание, но большая часть из вспомогательного аппарата имеет только фамилию, имя, отчество исполнителя, его возраст и место жительства.

---

1. *Марченко Ю. Г., Федоров А. И.* Михаил Никифорович Мельников // Вестн. Новосиб. отд-ния Петр. акад. наук и искусств. — 1999. — № 5. — С. 7–14.

2. *Леонова Н. В.* 40 лет спустя… Из истории экспедиционного проекта «По сибирскому тракту» // Вестник музыкальной науки. — 2013 — № 2. — С. 68–73.

3. *Урсегова Н. А.* Вклад М. Н. Мельникова в развитие фольклористики и этнокультурного образования Новосибирской области // Никоновские чтения : сб. науч. ст. по материалам III Всерос. (с междунар. участием) культурол. форума «Никоновские чтения». — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 179–186.

4. *Болонев Ф. Ф.* Профессор М. Н. Мельников и основные направления его научной деятельности // Мельниковские чтения : материалы I рег. науч.-практ. конф. 19–21 февраля 2003 г. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. — С. 8–16.

5. *Леонова Н. В.* М. Н. Мельников как издатель фольклора // Мельниковские чтения : материалы I рег. науч.-практ. конф. 19–21 февраля 2003 г. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. — С. 33–36.

6. *Фурсова Е. Ф.* Развитие этнографического наследия М. Н. Мельникова в современных научных исследованиях // Мельниковские чтения : материалы Второй рег. науч.-практ. конф. 24–26 февраля 2005 г. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. — С. 43–49.

7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 137, 161, 227, 237, 266, 372, 448, 449, 494, 593, 714, 808, 879, 930, 1000, 1001, 1002, 1105, 1122, 1141, 1142, 1143, 1144, 1229, 1230, 1327, 1328, 1329, 1331, 1347, 1388, 1503, 1536, 1567, 1568, 1569, 1570, 1580, 1670, 1672, 1733, 2106, 2107, 2148, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2263, 2283, 2295, 2324, 2325.

8. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 372.

9. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 266.

10. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 449.

11. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 237.

12. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 48, 49, 114, 115, 173, 184, 211, 244, 280, 286, 295, 317, 371, 409, 495, 512, 600, 601, 602, 603, 718, 720, 721, 722, 787, 789.

13. ГАНО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 48, 211, 244, 280, 286, 409, 495, 601, 602, 603, 721, 722, 787.

УДК 379.8

Л. В. Секретова

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ И ПРАКТИКАХ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Важной задачей в российском обществе является популяризация этнокультурных ценностей. Успешной практической деятельности специалистов учреждений культуры будет способствовать не только знание алгоритма и элементов системы социально-культурных технологий, но и насыщение их этнокультурными ценностями. Необходимо вести постоянный поиск современных форм и средств идейно-эмоциональной выразительности, осуществлять разумное использование информационно-коммуникационных технологий, повышающих привлекательность социально-культурных проектов для населения, особенно для современной молодежи. Решение задачи в такой постановке может быть по силам только компетентным специалистам.

Ключевые слова: социально-культурные технологии, этнокультурные ценности, учреждения культуры, компетентные кадры.

Наступление массовой культуры, процессы глобализации обостряют проблемы ценностно-смыслового содержания социально-культурных проектов и программ в сфере досуга и образования. В этой связи эффективной аксиологической прививкой от развращающего влияния «масскульта» и агрессивного влияния «коллективного Запада» могут стать традиционные этнокультурные ценности народов России. Особенно нужна такая «прививка», на наш взгляд, детям и современной молодежи.

Разработка и применение современных социально-культурных технологий и социокультурных практик популяризации этнокультурных ценностей — важная задача учреждений культуры и искусства, общего и дополнительного образования, действующих в интересах государства, общества и личности. Уточним, какой смысл вкладывается в такое распространенное сегодня понятие, как технологии социально-культурной деятельности, и в чём проявляется (или может проявляться) их современность. Профессор Московского государственного института культуры Г. Н. Новикова дает следующее определение: «Социально-культурные технологии представляют собой педагогические системы последовательных алгоритмических организационно-управленческих действий, функционирования личностных, инструментальных и методологических средств, направленных на достижение планируемых результатов» [1, с. 13].

Классики социально-культурной науки Е. И. Григорьева, А. Д. Жарков, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Г. Н. Новикова предложили

© Секретова Л. В., 2022

различные подходы к классификации видов социально-культурных технологий: информационно-просветительные, культуротворческие, культурохранные, рекреативные, игровые, образовательные, социально-защитные, реабилитационные, коммуникативные, этноориентированные, спортивно-оздоровительные, инновационные и многие другие технологии, — всего несколько десятков. Зададимся вопросом: какие из видов технологий можно считать современными? Или все они устарели и не могут считаться таковыми? Вопрос неоднозначный для информационно-компьютерной эпохи. Наше мнение таково, что практически все виды социально-культурных технологий могут быть актуальными и названы современными при условии, что, применяя их в конкретных ситуациях, специалисты ответственно и творчески будут определять, выбирать и составлять в единое целое все необходимые компоненты этих технологий, а именно: целевую установку, форму и содержание социально-культурных проектов и программ, методы и средства идейно-эмоциональной выразительности, требуемые ресурсы, исполнителей, партнеров, инвесторов и всё остальное, что входит в структуру и систему технологии социально-культурной деятельности в соответствии с ее классическим определением. Особенно ответственно требуется подходить к выбору ценностно-смысловой основы проектов и программ. На этом важном этапе проектной работы авторы, заказчики, создатели и продюсеры программ могут как раз таки воспользоваться сокровищницей этнокультурных ценностей. Что именно ее наполняет и составляет, достаточно хорошо представлено в исследованиях отечественных авторов, давно ставших классиками в области народной художественной культуры, — Т. И. Баклановой, Г. Н. Волкова, А. С. Каргина, на труды которых активно ссылается уже новое поколение ученых.

Согласно результатам исследований предшественников, авторитетных и более молодых ученых, мы можем отнести к комплексу этнокультурных ценностей совокупность «ценностей материальной и духовной жизни этноса: природа, народный быт, праздничная культура, история, традиции образования и воспитания, искусство, идеалы — всё то, что основывается на единстве языка и культуры этноса» [2, с. 27]. Нам представляется целесообразным привести определение структуры этнонациональных ценностей Л. Н. Даниловой: «…Мы определяем структуру этнокультурных ценностей как систему, состоящую из национального мировоззрения, родного языка, общечеловеческих ценностных идеалов, духовной и материальной культуры, искусства, ремесел как предметного воплощения ценностей, потенциала личностей-символов как идеальных представителей нации и выразителей его идей и добродетелей, этнопедагогики» [3, с. 119]. Если же сказать совсем просто, чтобы было понятно для самых молодых, начинаю-

щих сотрудников учреждений культуры и досуга, лидеров общественных организаций, обратившихся к разработке социально-культурных или культурно-досуговых проектов и программ, то актуальными примерами этнокультурных ценностей являются такие явления и понятия, как вера, надежда, любовь, правда, мир, Родина, а также жизнь, здоровье, молодость, семья, дети, ученье, труд, наука, опыт и другие, воплотившие в себе народную мудрость многих поколений. Именно эти ценности можно прочувствовать и понять из народных сказок, пословиц, поговорок и других произведений фольклора. В частности, настоящей копилкой и проводником этнокультурных ценностей русского народа является сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» [4; 5].

Говоря о социально-культурных технологиях, не только полезно, но и необходимо знакомиться с успешными практиками их разработки и реализации. По нашему наблюдению, наиболее яркую деятельность по актуализации народной традиционной культуры и популяризации этнокультурных ценностей в Омском регионе осуществляют БУК Омской области «Государственный центр народного творчества», «Омский Дом Дружбы», государственный историко-краеведческий музей, государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В их повседневной работе четко прослеживается использование алгоритмов социально-культурных технологий. Вместе с ними, включаясь в их этнокультурные творческие проекты, активизируются многие муниципальные учреждения культуры, как сельские, так и городские. Весомым вкладом в популяризацию народной культуры и этнокультурных ценностей является деятельность трудовых коллективов в области профессионального искусства, прежде всего Государственного академического Омского русского народного хора Омской филармонии, муниципального Русского камерного оркестра «Лад». Конечно, важную роль в сохранении и освоении традиционной культуры играет широкое участие омских клубных учреждений и общественных объединений города и села в областных и межрегиональных фестивалях, таких как «Душа России», «Единение», «Поет село родное», «Певческое поле», «Казачий круг», «Егорий Хоробрый» и др.

Однако следует признать, что, несмотря на большое в целом число проводимых мероприятий по популяризации народной традиционной культуры, не всем удается стать достаточно ярким и массовым событием, способным привлечь внимание большого числа молодого поколения. Естественно, надо понимать, что все цифры в таком случае имеют относительную величину. На этот счет можно привести много разных примеров, ограничимся только одним. Совсем недавно, 18–19 июня текущего года, в Большеречье состоялся замечательный фестиваль сибирской культуры

«Слетье». Замечательно, что он объединил «Фестиваль мужских ремесел и Фестиваль акустической музыки, областной фестиваль русской культуры “Душа России” и Большие сибирские хороводы, празднование 395-летия Большеречья и областную культурно-спортивную эстафету, концерт гармонистов и частушечников» [6]. Информация о фестивале была довольно широко представлена в омских средствах массовой информации, в социальных сетях. Омский портал «Культура» сообщил статистику о количестве участников: элементарные арифметические вычисления дают общее число участников — 650 человек. Это довольно большое число, которое может только радовать.

Однако попробуем сравнить его с числом молодых людей, которые пришли на 4-часовой праздничный концерт 26 июня 2022 г. под названием «MyZыкальный марафон», посвященный Дню молодежи. Это число подсчитали организаторы праздника, и оно составило 70 тыс. зрителей [7]. Что или кто так привлек омскую молодежь? «Перед юношами и девушками выступили омские музыкальные коллективы DJ Svat, Performance, D.U.D.E.S, “Gercek и Мэлли”, актеры студии “Союз”, а также столичные гости — хедлайнеры концерта Люся ЧЕБОТИНА и группа DABRO» [7].

Каковы же выводы? Очевидно, что конкуренция с массовой культурой — дело непростое. Тем внимательнее и бережнее стоит отнестись к таким социокультурным практикам, которые показывают свою эффективность и привлекательность для различных групп населения, прежде всего молодежи. Таких примеров в Омской области немало. О фестивале «Слетье» уже было сказано. Другой замечательный пример — культурно-образовательный форум «Академия русской культуры», который организует и проводит ГЦНТ. Рамки статьи не позволяют продолжить перечисление успешных практик и давать им подробную характеристику. В завершение подчеркнем, что популяризация этнокультурных ценностей может быть по силам только компетентным специалистам, владеющим социально-культурными и информационно-компьютерными технологиями, при этом ресурсная поддержка также необходима.

---

1. *Новикова Г. Н.* Технологические основы социально-культурной деятельности : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : МГУКИ, 2010. — 158 с.

2. *Винницкая Н. В., Шабалина Е. П.* Этнокультурные ценности как воспитательный потенциал молодежи // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 2 (39). — С. 27–29.

3. *Данилова Л. Н.* Этнокультурные ценности как средство формирования этнокультурной компетентности у старшеклассников // Вестн. ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2015. — № 1 (85). — С. 118–123.

4. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. / вступ. слово М. Шолохова ; худож. Г. Клодт. — М. : Худож. лит., 1984. — Т. 1. — 383 с.

5. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. / послесл. В. Аникина ; худож. Г. Клодт. — М. : Худож. лит., 1984. — Т. 2. — 399 с.

6. Как проходил фестиваль «Слетье» в Большеречье // Культура. Омский портал : [сайт]. — 2022. — 21 июня. — URL: https://kultura55.ru/culturedetails/kak-prohodil-festival-slete-v-bolshereche (дата обращения: 21.06.2022).

7. *Турнова Я.* Концерт в честь Дня молодежи в Омске посетили свыше 70 тысяч человек // Коммерческие вести : [сайт]. — 2022. — 27 июня. — URL: https://kvnews.ru/news-feed/kontsert-v-chest-dnya-molodzhi-v-omske-posetili-svyshe-70-tysyach-chelovek (дата обращения: 28.06.2022).

УДК 394+070

К. Ю. Смирных

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ САЙТА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ГИЛЬДИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ»)

В статье представлен анализ сайта Межрегиональной общественной организации журналистов «Гильдия межэтнической журналистики». О его популярности может свидетельствовать количество запросов и география посещаемости. Из востребованных материалов могут быть названы страницы, посвященные новостной повестке, субъектам и народам Российской Федерации, Всероссийскому конкурсу средств массовой информации «СМИротворец».

Ключевые слова: этническая культура, информационное пространство, «Гильдия межэтнической журналистики», новостная повестка.

В рамках исследования этнической культуры в информационном пространстве было уделено внимание сайту Межрегиональной общественной организации журналистов «Гильдия межэтнической журналистики» (https://nazaccent.ru) (далее — Гильдия). Возникла Гильдия в 2003 г. как клуб журналистов, обеспокоенных освещением межнациональной тематики в средствах массовой информации (СМИ). По состоянию на июль 2022 г., отделения Гильдии существуют в 49 регионах РФ, во всех федеральных округах. Странички Гильдии есть во всех социальных сетях. По инициативе и при непосредственном участии Гильдии с 2008 г. ежегодно проходит Всероссийский конкурс средств массовой информации «СМИротворец» на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений. В 2021 г. призерами стали 40 СМИ и блогов из 24 регионов России.

© Смирных К. Ю., 2022

Согласно открытым данным (Be1.ru — проверка посещаемости любого сайта), сайт Гильдии был зарегистрирован в сети Интернет в 2008 г. По имеющейся статистике (рис. 1), резкий рост поисковых запросов на сайте начался в сентябре 2021 г. и этот показатель достиг своего пика (374 просмотра), а в октябре снова пошел на спад. Показатель посещаемости в марте 2022 г. начал показывать рост (390 просмотров), а к маю 2022 г. составлял уже 572 просмотра. Объяснить рост просмотров в сентябре 2021 г. можно тем, что на сайте была размещена информация о проведении Гильдией бесплатных 3-месячных курсов Школы Межэтнической Журналистики студентов, молодых журналистов, блогеров и общественных деятелей в возрасте до 31 года. В марте 2022 г. было объявлено о конкурсе фоторабот «Дети России», заявки на сайте принимались с 15 апреля по 15 мая.

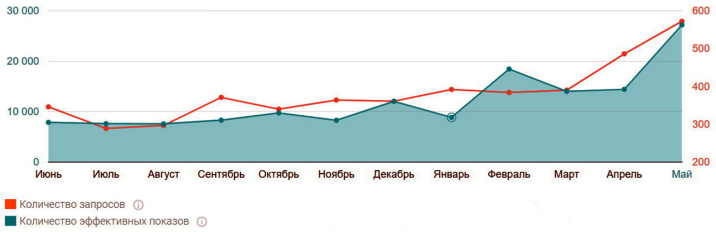

Рис. 1. График посещаемости сайта «Гильдия межэтнической журналистики» (июнь 2021 — май 2022 г.) [сост. по: 1]

География посещаемости сайта за июнь 2021 г. — май 2022 г. выглядит следующим образом (рис. 2). На первом месте стоит Россия с 84,7 % посещаемости, на втором месте — Украина, там за указанный период посещаемость составила 4,46 %. Далее идет Казахстан — 1,38 %, Нидерланды — 1,01 % и США — 0,87 %. Другие страны посещали сайт с периодичностью 7,58 %.

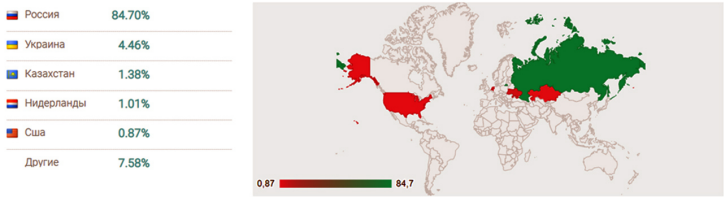

Рис. 2. География посещаемости сайта «Гильдия межэтнической журналистики» (июнь 2021 — май 2022 г.) [сост. по: 1]

В таблицах 1 и 2 представлены популярные поисковые запросы на сайте «Гильдия межэтнической журналистики» через «Яндекс» и Google в мае 2022 г. Согласно имеющейся статистике, через поисковую систему «Яндекс» было осуществлено 22 053 запроса, однако запросы в Google более чем в 10 раз превысили «Яндекс» и составили 323 450 раз.

В топ-5 запросов через «Яндекс» вошли (табл. 1): информация о субъектах РФ (6845 запросов), чуть меньше искали понятие «русский» (6144), на 3-м месте информация о народах России (3830), казаками и армянами интересовались 2860 и 2374 раза соответственно.

Таблица 1

Топ-5 запросов на сайте «Гильдия межэтнической журналистики» через поиск «Яндекс» (май 2022 г.) [сост. по: 1]

№ п/п	Запрос	Запросов в месяц	URL
1	Субъекты РФ	6845	https://nazaccent.ru/regions/
2	Русский	6144	https://nazaccent.ru/nations/rus/
3	Народы России. Список	3830	https://nazaccent.ru/nations/
4	Казаки	2860	https://nazaccent.ru/nations/kazaki/
5	Армяне	2374	https://nazaccent.ru/nations/armenians/
Всего		22 053	

Топ-5 запросов Google выглядит немного иначе (табл. 2): на 1-м месте по поиску на сайте Гильдии стоят материалы с тегом «мультфильмы» (311 243 запроса). Тройка популярных новостей из этой категории выглядит следующим образом: «Лунтик и Шрек заговорят по-чеченски» (10 948 просмотров), «В Северной Осетии перевели на родной язык 20 советских мультфильмов» (9692 просмотра), «В Удмуртии выбрали лучшие финно-угорские мультфильмы» (8088). Второе место занимает поисковый запрос о регионах России (3610), узбеки заинтересовали 3096 раз, интерес к Липецкой области составил 2950 раз и цыганам — 2551.

В отчете Гильдии за 2021 г. говорится, что аудитория портала составила более 1 350 000 посетителей. На портале было опубликовано более 3 тыс. эксклюзивных материалов, в том числе 2350 новостей, 90 фоторепортажей, 130 эксклюзивных статей, 10 подкастов, 150 видео и др. В этом же году состоялись V Медиафорум этнических и региональных СМИ, выставка фоторабот «Дети России», фотоконкурс «Самобытная Россия» [2].

Таблица 2

Топ-5 запросов на сайте «Гильдия межэтнической журналистики» через поиск Google (май 2022 г.) [сост. по: 1]

№ п/п	Запрос	Запросов в месяц	URL
1	Мультфильмы	311 243	https://nazaccent.ru/content/tag/мультфильмы/
2	Сколько краев в России	3610	https://nazaccent.ru/regions/
3	Узбеки	3096	https://nazaccent.ru/nations/uzb/
4	Липецкая область	2950	https://nazaccent.ru/regions/lipetsk/
5	Цыгане	2551	https://nazaccent.ru/nations/tsigan/
Всего		323 450	

К пяти самым популярным страницам сайта относятся страницы, наполненные важными для широкой публики материалами: «Новости», «Спецпроекты: СМИротворец, Конкурс фоторабот, Медиафорум, Медиабанк, Этнопарки, Школа», «Статьи», «Народы», «Регионы». Именно к этим страницам относится топ-5 поисковых запросов на сайте. Еще ряд страниц могут быть востребованы публикой, так как имеют высокий познавательный и информационный потенциал: «Фото» и «Видео», «Интервью». На сайте представлена и деловая информация в рубриках: «О Гильдии», «Отчеты», «Законодательная база», «Общественный совет».

В 2013 г. при непосредственном участии Гильдии был создан этический кодекс для журналистов, специализирующихся на освещении межэтнических отношений в России. Согласно кодексу, основной целью работы пишущих о межэтнических вопросах представителей СМИ должно стать стремление «снизить градус напряженности в обществе» и «настроить аудиторию на создание стабильного многонационального общества» [3].

На сайте есть раздел «Этнические СМИ», где представлены газеты, журналы, телевидение/радио, интернет-издания, ориентированные на сохранение и развитие культурной самобытности народов:

– *Газеты и журналы*. Согласно ст. 12 Закона РФ «О средствах массовой информации» (ред. 1 июля 2021 г.), редакция средства массовой информации может осуществлять свою деятельность (выпуск продукции СМИ) только после регистрации СМИ в Роскомнадзоре, при этом освобождаются от регистрации периодические печатные издания тиражом менее 1 тыс. экз. В более чем половине списках фигурируют только крупные газеты и журналы из Москвы, издаваемые при посольствах и постпредствах. На сайте Гильдии представлен список газет этнической направленности из 29 шт.,

17 из них зарегистрированы в Москве. Остальные регионы представлены Курской, Мурманской, Ростовской, Сахалинской, Тюменской областями, Ненецким автономным округом, Республикой Мордовия, Республикой Марий Эл. Список журналов этнической направленности состоит из 11 (Республика Коми, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Мордовия), шесть зарегистрировано в Москве.

– *Телевидение/радио* представлено 12 компаниями из Республики Северная Осетия — Алания, Республики Башкортостан, Чеченской Республики, Республики Хакасия, Республики Татарстан, Архангельской, Мурманской и Тюменской областей, Москвы.

– *Интернет-издания*. Пять интернет-изданий представлены на сайте Гильдии, все зарегистрированы в Москве: интернет-сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ; научно-информационный бюллетень «Холокост»; новостная служба портала Государственного университета — Высшей школы экономики; Таджикский Медиа Холдинг TAJINFO в РФ; Центр межнационального сотрудничества.

Таким образом, информация, представленная на сайте «Гильдии межэтнической журналистики», достаточно востребована среди посетителей. Об этом может свидетельствовать количество запросов и география посещаемости сайта. Из востребованных материалов могут быть названы страницы, посвященные новостной повестке, субъектам и народам РФ, Всероссийскому конкурсу средств массовой информации «СМИротворец». В целом на сайте много записей, относительно коротких и достаточно информативных. Из недочетов можно назвать незначительную представленность этнических СМИ (29 газет, 12 телерадиокомпаний, 5 интернет-изданий), большая часть из которых зарегистрирована в Москве. Сайт Межрегиональной общественной организации журналистов «Гильдия межэтнической журналистики» стал помощником в координации и консолидации этнических СМИ с помощью конкурса «СМИротворец» и «Школы межэтнической журналистики».

---

1. Информация о сайте «Гильдия межэтнической журналистики» // Be1.ru — проверка посещаемости любого сайта : [сайт]. — URL: https://be1.ru/stat/nazaccent.ru#menu_visrep (дата обращения: 14.06.2022).

2. Отчет за 2021 год // Гильдия межэтнической журналистики : [сайт]. — URL: https://cloud.mail.ru/public/ajNb/gLSnqjCDz (дата обращения: 14.06.2022).

3. Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации // Гильдия межэтнической журналистики : [сайт]. — URL: https://nazaccent.ru/help/eticheskij-kodeks-zhurnalistov-osveshayushih-mezhe/ (дата обращения: 14.06.2022).

УДК 398; 8; 2

Е. П. Соловьева

ЗВУКОПИСЬ И НАРОДНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В МОЛЕНИИ «НА СОН ГРЯДУЩИЙ» МАРИИ ПЕТРОВНЫ БОБРИКОВИЧ

Статья посвящена осмыслению взаимообусловленности звука, цвета и смысла в реализации представления о магической силе слова. Рассматривается специфический материал из области православной традиции в контексте народной культуры через осмысление его звуковой орнаментальности. Анализ фольклорного текста позволяет увидеть процесс трансмиссии мифологических представлений в современную культуру.

Ключевые слова: молитва, моление, заговор, фольклорный текст, канонический текст, народная рефлексия, звуковая орнаментальность текста, звукопись, эзотерическая ситуация, вербальный механизм.

В июле 2010 г. в д. Короленка Седельниковского района Омской области мы познакомились с Марией Петровной Бобрикович (1915–2012). Устные рассказы М. П. Бобрикович (далее — бабушка или М. П.) очень нас впечатлили, а впоследствии особенно интересно было расшифровывать аудиозапись. Речь М. П., размеренная и четкая, позволяла не просто формально записывать на бумагу информацию, но и размышлять над услышанным. Поэтому в нашем представлении очень явственно возник образ доброй и маленькой бабушки, перенесшей все перипетии судьбы: сложные взаимоотношения со свекровью, рождение детей в сарае и на улице, развод с мужем, тяготы жизни одинокой женщины, одиночество в глубокой старости. Особенно мы были удивлены трогательной заботой и уходом «самой за собой» этой полуслепой 95-летней старушки.

Одиноко проживающий человек, как правило, маркирует свою жизнь в пространстве дома соблюдением определенно строгих ритуалов. Подобным образом действовала и М. П. Рассмотрим подробнее один из этапов каждого дня жизни М. П. — отхождение ко сну, так как цель нашего исследования — рассмотреть вербальный механизм влияния слова на здоровье человека посредством современной «молитвы» «на сон грядущий».

Цель нашего исследования тесно переплетена с проблемой народной фольклористики, т. е. народной рефлексии над фольклорными текстами. С. Е. Никитина отмечает важность этой проблемы в связи с ее малоизученностью. Народная филология, по ее мнению, имеет свой метаязык (терминологию) и метатексты, в подавляющем большинстве устные [1]. Так, например, совершенно по-разному исполнители иногда определяют жанровую принадлежность фольклорного текста. И здесь вот как раз уместно говорить о проявлении народной рефлексии. Именно с таким яв-

© Соловьева Е. П., 2022

лением мы столкнулись, работая над расшифровкой аудиозаписей, зафиксированных от М. П.

Научное нормативное оформление расшифрованных текстов предполагает определение жанра фольклорного текста в контексте всего материала. Наше внимание привлек ряд текстов, которые исполнительница называла «молитвами». Действительно, среди этих текстов мы обнаружили канонические молитвы, трансформированные информантом. А вот одной «молитве» канонического аналога в «Православном молитвослове и псалтири» [2, с. 4, 21] мы не нашли. Подобные тексты исследователи называют духовными стихами, а информанты очень часто именуют их «молитвами» или «псальмами». Смеем высказать предположение, что в данном случае мы имеем дело с заговорами, которые очень часто информанты называют «молитвами».

Если обратиться к авторитетному изданию «Толкового словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, то под молитвой следует понимать установленный канонический текст (или собственно моление человека), произносимый при обращении к Богу, к святым, а псалом — это религиозное песнопение, входящее в псалтырь [3, с. 362]. Заговоры — магические слова, обладающие колдовской или целебной силой [3, с. 201]. Как видим, грань соприкосновения определений достаточно тесная, так как и в молитве, и во многих заговорах идет прямое обращение к Богу и святым [4, с. 38]. Учитывая воззрения исполнительницы и используя в вопросе определения жанра текста ее «метаязык», будем, с одной стороны, именовать текст «молитвой», однако, опираясь на типологическую близость этого текста к заговорам, дадим ему двойственное название «молитва-заговор».

Итак, сначала бабушка ложится в кровать, а уж потом читает молитвы:

«Сперва ложуса спать»

Спать ложуса, Богу сдаюса.
Бог со мной, Иисус Христос передо мной.
Пресвятая Мать, уложи меня спать,
Кабы мне утром нормальною встать.

(Зап. от Марии Петровны Бобрикович (1915–2012), д. Короленка, Седельниковский р-н, Омская обл. Соб. Е. П. Малахова. 2010)

И вот М. П. читает подряд три «молитвы»: «Спать ложуса» (здесь и далее даем название тексту так, так его произносит исполнительница), «Отче наш» и «Молитва Честному Кресту». Мы сравнили вербальный компонент записанных текстов «Отче наш» и «Молитва Честному Кресту» от М. П. с молитвами из «Православного молитвослова и псалтири» и отмечаем, что варианты текстов, зафиксированные от М. П., отличаются

определенной трансформацией. Менее всего изменениям подверглась молитва «Отче наш», в ней информант переместил одну строку: *Яко же мы оставляем должникам нашим.* Каноническая «Молитва Честному Кресту» исполняется М. П. не полностью и завершается при этом строками собственного моления:

Господь вечный, Иисус Христос — спаситель,
А Господь Бог — хранитель.
Спаси, сохрани мою душу, моё тело,
Согрей мои косточки, кап я вздремнула.
Дай мне приятного сна.

(Зап. от Марии Петровны Бобрикович (1915–2012), д. Короленка, Седельниковский р-н, Омская обл. Соб. Е. П. Малахова. 2010)

Итак, как видим, М. П. в текст данной канонической молитвы «вкрапляла» свои моления, видимо, необходимые ей для душевного и физического здоровья.

Если человек сознательно подменяет отдельные строчки текста молитвы на «особые тексты формульного характера, которым приписывалась магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» [5, с. 451], значит, от этого есть польза. Попробуем объяснить при помощи звуковой орнаментальности текста М. П. «Спать ложуса» механизм влияния слова на здоровье человека.

Используя научную методику А. П. Журавлёва [6] и опираясь на выводы, сделанные им относительно звукописи, о том, что не только слова, но и звуки речи несут в себе какую-то информацию, какой-то скрытый смысл, мы «раскрасили» гласные звуки молитвы М. П. «Спать ложуса». И что же обнаружили? Во всех четырех строфах текста преобладает либо красный цвет, либо красный и желтый, дающие в совокупности оранжевый. Эти солнечные, теплые цвета, по наблюдению ученых различных областей (психология, медицина, философия, филология и др.), являются цветами счастья. Примечательно, что чаще всего ударными звуками являются следующие: А, О, У. Эти звуки создают впечатление инвокации, обращенной в мироздание. Красно-желтый цвет — обращение к Солнцу, а бирюзовый — к Небу. Земные, бренные цвета (черный и коричневый) среди анализируемых гласных встретились всего в четырех секторах. Смеем предположить, что полная «раскраска» молитвы не изменит существенно выверенного результата по гласным звукам. Шипящие и свистящие согласные внесут определенный «земной» резонанс, но звонкие и сонорные вдвойне добавят красного и желтого цветов.

Произнося свои моления, М. П. вводила сама себя в эзотерическую ситуацию, в эзотерическое общение, в котором следует обращение к Богу, Иисусу Христу и к Пресвятой Матери. Структуру такого моления можно представить в виде своеобразной диады-круга: человек и высшая сила. Соответственно, в нашем исследуемом тексте человек без посредника обращается к Богу, слово не «растекается» и действует в нужном направлении. Думается, что посредством своего моления М. П. мгновенно перемещалась в мир идеального, который расширялся до бесконечности Вездесущего Бога, затем нисходил до его сына — Иисуса Христа и Пресвятой Матери и вновь возвращался к образу обычного человека, но уже «нормального», т. е. здорового.

Итак, мы рассмотрели вербальный механизм влияния слова на здоровье человека в современной молитве-заговоре «на сон грядущий», записанной от М. П. Из всего вышеизложенного остается заключить, что представление о силе слова реализуется через канал звукописи. А. С. Пушкин говорил о том, что человек подсознательно ищет в сочетаниях слов созвучье волшебных звуков, чувств и дум. А. А. Блок, разгадывая вербальный механизм воздействия заговоров, пришел к выводу, что красота слова и польза, слившись воедино, стали средством воздействия на человека.

Для нас остается открытым вопрос жанровой принадлежности рассматриваемых текстов. Скорее всего, мы имеем дело со своеобразным синтезом канонической молитвы и собственно моления, заговора, которые в сознании М. П. оказались, на наш взгляд, слиты воедино, подобно обнаруженной Г. Б. Сыченко квинтэссенции причудливого сплава молитвы «Отче наш» в исполнении сагайской шаманки [7].

По предварительному заключению мы склонны определять стиль «молитв» М. П. Бобрикович как синтетический, однако разнородные элементы соединены в них не механически, они как бы «переплавились» в ее сознании, сформировав в результате некое новое явление.

Примечательно, что использование этого «явления» в течение многих лет приносило пользу ее исполнительнице. Мария Петровна Бобрикович прожила 97 лет, умерла в День Святой Троицы. О своей жизни в последние годы она говорила нам следующее: *Хорошо, хорошо сейчас, неплохо живу. Сейчас живу, слава Богу, сама себе и постельку постелю, и заправлю. И потом, нагреюся и встану. Что захочу, то звару, покушаю* (Зап. от Марии Петровны Бобрикович (1915–2012), д. Короленка, Седельниковский р-н, Омская обл. Соб. Е. П. Малахова. 2010).

---

1. *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание // POETICA : [сайт]. — URL: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (дата обращения: 03.07.2022).

2. Православный молитвослов и Псалтирь. — Омск : Ом.-Тар. епархия : Омич, 1994. — 256 с.

3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М. : А ТЕМП, 2006. — 938 с.

4. *Москвина В. А.* Заговоры в контексте народного самосознания // Народная культура Сибири : материалы науч.-практ. семинара. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. — С. 38–44.

5. *Топоров В. Н.* Заговоры и мифы // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — Т. 1. — С. 450–452.

6. *Журавлёв А. П.* Звук и смысл : кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1991. — 155 с.

7. *Сыченко Г. Б.* Молитва «Отче наш» в исполнении сагайской шаманки (к проблеме «двоеверия» коренных народов Сибири) // Народная культура Сибири : материалы науч.-практ. семинара. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. — С. 72–79.

УДК 394

Д. Ш. Тойбазарова

ТЕНДЕНЦИЯ УСТАНОВКИ ПАМЯТНЫХ СТЕЛ У КАЗАХОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье автор пытается выявить истоки распространения среди казахского населения тенденции к установке памятных стел. За последние десятилетия на территории Омской области обрели популярность памятники, отражающие проблему исчезнувших аулов, и Великой Отечественной войны. Подобное стремление можно объяснить желанием закрепить ускользающую память о малой родине и выказать уважение к предкам. Автор анализирует возникшую тенденцию через призму исторической и социальной памяти.

Ключевые слова: стелы, историческая память, культовые сооружения, памятные знаки, традиция.

За последние десятилетия понимание культовых сооружений казахов, проживающих на территории Омской области, сместилось в сторону нового вида — памятных стел, получивших большую популярность и значимость в глазах местного населения. Установка памятников является общим долгом односельчан перед своей малой родиной и предками, чью память и уважение им хотелось бы закрепить и увековечить. Памятные знаки отражают не только символизм в вопросе привязанности к значимым местам, но и некоторые аспекты закрепления исторической памяти.

Исследователи считают, что новомодное явление зародилось в Таврическом районе Омской области [1, с. 40]. Тенденция к установке памят-

© Тойбазарова Д. Ш., 2022

ных стел развивается на протяжении около 20 лет, причем в стремительном темпе, учитывая тот факт, что на сегодняшний день на территории Омской области исследователями насчитывается уже свыше 50 подобных сооружений [2, с. 403].

При изучении памятных стел, наводнивших Омскую область за последние несколько десятков лет, возникает желание обосновать практическую значимость подобных сооружений, а также причины, послужившие толчком для распространения данной тенденции. Рассмотрение этого процесса через призму исторической памяти представляется нам наиболее логичным и правильным, поскольку во многом изучаемые монументы отображают какой-то исторический эпизод, вызывающий ностальгию и заставляющий рефлексировать по поводу своего места в общем историческом процессе.

Памятные знаки являются монументами, отражающими момент как глобальной, так и личной истории населения (например, к таким событиям относится Великая Отечественная война и исчезновение аулов) [2, с. 404]. Выявляемые случаи установки подобных стел указывают на то, что данную инициативу активно поддерживает административный аппарат на местах [1, с. 40].

Можно предположить, что распространение тенденции к установке памятных знаков в Омской области получило импульс с Республики Казахстан [3], находящейся в территориальном соседстве с Россией. Если к тому же учесть тот факт, что многие казахские семьи Омской области практически всегда имеют родственников, проживающих в Казахстане, то в таком случае наша догадка имеет логическое основание.

Обращаясь к опыту Республики Казахстан в вопросе апеллирования к «национальной истории», коллективной памяти и прочим конструкциям, необходимым для обоснования национальной политики, мы видим, как слаженно и четко работают государственные институты и проекты, направленные на закрепление политической парадигмы, связанной с поиском своей истории. С приобретением государственной независимости вопрос переосмысления прошлого и выбора пути, по которому следует развиваться, стал камнем преткновения для многих постсоветских государств [4, с. 79]. В свою очередь, казахстанские историки нацелились на критику колониализма дореволюционного периода и национальной политики, проводимой в СССР [5, с. 72]: исторический нарратив республики окрашивает многие страницы прошлого в черный цвет, тем самым определяя его в качестве трагичного и травматического эпизода, чье повторение всячески необходимо избежать в обозримом будущем. В связи с этим многие монументальные строения, отражающие советскую власть и ее символику, были вынесены

из общего городского ландшафта в более неприметные места [3], однако этот процесс почти не затронул монументы, посвященные подвигам в период Великой Отечественной войны.

За чертой казахстанских городов можно обнаружить иные мемориальные комплексы и монументы, отвечающие запросам нынешнего социально-политического дискурса, чаще всего они посвящены святым людям и героям, политическим деятелям и мыслителям, отсылающим к родовой структуре традиционного казахского общества [3]. Подобного рода манипулирование личной и коллективной памятью населения будто бы отсылает к идее об особенном пути развития, претерпевшем многие невзгоды, но так и не павшем под натиском насаждаемых ценностей. В чём проявляется специфическая ценность памятных стел в данном вопросе? Мы считаем, что подобные строения, находящиеся в городской и сельской среде, помогают закрепить в массовом сознании нарративы, предлагаемые современной национальной политикой Республики Казахстан. Они становятся еще одним вспомогательным инструментом в вопросе консолидации общества для разрешения общих социально-политических проблем. Мы видим, что в большинстве случаев установки памятных знаков в Казахстане содержится некая политическая коннотация, завуалированная под трагическим восприятием прошлого и независимостью настоящего.

Если обращаться к омскому опыту, нам кажется, что политический подтекст строений уходит на второй план, поскольку установка монументов является личной инициативой казахского населения и спонсируется местными жителями. Однако при изучении теории, объясняющей основные принципы работы с исторической памятью в государственных рамках, нам показался интересным следующий тезис: «Государства, несущие в своих названиях имена народов, рассматриваются часто как единственные в мире места (территории), где каждый данный народ сформировался и где он имеет неотъемлемое право поддерживать и развивать свой язык и свою культуру» [6]. Безусловно, открытым текстом подобная мысль не фиксируется в государственных правовых актах, однако политическая риторика многих республик содержит в себе данную идею. Насколько это применимо к изучаемому вопросу?

Ранее нами было обозначено, что политический подтекст памятных стел в Омской области явно отодвинут на второй план: они больше обозревают общие исторические моменты и административный компонент. Однако казахское население ревностно относится к вопросу своей малой родины, о чём свидетельствуют беседы с информантами, проведенные автором статьи а ауле Сегизбай Азовского немецкого национального райо-

на в 2020 г. Чаще всего смысловой составляющей подобных знаковых строений является нарратив об исчезнувших аулах, всегда воспринимающийся казахами как негативные последствия прошлого. На смену аулам, прекратившим свое существование, не приходят другие поселения, ведь в большинстве случаев эти территории остаются пустыми или отводятся под сельскохозяйственные угодья. И не остается никаких явных свидетельств тому, что когда-то здесь проживало казахское население, ведь всё это осознание держится лишь на словах тех людей, которые застали упомянутые процессы, и тех, кто активно предается ностальгии по некогда значимым местам. В подобном случае создание памятных стел, посвященных исчезнувшим аулам, отвечает на запрос в фиксации коллективной исторической памяти, а также легитимизации своего права на ранее заселенные территории. Монументальные сооружения служат неоспоримым доказательством казахского присутствия, а это значит, что стелы — конструкт исторической памяти в том смысле, что они всецело отражают исторический нарратив, а также служат инструментом для распространения и закрепления этой коллективной памяти. Но в отличие от казахстанской тенденции они не всегда являются прямым следствием проводимой национальной политики.

Таким образом, памятные знаки казахов Омской области служат попыткой воздать дань уважения своим предкам и малой родине, а также закрепить ускользающую историческую память. Данная тенденция активно распространяется в последние десятилетия в связи с тем, что вызывает психологический отклик у местного населения, играя на чувстве долга и затрагивая общие ценности.

---

1. *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Живая память (о развитии традиции установки памятных знаков у казахов Азовского района Омской области и Кызыл-Аскеровском сельсовете) // Казахи Евразии: история и культура. — Омск : Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского ; Павлодар : Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. — С. 42–50.

2. *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* К вопросу о классификации памятных комплексов и стел казахского населения Омской области // Омские научные чтения — 2019. — Омск : Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. — С. 397–399.

3. *Медеуова К.* Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение : [сайт]. — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/ (дата обращения: 10.06.2022).

4. *Нургалиева Ж. К.* Поиски новой этнической идентичности в Республике Казахстан как национализирующем государстве // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. — 2009. — № 3–1. — С. 77–84.

5. *Казиев С.* Традиции национальной политики и межэтнические отношения в современном Казахстане // Россия и мусульманский мир. — 2012. — № 6. — С. 70–84.

6. *Гузенкова Т. С.* Ностальгия по ненаписанной истории // Российский журнал : [сайт]. — URL: http://old.russ.ru/antolog/svobmysl/1997/08/guzenk.htm (дата обращения: 10.06.2022).

УДК 379.8

О. Н. Труевцева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ, ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматриваются вопросы состояния, изучения, сохранения и популяризации нематериального культурного наследия. Автор обращает внимание на формирование общероссийской системы сохранения нематериального культурного наследия. Особое внимание уделяется роли краеведческих музеев в связи со становлением их новой функции — организации процесса воспроизводства нематериального наследия.

Ключевые слова: нематериальное наследие, музей, изучение, воспроизводство, культурное наследие.

Многообразные вопросы участия учреждений образования, культуры в сохранении и воспроизводстве культурного наследия довольно часто становятся предметом обсуждения научно-практических, методических конференций. Это естественно, поскольку актуальность данной проблематики обусловлена двумя ключевыми аспектами: во-первых, ученые, преподаватели, студенты, сотрудники учебных заведений и учреждений культуры — основные инициаторы, организаторы и участники процесса выявления, изучения, использования, популяризации памятников истории и культуры народов нашей страны. Именно их усилиями организуются археологические, этнографические, фольклорные экспедиции; публикуются результаты исследований; создаются музейные экспозиции; проводятся экскурсии, фестивали и праздники традиционной культуры. Во-вторых, именно эти люди выполняют главную роль в формировании ценностных ориентаций, норм поведения детей и молодежи; именно они призваны закладывать основы исторической культуры, исторического сознания, исторической памяти.

В-третьих, год 2022-й объявлен Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

© Труевцева О. Н., 2022

Прежде чем говорить о взаимодействии основных субъектов деятельности по сохранению наследия, необходимо сделать несколько замечаний по поводу содержания, которое мы вкладываем в используемые основные понятия. Дело в том, что последние два десятилетия проблема этнокультурного наследия неоднократно привлекала внимание философов, культурологов, искусствоведов, музеологов, историков, филологов, географов, практических работников культуры, в связи с чем возникли многочисленные терминологические различия, что вполне естественно при исследовании одного объекта различным научным инструментарием. Попытки создания стройной теории, объясняющей сущность культурного наследия и закономерностей происходящих в нём процессов, в рамках таких дисциплин, как «Памятниковедение», «Наследиеведение», пока представляются недостаточно убедительными. Поэтому мы будем пользоваться понятиями инструментального характера, поясняя, где это необходимо, какое содержание мы в них вкладываем.

Так, когда мы говорим об этнокультурном наследии, подразумеваем культурное наследие того или иного народа, сохраняя сущность базового понятия. Когда мы рассматриваем проблемы сохранения этнической идентичности, чаще всего имеем дело с нематериальным наследием и присущими ему артефактами, не преуменьшая при этом значения недвижимых памятников.

Нематериальное культурное наследие — относительно новое понятие, вошедшее в обиход научных дискуссий в связи с постановкой ЮНЕСКО вопроса о сохранении фольклора. Поскольку новый термин позволял более широко охватить процесс создания и воспроизводства традиционной культуры, сохранение ее разнообразия, а также, учитывая тесную взаимозависимость между нематериальным культурным наследием и материальным культурным и природным наследием, это понятие укоренилось в принятой ЮНЕСКО в 2003 г. Конвенции об охране нематериального культурного наследия.

Нематериальное культурное наследие, как определено во второй статье Конвенции, «…означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [1, с. 2].

Мы привели это определение, поскольку, несмотря на многочисленные дискуссии и критику, оно признано и научным сообществом, и государственными органами более 160 стран, ратифицировавших Конвенцию. Россия фактически признала этот документ, а понятие, принятое ЮНЕСКО, было использовано в качестве базового при разработке и утверждении в декабре 2008 г. «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» [2, с. 2]. На его основе были определены и нормативно введены в оборот такие термины, как объекты, носители нематериального культурного наследия, области его проявления.

Сама по себе постановка вопроса о сохранении и развитии всего многообразия направлений, видов, форм традиционной культуры, обычаев и обрядов, народных знаний, умений, технологий старинных ремесел не нова. Наилучшим образом это осуществлялось, когда было частью среды бытования. Обострение проблемы нарастало по мере разрушения этой среды, ускорения передачи информации, достигшей глобальных масштабов, осознания опасности утраты национальных культур и идентичностей, являющихся неотъемлемым компонентом устойчивого развития человечества.

Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг., несмотря на недостаточную проработанность ряда вопросов, в первую очередь связанных с механизмами ее реализации, тем не менее стала первым серьезным шагом на пути от бесплодных порой дискуссий к инструментальному анализу активов нашего национального достояния традиционной культуры. Ключевым моментом этого пути стало формирование Единого электронного каталога объектов нематериального культурного наследия [2, с. 3].

Учитывая то, что одновременно осуществляется создание региональных реестров объектов нематериального наследия, большое значение имело введение научно обоснованных стандартов их описания.

В декабре 2014 г. Указом Президента РФ были утверждены Основы государственной культурной политики [3]. Содержащееся в этом нормативном правовом документе определение дает более широкую трактовку понятия «нематериальное культурное наследие», включающую «…языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русскую литературу и литературу народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданную в стране уникальную систему подготовки творческих кадров».

Большое значение имеет и сформулированная в «Основах» задача создания общероссийской системы сохранения нематериального культур-

ного наследия. При этом акцентируется необходимость систематизации, расширения и развития существующего опыта использования объектов культурного наследия, предметов музейного и архивного фондов, научного и информационного потенциала российских музеев и музеев-заповедников в образовательном процессе.

Именно это требование времени актуализирует проблему оптимизации взаимодействия учреждений образования и культуры, ориентирует на преодоление искусственных межведомственных барьеров. Кстати, у нас уже давно существуют учреждения, ведомственную принадлежность которых можно определить лишь по бюджетному финансированию. Это детские школы искусств, в которых ежедневно осуществляется воспроизводство нематериального культурного наследия.

На региональном уровне основной объем практической работы по сохранению и пропаганде нематериального наследия выполняют государственные учреждения культуры, в первую очередь — дома народного творчества, на которые возложена методическая и организаторская работа по выявлению, описанию, каталогизации объектов, проведению обучающих семинаров, фестивалей и праздников традиционной культуры, развитию народных ремесел.

Большую работу проводят учреждения образования, в первую очередь творческие вузы и колледжи культуры. Студенты под руководством преподавателей выезжают в фольклорные экспедиции. Собранные материалы находят воплощение в сценических постановках, курсовых и дипломных работах. Фольклорные и этнографические экспедиции практикуются и на филологических и исторических факультетах университетов. Интересный опыт этнокультурного образования и воспитания накоплен в ряде учреждений дополнительного образования [4, с. 286–290].

Значительна роль, особенно в популяризации наследия, творческих коллективов, действующих не только при учреждениях культуры, но и самоорганизовавшихся в общественные объединения. Имеется немало примеров, когда подобные объединения организуют фольклорные экспедиции, занимаются выявлением объектов нематериального культурного наследия. Получая финансовую поддержку государства в форме грантов, общественные организации выступают организаторами фестивалей традиционной культуры, проводят ремесленные выставки, осуществляют гастрольные поездки по сельским районам [5, с. 76–82].

Богатый опыт выявления, изучения, популяризации нематериального культурного наследия накоплен многими музейными учреждениями. Разумеется, он нуждается в систематизации, поскольку создавался в разных исторических, социокультурных контекстах, в разных типах музеев,

располагающих неоднородными объектами наследия, что исключает его автоматическое воспроизведение.

По большому счету, практически все музеи содержат в большей или меньшей степени элементы системы нематериального культурного наследия. Для иллюстрации этой простой, но очень важной для понимания роли музеев истины заглянем в музейные фонды.

Археологические музеи содержат огромное количество предметов материальной культуры прошлого, среди которых, на первый взгляд, трудно отыскать свидетельства нематериального культурного наследия. Однако, если мы вспомним определение последнего, которое объединяет обычаи, знания, навыки со связанными с ними инструментами, предметами, артефактами, культурными пространствами — у нас не возникнет и тени сомнения в связи с отнесением этих коллекций к сокровищницам нематериального культурного наследия.

Вряд ли кто станет сомневаться и в потенциале нематериального наследия историко-мемориальных, литературных, художественных, этнографических музеев, музеев религии, редких пока у нас в стране экомузеев. А если вспомнить, что в каждом муниципальном, районном, сельском музее всегда в экспозиции найдутся этнографические экспонаты, художественные, бытовые ремесленные изделия, традиционные костюмы, вышивка, музыкальные инструменты и проч., — вывод будет очевидным. Музеи — главные, самые массовые хранители нематериального культурного наследия.

Немного статистики, иллюстрирующей данное утверждение: в 630 музеях только Сибирского федерального округа хранится более 260 тыс. этнографических экспонатов, каждый из которых можно рассматривать в качестве компонента системы этнокультурного наследия (подсчитано по: [6]).

Роль краеведческих музеев в сохранении и популяризации этнокультурного наследия велика, и вряд ли кто возьмется ее оспаривать. Но всё-таки хочется более внимательно посмотреть, насколько эффективно исполняется ими эта миссия, какова их функция в общественно-государственной системе сохранения этого вида наследия, да и вообще, есть ли такая система и как она работает.

Самое главное: после многолетних дискуссий, по нашему мнению, система начала складываться. Начало было положено в «Основах государственной культурной политики» постановкой задачи создания общероссийской системы сохранения нематериального культурного наследия [3, с. 8].

Реальным достижением последних 2–3 лет стало создание на базе портала «Культура России» специального информационного ресурса, рас-

сказывающего о культурном наследии народов Российской Федерации. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не просто о создании возможности размещать информацию на федеральном уровне, а о том, что эта информация уже реально существует, причем материалы хорошего качества, за которыми просматривается предварительная методическая работа с ее составителями и добротная работа редакторов портала. В 2019 г. в Реестре музеев Госкаталога зарегистрировались 2822 музея. Возросла наполняемость Госкаталога Музейного фонда. По состоянию на 31 декабря 2019 г., в Госкаталоге Музейного фонда зарегистрировано 18,5 млн музейных предметов, что составляет около 25 % от состава Музейного фонда. В 2019 г. зарегистрировано 4,7 млн музейных предметов (в 2018 г. — 4,6 млн музейных предметов). На публичном портале представлено 15,9 млн предметов с изображениями (см.: [7]).

Правда, есть серьезное опасение, что после первой массовой загрузки сайта, в ходе которой были использованы наиболее известные, хорошо изученные образцы нематериальной культуры, может наступить долгое затишье либо пойдет масса сырых и серых материалов. Такое опасение вызвано тем, что во многих регионах эта работа в настоящее время практически не ведется. Ответственность за ее выполнение, возложенная на дома народного творчества, не обеспечена ресурсами. Кадровый состав этих учреждений сокращается, зарплата сотрудников, призванных осуществлять научную, методическую, организационную деятельность по отбору и обработке образцов культурного наследия, настолько мала, что может удовлетворять только фанатично преданных своему делу энтузиастов.

К сожалению, серьезные научные фольклорные, этнографические экспедиции становятся редкостью. Чаще всего «в поле», причем ближайшее, выезжают самодеятельные этнокультурные объединения, детские ансамбли, студенты-практиканты творческих, исторических, иногда филологических факультетов. При этом ни маршруты, ни программы никем не координируются, результаты в единую базу данных не собираются и, соответственно, не анализируются и не обобщаются. Наиболее распространенный результат подобных выездов — аудиозаписи фольклорных материалов непонятного происхождения, которым не суждено быть затранскрибированными, выпрошенные у деревенских старушек прялки и старые утюги.

Представляется, что было бы более логичным, не отстраняя от дела дома народного творчества, поручить координацию работы по сохранению нематериального культурного наследия региональным краеведческим музеям, обеспечив их дополнительными ресурсами, позволяющими привлекать опытных экспертов, которые в отличие от нынешних «бумажных» комиссий, созданных органами управления культурой, смогли бы реально

создать квалифицированную мотивированную команду по отбору, изучению, сохранению, пропаганде нашего нематериального наследия.

По мере разрушения естественной среды бытования обычаев, обрядов, ремесел происходит постепенная, но неизбежная утрата объектов нематериального культурного наследия. В отличие от памятников архитектуры, это происходит незаметно, без обличительных статей и пикетов протестующих общественников. Просто эксперты замечают, что творческие коллективы, претендующие на этническую аутентичность, выступают в костюмах, мягко говоря, не соответствующих музейным образцам и этнографическим каталогам, а скороспелые ремесленники, в угоду сиюминутному коммерческому успеху, забыли, а скорее всего и не знали, о сложившихся неповторимых особенностях технологических процессов, выборе и подготовке материалов, способах и приемах их обработки, художественных канонах и заповедях старых мастеров.

Вот здесь бы и проявить себя краеведческому музею, предоставив современным портнихам старинные лекала и подлинные традиционные костюмы, организовать выставки художественно-ремесленных изделий, провести мастер-классы современных народных умельцев. К счастью, это уже происходит во многих музеях, конечно, далеко не во всех и не так часто, как хотелось бы. Но здесь важно другое — музеи постепенно начинают осознавать объективную необходимость становления своей новой функции — организации процесса воспроизводства нематериального культурного наследия. Причем не ограничиваясь рамками существующей экспозиции, а выходя за ее пределы, инициируя события, действия, вовлекающие в свою орбиту массу людей, которые начинают осознавать, каким богатым культурным наследием они обладают.

К осуществлению этой функции постепенно должны прийти все краеведческие музеи. Востребованность традиционной культуры достаточно велика. У нас множество праздников, обычаев, обрядов — календарных, семейных, производственных. У нас богатейшее песенное творчество, танцы, театрализованные представления. У нас потрясающий фольклор. Шедеврами народных промыслов и ремесел восхищается весь мир. Наша беда в том, что мы преуспели в показе этого богатства преимущественно за рубежом. Но у нас недостаточно праздников, насыщенных традиционной культурой в регионах.

Структура нашей музейной сети не отвечает требованиям сохранения и воспроизводства нематериального культурного наследия и современным рекреационно-познавательным запросам населения. На сегодняшний день у нас в стране, как, впрочем, и во всём мире, наиболее востребованны музеи-заповедники. По данным Министерства культуры, составляя всего 6 %

от государственной сети музеев, музеи-заповедники обеспечивают 25 % посещаемости (см.: [8]). Однако их распределение в музейной сети выглядит весьма своеобразно. Так, в Сибири действует всего 21 музей-заповедник, причем 10 из них — в Хакасии. В 7 из 12 субъектов Сибирского федерального округа нет ни одного музея-заповедника (подсчитано по: [6]).

Наиболее известные музеи-заповедники: архитектурно-этнографические музеи Иркутской области («Тальцы», «Ангарская деревня»); историко-этнографический музей-заповедник Шушенское в Красноярском крае; этнографические экомузеи Кемеровской области (историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», экомузеи «Тазгол», «Чолкой», «Калмаки», «Русское село Ишим», «Тюльбергский городок» и др.) стали подлинными хранителями нематериального «живого» наследия народов Сибири.

Значительный опыт сохранения и воспроизводства традиций русской народной культуры накоплен и в музеях Алтайского края: Государственном историко-мемориальном музее-заповеднике В. М. Шукшина в с. Сростки; Государственном художественном музее Алтайского края, где бережно сохраняются и успешно транслируются основные традиции русской культуры.

Уникален опыт сохранения и передачи народных традиций в детской школе искусств «Традиция» (с. Власиха). Необходимо отметить, что существенной особенностью музея, созданного в школе, является образовательная практика, основанная на интерактивных формах изучения этнокультурного наследия русских старожилов и поздних переселенцев Алтая, календарных обрядов и праздников, а также приобщение большого числа посетителей к различным видам традиционных ремесел и декоративно-прикладного творчества. Деятельность сотрудников школьного музея является востребованной и популярной, и он уверенно становится достопримечательностью не только Индустриального района, но и Барнаула в целом.

В условиях неудовлетворительного состояния помещений большей части краеведческих музеев, невозможности размещения многих коллекций в постоянных экспозициях большую роль в популяризации объектов нематериального культурного наследия могли бы сыграть так называемые «виртуальные музеи», являющиеся интерактивным мультимедийным программным продуктом, представляющим музейные собрания в электронном виде.

Виртуальный музей открывает качественно новые возможности идентификации экспонатов, объединения разрозненных предметов в полные собрания, воссоздания традиционного костюма во всём его этнокультурном богатстве и разнообразии. Реальностью становится комплексное

восприятие традиционной культуры с использованием всех ее компонентов: показ костюма в народном танце, в сочетании с песенным творчеством, представлением обрядов, праздников в их исконной среде. Новую жизнь смогут получить и традиционные ремесленные технологии.

Оптимизация взаимодействия учреждений образования и культуры в сфере сохранения и воспроизводства культурного наследия сегодня уже не просто благое пожелание. Есть позитивный опыт, есть целеопределяющие нормативные правовые документы, есть основные компоненты системы, взаимодействующие в вялотекущем формате. Дело за малым: изыскать ресурсы, создать мотивацию участников процесса и обеспечить квалифицированный менеджмент со стороны органов управления соответствующих ведомств, преодолевших корпоративную разобщенность.

---

1. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж, 17 октября 2003 г. // Unesco : [сайт]. — URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

2. Министерство культуры Российской Федерации. Приказ от 17 декабря 2008 г. № 267 «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» // Законодательство России : [сайт]. — URL: http://docs.cntd.ru/document/902160920 (дата обращения: 11.07.2022).

3. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России : [сайт]. — URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

4. *Труевцева О. Н.* Традиционная культура народов Алтайского края как туристский потенциал сельских территорий // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны» : сб. материалов / под общ. ред. М. П. Щетинина. — Барнаул : Литера, 2014. — С. 286–290.

5. *Труевцева О. Н.* Музеи Сибири и сохранение культурного наследия коренных народов // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. — 2012. — № 19-2. — С. 76–82.

6. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году // Информационное агентство InterMedia : [сайт]. — URL: http://www.intermedia.ru/dnl/gosudarstvennyi_dokl_shrt.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

7. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ : [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/400388301/ (дата обращения: 11.07.2022).

8. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году // Гарант.ру : справ.-правовая система. — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70635190/#ixzz42PnPoBYq (дата обращения: 11.07.2022).

Раздел 6. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК 281.93+341.322.6

Е. Д. Автеньева

«ПОМНИТЕ В МОЛИТВАХ»

Советские репрессии в СССР привели к гибели сотен тысяч священнослужителей, было разрушено и закрыто большинство храмов. Статья посвящена репрессированным священнослужителям, связанным с Большереченским районом.

Ключевые слова: репрессии, священнослужители, церковь, арест, расстрел.

На современной территории Большереченского района Омской области на 1912 г. действовало восемь приходов. Шесть приходов Омской епархии Тарского благочиния: Могильно-Посельский, Большереченский, Осихинский, Такмыкский, Евгащинский, Логиновский. Два прихода Омской епархии Тюкалинского благочиния: Старо-Карасукский, Ингалинский. На территории приходов насчитывалось семь деревянных церквей, и один храм был каменный в с. Ингалы. Были и местночтимые иконы, так, в Старо-Карасукском приходе — иконы св. вмч. Пантелеймона и Боголюбовской Божьей Матери, в д. Бугалах — Тихвинской Божьей Матери, в храме с. Ингалы имелась особо чтимая народом икона св. мц. Параскевы.

Трудно переоценить сегодня духовно-нравственную роль, которую играло православное сельское духовенство в жизни сельской общины. С приходом к власти большевиков началось методичное уничтожение всего «старого» и «реакционного». Православная церковь предстала перед строителями нового государства одним из «институтов» враждебной и ненавистной царской России. Началось массовое закрытие церквей и физическое уничтожение священнослужителей. В данной статье речь пойдет о незаслуженно оклеветанных, принявших неимоверные страдания сельских православных священниках и членах церковного совета Большереченского района, репрессированных в 1930-х гг. Это Сергей Петрович Бровкович (1874–1937) и Михаил Алексеевич Земляницын (1874–1933) — священники церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи с. Большеречье; Захарий Яковлевич Раенко (1876–1937) — священник и Андрей Моисеевич Есин (1874–1937) — член церковного совета Николаевской церкви с. Осихино, Павел Васильевич Еланский (1879–1937) — священник церкви во имя

© Автеньева Е. Д., 2022

св. Николая Чудотворца с. Новологиново, Никита Яковлевич Раенко (1868–1937) — священник храма в честь Преображения Господня с. Такмык, Евгений Васильевич Немков (1886–1937), Флегонт Александрович Щепетов (Шепетов) (1871–?), Илья Иванович Грибов (1880–1937) — священники и Тимофей Макарович (Макарьевич) Чулков (1869–?) — церковный староста церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая с. Евгащино, Александр Петрович Першуков (1887–1930) — священник Михаило-Архангельской церкви с. Ингалы, Петр Георгиевич Пятаев (1884–1937), Илья Михайлович Бирюков (1883–1937) — священники, Иван Васильевич Антоненков (?) — крестьянин, член церковного совета церкви в честь Святой Живоначальной Троицы, построенной в 1882 г. в с. Старокарасук, Виктор Игнатьевич Герасимов (1890–1931), Александр Александрович Задорин (1875–1937), Владимир Дмитриевич Клюев (1875–1937) — священники Богородице-Введенской церкви с. Могильно-Посельское.

Вся жизнь в с. Осихино протекала вокруг сельской церкви в честь Святителя и Чудотворца Николая, построенной в 1906 г. на пожертвования коллежского секретаря Николая Варекуева и добровольные пожертвования прихожан. «Зданием деревянная, с таковою же, в одной связи, колокольнею, на каменном фундаменте. Утварью достаточна…» — так писал об Осихинской церкви И. Голошубин [1, с. 796]. Церковь удивляла величественностью, основательностью и красотой. С 1915 г. в Николаевской церкви с. Осихино служил священник Захарий Раенко, своей добротой, человечностью оставивший в памяти старожилов о себе добрые воспоминания и сочувствие. Родился он в 1876 г. в Мирополе Харьковской губернии в семье священнослужителя. После окончания Бийского катехизаторского училища состоял учителем церковно-приходской школы. С 29 января 1908 г. исполнял обязанности псаломщика при Богоявленском храме с. Малокрасноярского Тарского уезда Омской епархии. Был принят на службу в Томскую епархию 7 января 1911 г., а 5 марта определен к церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы с. Павловского Барнаульского уезда. Перешел в Омскую епархию. Рукоположен в дьяконы на штатное место к Малокрасноярской Богоявленской церкви 28 ноября 1911 г. Рукоположен в священники, с оставлением на прежней вакансии, 19 июня 1913 г. В 1914 г. о. Захарий с супругой воспитывали двоих детей. Последним местом его службы стала Никольская церковь с. Осихино Большереченского района Омской области, состоял благочинным. В 1930 г. находился под следствием три месяца по статье 58-10 УК РСФСР. Дело было прекращено. В мае 1937 г. арестован по групповому «Делу священников и мирян Большереченского р. Омской обл., 1937 г.». Из проходивших по данному делу известны: священники Александр Задорин, Евгений Немков, Захарий Ра-

енко, Илья Бирюков, Сергей Бровкович, миряне Андрей Моисеевич Есин, Иван Васильевич Антоненко [2]. Осужденные как участники «контрреволюционной организации духовенства» были расстреляны в Омске. Раенко в период следствия содержался под стражей в Омской тюрьме. Обвинялся в том, что является инициатором и руководителем контрреволюционной организации духовенства, дает установки о проведении контрреволюционной пораженческой агитации; дискредитирует вождей партии и правительства, новую конституцию; высказывается в защиту расстрелянных врагов народа. Виновным себя «признал частично»; 9 сентября 1937 г. тройкой при УНКВД по Омской области осужден по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Расстрелян 10 сентября 1937 г. в Омске. Пересмотр дела состоялся в 1959 г. [2].

Показания свидетельницы из дела Захария Раенко: «...Честный, добросердечный человек... воспитывал 3 сирот за свой счет. Имея пасеку, во время качки меда наделял медом каждого, кто у него просил его. После смерти мужа моего я в материальном отношении стала жить плохо. Раенко Захарий Яковлевич, зная об этом, постоянно мне помогал. Он, кроме того, владел кузнечным ремеслом и деревенским жителям выполнял кузнечные работы, не беря за это никакую плату... Также помню, что когда у кого-нибудь из деревенских не хватало денег уплатить налог или по подписке на гос. заем, то обращались за помощью к Раенко Захарию Яковлевичу, и он оказывал помощь». «За такие религиозные обряды, как крещение, венчание, отпевание покойников, никогда денег не брал» [2].

Из воспоминаний жительницы с. Осихино Большереченского района Анастасии Андреевны Суминой, записанных автором статьи в марте 2021 г.: «Крестили меня в Осихинской церкви в 1921 году, родилась я 10 марта этого же года. Церковь большая, красивая. На церкви были колокола. Венчались там. Мои родители Варвара Антоновна Грипопова из Гущино и Власов Андрей Дмитриевич из Осихино. Церковь большая была, приезжали Полозовские, Вознесенские, Почекуевские, из Маткуля, Курносово. На территории церкви была сторожка, в ней он (священник) и жил, это была одна избенка. Называли мы его “отец Захарий”. Красивый, круглолицый, с окладистой бородой и добрыми глазами. Жену звали “матушка”, хорошая была. По воскресеньям ходили в церковь, по большим праздникам, я тоже ходила. Отцу Захарию помогал проводить службу Петров Михаил Николаевич, у него была семья: сын Павел, его в войну убили, жена Авдотья Данильевна (это вторая жена). Умер он до того, как церковь сломали. Церковь разобрали на школу. Отца Захария “угнали” и ее (жену) тоже. Церковь стояла на той стороне (показывает рукой), там место высокое. У церкви ограда железом была огорожена. Загородь огорожена забором железным

(поправляет себя рассказчица). В ограде церкви посажена черемуха, рябина, сирень. Рядом с церковью березовая роща. Это место и сейчас видать, роща-то стоит. Недалеко от церкви была пасека, управлялся там отец Захарий. Мед качали и продавали, и раздавали всем. А потом пасека стала колхозная. На пасеке были посажены яблоньки. Яблоки с куриное яйцо, вкусные. Так отец Захарий всех ими щедро угощал…» [3, № 044] И глубоко вздохнув, Анастасия Андреевна произнесла: «Самые яркие воспоминания детства — красивая, большая деревянная церковь в Осихино».

А вот что рассказала Валентина Ивановна Голубцова, 1939 г. р., внучка Михаила Николаевича Петрова, всю жизнь посвятившего церкви. Родилась она и выросла в с. Осихино Большереченского района. Об отце Захарии знает из семейных воспоминаний: «Был сильный ветер, темно. Осень или зима. К батюшке ворвались три человека. Они, все трое, были местные, Осихинские. Скрутили и связали батюшку вдвоем, а третий побежал шарить по церкви. Награбленное оставили себе. А сам-то Раенко Захарий был высокий, крепкий, с окладистой бородой. И вот когда залезли в церковь, все думали, как он не справился с этими тремя…» [3, № 044] Поведение отца Захария в полной мере объясняют слова Иисуса Христа, произнесенные в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: “око за око и зуб за зуб”. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:38-41).

В с. Могильно-Посельское приход был открыт в 1872 г., а церковь построена в 1865 г. Позже, 26 мая 1903 г. заложена новая церковь, престолов два: главный — в честь Введения во храм Божьей Матери, а другой в честь Святителя и Чудотворца Николая. Здание церкви деревянное с семью главами и с такой же колокольнею, на каменном фундаменте. В 1933 г. здание Богородице-Введенской церкви было разобрано и использовано на постройку школы [4, № 010]. В фондах музея-заповедника хранится экспедиционная запись, сделанная Олегом Геннадьевичем Поляковым в 2014 г. На записи уроженка с. Могильно-Посельское, Тамара Аверьяновна Полякова, 1933 г. р.: «У нас была церковь больша, была красива, кресты были все подзолочены, а сами они были оловянные. Колокольня была, и колокол здоровый прездоровый был и тоже как золотой был, церковь богата была, хороша... Специальный человек в колокол звонил, и мама говорит, когда выходила она замуж за дедушку на Лебяжье, говорит, в Могильном зазвонят в колокол, в Лебяжьем слышно даже было. Вот какую красоту сломать надо было обязательно? Когда советская власть настала, это всё и запретили, прикрыли всё. Если у кого евангелие или молитвослов дома есть, так

судили за это даже. Как пришла власть-то, коммунистическая, иконы все порешили, прятали, а придут, если найдут, сожгут, сжигали, с церкви всё вывезли. Ну, дак коммунистам и сама церковь помешала… Перво клуб открыли, клуб открыли — ну кто пошел, кто ни пошел, кто вот такие отчаянные ну, мол, чё будет, пошли, така говорит гроза поднялась, страшенная, люди не знали куда убежать и с тех пор больше в клуб никто не зашел. Помню я, как церкву ломали. Потом стали хлеб засыпать, а потом задумали школу с нее сделать… школу изделали, потом тут вот на кооперативной чей-то дом еще с церквы изделаной, а зачем было ломать?!» [4, № 010]

В свое время много лет служил верой и правдой в Богородице-Введенской церкви священник Виктор Игнатьевич Герасимов, 1890 г. р., уроженец Симбирской губернии д. Большое Батриево. История его непростого служения народу описана в книге Михаила Шангина «Террор против совести», в основе которой — документальные материалы, те, что послужили основанием для расстрела духовенства во времена «великих чисток». Первый документ в следственном деле — об аресте священника Герасимова датируется 15 февраля 1931 г., это было заявление Секретаря партийной ячейки ВКП(б) Большереченскому агенту Государственного политического управления. В нём говорилось, что в Могильно-Посельске, Старожильске и близлежащих деревнях замечена поповская агитация, разбросаны листовки, во время празднования Рождества проводилось в церкви богослужение. А далее следовала просьба: приехать и допросить свидетелей, так как партийная ячейка самостоятельно это дело провернуть не в состоянии. И заработала машина правосудия. Начались допросы местных жителей, которые под страхом смерти подписывали протоколы допросов, не читая, говорили то, что им велено было говорить. Герасимова арестовали. Обвинения священника в злокозненности начисто опровергаются поведением граждан с. Могильно-Посельское в ответ на его арест. За худого человека, «хитрого и осторожного с темным прошлым», за того, кто относился к людям «зверски», не встало бы на защиту всё село, не взволновала бы людей его судьба. Велико было уважение и доверие прихожан к священнику, что, презрев собственную безопасность (крестьяне уже хорошо знали, как беспощадна советская власть к ослушникам), люди собрались на сход, чтобы защитить своего батюшку… [5]. После его ареста весь приход встал на его защиту. Собрали собрание, избрав председателя, секретаря, представителя сельского совета, и постановили: ходатайствовать перед районом и вышестоящими организациями об освобождении священника Виктора Игнатьевича Герасимова. Избранный уполномоченный доставил протокол общего собрания Могильно-Посельской общины в надлежащие органы власти, и незамедлительно наступили последствия: аресты

и допросы активистов собрания. Поддавшись страху, под давлением следователя, те, кто вчера встал на защиту своего духовного наставника, сегодня его оболгал и предал [5, с. 198].

Заседанием Особой тройки полномочного представительства Объединенного государственного политического управления Западно-Сибирского края от 12 апреля 1931 г., протокол № 236, Виктор Игнатьевич Герасимов приговорен к расстрелу. Последний документ в следственном деле — справка, в которой говорится, что приговор в отношении В. И. Герасимова приведен в исполнение 20–21 апреля 1931 г. [2].

В семейном архиве Ольги Николаевны Кривко, в девичестве Пермяковой, 1956 г. р., уроженки с. Осихино, бережно хранится фотография священника Могильно-Посельского прихода Владимира Дмитриевича Клюева. На обратной стороне красивым каллиграфическим почерком выведен текст: «Уважаемому Семену Матвеевичу с семейством на добрую память о двенадцатилетнем проживании в селе Могильно-Посельском от Клюевых. 18 августа 1914 года». Родом Владимир Дмитриевич из Ишима Тобольской губернии, родился в 1875 г. В 1894 г. окончил 5 классов Тобольской духовной семинарии. В 1900 г. рукоположен в священники и с 1902 по 1914 г. служит в Богородице-Введенской церкви с. Могильно-Посельское. Прихожане с особым почтением и любовью относились к своему настоятелю, уважительно именовали его исключительно «батюшкой», всей душой отзывались на его просьбы. Подтверждением тому является архипастырское благословение (с выдачей грамоты) как «расположившему прихожан церкви села Могильно-Посельского, Тарского уезда, к пожертвованию на ремонт храма» [6].

Религиозно-нравственная атмосфера с. Могильно-Посельское, которая могла поддерживаться исключительно настоятелями Богородице-Введенской церкви, культивировалась и сохранялась в ее жителях десятилетиями. Те морально-нравственные основы, которые были заложены в наших предках, и сегодня сохранились в нас — потомках тех прихожан. Так, в 2010 г. на пожертвования прихожан началось возведение Богородице-Введенской церкви, и в 2014 г. церковь освятил благочинный Большереченского района протоиерей Андрей Решитов. В возрождении Могильно-Посельского храма есть и заслуга Владимира Дмитриевича Клюева, арестованного в 1937 г. и приговоренного тройкой при УНКВД по Омской области к высшей мере наказания — расстрелу.

В процессе изучения архивных материалов и записи воспоминаний земляков о жизни православной церкви «во времена великих чисток тридцатых годов» приходит осмысление всей полноты героизма русского сельского духовенства как самой честнейшей и безмерно страдающей части русского общества.

1. Справочная книга Омской епархии / сост. свящ. Иоанн Голошубин. — Омск : Иртыш, 1914. — 1250 с.

2. База данных «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет : [сайт]. — URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 30.06.2022).

3. Фонды БУК «Музей-заповедник “Старина Сибирская”». Оцифрованные фольклорно-этнографические материалы отдела этнокультурного наследия. Цифровой носитель № 044.

4. Фонды БУК «Музей-заповедник “Старина Сибирская”». Оцифрованные фольклорно-этнографические материалы отдела этнокультурного наследия. Цифровой носитель № 010.

5. *Шангин М. С.* Террор против совести. — Омск : Ом. книж. изд-во, 1994. — 317 с.

6. Клюев Владимир Дмитриевич, священник // Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке : [сайт]. — URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/1062 (дата обращения: 30.06.2022).

УДК 355.4

Д. А. Алисов

308-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ: ОТ ОБОРОНЫ К НАСТУПЛЕНИЮ (23 ФЕВРАЛЯ 1942 — 29 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА)

Статья посвящена 80-летию формирования в Омске 308-й стрелковой дивизии на базе Омского военно-пехотного училища им. М. В. Фрунзе под руководством Л. Н. Гуртьева, ее вкладу в оборону Сталинграда и участию в наступлении на Орловском направлении во время Курской битвы.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война (1941–1945), 308-я стрелковая дивизия, 120-я гвардейская стрелковая дивизия, Л. Н. Гуртьев, Омское военно-пехотное училище им. М. В. Фрунзе.

Дивизии, как и люди, бывают разные. И судьбы у них разные. На базе Омского военно-пехотного училища им. М. В. Фрунзе (2-го Омского пехотного училища) приказом по войскам Сибирского военного округа от 23 февраля 1942 г. была сформирована 308-я стрелковая дивизия.

Выполнение приказа было поручено начальнику 2-го Омского пехотного училища полковнику Леонтию Николаевичу Гуртьеву, который и стал ее первым командиром. Гуртьев имел богатый практический опыт —

© Алисов Д. А., 2022

начал воевать еще в Первую мировую войну, воевал в Гражданскую. За время службы прошел все командные должности: командир взвода, командир роты, командир батальона, помощник командира полка и начальник штаба полка. Окончил высшие командные курсы «Выстрел». В сентябре 1939 г. был назначен начальником Омского пехотного училища, которое заняло первое место среди пехотных училищ Красной армии в том же году [1, с. 85].

В конце февраля 1942 г. началось формирование дивизии и ее полков. К середине марта дивизия была в основном укомплектована. В ее состав вошли 339-й (командир-подполковник К. И. Михалев), 347-й (майор П. Ф. Барковский), 351-й стрелковые полки (майор Г. И. Савкин) и 1011-й артиллерийский полк (майор Г. А. Фугенфиров), 430-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 185-я разведывательная рота, 699-й саперный батальон, 899-й отдельный батальон связи, 287-й медико-санитарный батальон, 490-я отдельная рота химзащиты, 549-я автотранспортная рота, 393-я полевая хлебопекарня, 863-й дивизионный ветеринарный лазарет, 1852-я полевая почтовая станция, 1171-я полевая касса Госбанка.

Дивизия и ее подразделения были укомплектованы в основном добровольцами из Омской области (включая Тюменскую, которая входила в состав Омской области с 7 декабря 1934 по 14 августа 1944 г.), прилегающих к ней областей Западной Сибири, жителей Алтайского края и Горного Алтая. В состав подразделений на должности врачей, фельдшеров, медсестер, санинструкторов, связистов шли девушки-добровольцы. В числе первых добровольцев в ряды дивизии были зачислены работницы Сибзавода Омска: Леля Таскаева и Зоя Путилова, секретарь Центрального райкома комсомола города Лида Подоплелова, тобольские школьницы Таня Егорова, Зоя Калганова, Вера Коляда и Надя Костерина, акушерка из Калачинска Аня Стойлик и др. [2, с. 10].

Началось обучение военному делу, и в мае дивизия была переведена в летний лагерь. После 8 мес. формирования и напряженной боевой подготовки дивизия простилась с Омском и была направлена в Приволжский военный округ. Здесь из-под Саратова, пыльными степными дорогами дивизия под командованием полковника Л. Н. Гуртьева 19 августа 1942 г. двинулась на фронт, под Сталинград, где шли ожесточенные оборонительные бои за город.

Совершив 300-километровый марш пешим порядком, несмотря на тяжелые условия и частые налеты вражеской авиации, дивизия 6 сентября вышла на рубеж Котлубань — Самофаловка и развернулась в боевые порядки. Здесь в Сталинградской области она и приняла свой первый бой.

Первый бой

Согласно боевому приказу, 308-й стрелковой дивизии при поддержке 217-й танковой бригады, 136-го минометного и 1936-го тяжелого артиллерийских полков, четырех дивизионов «катюш» и других средств усиления с утра 7 сентября предстояло перейти в наступление и овладеть районом — хутор Бородкин, высоты 133,4, 143,8 и 154,2. Согласно описанию этого боя необстрелянные, но хорошо натренированные полки ринулись вперед. Стремительным броском наши подразделения сблизились с противником, смешались с его пехотой в рукопашном бою... После короткого, но очень напряженного боя гуртьевцы выбили немцев с занимаемой позиции.

Опомнившись, немцы бросились контратаковать сибиряков, стремясь любой ценой отбить утраченные позиции. Последовали одна за другой четыре ожесточенных контратаки врага при поддержке танков, авиации, артиллерии и минометов. В четвертой атаке разъяренные немцы, чтобы расчистить путь своей пехоте, применили танки: около 40 машин двинулось к высоте, захваченной гуртьевцами. Подпустив танки на близкую дистанцию, гуртьевцы встретили их точным прицельным огнем противотанковых ружей, гранатами и зажигательными бутылками [3, с. 152–153].

Ночью над степью стояло огромное зарево — это горели вражеские танки. Сибиряки выстояли и обеспечили оборону на фланге Сталинградской битвы. Так закончился первый бой 308-й стрелковой дивизии. За период с 10 по 24 сентября сибиряки-гуртьевцы, согласно данным Центрального архива Министерства обороны, уничтожили 11 тыс. гитлеровцев, 12 минометных и 3 артиллерийские батареи, подбили и сожгли 19 танков, 3 самолета фашистов.

Упорство в обороне. Сталинград. «Баррикады»

В виду крайне тяжелой обстановки, сложившейся в Сталинграде, — враг, несмотря на большие потери, сумел рассечь оборону советских войск и на узком участке фронта выйти на берег Волги, — 308-я стрелковая дивизия была срочно выведена из боя, получила небольшое пополнение, включена в состав легендарной 62-й армии, 2 октября переправлена на западный берег в объятый огнем боев Сталинград и брошена в контратаку. К исходу дня противник был выбит из сада на северо-восточной окраине р. п. Баррикады, бойцы дивизии заняли позиции непосредственно в «промзоне» и прилегающих к заводу окрестностях. Описание этого боя приведем по записи в «Журнале боевых действий дивизии», размещенном на сайте «Память народа»: «В течение 2-х часов 351 сп (стрелковый полк) действуя мелкими группами очистил юж. и юг. зап. часть завода “Силикат”, вышел на улицу Арбатовск и, продвигаясь далее, овладел сев. вост. окраиной пос. “Баррикады”, находясь в непосредственной близости от противника,

вел бой с противников путем метания ручных гранат, бутылок...» [4] В тяжелых оборонительных боях они отразили 117 атак пехоты и танков врага, пережили многочисленные обстрелы, но не отступили и удержали свои позиции. За месяц боев, по архивным данным, они уничтожили 21 тыс. немецких солдат и офицеров, подбили и сожгли 143 танка, 22 артиллерийские и 72 минометные батареи, 37 противотанковых орудий, много другой техники [2, с. 19].

Позднее бывший командующий 62-й армии В. И. Чуйков вспоминал: «308-я стрелковая дивизия по времени меньше всех сражалась в городе, но по действиям, по количеству отраженных атак и по стойкости не уступала другим соединениям 62-й армии. В самые жестокие бои в заводском районе она сражалась на направлении главного удара фашистки войск и отразила не менее 100 атак озверелых захватчиков. Командир этой дивизии полковник Гуртьев, его помощники — командиры полков, вся партийная организация и все бойцы, в основном сибиряки, показали образцы мужества и отваги. Они хорошо поняли поставленную задачу: ни шагу назад — и самоотверженно ее выполнили» [5, с. 199].

Накануне контрнаступления под Сталинградом 3 ноября 1942 г. сильно поредевшая дивизия получила приказ передать оборону завода «Баррикады» 138-й стрелковой дивизии полковника И. И. Людникова и была выведена из боя на отдых и доукомплектование. Командир дивизии Л. Н. Гуртьев 7 декабря 1942 г. за успешное руководство боями получил звание генерал-майора. Дивизия была передана в резерв Ставки Верховного главнокомандования. После этого она успела побывать в составе Приволжского военного округа и Калининского фронта и вновь вернуться в резерв Ставки.

Курская битва. Гибель командира и первый салют

В конце мая 1943 г. ввиду надвигающейся решительной битвы на Курской дуге дивизия была выведена из резерва Ставки и передана в состав 3-й армии Брянского фронта. Накануне решающей битвы 19 июня 1943 г. 308-я стрелковая дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых задач и проявленные личным составом мужество и отвагу была награждена орденом Красного Знамени.

Согласно приказу, 308-я стрелковая дивизия развернула свои полки на орловском фасе Курской дуги. После ожесточенных боев и успешного отражения атак фашистов на северный и южный фас Курской дуги 12 июля 1943 г. наши войска перешли в наступление на врага. В наступательных боях на Орловском направлении активно участвовала и дивизия Гуртьева. В первый день наступления 12 июля дивизия с ходу прорвала оборону немцев северо-восточнее Орла, форсировала р. Зушу и овладела сильно укрепленным Евтеховским узлом обороны противника.

На третий день наступления гуртьевцы вышли к стратегически важному пункту обороны противника у с. Суворово, за который немцы ожесточенно дрались. Шесть раз Суворово переходило из рук в руки. И только с седьмой попытки полк под командованием Кушнарева при поддержке артиллерийского и минометного огня окончательно сумел выбить фашистов из него и закрепиться на достигнутых рубежах. В первые дни наступления полки дивизии уничтожили около тысячи солдат и офицеров — гитлеровцев, вывели из строя несколько артиллерийских и минометных батарей, захватили большие трофеи [6, с. 128].

Вечером 2 августа полки дивизии подошли к Орлу на 6–10 км. В полевые бинокли уже можно было разглядеть окраины города. Недалеко от д. Калиновки на небольшом возвышении расположился наблюдательный пункт комдива, с которого хорошо просматривалась полоса наступления дивизии. Сюда и прибыл командарм 3-й армии генерал А. В. Горбатов 3 августа для ознакомления с ситуацией на местности. Едва Горбатов и Гуртьев обменялись рукопожатиями, как по наблюдательному пункту ударили вражеские минометы. Гуртьев был смертельно ранен и, падая, заслонил собой командарма.

Позже, 4 августа полки дивизии форсировали р. Оку и ворвались в город, 5 августа Орел был освобожден. В честь освобождения Орла и Белгорода в Москве был произведен первый победный салют Великой Отечественной. А 7 августа на главной площади в Орле был похоронен Л. Н. Гуртьев, командир героической дивизии, защищавшей Сталинград и освободившей Орел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 г. Леонтию Николаевичу Гуртьеву было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

За боевые заслуги 308-я Краснознаменная стрелковая дивизия 29 сентября 1943 г. была преобразована в 120-ю гвардейскую стрелковую дивизию и выведена в резерв и на пополнение. В дальнейшем 120-я гвардейская вела бои с фашистами в Белоруссии, Польше и Пруссии. Боевой путь в Великой Отечественной войне 120-я гвардейская Рогачевская Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия закончила участием в Берлинской наступательной операции. За мужество, отвагу и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, свыше 18 тыс. воинов дивизии были награждены орденами и медалями. Героями Советского Союза 308 (120)-й дивизии стали: Л. Н. Гуртьев (генерал-майор, командир дивизии с февраля 1942 по август 1943 г.), Я. Я. Фогель (генерал-майор, командир дивизии с ноября 1943 по июль 1944 г.), П. Г. Петров (полковник, заместитель командира дивизии в 1944 г.), П. Т. Пономарев (наводчик орудия), Хасал Мамутов (пулеметчик), Я. П. Зайцев (командир

взвода), И. А. Чупилко (младший лейтенант, танкист), И. В. Богданов (капитан, командир орудия).

Славные традиции мужества и героизма, подлинного воинского мастерства и безграничной преданности Родине вечно будут жить в исторической памяти народа.

---

1. В Сибири рожденное. Страницы истории Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища. — Омск : Ом. кн. изд-во, 1987. — 192 с.

2. *Шапран М. П.* Гвардейская Рогачевская // От Иртыша до Эльбы. — Омск : Ом. кн. изд-во, 1984. — С. 7–41.

3. Наши земляки — Герои Советского Союза. — Омск : Ом. обл. гос. изд-во, 1949. — 221 с.

4. Журнал боевых действий 308-й стрелковой дивизии с 30.09.1942 по 22.10.1942 г. Л. 3 // Память народа : [сайт]. — URL: https://pamyat-naroda.ru/documents (дата обращения: 06.07.2022).

5. *Чуйков В. И.* Начало пути. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Воениздат, 1962. — 399 с.

6. *Колесников А. Д.* Честь и слава. Сибиряки в решающих битвах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. — Омск : Ом. кн. изд-во, 2005. — 205 с.

УДК 070

Д. А. Алисов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЕЙКИ

В статье определено основное значение информационных фейков как инструмента подготовки военных конфликтов. По завершении войн и военных конфликтов фейки нередко инкорпорируются в историческую память и служат для оправдания «прошлого».

Ключевые слова: психологическая война, информационная война, исторические фейки.

Все мы, осознаем или не осознаем это, сегодня находимся на полях сражений информационной войны. Эта война в настоящее время идет повседневно, повсеместно и по большей части анонимно. Большинство из нас просто не замечает эту войну в силу ее «скрытного характера». Это характерно для современной ситуации информационных действий коллективного Запада, возглавляемого США против России, особенно в связи с военной операцией российских вооруженных сил на Украине.

© Алисов Д. А., 2022

Важную роль в подготовке всех войн играли информационные фейки. Этот термин проник в науку из журналистики и пока еще не получил однозначной трактовки. По определению Э. Хант, фейк-ньюс или информационный фейк «представляет собой информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение для того, чтобы получить... политическую выгоду» (цит. по: [1, с. 163]).

Один из основных документов, определяющих стратегию и некоторые тактические приемы США при использовании фейков для ведения войны, — Полевой устав армии США FM 33-1. В данном уставе психологические операции рассматриваются «как один из компонентов национальной мощи, который оказывает непосредственное воздействие на национальную волю. Психологические операции оказывают давление на национальную волю дружественных, нейтральных и враждебных сил и обществ. Это достигается посредством оказания влияния на настроения и действия групп, являющихся объектами психологических операций с тем, чтобы склонять их к поддержке национальной политики и национальных целей» США [2].

Главная цель информационной и психологической войны, которую ведут США против России, — это полный переворот (конверсия) в ценностной ориентации человека, группы, единицы социума; перевод их на «другую сторону», отказ от лояльности к традиционным национальным ценностям России. И в конечном итоге переход на сторону противника, измена и предательство.

Для реализации приемов и методов информационной и психологической войны в администрации и вооруженных силах США созданы соответствующие военные структуры и подразделения. За организацию и ведение психологических операций вооруженных сил отвечает объединенное командование специальных операций, которое дислоцируется на авиабазе Мак-Дилл (штат Северная Каролина). Ему подчиняются специальные командования родов войск. Наибольшим боевым потенциалом в этой области обладают сухопутные силы, которые имеют в своем составе специальные регулярные части и подразделения, центр управления которыми находится в Форт-Брэгг. Командование специальных операций имеет хорошо налаженные устойчивые связи с гражданской администрацией и всей системой средств массовой информации (СМИ), которые использует в своих целях [3].

Информационная психологическая война осуществляется в пространстве СМИ (радио, телевидение, периодическая печать и т. п.), сети Интернет (во всём ее многообразии), культурном пространстве (фильмы,

мультфильмы, музыкальные клипы, театральные постановки, песни, художественные и документальные произведения, компьютерные игры).

Для более глубокого понимания современной ситуации необходимо обратиться к недавнему историческому опыту ведения информационных войн и вскрыть особенности использования США исторических фейков в развязывании «горячих» войн и военных конфликтов в предшествующую эпоху. Ввиду ограниченности объема публикации рассмотрим всего несколько особо значимых информационных фейков (позднее преобразованных в исторические), использованных США в качестве повода для начала военных действий.

США имеют глубокие исторические традиции в этом вопросе. Один из первых информационных фейков, который стал поводом к войне, был применен в информационной психологической войне, развязанной США против Испании в 1898 г. Став на путь экспансии и захвата колоний, правительственные круги США начинают активно формировать антииспанские настроения, используя периодические издания и слухи о жестокости испанских властей по отношению к кубинским повстанцам, и искать информационный повод к войне.

Таким информационным поводом стал взрыв 15 февраля в 9 ч. 40 мин. вечера 1898 г. американского броненосца «Мэн» в порту Гаваны, который погубил его и 266 человек команды. Испанский суд 20 февраля заявил об отсутствии указаний на внешнюю причину взрыва. Испанцы постарались доказать непричастность Испании к этому событию. Выводы американской комиссии называли причиной гибели корабля внешний взрыв торпеды или мины, стремясь возложить всю ответственность на Испанию.

Многим выводы американской комиссии показались весьма неубедительными. Так, минный офицер I разряда, лейтенант Д. Б. Похвиснев, специально командированный Морским министерством России на Кубу, указал на отсутствие ощутимого гидродинамического удара, который был бы неизбежен при подводном взрыве, что подтверждалось и отсутствием оглушенной рыбы вблизи места катастрофы. С другой стороны, все стёкла в окрестных зданиях были выбиты. Д. Б. Похвиснев считал, что взрыв произошел внутри корпуса, и даже не у днища, а на уровне ватерлинии. Возможно, детонация погребов, предположил он, была связана с аварией неисправного котла в носовой кочегарке [4, с. 36].

Проведенные в последующие годы многочисленные расследования данного инцидента так и не смогли убедительно подтвердить причастность испанцев к взрыву броненосца. Более того, в 1976 г. американский адмирал Хайман Джордж Риковер, известный как «отец атомного флота» США, организовал расследование данного инцидента и пришел к выводу о том, что

причиной гибели броненосца было самовозгорание угля, которое и привело к детонации расположенного рядом погреба 6-дюймовой артиллерии [5].

Подобная версия была впервые выдвинута еще во время расследования в 1898 г., но по «политическим мотивам» была объявлена «маловероятной». Однако американцев в 1898 г. подлинные причины взрыва интересовали мало. Им нужен был повод к войне. Американская пресса превратила взрыв «Мэна» в информационный фейк, обвиняя Испанию в этом происшествии, и быстро склонило общественное мнение к необходимости войны. Таким образом, информационный фейк о причастности испанцев к взрыву корабля стал «окончательным доводом» для начала войны.

В последующие годы своей истории американцы неоднократно создавали и применяли фейковый информационный повод для развязывания очередной войны. Так, в недалеком прошлом американцы признали, что они начали войну во Вьетнаме, основываясь на умышленно искаженной информации, которую они и преподнесли миру об атаке Северным Вьетнамом американских военных кораблей 2 и 4 августа 1964 г. Недавно рассекреченные документы Агентства национальной безопасности (АНБ) свидетельствуют, что 4 августа никакой атаки на корабли США просто не было. В статье американского историка Роберта Хэнуока, размещенной на официальном сайте АНБ США, сообщается о том, что разведчики «умышленно исказили» информацию об атаке Северным Вьетнамом двух американских военных кораблей 4 августа 1964 г. в Тонкинском заливе, которую и преподнесли миру. Основываясь «на сведениях об атаке на американские корабли», президент США Линдон Джонсон приказал нанести авиационный удар по территории Северного Вьетнама, а конгресс принял резолюцию о начале военных действий [6].

Таким образом, было сформировано искусственное информационное поле и вброшен информационный фейк о (несуществующих) атаках северовьетнамскими катерами 4 августа 1964 г. американского эсминца «Мэдокс», который был использован для развязывания одной из самых жестоких и продолжительных войн второй половины XX в.

В самом начале 2000-х гг. американцы провели масштабную информационно-психологическую операцию по обеспечению нападения на Ирак. Было создано целое информационно-фейковое поле с целью дискредитировать власть Саддама Хусейна и доказать мировому сообществу, что его власть представляет опасность для «всего мира». С этой целью в международные СМИ была вброшена фейковая информация о том, что якобы Ирак начал разработку оружия массового поражения и вступил в сотрудничество с международными террористическими организациями, прежде всего с «Аль-Каидой». Выступая на специальном заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, госсекретарь США Колин Пауэлл в феврале

2002 г. в качестве одного из «доказательств» потряс пробиркой с белым порошком, который он выдал за образец производимых в Ираке средств массового поражения. Эта «пробирка Пауэлла» послужила одним из важнейших фейк-аргументов в развязывании войны против Ирака. В разгромленном Ираке американские военные не смогли найти ни одного доказательства того, что Саддам Хусейн начал производство оружия массового поражения.

О том, насколько широко использовались информационные фейки в войне с Ираком, можно судить по результатам исследования, проведенного Американским центром гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики. Было установлено, что с сентября 2001 по сентябрь 2003 г. руководство США сделало 935 заявлений по Ираку, которые не соответствовали действительности. В том числе президент Буш сделал 259 неверных высказываний (231 о наличии у Саддама оружия массового поражения, 28 — о связях Ирака с «Аль-Каидой»), а госсекретарь Колин Пауэлл — 254 высказывания [7].

По завершении войн и военных конфликтов фейки нередко инкорпорируются в историческую память и служат для оправдания «прошлого».

---

1. *Артамонов Д. С., Тихонова С. В.* Историческое знание в эпоху постправды: фейки и мемы // Вперед, мечта… От стихии современного иноформационного общества к горизонтам общества знания : сб. науч. ст. — СПб. : Книжный дом, 2019. — С. 161–166.

2. Полевой устав армии США FM 33-1. Психологические операции // ПСИФАКТОР — Центр практической психологии : [сайт]. — URL: https://psyfactor.org/lib/fm-33-1.htm (дата обращения: 14.06.2022).

3. *Старунский А.* Психологические операции вооруженных сил США: современное состояние и перспективы развития // Зарубежное военное обозрение. — 2003. — № 4. — URL: https://militaryarticle.ru/zarubezhnoe-voennoe-obozrenie/2003-zvo/7084-psihologicheskie-operacii-vs-ssha-sovremennoe (дата обращения: 02.06.2022).

4. *Кондратенко Р. В.* Испано-американская война (1898 г.). — М. : Цитадель, 2000. — 158 с.

5. *Geyelin Ph.* Admiral Rickover, Too Remembers the Maine // The Washington Post : [сайт]. — 1983. — July 21. — URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1983/07/21/admiral-rickover-too-remembers-the-maine/cac46fcb-8ad4-4fde-872f-1ac136de732e/ (дата обращения: 12.06.2022).

6. *Березкин А.* Хэнуока: США начали войну во Вьетнаме на основании искаженных фактов // РИА Новости : [сайт]. — 2005. — 3 дек. — URL: https://ria.ru/20051203/42299825.html (дата обращения: 02.06.2022).

7. Study: Bush led US to war on “false pretenses” (Архивная копия от 4 февраля 2016 г. на Wayback Machine) // NBCnews.com : [сайт]. — URL: https://www.nbcnews.com/id/wbna22794451 (дата обращения: 12.06.2022).

УДК 008(091)

Ю. С. Быкова

СОВЕТСКАЯ ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА СЕРЕДИНЫ 50-Х — НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДЫ: НА ПРИМЕРЕ «КУКУРУЗНОЙ ЭПОПЕИ» Н. С. ХРУЩЕВА

Статья посвящена советским почтовым карточкам как визуальному историческому источнику. На примере периода «кукурузной эпопеи» Н. С. Хрущева (середина 50-х — начало 60-х гг. XX в.) рассмотрено влияние почтовых карточек на современников конкретной исторической эпохи, а также их роль и значение в отечественных исторических исследованиях. В работе приводится классификация открыток для лучшего понимания и более глубокого изучения советской истории периода холодной войны через призму конкретного визуального исторического источника.

Ключевые слова: «кукурузная эпопея», холодная война, пропаганда, сельское хозяйство, почтовая корреспонденция, почтовая карточка.

Данное исследование актуализирует тот факт, что почтовая корреспонденция в целом и советская в частности в качестве визуального исторического источника изучена слабо. Соответственно, и научной литературы, посвященной данной проблеме, как в зарубежной, так и в отечественной историографии практически не существует. В этой связи наше исследование позволит лучше понять важность открытого письма и как исторического источника, и как действенного механизма пропаганды в СССР в середине 50-х — начале 60-х гг. XX в. Открытки в целом можно разделить на документальные и художественные. Последние, в свою очередь, делятся на поздравительные, видовые, репродукционные, политические, сатирические и др. [1, с. 113].

В процессе изучения историографии по заявленной проблеме нами был выявлен ряд исследований, посвященных как в целом истории открытки, так и советской открытке, а также обзорные работы по их типологии. Так, в статье кандидата исторических наук Анны Николаевны Лариной «Почтовая открытка в руках историка» [2] уделено внимание российским почтовым карточкам конца XIX — начала XX в. как социокультурному явлению. Ею приведена общая классификация почтовых карточек, указаны роли и функции конкретно видовых открыток, в первую очередь — для развития туристической отрасли. В работе кандидата исторических наук, заместителя директора муниципального бюджетного учреждения культуры «Химкинская картинная галерея им. С. Н. Горшина» Марины Владимировны Самбур «Почтовая открытка как источник

© Быкова Ю. С., 2022

информации по истории и культуре» [3] представлена иная классификация почтовых карточек: по типу информации, содержащейся в иллюстрации на открытке и подписях к ней. Указана роль открытки как исторического источника, уделено внимание наиболее популярным видам открыток рубежа XIX–XX вв. Статья доктора филологических наук, профессора кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета Ларисы Георгиевны Викуловой и студентки того же института Александры Евгеньевны Пятницкой «История поздравительной открытки» [4] посвящена процессу возникновения и преобразованиям открытых писем, в частности — поздравительных, и основным функциям, которые почтовые карточки выполняли. Исследование кандидата исторических наук Виктора Владимировича Акимченкова «Почтовые карточки 20-х — 30-х гг. XX в. Севастопольского музейного объединения как источник для изучения архитектурного наследия Севастополя» [5] посвящено издательской деятельности КрымГИЗа и Севастопольского музейного объединения, а также значению издаваемых ими открыток как визуального источника для формирования лучшего представления о Севастополе 20–30-х гг. XX в.

Таким образом, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не существует работ на рассматриваемую в данном исследовании тему, что актуализирует поднятые нами в процессе работы проблемы. В опубликованном ранее исследовании нам удалось показать важность плаката как визуального источника на примере «кукурузной эпопеи» Н. С. Хрущева (середина 50-х — начало 60-х гг. XX в.) для лучшего понимания процессов, происходивших в СССР в указанный временной период, поэтому в данном труде мы рассмотрим другой механизм пропаганды в качестве значимого для современных исследователей исторического источника [6].

Советская почтовая корреспонденция была наиболее востребованным в СССР средством коммуникации. Так как почтовая открытка передавалась из рук в руки и в большинстве случаев акцентировала внимание на внутренних, а не на внешних вопросах государства, ее как визуальный исторический источник нельзя классифицировать теми же способами, что и, например, советские плакаты периода холодной войны, в содержании которых нередко присутствовали сюжеты превосходства СССР над США. Тот факт, что отдельная почтовая карточка не могла быть источником пропаганды для широкого круга лиц, компенсировался большими тиражами выпускавшихся открыток: от нескольких тысяч до нескольких миллионов. Таким образом, наша классификация советских почтовых карточек, посвященных «кукурузной эпопее» Н. С. Хрущева, базируется на различных способах донесения определенной информации до граждан

СССР. Основной целью Совета Министров СССР и КПСС была пропаганда новой сельскохозяйственной культуры среди населения и в дальнейшем как большее внедрение кукурузы в сельское хозяйство страны и привлечение наибольшего количества людей для работы в этой области, так и повышение потребительского спроса на данную культуру.

Первую группу составляют открытки, включающие в себя иные средства пропаганды, зачастую демонстрирующие уникальность кукурузы как сельскохозяйственной культуры, агитирующие за большее внедрение ее в сельское хозяйство, отражающие результаты, к которым благодаря этому можно прийти. Подобные почтовые карточки не только пропагандируют данную сельскохозяйственную культуру, но и указывают на другие источники подобной информации.

Следующую группу составляют открытки, в которых для привлечения большего числа граждан к реализации «кукурузного проекта» были использованы изображения советских граждан: как конкретной личности (преимущественно передовиков производства) [1], так и целых групп населения. Выпуск подобных открыток мог значительно повысить интерес разных возрастных групп населения СССР (в том числе и подростков) к данной отрасли сельского хозяйства, так как передовики производства были уважаемы в Советском Союзе и многие старались на них равняться.

Помимо всего вышесказанного, для большей эффективности пропаганды в печати использовались различные иностранные темы, сюжеты и даже отдельные открытки. Особую небольшую группу составляют карточки, содержащие черты интернационализации, для демонстрации того факта, что не только в СССР кукуруза является значимой в сельском хозяйстве культурой. Также в СССР издавали серии или отдельные иностранные карточки. В качестве примера можно привести несколько открыток из подборки «Китайских художественных вырезок из бумаги» (1962) [7].

Отдельную группу составляют репродукционные открытки, т. е. содержащие копию художественного произведения. Такие карточки издавались с репродукциями картин как иностранных, так и советских художников. Подобные открытки не только рекламировали кукурузу как сельскохозяйственную культуру, но и выполняли просветительскую функцию, демонстрируя населению различные произведения искусства. Также данный исторический источник очень важен для современных исследователей, поскольку многие картины сохранились только на почтовых карточках. Помимо этого, в контексте «кукурузной эпопеи» было издано несколько видовых открыток с изображением павильона «Кукуруза», располагавшегося на Выставке достижений народного хозяйства (Москва), построенного вместо павильона «Башкирской ССР» в 1959 г. и снесенного в 1967 г. Существовал

также ряд поздравительных карточек, посвященных «кукурузной эпопее», которые можно выделить в отдельную группу.

Описываемый в статье временной промежуток (середина 50-х — начало 60-х гг. XX в.) входит в период хрущевской оттепели, поэтому наряду с общественным благом внимание уделяется и отдельной личности, т. е. помимо пропаганды кукурузы как культуры для развития сельского хозяйства появляется и потребительская реклама кукурузы как продукта питания. Подобная реклама размещалась в том числе и на почтовых карточках. Помимо всего вышесказанного, даже после закрытия «кукурузного проекта» данная культура продолжала играть значимую роль в сельском хозяйстве СССР. Как следствие, был выпущен ряд почтовых карточек, посвященных данной теме, даже после официального завершения «кукурузной эпопеи».

Таким образом, в рассматриваемый период выпускались практически все виды почтовых открыток с сюжетами, посвященными «кукурузной эпопее» Н. С. Хрущева. Они выполняли пропагандирующую, информационную, просветительскую функции и были весьма эффективным механизмом пропаганды. Более того, некоторые репродукционные и видовые карточки содержат изображения памятников культуры, оригиналы которых не сохранились до настоящего времени. Следовательно, данный визуальный исторический источник крайне важен для изучения как исторических процессов, происходивших в середине 50-х — начале 60-х гг. XX в., механизмов пропаганды в СССР, так и культурного наследия, сохранившегося лишь на почтовых карточках.

---

1. Долинюк Е. А. — звеньевая по выращиванию высоких урожаев кукурузы (дважды Герой Социалистического Труда), Тернопольская область : [почтовая карточка]. — М. : ИЗОГИЗ, 1961.

2. *Ларина А. [Н.]* Почтовая открытка в руках историка // Историк и художник. — 2004. — № 2. — С. 109–121.

3. *Самбур М. В.* Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестн. МГУКИ. — 2013. — № 4 (54). — С. 65–69.

4. *Викулова Л. Г., Пятницкая А. Е.* История поздравительной открытки // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2017. — № 4. — С. 155–164.

5. *Акимченков В. В.* Почтовые карточки 20-х — 30-х гг. XX в. Севастопольского музейного объединения как источник для изучения архитектурного наследия Севастополя // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2017. — Т. 14, вып. 1. — URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.42.php (дата обращения: 28.06.2022).

6. *Быкова Ю. С.* Развитие народного хозяйства СССР и формирование эффективных механизмов пропаганды: на примере «кукурузной эпопеи» Н. С. Хрущева // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы

археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: к 100-летию образования СССР : сб. материалов. — М. : Политическая энциклопедия, 2022. — С. 26–29.

7. Китайские художественные вырезки из бумаги. — М. : ИЗОГИЗ, 1962. — [№ 1–16].

УДК 94(571.1)«17»

Н. В. Кабакова

СЕМЕЙНЫЙ СОСТАВ И РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ В СЕЛЕНИЯХ ПО РЕКЕ ОШЕ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА*

В статье рассматривается структура семьи и родственные связи русских служилых в населенных пунктах по р. Оше в Тарском уезде Тобольского разряда. Источником для анализа послужила «Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.». Сделан вывод о составе и особенностях семей служилых.

Ключевые слова: русские служилые, семья, родство, Дозорная книга.

«Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.» (далее — ДК) — многоплановый исторический источник, который, в числе прочих сюжетов, позволяет исследовать вопрос о семейном составе и родственных отношениях жителей конкретной местности. В настоящей статье обратимся к рассмотрению данной темы на примере населенных пунктов Тарского уезда Тобольского разряда, учтенных документом в бассейне р. Оши, где размещались русские служилые люди.

По сведениям ДК, около р. Оши располагалось село и 14 деревень (см. табл.). Всего в этих населенных пунктах насчитывалось 137 дворов. В с. Спасском зафиксировано 42 двора, в наиболее крупных деревнях Ставской, Кибейской, Коюрлинской — по 11 дворов, в Скатовой и Терехиной — по 8 дворов, в Теверской, Шадриной, Кубриной, Шкуновой, Поморцовой — по 4–6 дворов. В оставшихся деревнях Нагаевой, Куяновой, Кузнецовой — по 2–3 двора. В среднем в 14 деревнях по р. Оше было по 6–7 дворов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

© Кабакова Н. В., 2022

Семейный состав русских служилых в селениях по р. Оше [1, с. 217–288]

Название селений (деревень и одного села)	Количество семей						
	всего (в них — лиц мужского пола)	без детей	с одним сыном	с двумя сыновьями	с тремя и более сыновьями	с братьями	с внуками
Теверская	4 (11)	1	1	2	–	1	–
с. Спасское (Ложниково)	42 (142)	8	11	10	13	6	2
Шадрина	4 (11)	–	2	2	–	–	1
Кубрина (Сажина)	5 (21)	2	1	–	2	2	–
Ставская	19 (53)	9	3	–	7	6	–
Шкунова	5 (10)	1	3	1	–	–	–
Нагаева	2 (3)	2	–	–	–	–	–
Куянова	2 (3)	1	–	1	–	–	–
Кибейская (Кучковская, Любимова)	11 (36)	1	2	5	3	–	1
Кузнецова	3 (15)	–	1	1	1	1	–
Коюрлинская (Носкова)	11 (28)	5	–	2	4	–	–
Свидерская (Зубова)	7 (19)	3	1	1	2	2	–
Поморцова	6 (18)	2	1	1	2	1	1
Скатова	8 (22)	2	2	3	1	1	–
Терехина	8 (26)	–	2	3	3	–	1

Двор — базовая единица описания в ДК, отражавшая состав семьи с его мужским населением. Первым в составе двора указывался его глава, далее — родственники, среди которых могли быть сыновья, внуки, братья, племянники. В селе и деревнях по р. Оше зафиксировано 418 лиц мужского пола, на семью приходилось по 3,1 мужчине. Наиболее густонаселенными были д. Кузнецова (в среднем в одном дворе записано по 5 человек) и д. Кубрина (по 4,2 человека). При этом более трех мужчин в семье проживало в с. Спасском и в Кибейской и Терехиной деревнях. Наименее населенными оказались деревни Нагаева и Куянова (по 1,5 человека). Кроме того, в хозяйствах могли жить дворовые люди, которые не являлись родственниками для членов семьи, но подлежали учету. Всего семейств, где было по одному дворовому человеку (в таблицу они не включены), зафиксировано три (в Нагаевой, Кибейской и Кузнецовой деревнях).

Из 137 дворов, учтенных в селениях по р. Оше, в 37 детей не было, что составляло 27 % от всех семей. В абсолютном отношении наибольшее число бездетных семей было в Ставской (9 семей — 47 %), Коюрлинской (5 семей — 45 %) и Свидерской (3 семьи — 43 %) деревнях. Максимальное же число бездетных семей представляла д. Нагаева, где учтено 2 двора, владельцами которых являлись братья Нагаевы, не имевшие детей [1, с. 251–252].

В 100 дворах селений, расположенных по р. Оше, записано 243 сына. В 30 семьях было по одному сыну (30,3 % от количества семей с детьми), в 32 семьях — по два сына (32,3 %). Селением исключительно с одно- или двудетными семьями являлась д. Шадрина. Подавляющее число подобных семей было в Теврискоой (75 %) и Шкуновой (80 %) деревнях. В 38 дворах записано более трех сыновей (38,4 %). Наибольшее число многодетных семей было в с. Спасском (31 %), Поморцовой (33 %), Коюрлинской (36 %), Ставской (37 %), Терехиной (38 %), Кубриной (40 %) деревнях. Самые крупные семьи включали до 6–7 сыновей. Такова, к примеру, в с. Спасском семья стрельца Карбаима Ивашки Лавринова (дети Стенька 25 лет, Сенька 20 лет, Алешка 17 лет, Ивашко 10 лет, Стенька ж 7 лет, Федька 5 лет, Мишка 3 года) [1, с. 226].

ДК не указывала возраст главы двора, но для остальных представителей мужского пола он определялся, за исключением сыновей, которые сами являлись служилыми. Это позволяет составить заключение о приблизительном возрасте глав семейств. В Шадриной, Кубриной и Кузнецовой деревнях главы семейств были достаточно зрелыми людьми, поскольку в большинстве случаев их сыновьям было более 20–25 лет. В Ставской, Кибейской, Шкуновой, Коюрлинской, Свидерской деревнях главы семей, вероятно, в своей основе были более молодыми, потому что чаще их детям исполнилось на момент составления ДК не более 10 лет.

В расположенных по р. Оше деревнях зафиксировано 20 дворов, где записаны братья и 6 семей с внуками, что составляет 18,9 % от всего количества семей. Наибольшее количество братских семей было в Кубриной (40 %), Кузнецовой (33 %) и Ставской (32 %) деревнях. Но не всегда братья жили на одном дворе. Например, в д. Коюрлинской записано 4 семейства родных братьев Носковых — Петрушки, Илюшки, Сеньки, Ивашки Сергеевых сынов [1, с. 270, 274–275], и все они жили своими дворами. Другой братский клан этой же деревни — Красноперовы Орловы (Федька, Андрюшка, Ганка, Андрюшка меньшой, Митька Микифоровы дети) [1, с. 272–274, 275].

В описаниях земель встречались упоминания о том, что границы владений межевались рядом с родственниками. Например, в с. Спасском соседом Ложникова Андрюшки Спиридонова был его дядя Митька Ложников, в д. Ставской у Водопьянова Лучки Лавринова — племянник Микитка

Патрашевский. В д. Кузнецовой атаман пеших казаков Василей Можаитинов косил сено рядом со своими «шурями» Якушкой Кузнецовым «з братьями и племянники» [1, с. 262]. В д. Скатовой проживали двоюродные братья — Бабиковы Митька Микифоров сын и Андрюшка Фадеев сын. Их родство подтверждается записью о смежных земельных владениях.

ДК создает также возможность установить родственные связи жителей разных населенных пунктов. В качестве примера приведем случай упоминания имени Васьки Нагая (отца братьев Нагаевых, основателей д. Нагаевой). Владения этого пешего казака, к моменту составления ДК уже умершего, располагались по р. Оше. Служилые с фамилией Кубрины встречались не только в населенных пунктах по р. Оше (Кубриной, Кибейской, Терехиной деревнях, с. Спасском), но и в Таре, Такмыцкой слободе. Вероятно, что все они находились в родственной связи.

В перечне представителей двора лица женского пола не упоминались, но иногда в ДК «мелькают» женщины, которые стали владелицами земли и участвовали в передаче своего имущества, доставшегося им по наследству от умерших отцов или мужей [2, с. 52–53]. Так, стрелец Федька Семенов сын Безбородов из Шадриной владел землями по поступке «стрельца Савки Пушкарева дочери ево Иринки» [1, с. 237]. Подобных примеров в деревнях по р. Оше встречается 6, но лишь в одном случае имеется упоминание о том, что в имущественные отношения вступали родственники. Конный казак Васька Остафьев сын Дружинин из д. Ставской владел сенными покосами «по поступке тещи своей вдовы Савки Калмыка Марфутки Алексеевы» [1, с. 242].

Таким образом, сравнительный анализ семейного состава селений по р. Оше, в соответствии со сведениями ДК, позволяет сделать вывод о количественном и структурном разнообразии семей. Наибольшая численность двора, превышавшая медианный показатель, фиксировалась не только в небольших, но и в крупных деревнях региона. Безусловно, на состав семьи оказывало влияние то, что селения, располагавшиеся по р. Оше, не испытывали в конце XVII в. внешнего миграционного притока, включали служилое старожильческое население, для которого характерной была тенденция к повышению среднего возраста [3, с. 478]. ДК позволяет приблизительно оценить возрастной состав глав семей, о зрелости многих из которых свидетельствует как количество учтенных сыновей, так и возраст последних. Рассмотренные коллизии не позволяют также говорить о том, что заводчиками маленьких, недавно созданных, деревушек, состоявших из 2–4 дворов, становились исключительно молодые мужчины, которые выделялись из родительских семей и начинали самостоятельную хозяйственную жизнь на новом месте.

ДК дает возможность говорить о приблизительном количестве детей в семьях служилых. Примерно в третьей части семей они не зафиксированы. Объяснить подобное обстоятельство можно тем, что глава семьи состарился, а его сыновья успели обособиться, что в семье рождались только девочки, что все дети умерли, что супружеская пара сложилась недавно и дети еще не родились, наконец, что детей действительно не было. В среднем на одну детную семью приходилось по 2–3 ребенка, что подтверждает вывод о высоком естественном приросте, характерном для начала XVIII в. на территории Тарского уезда [4, с. 408].

Основным типом семьи деревень, расположенных по р. Оше, оставались нуклеарные семьи. Расширенных семей, включавших представителей трех поколений либо братьев, было менее 1/5 от общего числа семей, что искажает устоявшуюся картину о том, что в изучаемый период подавляющее число семей были большими и включали обширный круг представителей более чем двух поколений. В то же время отчетливо прослеживаются родственные связи служилых как внутри самой деревни, так и в удаленных селениях Тарского уезда, что свидетельствует о развитой миграции внутри региона.

---

1. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [текст]. — Омск : Изд. дом «Наука», 2021. — 656 с.

2. *Кабакова Н. В., Бережнова М. Л.* Статус и права одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII — первой половине XIX века // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX века) : сб. науч. тр. — Новосибирск : Параллель, 2014. — С. 52–58.

3. *Бережнова М. Л.* Количественные методы исследования Дозорной книги Тарского уезда 1701 года: проблемы и результаты // Былые годы. — 2021. — № 16 (2). — С. 471–482.

4. *Кабакова Н. В.* Естественное движение населения в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XVII — нач. XVIII в. (по материалам Дозорной книги Тарского уезда) // Ориентированные фундаментальные и прикладные исследования — основа модернизации и инновационного развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплексов России : материалы конф. — Омск : Изд-во СибАДИ, 2011. — С. 405–408.

УДК 94(571.1/.5)+314.72+325.1(495)

И. П. Каменецкий

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ XVII ВЕКА: СОЦИОМЕНТАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

В статье рассмотрены общие черты и особенности менталитета русских служилых людей Сибири на начальном этапе ее колонизации. Показано социальное происхождение, роль и место ратных людей в освоении Сибири, их отличие от европейских колонистов. Дана общая характеристика этой категории населения.

Ключевые слова: Сибирь, служилые люди, государева служба, ментальные черты, ментальные особенности.

Как уже установлено исследователями, в истории открытия и освоения Сибири важное место принадлежит служилым людям — казакам, стрельцам, атаманам и другим русским ратникам. Составляя большинство русского населения на раннем этапе освоения Сибири, они сыграли огромную роль в сокрушении Сибирского ханства, строительстве первых городов и острогов, открытии и исследовании Северной Азии, установлении посольских связей с государствами Средней Азии, Монголии и Китаем.

Между тем в оценке личности и деятельности сибирских служилых людей в современной литературе существуют до сих пор разные взгляды и подходы. В работах отдельных исследователей казаки-землепроходцы нередко рассматриваются как безжалостные «конкистадоры», «бродяги, авантюристы и разбойники»; в работах других они представлены «героями своего времени», «людьми высокого мужества» [1, с. 104–107]. Особенно часто эмоциональные оценки встречаются в популярных работах и публицистике.

Выход в свет капитального труда по истории служилого населения Сибири, в котором собраны сведения почти о 20 тыс. представителей служилого мира позволяет ответить на ряд принципиально важных вопросов [2]. Кем же был сибирский служилый человек? Какие факторы влияли на формирование его личности? Какими социоментальными особенностями и общими чертами он отличался от европейских колонизаторов американского континента? Не претендуя на исчерпывающие ответы на заданные вопросы, попытаемся лишь в общих чертах высказать ряд соображений по данной теме.

Исследователи уже пытались определить социальное происхождение и положение сибирских служилых людей в сословной структуре русского общества, выводя их из разных социальных и этнических групп, и выявить

© Каменецкий И. П., 2022

их сходство с первыми европейцами в Америке. Одним из наиболее спорных суждений, на наш взгляд, является точка зрения Л. И. Шерстовой. Она необоснованно считает, что «безусловно, первые русские сибиряки были выплесками маргинальной среды Московского царства, Смутного времени. Они сами являлись маргиналами в социальном, а часто в этническом отношениях. Среди них оказывалось немало авантюристов, искателей удачи и наживы, импульсивных, любопытствующих, просто жестоких и отчаявшихся людей» [3, с. 27].

Вряд ли это спорное обобщение относится к русским служилым людям и соответствует в целом исторической действительности. Сословно-социальный и этнический состав европейских сибиряков, преобладающее большинство которых составляли русские, был, безусловно, неоднородным. Но в социальном отношении они не были маргиналами, т. е. лицами, не имеющими определенного социального статуса с неустойчивой системой ценностей и представлений о своем месте в существующей сословной системе отношений. Известно, что ядро ермаковского войска составляло вольное казачество с преобладанием в нём русского этнического элемента; об этом свидетельствуют имена Синодика по убиенным казакам, составленного по инициативе первого сибирского и тобольского архиепископа Киприана.

После разгрома Кучума в Сибирь пришли отряды служилых людей — казаков и стрельцов — профессиональных воинов, состоящих на службе Московского государства. В годы Смуты они сражались в разных лагерях развернувшейся гражданской войны. Но в решающий момент большинство казачества заняло патриотическую позицию и сыграло немалую роль в освобождении Москвы и других русских городов как от внутренних «воровских» людей, так и от польско-шведских интервентов. Известно, что именно активные представители казачества во многом способствовали возведению на престол Михаила Романова. Вряд ли маргинальные слои были способны проникнуться освободительной идеей спасения своего отечества и активно способствовать утверждению на престол нового легитимного российского правителя. Поэтому после окончания Смуты в Сибирь пришли уже не самовольные казаки — «маргиналы», а люди, имевшие не только боевой, но и большой политический опыт, с глубоким осознанием значимости своей службы государю и ответственности за судьбу Российского государства.

Это наглядно проявилось, казалось бы, в незначительном инциденте шадринского казака Трифона Данилова со слободским приказчиком Галактионом Пясталовым. Во время возникшей ссоры Данилов напомнил приказчику, что он служил казачью государеву службу в царском полку «и с великим государем в походе бывал». В ответ на брань приказчика «и тем, кому он служил», присутствующие при этом казаки заявили:

«Не брани-де, ты, Галахтион, ево, Трифанка, он-де, Трифанко, служил в солдатех под Ригою и под Смоленским, и там де бояре и полковники начальные люди ево не бранивали и не бивали». Сослуживцы Трифона не только выразили свою войсковую солидарность и подтвердили его принадлежность к государевой службе, но и подали изветную челобитную на приказчика о «государевом слове и деле», т. е. обвинили его в политическом преступлении. В ходе проведенного сыска приказчика пытали, разжаловали и отправили в далекую ссылку [4, с. 231–232].

«Верноподданнические» чувства русскому царю служилые люди постоянно подчеркивали в многочисленных челобитных с просьбой об удовлетворении своих насущных потребностей, а также в проводимых военных смотрах — «розборах». В своих «скасках», заявленных на «разборе» (военном смотре), наряду с указанием происхождения, чина, выполняемых служб, заслуг и достижений неизменно присутствовало заявление о том, что они служат великому государю «истиною правдою и беспорочно» либо «верою и правдою» [5].

Монархистские настроения и державное сознание проявлялось и в социальных движениях, нередко происходивших в Сибири. Даже в острых конфликтных ситуациях восставшие против злоупотреблений воевод-лихоимцев и ненавистных приказчиков служилые люди сохраняли свою преданность и приверженность государю, исправно несли все службы, собирали и отправляли ясак в Москву.

Отечественные исследователи уже выделяли другие характерные, во многом знаковые, социоментальные черты, присущие и первым русским поселенцам Сибири, и европейским колонистам, осваивавшим земли Северной Америки, отмечая в то же время и немалое различие между ними. По словам П. Н. Буцинского, «русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем ужиться со всякой народностию…» [6, с. 334–335]. Н. Н. Оглоблин утверждал: «Свободная и самостоятельная… жизнь сибирских людей, полная всевозможных опасностей, и борьба с людьми и природою вырабатывала из них людей энергичных и подвижных, способных крепко постоять за себя и за свои интересы» [7, с. 193].

Специалисты по ранней истории США, в свою очередь, так характеризуют население американских колоний: «Здесь возникла новая порода людей — полагающихся на себя, рационалистических, с презрением относящихся к укоренившимся представлениям и власти, тщеславных провинциальных, иногда склонных к насилию, часто беспечных, исполненных чувства неограниченной силы» [8, с. 127].

Подавляющему большинству служилых людей, в отличие от западных европейцев, первых колонистов Америки, была свойственна этническая толерантность, отсутствие ксенофобии к нерусским народам и людям, исповедующим другую веру, что наглядно проявилось уже в первые десятилетия освоения Сибири. Во многом эта черта была обусловлена полиэтническим и конфессиональным составом и характером русского государства, берущего свое начало со времен Киевской Руси. Как известно, сибирский архиепископ Киприан был немало возмущен порядками и нравами, сложившимися в Тобольске и Сибири в целом. В своей грамоте патриарх Филарет писал митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея, чем выкупить, женятся на других» [9, с. 80].

В 1654 г. тобольский архиепископ Симеон также сетовал на слишком близкие отношения между русскими и татарами, возникшие после пожара 1643 г.: «…Тобольского города всяких чинов жилецкие люди живут во татарских юртах под горою и те православные христиане ожились и живут с татарами вместе, а живучи в татарских юртах русские люди скверняются: пьют и едят из одних сосудов, и в посте с ними упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают…» [6, с. 334]

Подобные факты мирного совместного проживания и сосуществования колонистов — выходцев из Западной Европы с коренным населением Америки были немыслимым явлением. В межэтнических контактах западных европейцев всегда присутствовало чувство своей европейской исключительности, высокомерия и культурного превосходства над другими народами.

Нельзя также согласиться с приведенным выше тезисом о невысоком уровне религиозности русских сибиряков, имеющим место и в современной литературе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Первым и главным общественным зданием в городах и острогах всегда была церковь, а в небольших острожках и слободах — часовня, которые сразу строились после возведения крепостных сооружений. При этом инициатором строительства во всех городах, острогах и слободах храмов и их оснащения чаще всего выступало не государство и официальная церковь, а самодеятельное население. Особенно религиозные чувства проявлялись во время тяжелых испытаний. В 1630 г. небольшой отряд стрельцов енисейского атамана И. Галкина был окружен в Тубинской земле многочисленным войском местных князей Кояна и Сойта. После пятидневных ожесточенных боев русские сумели вырваться из вражеского кольца и вернуться в Енисейск. Спасшиеся стрельцы пожертвовали всю добытую в походе

пушнину на постройку церкви в честь архангела Михаила — небесного покровителя царя Михаила Фёдоровича [10, с. 21].

Постоянные пожертвования церковным приходам, монастырям, богадельням со стороны служилого населения были также неоспоримым свидетельством глубокой религиозности и важными условиями его существования. Возникновение в Сибири местных легенд и культов — приказчика Василия Мангазейского, гулящего Симеона Верхотурского, служилого Серебрянникова в Кузнецке, и сохранение их в исторической памяти народов также указывают на глубокие религиозные чувства русских сибиряков. Инициатива служилых людей в открытии первых в Сибири богаделен для ветеранов «сибирского взятия» и одиноких увечных казаков указывает также на истоки зарождения общественной благотворительности в Сибири, тесно связанной с традициями христианского сознания.

Следует также указать на особый характер отношений и взаимодействия служилых людей с центральной и местной воеводской властью. Как уже хорошо показано Н. Н. Покровским и В. А. Александровым, в управлении Сибири XVII в. реально существовал дуализм власти — государственной (воеводской) и мирской (войсковой), благодаря чему обеспечивались во многом необходимые условия безопасности и жизнедеятельности русского и коренного населения. Служилый мир выступал гарантом защиты прав населения и являлся противовесом воеводскому всевластию и возникавшим нередким злоупотреблениям.

Сохранение в Сибири продолжительное время мирской коллективистско-общинной демократии позволяло избегать крайних форм индивидуализма, нарушений существующего мирского порядка, глубоких социальных потрясений, сопровождаемых большими человеческими жертвами, как это происходило на диком Западе и в Центральной России. Описанный Н. Н. Оглоблиным «заговор томской литвы», произошедший в 1634 г., не был поддержан основной массой служилых людей. Намерения служилых «иноземцев» совершить мятеж, перебить воевод и начальных людей, пограбить казну, сжечь город и уйти на Запад — в «Литву» заранее был обречен на поражение. Жестокая расправа с заговорщиками, в ходе которой было повешено 12 активных участников, также не вызвала большого отклика среди горожан [11].

Добавим также, что в социальной истории Сибири не было проявлений большого и жестокого насилия во время нередко возникавших восстаний и смут. Русские поселенцы часто «отказывали» коррумпированным неугодным наместникам, но в ходе их выступлений лишь один воевода и один приказчик были убиты восставшими казаками и крестьянами на протяжении всего жестокого и бурного «бунташного» века.

Важной особенностью менталитета служилых людей было наличие державного сознания. Военные успехи служилых людей обеспечивали не только более передовая военная тактика, более совершенное огнестрельное оружие и хорошо укрепленные крепости, но и мощные духовные скрепы. Вера в царя и Отечество, вера в Бога, представленная в традиционной формуле — побеждать «с Божьей помощью и государевым счастием», верность своему долгу были важными условиями в обеспечении победы над многократно превосходящими силами противника. Особенно наглядно это проявилось в защите русских забайкальских владений от монгольских и маньчжурских завоевателей в 1680-х гг.

Подводя лишь некоторые общие итоги, можно утверждать, что служилые люди, в отличие от крестьянства, промышленных, гулящих и иных людей Русского государства, были наиболее активной и организованной вооруженной силой в Сибири, неоднородной в своем сословном и этническом отношении, обладающей державным и религиозным самосознанием, сплоченной особой войсковой корпорацией — миром, защищающей их интересы. Их передовой отряд — землепроходцы — был, по сути, пассионарной частью формирующегося русского общества Сибири.

---

1. *Никитин Н. И.* Военная история Сибири XVII в. Дискуссионные вопросы // Никитин Д. Н., Никитин Н. И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVIII века. — М. : Фонд «Русские Витязи», 2016. — С. 104–120.

2. Служилые люди Сибири конца XVI–XVIII века : биобибл. слов. / отв. ред. И. П. Каменецкий ; сост.: И. П. Каменецкий, Д. А. Ананьев, Е. В. Комлева, Е. Н. Туманик. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. — 992 с.

3. *Шерстова Л. И.* Русские в Сибири XVII века: национальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. — Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. — 304 с.

4. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 401 с.

5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Кн. 716. Л. 988 об., 1001 об., 1004 об. и др.

6. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков : Тип. Губернского правления, 1889. — 345 с.

7. *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) : в 4 ч. Ч. 1: Документы воеводского управления. — М. : Унив. тип., 1895. — 421 с.

8. *Богомолов А. А., Хендлин О., Хендлин Л.* Беспокойный народ: участие американцев в восстании 1770–1787 гг. // Общественные науки за рубежом. Реф. журн. Сер. 5. — 1983. — № 5. — С. 127–130.

9. *Щеглов И. П.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832 гг. — Иркутск : Вост.-Сиб. отд-ние Императ. РГО, 1833. — 784 с.

10. *Никитин Д. Н., Никитин Н. И.* Походы «встречь солнца» // Преподавание истории в школе. — 2002. — № 4. — С. 18–26.

11. *Оглоблин Н. Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. — Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. — 11 с.

УДК 93/94(908)

Е. А. Коляскина

ЭКСПЕДИЦИИ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПРИ НОВОСИБИРСКОМ ДОМЕ ОФИЦЕРОВ В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ ДЛЯ СБОРА ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

В статье рассматриваются задачи и методы сбора воспоминаний участников гражданской войны в советское время на примере экспедиций Военно-научного общества при Новосибирском доме офицеров на Алтай на рубеже 1950–1960-х гг. Автор делает вывод об основной цели экспедиций — восполнение лакун в литературе о боях алтайских партизан, создание исторической публицистики и художественных произведений, сборников воспоминаний для «пропаганды гражданской войны». Как особенность данных экспедиций можно отметить установление «обратной» связи с респондентами.

Ключевые слова: Алтай, гражданская война, устная история, воспоминания, Военно-научное общество.

Сбор воспоминаний о гражданской войне в нашей стране начался практически сразу после ее окончания и осуществлялся регулярно в советские годы, с периодическим усилением активности накануне юбилейных дат Октябрьской революции. Можно обозначить этот этап устной историей до oral histori. На примере экспедиций Военно-исторического общества при Новосибирском доме офицеров на Алтай можно попытаться выявить задачи и методы сбора воспоминаний участников гражданской войны в советское время.

В Государственном архиве Новосибирской области сформирована «Архивная коллекция документов по изучению и пропаганде истории гражданской войны и установления Советской власти в Сибири, участия сибиряков в Великой Отечественной войне, истории Сибирского Военного

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

© Коляскина Е. А., 2022

округа». Она сложилась из документов, собранных в 1959 г. — середине 1980-х гг. военно-исторической секцией Военно-научного общества при Новосибирском окружном доме офицеров (Новосибирским ВНО) и музеем истории Сибирского военного округа (СибВО) [1, л. 1]. Несколько дел содержат материалы, собранные в июне — августе 1959 г. экспедицией Новосибирского ВНО под руководством генерал-майора Г. П. Сокурова на территории правобережья р. Оби в районе р. Чумыш (районы Алтайского края и граничащие с ними районы Новосибирской области) (рис. 1).

Рис. 1. Состав экспедиции (слева направо): Т. С. Мухачев, Г. П. Сокуров, В. В. Завалишин, Н. Г. Николаев, Т. А. Мухин, Д. Т. Поташев, И. М. Дрожжин [2, л. 40]

Вторая экспедиция Новосибирского ВНО была организована на территорию Горно-Алтайской автономной области. Поездки должны были восполнить отсутствие в литературе информации об отдельных районах партизанского движения в Западной Сибири в годы гражданской войны [1, л. 1]. Позднее, 29 мая 1961 г., Устав Новосибирского ВНО закрепил внутреннюю функцию сбора воспоминаний о гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, Великой Отечественной войне, о партийно-политической работе для самих исследователей: для поддержания «чувства воинского товарищества и воинских традиций» путем постоянного делового общения офицеров, генералов запаса и в отставке и участия в мероприятиях [1, л. 1].

Выбор географии экспедиции определялся селами, в которых проходили сражения гражданской войны — «места партизанских боев»

и проживали «участники» и «очевидцы сопротивления» [1, л. 1]. Вполне ожидаемо, что состав респондентов был подобран так, чтобы отражать взгляд победителей на события.

Деятельности экспедиции был придан характер общественной акции, имеющей важную идеологическую нагрузку — пропаганду подвига бывших партизан. Это прослеживается и в методике опроса респондентов — организованная встреча с группой ветеранов, воспоминания которых записывались публично, часто на улице перед сельским клубом или школой, что зафиксировано на множестве фотографий экспедиции. При этом в подписи к изображению может быть указан только один респондент, рассказывающий воспоминания (рис.2).

Рис. 2. Бывший партизан с. Новотроицкого Т. Е. Тараскин рассказывает о партизанских боях в с. Тальменка [2, л. 8]

О характере экспедиции как общественной акции свидетельствуют и фотографии, на которых школьники или другая общественность села приветствуют партизан (рис. 3).

Также в ходе экспедиции обследовали состояние памятников, поставленных погибшим участникам сопротивления.

Воспоминания участников гражданской войны, собранные в ходе первой экспедиции, были оформлены в шесть томов, и как итог выпущено несколько экземпляров машинописи «Чумышские партизаны. Путевые записки первой экспедиции Новосибирского ВНО по изучению партизанского движения в правобережье р. Оби». Последняя для удовлетворения

пожеланий респондентов была разослана по домам культуры районов, в которых побывали участники ВНО [3, л. 3].

Рис. 3. Пионеры с. Косиха прибыли встречать бывших партизан [2, л. 14]

Нужно отметить, что архивные материалы содержат воспоминания разной степени редактуры со стороны собирателей. Они были записаны со слов респондентов, чаще всего не дословно, в «легкой» литературной обработке. Учитывая, что воспоминаний было шесть томов, а «Путевые записки» составляли всего 106 страниц, понятно, что они подверглись сильной редактуре. Кроме того, запись воспоминаний на публичных встречах ветеранов должна была приводить к более сильному самоцензурированию респондентом, чем если бы они озвучивались в ситуации один на один. Не могло обойтись и без рецензирования рассказов друг друга присутствовавшими ветеранами.

По материалам экспедиции были написаны: Г. В. Егоровым повесть «Весной распускаются почки» и В. В. Завалишиным 20 очерков, включая «Причернские партизаны» и др., был подготовлен сборник воспоминаний «Записки сибирских партизан» [1, л. 1], что еще раз подчеркивает общественно-идеологическую окраску сбора воспоминаний партизан гражданской войны в советский период.

Экспедиционная работа была успешна, она «оживила работу по изучению гражданской войны и способствовала притоку новых членов общества», благодаря чему 12 декабря 1959 г. в составе Новосибирского ВНО появилась тематическая секция истории гражданской войны [1, л. 1].

В ходе экспедиций была установлена коммуникация респондентов и исследователей, разосланные по селам «Путевые записки» получили отклик. В архиве сохранилось «Письмо группы ветеранов гражданской войны на территории Алтая в Совет Новосибирского ВНО с критическими замечаниями к результатам экспедиции… 5 декабря 1962 г.» [4]. Исследователи были обвинены в поверхностном изучении партизанского движения на Алтае, отрывочности воспроизведенных воспоминаний, выпячивании личностей собирателей, малом количестве воспоминаний, собранных в юго-восточной части Алтая, а потому пропуске ряда информации, в частности об отряде Толмачева [4, л. 1–9].

Таким образом, можно сделать вывод об основной цели экспедиций — восполнение лакун в литературе о боях алтайских партизан, создание исторической публицистики и художественных произведений, сборников воспоминаний для «пропаганды гражданской войны». Как особенность данных экспедиций можно отметить установление «обратной» связи с респондентами.

1. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-2371. Оп. 1. Л. 128.
2. Гос. архив Новгор. обл. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 96. Л. 79.
3. Гос. архив Новгор. обл. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 42. Л. 106.
4. Гос. архив Новгор. обл. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.

УДК 711

Е. А. Марченко, Е. В. Попова

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОКРОВСКОЙ КРЕПОСТИ 1765–1800 ГОДОВ (ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье описывается процесс макетирования, позволяющий визуально оценить объемно-пространственную композицию будущего архитектурного объекта, его пропорции и конструктивные особенности. Для этого необходимо общее понимание исторического наследия, аутентичной документации, современного интереса к культурным ценностям общества.

Ключевые слова: макетная визуализация, фортификационный объект, сторожевое укрепление, типовой проект, функциональные зоны.

Наш регион, благодаря богатой истории, связанной с покорением Сибири и сохранившейся исторической застройкой, имеет свое «лицо», свою уникальность и самобытность.

© Марченко Е. А., Попова Е. В., 2022

Цель проекта — создание макетной визуализации Покровской крепости на основе плана застройки 1765–1800 гг. Актуальность выбранной темы проекта связана с необходимостью сохранять, воссоздавать и реконструировать исторические объекты.

Покровская крепость — сторожевое укрепление Тоболо-Ишимской линии, находящееся на территории бывшей д. Покровки Марьяновского района Омской области, на северном берегу Покровского озера, является памятником истории (рис. 1).

Ныне сохранившиеся элементы крепости будут законсервированы, а по выполненным нами чертежам на определенном расстоянии от старой крепости казачество планирует воссоздать точную ее копию для проведения экскурсий и просвещения молодежи. На основании исторической документации версии В. И. Кочедамова [1] и совместной работы с историком-краеведом, заместителем председателя Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников, инженером-проектировщиком Игорем Леонидовичем Коноваловым было принято решение о разработке макетной визуализации Покровской крепости, также нас консультировали директор института территориального планирования и землеустройства Никита Петрович Шалмин и председатель Омского отделения Союза архитекторов России Сакен Шайхислямович Хусаинов.

Покровская крепость интересна именно с точки зрения сохранения исторического и культурного наследия. Культурный комплекс, который планируется расположить на данной территории, возможно использовать не только как музей, но и как активное пространство, где история и современность гармонично дополняют друг друга. Покровская крепость должна быть интересна горожанам всех возрастов и религий и совмещать несколько видов активности: музей и музей-интерактив, парковая зона, площадка для проведения творческих и образовательных мероприятий — мастер-классов, преферансов, фестивалей, ярмарок народного творчества, также можно реконструировать бытовые и производственные условия [2].

Покровская крепость была временным переносным пунктом, как и все другие крепости, строилась по «образцовым» (типовым) проектам. Для проектирования Покровской крепости в качестве образца нами был взят за основу типовой проект первой Омской крепости.

Изначально Покровская крепость была построена 4-угольной. Но затем, в целях улучшения ее фортификационных свойств, было добавлено еще четыре бастиона, в результате чего получился восьмиугольник. В крепость вели въездные ворота: первые из посада, вторые в юго-восточной части, которые вели к озеру. Место для строительства Покровской крепости было выбрано крайне удачно — она стоит на высоком северном берегу

небольшого озера, которое является единственным пресным водоемом на многие километры вокруг. Это тем более удивительно, что с обеих сторон его буквально вплотную поджимают два больших соленых озера Камышловского лога. Такое местоположение сразу давало защитникам крепости стратегическое преимущество, в то время действовал суровый закон — кто контролирует воду, тот контролирует степь.

На 6 га 8-угольной Покровской крепости в XVIII в. располагались: большие ворота с башней, малые ворота, пороховой погреб, «провиантской магазеин», «афицерские светлицы» с черными избами, казармы, сени, конюшня на 75 драгунских лошадей, кладовой амбар, караульная изба, надолбы, собственное строение, баня и угловые башни. К востоку от крепости была территория для обывательских домов, которая и стала к началу XX в. крупнейшим в этом районе селом Покровским с численностью жителей до тысячи человек.

Укрепления крепости были усилены земляными обсыпками, рвом и бастионами, которые, как стрела, далеко выдвинуты вперед, обеспечивали фланкирование подступов. Ширина рвов — 13 м, глубина — 2,5 м. За рвом следовал небольшой вал высотой в метр, с внутренней стороны которого был установлен палисад высотой в 3,5 м, состоящий из вертикально вкопанных в землю и плотно приставленных друг к другу заостренных бревен. Внешние углы крепости имели бастионы.

Крепость была оснащена знаменитым артиллерийским орудием — единорогом, принятым на вооружение русской армией в 1757 г. как универсальное орудие.

На каждом бастионе было установлено по две пушки на пьедесталах, чтобы была возможность вести перекрестный огонь по противнику на подступах к крепости. Подъем и установка пушек на деревянные помосты осуществлялись с помощью пандуса. Также вооружение гарнизона включало сабли различных типов, пики, пистолеты, ружья или карабины.

При изучении карты Покровской крепости 1765 г. были выделены следующие функциональные зоны: жилая зона, военная зона, общественно-деловая зона, коммунально-складская зона, рекреационная зона и пешеходная зона. Внутренняя застройка четко организованна и группируется вокруг центра — плаца. Вокруг площади размещались наземные постройки: управительская и Омская канцелярия; в жилой зоне располагались обывательские дома и офицерские дома; ближе к укреплениям — гауптвахта, пороховые погреба и казармы — военная зона. Склады, провиантские амбары и другие постройки прилегали к границе крепости — коммунально-складская зона [3].

Офицерский дом — сооружение (помещение) для проживания личного состава с семьями, многоквартирный жилой дом. Офицерский дом

представляет собой длинное прямоугольное здание — деревянный сруб, с тесовой кровлей. Вход в здание осуществляется с помощью четырех входов с главного фасада.

Рис. 1. Макет Покровской крепости. Авторы макета — студенты Омского строительного колледжа Е. В. Марченко, Е. А. Попова

Рис. 2. Торжественная передача в Омском строительном колледже макета Покровской крепости заказчику — атаману Объединенного казачества Прииртышья В. Л. Буланкину (второй справа). На фотографии (слева направо): омский художник-микроминиатюрист А. И. Коненко; омский историк, краевед, заместитель председателя Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры И. Л. Коновалов; представители омского казачества

Казарма — сооружение (помещение) для длительного размещения личного состава воинских формирований, преимущественно — с общим спальным помещением. В Покровской крепости казарма представляла собой длинное прямоугольное здание, выполненное из деревянного сруба,

с тёсовой кровлей. Входы в здание расположены с противоположных сторон. На плане показано расположение окон и дверей, входы в помещение офицерского дома через тамбур. Объемно-планировочное решение — секционного типа.

Основанием макета стала фанера 1500 × 1500 мм, укрепленная брусками. На него лег пеноплекс серого цвета толщиной 20 мм, который станет рельефом макета. Изменение рельефа было показано с помощью срезания пеноплекса канцелярским ножом, затем зашкуривание и прожигание ацетоном. Шпаклевание происходило в несколько этапов: шпаклевание насыпи — ошкуривание-выравнивание рва, ошкуривание-сглаживание перехода от насыпи к ровной земле, после чего он был полностью зашкурен наждачной бумагой. Для придания грунтовому слою естественного вида было решено покрыть поверхность макета слоем гуашевой краски зеленого и коричневого цвета в сочетании с клеем ПВА для того, чтобы крашеные опилки не просвечивали серый пеноплекс. После высыхания данного слоя поверхность промазывалась клеем ПВА и декорировалась сеяным песком и окрашенными в несколько оттенков зеленого цвета опилками. Плац декорировался золой темно-серого цвета для выделения из общего внутреннего пространства крепости. Из серого пеноплекса были вырезаны четыре бастиона, которые в дальнейшем приклеивались к макету и окрашивались [4].

По периметру рва и верхней части крепостных стен устанавливались «деревянные» подпорки из зубочисток, вогнанных на определенную глубину. Для того чтобы люди и пушки были соразмерны макету, были изготовлены 3D-модели пушек и людей в программе 3D'SMax, для печати на 3D-принтере. Из пластилина для пушек выполнены пьедесталы для размещения. Здания выполнялись из зубочисток — пропиливали выемки резаком и склеивали клеем, имитируя сруб. Готовые объекты покрывались морилкой. Для сохранения исторической достоверности было решено сделать крыши из светлого шпона. Окна выполнялись из прозрачного пластика с применением тонировки, а трубы — из плотного коричневого картона. На макете установлены флажки с нумерацией зданий и сооружений, отдельно была составлена экспликация. К готовому макету была сделана обортовка из лакированной сосновой доски, аналогичной обортовке макета по Омской крепости для совместной экспозиции в музее колледжа. Результатом проекта стала выполненная 3D-визуализация Покровской крепости [5; 6] (рис. 2).

Воссоздание Покровской крепости на сегодняшний день актуально для сохранения исторического и культурного наследия Омской области. Возможность показать, какими были здания, как они располагались, как выглядел рельеф и какой формы была крепость, поможет людям больше узнать свой край и сохранить еще одну страницу истории.

1. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. — Омск : Ом. книж. изд-во, 1960. — 112 с.

2. *Архипова Е. П., Архипова О. П.* История Омской крепости // Официальный портал администрации города Омска : [сайт]. — URL: https://admomsk.ru/web/guest/city/culture/fortress/history (дата обращения: 12.06.2022).

3. *Никуленко Г.* Покровская крепость, Камышловский лог. Омская область // Olxlo : [сайт]. — URL: https://olxlo.ru/mesta/pokrovskaya-krepost-kamyshlovskij-log (дата обращения: 12.06.2022).

4. *Панов А. Б.* Практика методики преподавания макетирования // Электрон. науч.-практ. журнал «Современные научные исследования и инновации». — 2015. — № 3, ч. 5. — URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49411 (дата обращения: 12.06.2022).

5. *Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В.* Проект музеефикации фрагментов острога Омской крепости // Техника и технологии строительства. — 2019. — № 3 (19). — С. 17–24.

6. Презентация макетной визуализации исторической версии реконструкции Покровской крепости 1765–1800 гг. // Омский строительный колледж : [сайт]. — 2022. — 22 апр. — URL: http://omsk53.ru/news/detail.php?ID=1034 (дата обращения: 12.06.2022).

УДК 93

Е. М. Патова

КНИГА ПРИКАЗОВ № 1 (1 НОЯБРЯ 1931 — 27 АВГУСТА 1932 ГОДА) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОМИ ПЕДИНСТИТУТА

В статье дается характеристика Книги приказов Коми пединститута как источника по изучению истории становления и развития старейшего образовательного учреждения в Республике Коми. На основе изучения содержания приказов показаны процессы формирования структуры вуза, кадрового состава, организации учебного и воспитательного процессов.

Ключевые слова: Коми пединститут, Книга приказов, студенты, кафедра, работники, преподаватели.

Одно из изменений, направленных на повышение эффективности системы высшего образования, — процесс укрупнения вузов, который привел к слиянию образовательных организаций, утрате ими своего правового статуса. Таким вузом стал Коми государственный педагогический институт (КГПИ), образованный в 1932 г. и в 2014 г. присоединенный к Сыктывкарскому государственному университету им. Питирима Сорокина. Старейший

© Патова Е. М., 2022

вуз республики, «кузница педагогических кадров», сыграл огромную роль в подъеме грамотности и культуры населения, подготовив для школ региона десятки тысяч квалифицированных специалистов.

В архиве университета бережно хранятся разнообразные по своему содержанию документы, позволяющие проследить процесс становления и развития КГПИ. Уникальным источником, изучение которого дает возможность буквально по дням воссоздать деятельность Коми пединститута в первые месяцы его образования, стала Книга приказов № 1.

Книга представляет собой тетрадь в линейку, выпущенную в 1931 г. государственной фабрикой «Светоч», располагавшейся в Ленинграде на ул. Большая Пушкарская,18. Размер тетради 15 × 20 см, с мягкой (клеенка) обложкой, лицевая сторона которой подклеена картоном.

Книга имеет титульный лист с надписью: «Книга приказов по Коми педагогическому институту. Начато 1 ноября 1931 г. Кончено 27/VIII — 1932 г.».

Документ хорошо сохранился, отсутствуют следы изъятия вырванных листов или иная порча. Лицевые части листов пронумерованы простым, а начиная с 7-го листа — красным карандашом, всего — 84 листа.

Открывает книгу приказ № 1 по Коми пединституту от 1 ноября 1931 г.: «С сего числа приступить к организации Коми педагогического института в г. Сыктывкаре Коми автономной области.

Основание: Приказ по Наркомпросу РСФСР от 3 декабря 1931 года за № 423 и путевка Сектора учета и распределения НКП от 1 ноября 1931 года. Врио директора Коми Пединститута — Богданов».

В книге 115 приказов, но по факту — 104, поскольку допущена ошибка в нумерации (пропущены номера приказов № 46–55, 96). Записи велись на лицевой части и на обороте листов, на русском и на коми языках (на коми языке — 32 приказа).

Почерк разборчивый, что позволяет без больших затруднений прочитать все записи. Большинство приказов подписаны Александром Филимоновичем Богдановым (1894–1933), исполнявшим обязанности руководителя вуза. Во время его отсутствия (командировка) приказы подписывал помощник директора по административно-хозяйственной части Иван Иванович Оботуров (в книге им подписаны 28 приказов).

Большинство записей сделаны синими чернилами, но встречаются черные и зеленые, местами чернила выцвели. В книге есть и записи карандашом — подписи помощника директора И. И. Оботурова и ознакомившихся с приказами лиц.

Анализ содержания приказов позволяет их условно разделить на несколько групп:

1. Приказы о приеме и увольнении хозяйственных работников.

2. Приказы по учебной деятельности, где можно выделить две категории:

1) приказы по преподавателям (прием и увольнение, распределение часов, ставок, нагрузки, командировки, повышение квалификации и др.);

2) приказы по студентам (зачисление, перевод из отделения в отделение, выбытие и исключение, о предоставлении отпуска и др.).

3. Приказы административного характера (о структуре вуза, создании кафедр, о назначении заведующих кафедрами).

Первыми работниками института, назначенными на должности в декабре — январе 1932 г., были: секретарь института (со ставкой 120 руб. в месяц), делопроизводитель (90 руб.), счетовод-кассир (120 или 90 руб. при условии предоставления комнаты в общежитии), швейцар (50 руб.), уборщицы здания института и общежития (50 руб.). Позже появились должности библиотекаря, машинистки, лаборанта, военрука. Для некоторых лиц был определен испытательный срок.

Согласно приказу от 16 января 1932 г. (Приказ № 7) начало учебных занятий устанавливалось с 20 января 1932 г. Институт начал свою работу в составе трех отделений: общественно-литературного, физико-технического и химико-биологического.

Контингент обучающихся определялся для 1-го курса — 4 группы (по 28 человек в каждой группе), для 2-го курса — одна группа в составе переведенных студентов со 2-го курса Коми отделений Ленинградского и Вологодского педагогических институтов. На 1-й курс было зачислено 87 человек, на 2-й курс — 21 человек. Всего — 108 человек. В феврале (Приказ от 1 февраля 1932 г. № 11) дополнительно были зачислены еще 22 человека.

В структуре института утверждались девять кафедр:

1) по диамату и истмату,

2) по общественно-экономическим дисциплинам,

3) по историческим дисциплинам,

4) по педагогике,

5) по педологии и психологии,

6) по языку и литературе,

7) по физико-математическим дисциплинам,

8) по политехническому циклу,

9) по естественным дисциплинам.

Для координации работы кафедр, обмена опытом и инструктажа при учебной части было создано методическое совещание в составе всех преподавателей и представителей от партийных, комсомольских, профсоюзных и студенческих организаций института. Руководство данным коллегиальным

органом было возложено на заместителя директора по учебной части, заведующего кафедрой по историческим дисциплинам Г. А. Старцева.

Утверждались четкие принципы, которыми должен был руководствоваться преподаватель при составлении программы дисциплины. Среди них: построение программы на основе марксистко-ленинской методологии, направленность на развитие марксистско-ленинского мировоззрения, увязка с практикой социалистического строительства, борьба с чуждыми течениями, направленность на усвоение студентами новейших достижений науки и техники и др. Данные постулаты существовали не одно десятилетие и были продиктованы временем, самой эпохой.

Устанавливалась кабинетная и групповая система занятий. Каждая группа делилась на бригады (по 4–5 человек в бригаде и 5–6 бригад в группе) с бригадиром во главе. Общее руководство, как группой, так и бригадой, было закреплено за преподавателем, несущим полную ответственность за работу группы.

Основным методом работы считался лабораторный. Лекции рассматривались как вспомогательный метод (вводные и заключительные занятия, общие установочные занятия). Но уже на следующий 1932/33 учебный год лабораторно-бригадный метод как ведущий (универсальный) был отменен (Приказ от 16 августа 1932 г. № 109). Устанавливалось, что методы преподавания в институте могут быть разнообразные, в зависимости от программы и содержания той или иной дисциплины. Среди них: лабораторный, экскурсионный, демонстрационный (лекции, лекции-беседы), семинарский (доклады, рефераты) и исследовательский. Основной академической единицей стали считать не бригаду, а группу (25–30 человек).

На всех отделениях большое внимание уделялось изучению общественно-политических дисциплин: диамат и истмат, политэкономия, теория советского хозяйства и экономики, история ВКП(б) и Коминтерна, Ленинизм, национальная политика и др.

Отметим, что в организации учебного процесса институт испытывал серьезные затруднения: не хватало преподавателей, учебников, литературы. Студенты нередко пропускали занятия. За прогулы объявлялся выговор, некоторых увольняли (основание: дневник посещаемости, постановление бюро комсомольской ячейки). Причем студентам необходимо было вернуть средства (стипендию), затраченную на их обучение.

Руководство института старалось повысить показатели, используя разные методы. Один из них — штурмовые декадники. Так, Приказом от 26 марта 1932 г. № 35 по институту был объявлен декадник по пяти маршрутам: за трудовую дисциплину, за качество учебы, за повышение культурно-массовой работы, за улучшение социально-бытовых условий и за комизацию школ. В конце декадника предполагалось организовать смотровой

(итоговый) вечер, на котором выявить лучшие ударные бригады и отдельных ударников на предмет премирования. Для премирования ударников были установлены 13 премий (Приказ от 7 мая 1932 г. № 62):

• 1-й категории — 1 премия («Собрание сочинений» В. И. Ленина в 6 томах);

• 2-й категории — 5 премий («Капитал» К. Маркса в 1 томе);

• 3-й категории — 7 премий («Вопросы Ленинизма» И. В. Сталина).

В марте — апреле 1932 г. у студентов 2-го курса состоялась первая педагогическая практика. Они были командированы в шесть районов Коми области (Усть-Куломский, Сторожевский, Визингский, Сыктывдинский, Усть-Вымский, Лесозавод). В задачи практики входило: ознакомление с постановкой воспитательно-образовательного процесса в массовых школах и школах повышенного типа; организация работы по всеобучу взрослых; организация массовой политико-просветительной работы в деревне.

Значительное внимание уделялось изучению военных дисциплин (180 ч.). Среди студентов проходили соревнования по стрельбе из мелкокалиберных винтовок. Летом 1932 г. «в целях ознакомления студентов с лагерной службой, углубления приобретенных ими военных знаний, усвоения боевых действий и получения практических навыков по производству глазомерной съемки» все студенты института были направлены в лагерь Облсовета Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) у Белой горы (Приказ от 7 мая 1932 г. № 62). Общее руководство учебой в лагере было возложено на военрука института и заведующего военным кабинетом Григория Семеновича Могилова.

Завершает книгу Приказ от 27 августа 1932 г. № 115 и надпись: «В настоящей книге пронумеровано восемьдесят четыре (84) листа. 21/VI-40 г. Управделами (подпись)».

В заключение отметим, что уникальность Книги приказов состоит в том, что она является первым документом, положившим начало формированию целого комплекса документов, изучение которых позволяет проследить историю становления и развития Коми пединститута.

Книга приказов № 1 раскрывает первые шаги становления высшего учебного заведения, дает возможность показать влияние происходивших в стране событий на развитие системы высшего образования, поведение и настроение людей на примере периферийного вуза. В приказах нашли отражение преподавательский состав, численность студентов и сотрудников, размеры их материального обеспечения, особенности труда и быта. Конечно, Книга приказов не дает целостного представления о развитии учебного заведения, однако в совокупности с другими документами является ценным источником по истории развития Коми государственного педагогического института.

УДК 7.03

Т. С. Полякова

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА-ФРОНТОВИКА Н. А. КУЗЬМИНА КАК ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается творчество омского художника-фронтовика Н. А. Кузьмина. Особое внимание автор уделяет работам художника из фондов Музея-заповедника «Старина Сибирская», посвященным Великой Отечественной войне. Также обращается внимание на то, как работы художника попали в Большереченскую картинную галерею, о каких событиях повествуют.

Ключевые слова: Николай Афанасьевич Кузьмин, художник-фронтовик, Большереченская картинная галерея, творчество, Великая Отечественная война.

В непростое время, когда переписывается история, когда забывается подвиг советского народа в борьбе с фашизмом, так важно помнить каждого, кто внес свой посильный вклад в общую Победу в Великой Отечественной войне. В этом году, а именно 16 ноября, исполняется 102 года со дня рождения художника Николая Афанасьевича Кузьмина. И, как любой представитель этого поколения, Николай Афанасьевич принял участие в Великой Отечественной войне, сумел вернуться и рассказывал о пережитом посредством своего творчества.

Имя Н. А. Кузьмина известно многим ценителям искусства не только в Омске, но и далеко за его пределами. Николай Афанасьевич (16.11.1920 — 05.01.2002) — художник-график, родился в Благовещенске Амурской области, учился в Омске: до войны — в художественно-педагогическом училище, после войны — в институте физической культуры и спорта; участник многих персональных, областных, всероссийских, всесоюзных, зарубежных выставок. Членом Союза художников стал в 1967 г. [1, с. 184].

Н. А. Кузьмин — художник многогранный; как график, он избрал для себя средством выразительности карандаш, уголь, тушь, акварель; не ограничившись в своем творческом поиске, Николай Кузьмин писал и маслом. Интересен и круг тем, которые волновали автора; все они связаны с его личными переживаниями, с поворотами судьбы, с привязанностью тому, что было выбрано в молодости.

Много работ художник посвятил теме спорта, ведь когда-то он сам был неоднократным участником городских и всесоюзных соревнований, а после окончания института три года работал в спортивном обществе «Динамо». Позже, уже не имея тесных связей со спортом, всегда следил за творчеством омских спортсменов, воспевая их мужество в серии портретов [2, с. 2].

© Полякова Т. С., 2022

Н. А. Кузьмин прошел всю войну, пережил все тяготы военной жизни, проявил себя на полях сражений неоднократно, поэтому тема Великой Отечественной войны проходит красной нитью через всё его творчество. Часть этих работ хранится в Омском музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Некоторые графические листы из этого собрания экспонировались на республиканской выставке, посвященной 30-летию Победы над фашистской Германией, а затем за рубежом — в Венгрии, в 1975 г. [2, с. 2].

Чтобы понять и прочувствовать творчество Николая Афанасьевича, необходимо знать, какой боевой путь он прошел. В электронной версии Книги памяти в разделе «Они вернулись с победой, г. Омск» о солдате Кузьмине написано так: «Кузьмин Николай Афанасьевич, р. 1920. Старшина, ком. орудия 373 сп 101 сд; ДВФ. Ранен» [3, с. 455].

В 2020 г. стартовал проект «Весна всегда похожа на победу…», подготовленный Министерством культуры Омской области, где рассказывают об омичах — деятелях культуры, которые внесли свой вклад в Великую Победу. Вот как рассказали о боевом пути Н. А. Кузьмина: «В 1940 году Николай Афанасьевич был призван в Красную армию. Служил художник на Камчатке в береговой артиллерии. Сопровождал корабли союзников, идущие в Мурманск. В августе 1945 года под командованием маршала А. М. Василевского была проведена операция по захвату Курильских островов. Командир орудия 279 артиллерийского полка Кузьмин участвовал в десанте по высадке 101-й стрелковой ордена Ленина дивизии 137 стрелкового корпуса Дальневосточного фронта на острова Шумшу и Парамушир. 16 ноября 1945 г. за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с японскими агрессорами, сержант Кузьмин был награжден медалью “За отвагу”. В 1946 году после демобилизации вернулся в Омск» [4]. Остается добавить, что Николай Афанасьевич был также награжден медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» [1, с. 184].

В фондах Большереченской картинной галереи хранится восемь работ Кузьмина, все они посвящены тем далеким страшным событиям. Четыре графических листа попали в галерею через несколько лет после ее открытия, в 1990 г. В это время галерея имела статус филиала Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля (далее — ООМИИ), директором которого в то время был А. М. Скрягин [5, с. 112]. В архиве галереи сохранились документы, согласно которым графические работы Кузьмина в числе прочих были переданы в 1988 г. с баланса ООМИИ на баланс Большереченского районного отдела культуры для экспонирования в картинной галерее (Приказ от 26 января 1988 г. № 18 Управления культуры Омского облисполкома). Затем эти графические листы в числе

прочих были переданы в картинную галерею на временное хранение (Акт от 25 июля 1990 г. № 97, ООМИИ). А позже состоялось выездное заседание фондовой комиссии ООМИИ, повесткой дня которого была постановка на постоянное хранение в филиал музея 78 работ омских художников (Протокол от 13 сентября 1990 г. № 7, ООМИИ), среди которых были и работы Н. А. Кузьмина. Все четыре графических листа относятся к серии «Великая Отечественная война» и датируются 1985–1987 гг.

«Сороковые-пороховые» (бумага, карандаш, тушь) — глядя на эту работу, мы как будто случайно встречаемся глазами с идущими навстречу солдатами. Еще секунда, и они пройдут мимо. Это совсем молодые ребята, несущие тяжелое оружие. По их позам, по их лицам и глазам можно понять, как непосильна их ноша, и в прямом, и переносном смысле, и как много в них упорности, стойкости. Кажется, они будут идти, несмотря ни на что (рис. 1).

Следующая работа посвящена одной из самых страшных страниц Великой Отечественной войны — блокадному Ленинграду. «Эвакуация» (бумага, карандаш, уголь, тушь) — здесь мы не видим лиц, мы видим лишь, как два моряка уводят к причалу изможденных, в одежде не по размеру детей. Кто знает, станет ли этот путь спасением (рис. 2).

Два графических листа повествуют нам о морских сражениях, через которые прошел сам автор. Это работы «Атака торпедных катеров» (бумага, карандаш, тушь) (рис. 3) и «Морской охотник» (бумага, карандаш,

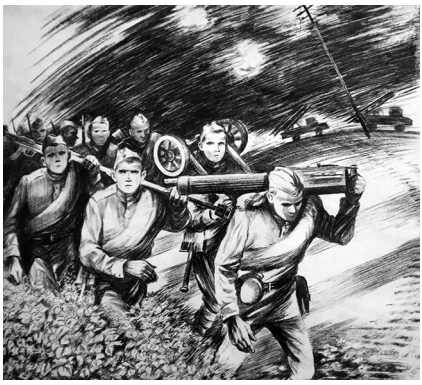

Рис. 1. Картина Н. А. Кузьмина. Сороковые-пороховые. Бумага, карандаш, тушь. 1985 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 2. Картина Н. А. Кузьмина. Эвакуация. Бумага, карандаш, тушь, уголь. 1985 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

уголь) (рис. 4). Зритель снова оказывается за спиной воинов, на этот раз артиллеристов, но уже на борту боевого катера типа МО-4, в самый разгар морского боя.

В 2002 г. фонды галереи пополнились новыми картинами, вышедшими из-под кисти художника Н. А. Кузьмина. В книге поступлений Большереченской картинной галереи указано, что они были переданы в дар акционерной компанией «Омск-Энерго» в лице генерального директора А. В. Антропенко [6, с. 77–80]. На самих картинах есть бирка, на которой указано, что этот подарок сделан в честь 375-летия со дня образования р. п. Большеречье.

Подаренные четыре картины оказались живописью. Среди них — масштабный триптих, посвященный разным событиям Великой Отечественной войны. Работе над триптихом Николай Кузьмин отдал три года жизни и оставил нам яркую память о военных годах. Центральная часть названа «Хлеб — фронту» (1983, холст, масло, 140 × 200), где в плакатной манере художник показывает тяготы тыловой жизни. На картине — женщины, дети, инвалиды и старики, работающие с полной отдачей сил, устремленные

Рис. 3. Картина Н. А. Кузьмина. Атака торпедных катеров. Бумага, карандаш, тушь. 1987 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 4. Картина Н. А. Кузьмина. Морской охотник. Бумага, карандаш, уголь. 1987 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 5. Картина Н. А. Кузьмина. Хлеб — фронту. Холст, масло. 1983–1984 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 6. Картина Н. А. Кузьмина. Эвакуированные ленинградцы. Холст, масло. 1986 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 7. Картина Н. А. Кузьмина. Возвращение. Холст, масло. 1986 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

Рис. 8. Картина Н. А. Кузьмина. Десант на остров Шум-шу. 18 августа 1945 г. Холст, масло. 1983 (из фондов музея-заповедника «Старина Сибирская», фотография М. С. Александрова)

к единой цели (рис. 5). Левая часть триптиха «Эвакуированные ленинградцы» (1986, холст, масло, 160 × 100) напоминает о самоотверженности женщин, разбиравших сразу на вокзале эвакуированных детей-ленинградцев (рис. 6). Правая часть триптиха названа — «Возвращение» (1986, холст, масло, 160 × 100), по мотивам знаменитых кадров с Белорусского вокзала, на который прибыл Поезд Победы, но радостные лица здесь соседствуют с горем и бедой, вдовьей долей (рис. 7).

Еще одна работа «Десант на остров Шум-шу. 18 августа 1945 г.» (1993, холст, масло, 65 × 100) повествует о том, что война для многих солдат, в том числе и для Кузьмина, не закончилась в мае 1945-го, их перебросили далеко на восток для участия в Советско-Японской войне (рис. 8).

Все работы Николая Афанасьевича Кузьмина ежегодно занимают достойное место на выставках, посвященных Дню Победы. Творчество художника помогает нам рассказывать о военном лихолетье молодому поколению, а порою картины говорят сами за себя.

---

1. Омская организация Союза художников России : [альбом-справ.] / [ред. Л. К. Богомолова]. — Омск : Омскбланкиздат, 2004. — 343 с.

2. Каталог Юбилейной выставки художников Николая Кузьмина, Ивана Сивохина. — Омск : Ом. орг. Союза художников РСФСР, 1980. — 14 с.

3. Электронная версия Книги памяти Омской области // Омская Губерния : офиц. сайт. — URL: https://special.omskportal.ru/government/pobeda70/bookremember (дата обращения: 27.06.2022).

4. «Весна всегда похожа на победу…» Кузьмин Николай Афанасьевич // Омский портал «Культура» : [сайт]. — 2020. — 20 мая. — URL: https://kultura55.ru/news/vesna-vsegda-pohozha-na-pobedu-kuzmin-nikolay-afanasevich (дата обращения: 27.06.2022).

5. *Гуселетова Т. В.* История Большереченской картинной галереи // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. науч. конф. памяти В. Ф. Мелехина. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2016. — Вып. 19. — С. 112–114.

6. Большереческая картинная галерея / БУК «Омский Государственный историко-культурный музей-заповедник “Старина Сибирская”». — Большеречье, 2020.

УДК 93; 908

Н. А. Томилов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ПУТИ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX — ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА)

В статье рассмотрены компоненты сохранения и использования историко-культурного наследия Омской области как основы исторической памяти омского регионального сообщества в последней четверти XX — первых десятилетиях XXI в. Основное внимание уделено существенно возросшему именно в это время вкладу науки в изучение исторических и культурных процессов, формирующих историческую память. Выделены два периода в этой научной деятельности: 1-й — середина 1970-х — 1980-е гг., характеризуется поворотом омской науки к изучению историко-культурного наследия и исторической памяти; 2-й — с 1990-х гг. по настоящее время — это период существенного расширения научных исследований и применения полученных знаний в социокультурной практике. Тема статьи раскрывается рассмотрением деятельности сообществ омских ученых и краеведов в разработке программ по решению национальных проблем в Омском регионе, в издании научно-популярной литературы по истории и культуре, в проведении научно-практических форумов, в прямом участии ученых в делах по сохранению, приумножению и использованию историко-культурного наследия Омской области в формировании исторической памяти населения данного региона в период середины 1970-х — 1980-х гг.

Ключевые слова: историческая память, историко-культурное наследие, периодизация историко-культурных исследований в Омской области, научные издания, научно-практические форумы.

Социальная значимость изучения исторической памяти напрямую определяется ее консолидирующей ролью и сопряженностью с нею историко-культурного наследия в российском обществе. Что касается отдельных административно-территориальных образований Российской Федерации, то об этом В. А. Тишков пишет так: «Самоопределение российского региона с позиции его историко-культурного наследия и этноконфессиональных традиций создает его привлекательность и обеспечивает позитивное восприятие в глобальном масштабе, что, в свою очередь, повышает самооценку и укрепляет патриотизм населения региона и страны в целом» [1, с. 11].

Данная работа охватывает тему процессов формирования и укрепления исторической памяти жителей Омской области, а также роли в этих консолидирующих общество процессах исторических и культурных ресурсов региона и в целом России. Упор сделан на изучение деятельности омского научного сообщества в исследовании историко-культурного наследия и в использовании его в практической сфере для закрепления

© Томилов Н. А., 2022

патриотических установок в историческом мировоззрении граждан Омской области и в целом россиян. А существенная активизация омских ученых в такой деятельности стала происходить с середины 1970-х гг. и продолжается в настоящее время. Поэтому этот почти полувековой срок и составил хронологические рамки статьи.

В целом эта тема довольно обширна и областями исследования, и по объему источниковых блоков, явно монографична, поэтому нашу работу можно считать предварительной, и посвящена она первому периоду.

Изучению истерической памяти и сопряженного с нею историко-культурного наследия России и ее регионов посвящено большое количество работ, в том числе и омских ученых — историков, археологов, этнографов, фольклористов, культурологов, музееведов [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; и др.]. Не вдаваясь в методологические установки по этим темам, всё же отметим, что приемлемым нам представляется понимание исторической памяти как комплекса способов умственной деятельности людей в получении, накоплении, сохранении и воспроизведении исторических сообщений и знаний о событиях и процессах прошлого. Восприятие и осмысление этих знаний об истории и культуре страны, региона, сообщества, народа и т. д. формируют представления о прошлом и установки на отношения к нему, передаваемые следующим поколениям разными приемами, в том числе с использованием исторического и культурного (историко-культурного) наследия.

В этой работе приводятся некоторые данные о сохранении, приумножении и использовании ряда компонентов историко-культурного наследия в укреплении позитивных явлений исторической памяти и в целом в стабильном развитии омского сообщества. Речь идет и о прямом участии ученых и краеведов-любителей в практических делах в сфере историко-культурного наследия, и в большей мере о тех научных исследованиях, которые могут быть использованы в общественной и культурной жизни населения Омской области — это материалы и разработки общественных традиций (праздников, юбилейных событий и т. д.), издание книг по истории и культуре Омского Прииртышья для населения, проведение научно-практических конференций и семинаров с участием общественности Омской области.

Участие ученых в формировании исторического мировоззрения, в изучении и развитии культурного наследия омского сообщества в прошедшие полвека осуществлялось в двух периодах: 1-й — это середина 1970-х — 1980-е гг., когда ученые созданного в 1974 г. Омского государственного университета (ОмГУ), Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького (ОмГПИ) и других вузов Омска,

работники архивов, библиотек и музеев стали заметно активнее участвовать в обозначенных выше направлениях деятельности; 2-й — с 1990-х гг. по настоящее время — характеризуется существенным увеличением исторических и культурологических исследований и внедрением их результатов в практику социокультурной жизнедеятельности населения Омской области, что связано с присоединением к таким исследованиям ученых созданных в начале 1990-х гг. двух научных учреждений — Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (сегодня это Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии (СО РАН) и Сибирского филиала Российского института культурологии (сегодня это Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева), а также с существенным возрастанием научных исследований, проводимых ведущими музеями, архивами и библиотеками Омска, а также краеведами Омской области.

В середине 1970-х — 1980-х гг. практические дела омских ученых — это, прежде всего, создание в 1974 г. Музея археологии и этнографии ОмГУ и Музея истории ОмГУ, функционирование в ОмГПИ археологической лаборатории, участие сотрудников и выпускников исторического факультета ОмГУ в создании музеев в некоторых районах Омской области (музеи Тевризского, Усть-Ишимского районов и др.), проведение экскурсий и лекций в музеях. Лекционная работа историков активно проходила и по линии общества «Знание». Привлечение к работе в археологических экспедициях ОмГУ и ОмГПИ школьников обогащало их знаниями по древней истории Омского Прииртышья.

Активизации участия омских ученых в практических делах способствовали омские региональные власти. В 1964–1982 гг. Омским областным управлением культуры руководила Н. Н. Бревнова, которая поощряла научные исследования по истории и культуре Омской области, одобрила издание подготовленных учеными ОмГУ каталогов этнографических коллекций Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, участвовала в подготовке и проведении в Омске всесоюзных и региональных научных конференций.

Привлечение ученых к практическим делам Омской области продолжила руководившая в 1985–1998 гг. омской культурой Н. М. Генова. Наиболее значимым делом была разработка программы музеефикации Омской области (сегодня в ней 40 зарегистрированных музеев и более полусотни ведомственных и общественных музеев), проведение паспортизации памятников истории и культуры Омской области силами созданной в ОмГПИ в 1988 г. Историко-краеведческой лаборатории под руководством П. П. Ви-

бе (работы продолжались до середины 1990-х гг.). Немало практических дел у ученых гуманитарного направления было осуществлено в рамках областной научно-исследовательской программы «Омский регион», созданной по предложению губернатора Л. К. Полежаева и действовавшей с конца 1980-х гг. и затем на протяжении 1990-х гг.

Значимым практическим делом было создание в 1990 г. по поручению Омского обкома КПСС группой ученых Программы действий Омской областной партийной организации по реализации Платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» (руководители работы Н. А. Томилов и В. Н. Худяков) с опубликованием ее проекта в газете «Омская правда» для обсуждения населением области [15].

Практические дела омских ученых в тот период активизировались также в их участии в деятельности общественных организаций, прежде всего Омской областной организации общества «Знание», Омского отделения Русского географического общества, Омского областного отделения Советского фонда культуры. Последняя особое внимание уделяла религиозной культуре, активно участвуя в миротворческих конференциях, организовав в 1988 г. совместно с Омско-Тарской епархией выставку «Декоративно-прикладное искусство Православной Церкви» и др.

Из печатных изданий того времени — это переиздания монографии М. К. Юрасовой «Омск. Очерки истории Омска» [16; 17], впервые вышедшей из печати еще в 1965 г.; сборники научных трудов по культуре народов Сибири [18; 19; и др.]; первые тома каталогов этнографических коллекций Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (ОГОИЛМ) [20; 21]; учебное пособие по истории Омской области [22]. И, кроме этого, изданные по инициативе писателя и краеведа И. Ф. Петрова две серии краеведческих сборников — «Судьбы, связанные с Омском» (1976–1986) и «Прииртышье мое» (1988–1990), а также сборники с материалами конференций.

Сам И. Ф. Петров в этот период разразился серией книг (более 10) с литературными произведениями и краеведческими очерками [23; 24; 25; и др.]. Издавали свои книги краеведческой тематики профессора М. Е. Бударин и А. Д. Колесников [26; 27; и др.]. Каких-либо периодических журналов по краеведению в те годы не издавалось. Только в 1990 г. был выпущен в свет первый номер информационного бюллетеня «Вестник культуры» Омского отделения Советского фонда культуры с материалами и по истории Омского Прииртышья, который выходит из печати до сих пор.

Начиная со второй половины 1970-х гг. в Омске стали регулярно проводиться научные конференции всесоюзного, всероссийского и регионального уровней и среди них конференции, освещающие результаты исследований по истории и культуре нашей страны, ее крупного Сибирского региона,

и в том числе Омского Прииртышья, — это всесоюзные конференции по этнической истории и культуре тюркских народов Сибири (1979, 1984), «Социально-культурные процессы в советской Сибири» (1985), «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (1987), «Национальные и социально-культурные процессы в СССР» (1990). В каждой конференции участвовала и научная молодежь — аспиранты, соискатели ученых степеней, студенты, а конференция 1990 г. была полностью форумом молодых ученых. Но, пожалуй, для омской общественности более значимой в плане историко-культурной тематики стала тогда состоявшаяся в 1988 г. Сибирская региональная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию ОГОИЛМ. По ее материалам было издано пять сборников научных трудов.

Таким образом, приведенные данные о вкладе омской науки в расширение объема и возрастание роли исторической памяти в сообществе Омской области в середине 1970-х — 1980-х гг. в основном путями изучения и использования историко-культурного наследия этого региона в практических целях свидетельствуют об интенсификации всех этих процессов. В этот период существенно возросло в Омской области количество ученых гуманитарного профиля, началось и оживление в краеведческой деятельности. Именно тогда здесь сложилось плодотворное сотрудничество и даже совместная деятельность ученых, работников культуры и руководителей Омска и Омской области, что имеет место и сегодня. Все вышеобозначенные явления и процессы в более целенаправленном виде и в возросшем объеме проявились в следующем периоде 1990-х гг. — первых десятилетий XXI в., что требует их дальнейшего изучения.

---

1. *Тишков В. А.* Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность : сб. ст. — М. : РАН, 2018. — С. 5–11.

2. *Алисов Д. А.* Историческая память и советский город: проблемы взаимодействия различных типов культурного ландшафта в одном городе (на примере Омска) // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : ОГИК музей, 2017. — С. 83–87.

3. *Вибе П. П.* Краеведческий музей как ресурсная база формирования инфраструктуры историко-культурного пространства региона: анализ исторического опыта Омского государственного историко-краеведческого музея // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Омск, 13–17 мая 2013 г.). — М. : Краеведение, 2013. — С. 558–570.

4. *Генова Н. М., Хилько Н. Ф.* Культурная политика региона в формировании культурного пространства городов Омского Прииртышья: к 300-летию Омска. — Омск : Амфора, 2016. — 141 с.

5. *Демченко В. М.* Историко-культурный общественный комплекс «Омская крепость» как среда формирования духовно-нравственных ценностей омичей // Культурологические исследования в Сибири. — 2011. — № 1 (32). — С. 69–73.

6. *Золотова Т. Н.* Памятники героям Великой Отечественной войны в современном городском и сельском социокультурном пространстве // Культурологические исследования в Сибири. — 2011. — № 3 (34). — С. 103–109.

7. Историко-культурное наследие Омского Прииртышья : сб. науч. тр. / сост. А. П. Сорокин ; под ред. Б. А. Коникова. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. — Вып. 4. — 236 с.

8. *Коников Б. А.* О насущных задачах по пропаганде археологического наследия // Культурологические исследования в Сибири. — 2003. — № 3 (11). — С. 82–84.

9. *Леонова Т. Г.* Проблемы изучения регионального фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. — М. : ГРЦРФ, 2006. — Т. 2. — С. 112–135.

10. *Ремнев П. А.* Интернет и национальные культуры: к проблемам трансляции, трансформации и взаимодействия // Культурологические исследования в Сибири. — 2012. — № 3 (38). — С. 12–18.

11. *Рыженко В. Г.* Современное культурно-историческое родиноведение: востребованная традиция или новое направление? // Источниковедение и краеведение в культуре России: К 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту : сб. ст. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. — С. 298–299.

12. *Томилов Н. А.* Внедрение историко-культурного наследия народов Омского Прииртышья в научную и музейную практику (к 45-летию Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского) // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». — 2019. — № 2. — С. 259–265.

13. *Томилов Н. А.* Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Человек, культура и общество в контексте глобализации : материалы конф. — М. : Академический проект : Рос. ин-т культурологии, 2007. — С. 28–31.

14. *Хилько Н. Ф.* Культурная политика в контексте культурного наследия Омского региона. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2013. — 122 с.

15. Программа действий Омской областной партийной организации по реализации Платформы КПСС «Национальная политика в современных условиях» // Омская правда. — 1990. — 7 апр. — № 81. — С. 2.

16. *Юрасова М. К.* Омск. Очерки истории города / под ред. М. Е. Бударина. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. — 310 с.

17. *Юрасова М. К.* Омск. Очерки истории города. — Омск : Ом. кн. изд-во, 1983. — 256 с.

18. Духовная культура народов Сибири / отв. ред. Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. — 184 с.

19. Современная духовная культура народов Сибири и Севера : межвед. тем. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Томилов. — Омск : Изд. ОмГУ, 1989. — 183 с.

20. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / отв. ред. Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1986. — 344 с.

21. Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / отв. ред.: И. С. Гурвич, Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. — 295 с.

22. *Захарова И. В., Сергеева Н. А., Новиков И. Н.* История Омской области с древнейших времен до конца XIX века : учеб. пособие. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. — 64 с.

23. *Петров И. Ф.* Следы на земле: История Сибири в памятниках. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — 208 с.

24. *Петров И. Ф.* Не забудь их, моя Россия! — Омск : Ом. кн. изд-во, 1964. — 176 с.

25. *Петров И. Ф.* Сибирь — мое отечество. Повесть-хроника. Очерки. — Омск : Ом. кн. изд-во, 1990. — 336 с.

26. *Бударин М. Е.* Были о чекистах. — Омск : Изд-во ОмГПИ, 1974. — 131 с.

27. *Колесников А. Д.* Памятники и памятные места Омска и области. — Омск : Ом. кн. изд-во, 1987. — 160 с.

УДК 347.787; 7.021.23

Е. В. Чекмарева, Т. В. Чекмарева

ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В МАКЕТНЫХ ВИЗУАЛИЗАЦИЯХ СТУДЕНТОВ ОМСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА

В статье рассмотрена макетная визуализация как форма трансляции исторической и культурной памяти. Приведены преимущества макетной визуализации. Кратко описаны макеты крепостей Омского региона, выполненные студентами Омского строительного колледжа за период с 2016 по 2022 г.

Ключевые слова: трансляция, макет, макетная визуализация, историко-культурное наследие, студенты Омского строительного колледжа, крепости Омского региона, Покровская крепость.

Трансляция исторической и культурной памяти — это передача культурного наследия из поколения в поколение. Задача современного общества — сохранить и защитить историко-культурное наследие, обеспечить непрерывность транслирования его будущим поколениям. В макетной визуализации отражается срез культурной истории как социокультурная реальность конкретного исторического периода.

Основная форма восприятия окружающего мира у людей — визуальная. Макетная визуализация дает полное представление об объекте, позволяя видеть его со всех интересующих ракурсов, а не только с той точки зрения, которую демонстрирует автор-проектировщик в плоскостных чертежных визуализациях [1, с. 668].

© Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В., 2022

Макетная «школа» специальности «архитектура» в Омском строительном колледже существует 59 лет и является на протяжении многих десятилетий самой сильной в регионе среди профессиональных учебных заведений. Расцвета макетная «школа» достигла в период преподавательской деятельности в колледже Анатолия Ивановича Коненко, выпускника колледжа, впоследствии преподавателя, руководителя кружка и всемирно известного омского художника-миниатюриста. Высокую планку макетной «школы» А. И. Коненко колледж держит и сегодня. Студенты колледжа занимаются макетированием на учебной практике, в процессе самостоятельной работы на занятиях, в рамках курсового и дипломного проектирования. Лучшие студенческие работы представлены в экспозициях музеев Омска [1, с. 669].

Благодаря высокому качеству исполнения макетов студентами колледжа профессиональные сообщества «Союз архитекторов России», «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК) в лице председателя Никиты Петровича Шалмина и заместителя председателя Игоря Леонидовича Коновалова, автономное учреждение г. Омска «Омская крепость» делают заказы колледжу на выполнение презентационных макетов-моделей по исторической реконструкции крепостей Омского региона.

С 2015 г. куратором, научным консультантом, макетной «школы» колледжа был академик Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), заслуженный архитектор России и руководитель Омского представительства РААСН, профессор Альберт Миниханович Каримов, который в советский период более 30 лет был главным архитектором Омска. Позднее кураторство перешло к почетному архитектору России, доценту кафедры архитектурно-конструктивного проектирования СибАДИ, профессору МААМ (Отделение Международной академии архитектуры в Москве), члену Союза архитекторов России Сакену Шайхислямовичу Хусаинову и члену Союза архитекторов, директору Института территориального планирования и землеустройства «ГЕНПЛАН», председателю ВООПИиК Никите Петровичу Шалмину. Надежные социальные партнеры колледжа — Омское отделение ВООПИиК и автономное учреждение г. Омска «Омская крепость».

Макетные визуализации, созданные в 2016–2022 гг. на основе архивных сведений, исторической версии В. И. Кочедамова и совместной работы с научным консультантом, историком-краеведом, заместителем председателя Омского отделения ВООПИиК, инженером-проектировщиком Игорем Леонидовичем Коноваловым [2]:

1. Макет «Омская крепость (1717–1771)» изготовлен в 2017 г. в рамках дипломного проектирования студентами Омского строительного колледжа (рис. 1).

По архивным сведениям, временная Омская крепость, заложенная в 1716 г. Бухгольцом, была возведена на левом берегу р. Оми. Майором Аксаковым была построена постоянная Первая Омская крепость в 1717 г., которая просуществовала 54 года.

2. Макет «Новая Омская крепость (1768–1864)» изготовлен в 2016 г. в рамках дипломного проектирования студентами Омского строительного колледжа (рис. 2). В 1768 г. из-за фортификационных преимуществ было принято решение построить Новую Омскую крепость на правом берегу р. Оми. Инженер Малм и генерал Шпрингер стали авторами проекта крепости [3].

Макеты «Омская крепость (1717–1771)» и «Новая Омская крепость (1768–1864)» выполнены с эффектом «одной руки» и демонстрируются вместе в постоянной экспозиции автономного учреждения г. Омска «Омская крепость».

3. Макет «Здания площади плац-парада Омской крепости. XVIII век» изготовлен в 2018 г. в рамках дипломного проекта студентами колледжа по заказу ВООПИиК (рис. 3).

Объекты были воссозданы в увеличенном масштабе для более наглядной демонстрации приемов архитектурной выразительности. Здания Новой Омской крепости были сгруппированы вокруг композиционного ядра — площади плац-парада. Макет «Здания площади плац-парада» — дополнение к макету Новой Омской крепости. Макет демонстрируется в постоянной экспозиции музея Омского строительного колледжа.

4. Макет церкви Сергия Радонежского изготовлен в 2016 г. (рис. 4).

Церковь Сергия Радонежского находилась в Первой Омской крепости и была не только самым высоким и значимым объектом в крепости, но и важным общегородским сооружением [4, с. 194–195].

Разработкой проекта воссоздания церкви Сергия Радонежского занимался творческий коллектив под руководством академика РААСН, заслуженного архитектора России, доктора архитектуры, профессора архитектурного отделения СибАДИ Альберта Миниховича Каримова. Активное участие в разработке проекта приняли студенты архитектурно-дизайнерской мастерской Омского строительного колледжа, выполнившие визуализацию проекта церкви Сергия Радонежского и в 2016 г. создавшие макет из дерева и шпона в масштабе 1 : 30.

Макет сначала демонстрировался в постоянной экспозиции музея Омского строительного колледжа, затем, по просьбе ВООПИиК, был передан Омскому представительству Союза архитекторов России.

5. Макет «Музеефикация фрагментов острога Омской крепости» изготовлен в 2019 г. в рамках дипломного проекта студентами колледжа (рис. 5).

Идеей проекта стало воссоздание фрагментов острога на аутентичном фундаменте в центре Омска. Границы проекта проходят по улицам Некрасова, Красина, где сейчас располагаются Омский государственный академический театр драмы, Омский государственный медицинский университет и 4-этажный жилой дом с административными помещениями.

Главная особенность функционального зонирования территории — разделение проектируемого участка на историческую и современную зону. Удалось четко разделить зоны за счет аутентичного фундамента. В исторической зоне за остекленными разрезами фрагментов кухни и казармы острога можно увидеть, в каких условиях жили каторжане. Современная зона музея — это садово-парковая зона, место отдыха горожан, развернутая в сторону исторических объектов. Реализованный проект в дальнейшем станет музеем под открытым небом [5, с. 8; 6].

В остроге Омской крепости отбывал каторгу всемирно известный русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Созданный макет «Музеефикация фрагментов острога Омской крепости» демонстрируется в постоянной экспозиции филиала Омского музея просвещения в Воскресенском соборе Омской крепости.

6. Макет «Макетная визуализация исторической версии Покровской крепости 1765–1800 гг.» изготовлен в 2022 г. в рамках дипломного проектирования студентами Омского строительного колледжа (рис. 6).

Покровская крепость — это сторожевое укрепление Тоболо-Ишимской линии, находящееся возле бывшей д. Покровки Марьяновского района Омской области, на северном берегу оз. Покровского, является памятником истории.

Покровская крепость — временный перевалочный пункт. Как все крепости Омского региона, она строилась по «образцовым» — типовым проектам. Первоначальная форма крепости была 4-угольной. Затем в целях улучшения фортификационных свойств к ней пристроили четыре бастиона, и форма крепости стала 8-угольной. В крепость вели въездные ворота: первые из посада, вторые в юго-восточной части, вели к озеру. К востоку от крепости была территория для обывательских домов.

На макетной визуализации показано расположение зданий и сооружений Покровской крепости: Покровская церковь, офицерские дома, казармы, кухня-столовая, баня, цейхгауз, кордегардия, конюшни, пороховой погреб.

На территории крепости Омская региональная общественная организация «Объединенное казачество Прииртышья» планирует организовать круглогодичный лагерь патриотического воспитания молодежи в казачьих традициях.

Рис. 1. Макет «Омская крепость (1717–1771)» (музей автономного учреждения г. Омска «Омская крепость», 2022, фотография Т. В. Чекмаревой)

Рис. 2. Макет «Новая Омская крепость (1768–1864)». Источник: Омскую крепость уменьшили в пятьсот раз и превратили в музейный экспонат. — URL: https://omskzdes.ru/storage/p/2016/07/15/1468553160_559222_91.jpg (фотография И. Петрова)

Рис. 3. Макет «Здания площади плац-парада Омской крепости. XVIII век» (музей Омского строительного колледжа, 2019, фотография Т. В. Чекмаревой)

Рис. 4. Макет «Церковь Сергия Радонежского» (музей Омского строительного колледжа, 2019, фотография Т. В. Чекмаревой)

Рис. 5. Макет «Музеефикация фрагментов острога Омской крепости» (музей Омского строительного колледжа, 2019, фотография Т. В. Чекмаревой)

Рис. 6. Макет «Макетная визуализация исторической версии Покровской крепости 1765–1800 гг.» (музей Омского строительного колледжа, 2022, фотография Т. В. Чекмаревой)

Макет «Макетная визуализация исторической версии Покровской крепости 1765–1800 гг.» демонстрируется в историческом парке «Россия — моя история» Областного Экспоцентра торгового центра «Континент».

Крепости Омского региона копируют планировку «идеальных городов» эпохи Возрождения. Особенность планировки «идеального города» — одинаковое удаление центра города до его окраин, что является фортификационным преимуществом [7, с. 81].

Студенческие макеты крепостей Омского региона демонстрируются в постоянных экспозициях музеев Омска — традиционных институтах трансляции исторической и культурной памяти в современном обществе [8, с. 66–67]. Студенческая макетная визуализация наглядна, презентабельна и сравнительно недорога. Отражая срез социокультурной реальности, привлекая многочисленных сторонников идеи воссоздания историко-культурных объектов в регионе, макетная визуализация обеспечивает непрерывность транслирования историко-культурной памяти будущим поколениям.

---

1. *Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В.* Макетная визуализация как эффективный метод интерактивной технологии обучения в профессиональной подготовке архитекторов // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, инновации : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. — Омск : Изд-во СибАДИ, 2019. — С. 667–672.

2. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. — Омск : Изд. дом «Наука», 2014. — 252 с.

3. Мнение генерал-поручика И. И. Шпрингера, поданное в военную коллегию, о необходимости постройки крепости на правом берегу Иртыша и Оми. 28 февраля 1765 года // Из истории Омска. 1716–1917. Очерки, документы, материалы / отв. сост Е. Н. Евсеев. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1967.

4. *Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В., Захаренко М. В.* Проект воссоздания церкви Сергия Радонежского в городе Омске // Фундаментальные и прикладные исследования молодых ученых : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. — Омск : Изд-во СибАДИ, 2020. — С. 194–197.

5. *Чекмарева Е. В., Чекмарева Т. В.* Музеи под открытым небом. Проект музеефикации фрагментов острога Омской крепости // Строительство: наука и образование. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 1–26.

6. *Старикова А. С.* Актуализация культурного наследия в музеях под открытым небом (на примере историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта») // Молодой ученый. — 2018. — № 19 (205). — С. 413–418.

7. *Валиахметова Н. М., Скуднева М. В.* Проблема размещения музея под открытым небом в структуре сибирского города // Творчество и современность. — 2018. — № 1 (5). — С. 79–84.

8. *Поляков Т. П.* Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. — М. : Институт Наследия, 2018. — 588 с.

УДК 93.908

Н. А. Чиканова

ОБРАЗ МЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Учебник истории служит средством формирования культурной памяти на массовом уровне. Автор раскрывает особенности трансляции истории медицины в современных российских школьных учебниках, приходя к выводу о повышении внимания к институтам гражданского общества и личным инициативам граждан в рамках медицинского дискурса.

Ключевые слова: школьный учебник истории, культурная память, образ медицины.

История отечественной медицины занимает прочное место в культурной памяти россиян. Врачи и приемы лечения стали частью повествования о повседневности, истории войн, героизме россиян. Первичным звеном формирования представлений о развитии медицины на массовом уровне выступают школьные учебники истории.

Для исследования темы были востребованы нормативные документы, регулирующие цели и задачи, методологические основы, пути реализации и требования к уровню подготовки выпускников, — Федеральный государственный образовательный стандарт и Концепция преподавания учебного курса «История России». Из федерального перечня учебников, рекомендованных Министерством просвещения, для анализа была выбрана линия учебников Н. М. Арсентьева, А. А. Данилова, И. В. Курукина и др. для 6–9-х классов, а также М. М. Горинова, А. А. Данилова, М. Ю. Морукова и др. для старшей школы под редакцией А. В. Торкунова.

Потенциал изучения истории медицины на школьном уровне заключается в возможности использования знаний для воспитания патриотизма, рефлексии учащихся на тему личности в истории, воспитании уважения к достижениям предшествующих поколений. Помимо формирования личностных качеств, изучение истории отечественной медицины в старших классах способно сыграть профориентационную роль, что, в соответствии с нормативными документами, служит способом для самореализации гражданина. Прикладная роль изучения истории медицины заключается в воспитании гигиенических навыков и в санитарном просвещении школьников. Достижение указанных целей в текстах учебников реализовано посредством отбора их содержания, размещения тематических иллюстраций и использования дидактических средств.

© Чиканова Н. А., 2022

В рамках освещения социально-экономического развития России XVIII–XXI вв. авторы учебников справедливо связали демографические успехи с прогрессом медицины [1, с. 10; 2, с. 109], который неразрывно связан с социальной, образовательной и научной политикой государства.

В контексте изложения событий XVIII в. по инициативе государства происходило учреждение госпиталей и врачебной школы, в которой впервые использовались отечественные хирургические инструменты, произведенные в Санкт-Петербурге [3, с. 64]; возник Аптекарский приказ, который стал органом государственного контроля над медициной и впоследствии основой ботанического сада, выращивающего лекарственные растения [3, с. 64]; открылся медицинский факультет Московского императорского университета [4, с. 79]. В отличие от дореволюционных и советских текстов, современный учебник оставил за рамками повествования оспопрививание Екатерины II и Павла I, которые были вакцинированы одними из первых людей в России, что, несомненно, служило фактором положительной идентификации власти в рамках медицинского дискурса.

Риторика учебных текстов изменилась, начиная с изложения событий истории медицины XIX в. Акцент в них сделан на личных достижениях Н. И. Пирогова, И. М. Сеченова, И. П. Павлова и И. И. Мечникова, которые своей всемирной известностью стали национальной гордостью России [1, с. 99; 5, с. 39, 112]. Вместе с тем авторы отметили заслуги российских сестер милосердия Д. М. Севастопольской [1, с. 94] и Р. М. Ивановой [6, с. 18], показавших примеры героизма «простых русских женщин» во время Крымской и Первой мировой войн. Несмотря на огосударствление научной и социальной жизни в советском государстве, авторы продолжили начатую ранее повествовательную линию: ими отмечена самоотверженная работа легендарных советских хирургов А. Н. Бакулева, Н. Н. Бурденко, В. Ф. Войно-Ясенецкого и изобретение пенициллина З. В. Ермольевой, сохранивших большое количество жизней в годы Великой Отечественной войны [2, с. 35]. Примеры вклада исторических личностей в развитие медицины служат средством воспитания социально ответственной личности на основе нравственных и научных ценностей.

Согласно нормативным документам, важнейшая задача исторического образования — создание возможностей для максимальной реализации потенциала личности. Ее решение невозможно без формирования целостного представления о социальной стратификации, месте личности в общественном устройстве, социальной мобильности и ее лифтах, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на выбор профессии. Получение медицинского образования в учебных текстах представлено как фактор социальной

мобильности. Повествуя о положении врачей в сословном типе стратификации, авторы отнесли их к верхушке городской интеллигенции, имущественное положение которой практически не уступало дворянскому. Ключевым отличием было то, что центральное место занимали не парадные комнаты, а рабочие кабинеты и библиотеки [5, с. 56]. Советское общество демонстрировало высокую заинтересованность в медицинских кадрах и, как следствие, их высокий статус. Основным недостатком этого периода авторы называют уравнение заработной платы низкоквалифицированных работников и врачей, что существенно снижало мотивацию труда последних [2, с. 162]. Таким образом, учебные тексты способствуют формированию у школьников представлений об историческом престиже профессии врача.

Формирование образа медицины на страницах российских учебников истории произошло в рамках риторики становления гражданского общества. Предпосылки его возникновения отмечены еще в повествовании о событиях советской истории: работе профсоюзов [6, с. 146]; сдаче крови донорами-добровольцами, благодаря которым практически исчезла смертность от кровопотери во время Великой Отечественной войны [2, с. 35–36]; деятельности Еврейского антифашистского комитета, организовавшего сбор и отправку нуждающимся медикаментов и медицинского оборудования [2, с. 40–41]. Российский законотворческий процесс XXI в. отмечен обязательным участием неправительственных организаций в рассмотрении законопроектов, затрагивающих здоровье нации [7, с. 101]. Представление о партнерских взаимоотношениях российского государства и гражданского общества подкреплено освещением конституционных прав человека на здоровье и доступную медицинскую помощь.

Несомненным достоинством учебников избранной линии стало использование значительного количества статистической информации, которая позволяет наиболее наглядно воспринимать медицинские достижения или потери. Предметом национальной гордости могут служить цифры, приведенные авторами учебников: благодаря высокой квалификации советских врачей 72 % раненых и 91 % больных возвращались в строй в период Великой Отечественной войны [2, с. 35], а к началу 1960-х гг. в Советском Союзе была самая низкая смертность в мире [2, с. 153].

Для преподавания истории в школе исключительно важна роль историко-антропологического подхода, способного расширить представления о повседневной жизни людей. Освещение проблем российской и советской действительности — скученности, отсутствия канализации, вынужденного посещения общественных бань только раз в неделю — расширяет поле для проектной деятельности, вносит вклад в формирование представлений о санитарии, профилактике и гигиене [5, с. 58; 6, с. 160].

Через изображения происходит «очеловечивание» истории, появляется чувство сопричастности к прошлому как следствие распространения социальных практик создания визуальных образов исторической реальности. Учебники российской истории содержат портреты Н. И. Пирогова — литографию начала 1860-х гг. работы П. Ф. Бореля [1, с. 99], и И. И. Мечникова — фотографию работы французского специалиста Надара, выполненную около 1900 г. [5, с. 39]. Оба портрета дают представление об образе российского врача-интеллигента XIX — начала XX в., обязательными атрибутами которого были очки, галстук, пиджак и книга. Изображение школьниц в эвакогоспитале, помогающих раненым бойцам написать письма домой, призвано сформировать гражданскую позицию и показать причастность каждого гражданина, в том числе школьника, к историческому процессу [2, с. 36].

К очевидным лакунам учебных текстов в рамках медицинского дискурса следует отнести недостаточность сведений об организации земской медицины, которая, находясь на факультативном положении в организации работы земств, поддерживалась силами российской интеллигенции, вследствие чего произошло складывание особого типа земского врача.

В рамках освещения такого масштабного по потерям и ранениям события, как Первая мировая война, приведено лишь имя сестры милосердия — Р. М. Ивановой. Вместе с тем в российской армии были созданы подвижные хирургические отряды, специализирующиеся на глазных, челюстно-лицевых ранениях, химических ожогах; введены обязательные прививки против брюшного тифа и холеры; организована дезинфекция на фронте; внедрены подвижные рентгеновские установки для полевых условий.

Система Н. А. Семашко не просто внесла «большой вклад в развитие системы советского здравоохранения» [6, с. 158], но сделала медицину общедоступной, способствовала увеличению количества медицинских кадров и повышению продолжительности и качества жизни советских граждан.

Резюмируем, что образ медицины на страницах учебника истории России отражает вектор развития патриотизма, гордости за Отечество, гражданской самостоятельности; формирует чувство причастности к историческим событиям; обладает потенциалом профориентации и самореализации гражданина.

---

1. История России. 9 класс : учеб. : в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин, А. Я. Токарев ; под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 1. — 162 с.

2. *Горинов М. М., Данилов А. А., Моруков М. Ю.* История России. 10 класс : учеб. : в 3 ч. / под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 2. — 178 с.

3. История России. 8 класс : учеб. : в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин, А. Я. Токарев ; под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 1. — 112 с.

4. История России. 8 класс : учеб. : в 2 ч. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин, А. Я. Токарев ; под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 2. — 129 с.

5. *Горинов М. М., Данилов А. А., Моруков М. Ю.* История России. 10 класс : учеб. : в 3 ч. / под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 2. — 178 с.

6. *Горинов М. М., Данилов А. А., Моруков М. Ю.* История России. 10 класс : учеб. : в 3 ч. / под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 1. — 177 с.

7. *Горинов М. М., Данилов А. А., Моруков М. Ю.* История России. 10 класс : учеб. : в 3 ч. / под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2016. — Ч. 3. — 161 с.

Раздел 7. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СПОСОБЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 130.2

Г. Е. Васильев

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

В статье раскрывается суть понятия культуры как системы ценностей прежде всего в плане проблематики культурной идентификации. Рассматривается современное состояние социокультурной системы с наличествующими в ней актуальными проблемами культурной идентификации. Раскрывается современная глобальная тенденция замещения культуры, как системы высших ценностей и смыслов, технологиями массовой манипуляции сознанием, с их симулякрами стереотипов и установок массового сознания.

Ключевые слова: культура, культурная идентификация, ценности, цивилизация, отчуждение.

В настоящее время проблематика культурной идентификации имеет свои беспрецедентные особенности, связанные с весьма специфическим состоянием современной социокультурной системы и человека в ней.

Прежде всего, условимся с ключевым, здесь, понятием «культура».

Под *культурой* мы понимаем своеобразную символическую ценностно-смысловую систему, актуализирующую и определяющую творчество человеком самого себя и сферы своего бытия.

Надо заметить, что, именно понимая таким образом (через высшие ценности, аксиологически) культуру, мы можем четко понимать, что есть, собственно, культурная идентификация.

Процесс *культурной идентификации* прежде всего основывается на тех или иных своеобразных и определенных высших ценностях и смыслах того или иного народа, общества, с которыми — и с народом-обществом, и с его ценностной матрицей — идентифицируется тот или иной человек.

Под *народом* мы понимаем историческую общность, объединенную на основании общих ценностей, традиций и целей, а также языка.

Этот процесс культурной идентификации осуществляется, разумеется, и на бессознательном (условно, чувственном) уровне, и на сознательном

© Васильев Г. Е., 2022

уровне, — поскольку действительные высшие ценности и смыслы существования человека так или иначе пронизывают всё существо человека, в его целостности, от чувственного уровня — до уровня самосознания.

Соответственно, таким образом, эти высшие ценности и смыслы особым образом актуализируют и направляют процессы человеческого творчества и созидания.

Потому-то мы и определяем *культуру* как прежде всего *систему определенных своеобразных высших ценностей и смыслов,* а не, например, как нечто вообще «не природное», всё то, что создано руками человека, искусственно.

При этом важно заметить, что, во-первых, такого рода определение культуры (как «всего не природного») охватывает сугубо лишь некую внешнюю сторону того явления, что мы именуем культурой и никоим образом не касается сути данного явления; во-вторых, такого рода определение чрезмерно широко и, с одной стороны, становится потому почти бессодержательным по сути, а с другой стороны — вполне может включать в себя и то, что вряд ли можно подвести под понятие культуры.

Например, поясняя заключительный тезис, замечу, что, предположим, у нас человечество вымерло и остались только роботы и прочие автоматы, и они, определенным образом запрограммированные и более того уже способные «обучаться» и «совершенствоваться», производят разного рода искусственные вещи, воспроизводят искусственную среду. Ну и где тут будет «культура»?

Разумеется, можно сказать, что ведь изначально этих роботов создали и запрограммировали люди, вымершие, и, значит, в основании этого всего вроде как должно было быть то, что мы именуем культурой. Однако в таком случае очевидно, что, если под всем этим некогда хоть и была некая культура, она давно уже похоронена под спудом чего-то уже принципиально иного, того, что культурой никоим образом названо быть не может; оно во всём своем величии и возрастании само по себе вполне ведь искусственно и «не природно».

В этой связи заметим, что, по-видимому, остро чувствуя и сознавая такого рода всё более явные и типичные тенденции, происходящие в современном им обществе, философы начиная с конца XIX в. пытаются, размышляя о наличествующем в то время положении дел в культуре и обществе, скорректировать понятийный аппарат, чтобы создать более адекватные современному социокультурному положению дел концепции.

В частности, О. Шпенглер вводит понятие «цивилизации» — во многих аспектах, в своих ключевых характеристиках, в его концепции и терминологии противоположное понятию «культура» [1].

Действительно, современное общество и человек в нём, несмотря на всё более бурный технический и промышленный рост, всё менее могут характеризоваться тем, что можно подвести под понятие культуры, без кардинального искажения классических, скажем так, смыслов данного понятия.

Не вдаваясь в тонкости терминологии О. Шпенглера, относительно концепта «цивилизация» заметим, что мы будем понимать под *цивилизацией* внешнюю материально-техническую сторону культуры (что, впрочем, не сильно расходится с трактовкой концепта «цивилизации» О. Шпенглером).

Эта «внешняя материально-техническая сторона» культуры (т. е. «цивилизация») вполне может воспроизводиться и при умалении и деградации собственно культуры — как прежде всего ценностно-смысловой мировоззренческой матрицы человека. Более того, она, эта «внешняя материально-техническая сторона» культуры, может, при определенных условиях, даже подавлять собственно культуру (как духовную, ценностно-смысловую суть бытия человека). И еще сверх того эта «внешняя материально-техническая сторона» может (по крайней мере, какое-то время) воспроизводиться уже и безо всякой культуры, безо всякого человека, в более-менее полном и адекватном смысле этого слова, — как, например, в вышеописанном случае «цивилизации машин и роботов» или иной аналогичный вариант — в «цивилизации “цифрового” человейника», в которой человек, в своей социальной массе, оказывается подавлен в своих высших человеческих свойствах, расчеловечен и низведен до состояния биоробота, дрессированного животного, находящегося под всесторонним контролем, — и, соответственно, напрочь лишен возможности действительного восприятия и осознания высших ценностей и смыслов и, значит, лишен возможностей собственно личной культурной идентификации.

Подобные процессы человеческой культурной деградации опять же были отмечены проницательными авторами еще в XIX в. — например, К. Марксом, в частности, писавшим об имеющем место в буржуазной социокультурной системе отчуждении именно человеческих, культурных свойств рабочего: «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций, — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному… Это есть *самоотчуждение*...» [2]

Следует заметить, что вышеописанная Марксом тенденция была тогда (в XIX в.) лишь еще «цветочками», — сравнительно с теми «ягодками», в этом отношении, которые поспевают в настоящее время.

В современном обществе, которое можно, с одной стороны, вполне обоснованно именовать «массовым», а с другой — «информационным», указанные негативные процессы только усугубились.

С одной стороны, мы имеем во всё возрастающей степени сегодня то, что называется *массовым обществом*, т. е. некую совокупность людей, не объединенных, по существу, никакими общими культурными высшими ценностями и целями; а с другой стороны — мы имеем «общество информационное», т. е. такую социокультурную ситуацию, при которой человек всё более тотально оказывается погружен в виртуальную (симулятивную) реальность и, соответственно, всё более определяется в своем мировоззрении и поступках именно данной «реальностью» — зачастую вопреки собственным, казалось бы, реальным экзистенциальным интересам и жизненным целям.

Очевидно, что подобного рода положение дел вполне предполагает, как свою неумолимую и всё более заметную тенденцию, замену, собственно, культуры как, прежде всего, системы высших ценностей и смыслов, — на ту совокупность установок сознания и мировоззренческих стереотипов, которые задает ему, «массовому индивиду», «потребителю информации», указанная «виртуальная реальность» во всём ее спектре.

Проще говоря, современные *технологии манипуляции массовым сознанием*, становящиеся всё более тотальными, с их каждодневными стереотипами и установками, сегодня всё более вытесняют, замещают собой и подавляют собственно культуру как ценностно-смысловую матрицу.

И в этой связи особо актуальной, на наш взгляд, становится проблематика культурной, социокультурной идентификации. Сегодня, по существу, технологии манипуляции массовым сознанием — при всё более тотальном господстве виртуальной реальности и при наличии массового общества, состоящего из «массовых индивидов», без четких и устойчивых высших ценностей и целей-смыслов существования — позволяют чуть ли не в ежедневном режиме обеспечивать новую и, по существу, любую «культурную идентификацию».

Говоря проще, если необходимо из какого-то сообщества, групп населения, например, на той или иной территории создать-вылепить хоть «эльфов», хоть «орков» или, положим, «гоблинов», то это можно сегодня сделать, полагаю, без особых проблем. А, положим, завтра — перелепить их во что-то иное, с иными установочными симулякрами «идентификации».

Что мы в определенной мере уже наблюдаем сегодня, — когда людям, огромным массам населения, оказывается вполне возможно внушить совершенно нелепые установочные страхи и абсурдные стереотипные мне-

ния. Вплоть, действительно, до симулякров «национальной», или какого иного толка, «культурной идентификации».

Пути решения данной проблемы, разумеется, требуют отдельного большого исследования.

1. *Шпенглер О.* Закат Европы. — Минск : Харвест, 2000. — 1376 с.

2. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. — М. : Академический проект, 2010. — 784 с.

УДК 316.614(470)

Н. В. Воробьева

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ИНОСТРАННЫХ И РОССИЙСКИХ КУРСАНТОВ

Статья посвящена описанию результатов первичной диагностики образа России у иностранных военнослужащих. В процессе исследования выявлены критерии и показатели оценки образа России в представлениях иностранных военнослужащих. Методологическим обоснованием является стратегия смешивания методов: педагогический эксперимент, метод опроса (анкетирование, глубинные интервью, кейсовые исследования), метод анализа информации (анализ эссе), обобщение и систематизация результатов исследования, проектирование учебно-методических рекомендаций.

Ключевые слова: иностранные обучающиеся, положительный образ России, иностранные военнослужащие, адаптация.

В 2021/22 учебном году в рамках научно-исследовательской работы «Формирование положительного образа России в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла» была проведена первичная диагностика иностранных курсантов специального факультета Омского автобронетанкового инженерного института. Концептуально-аксиологическое содержание образа России изучалось нами посредством проективного метода — через написание обучающимися мини-сочинений — эссе.

Курсанты пояснили, как представляли себе Россию до того, как приехали, по следующим блокам: национальный состав населения России и отношение населения России к народам; религиозный состав населения России и отношение между религиями в России; устройство семьи в России, отношения между родителями, родителями и детьми, заключение и расторжение брака; проведение досуга (отдыха) в России (кино, театр, общение людей между собой); предпочтения жителей России в питании (что едят и пьют) и одежде (какие вещи на себя надевают); отношение жителей России

© Воробьева Н. В., 2022

к прошлому и настоящему (памятники, фильмы, праздники, политические предпочтения); к какому народу, группе народов, с которым знаком курсант, население России было ближе; во второй части был задан вопрос о том, как обучающиеся представляют Россию, прожив в ней некоторое время, изменились ли базовые представления о России, трансформировался ли образ страны в сознании курсантов [1; 2; 3].

В исследовании приняли участие свыше 450 курсантов из 18 стран. Большинство опрошенных иностранных курсантов подчеркнули, что знали о многонациональном составе и широкой представленности мировых религий, конфессий в РФ. У курсантов из стран, входящих в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), выработаны устойчивые и непротиворечивые представления о многонациональном, многокультурном, многоконфессиональном составе РФ. У курсантов из стран Юго-Восточной Азии представления сформированы под влиянием образа СССР. У курсантов из стран Субсахарской Африки и стран Ближнего Востока преобладает вестернизированный образ России как одной из европейских держав. Преобладающему большинству иностранных курсантов (68 %) бросается в глаза нуклеарность российской семьи, обособленность поколений внутри одной семьи и нежелание совместно проживать. Тем не менее семейные узы видятся им «крепкими и теплыми».

Большинство иностранных обучающихся (98 %) отметили важность и значимость исторических памятников, музеев, мероприятий и памятных дат для россиян. В отношении политических предпочтений Россия видится иностранцам стабильным и сильным государством, что выражается в эффективной образовательной системе (98 % опрошенных), помощи в «борьбе в США», в «построении индустриального государства» (77 % респондентов), помощи во время пандемии COVID-19 (24 %), в модернизации вооруженных сил и военной техники (15 %).

Выстраивание образа России в сознании иностранных курсантов происходит одновременно с социокультурной и педагогической адаптацией. Аспекты психофизиологической адаптации — суровый климат и сложный язык подчеркнули 69 % опрошенных иностранных курсантов. Основные отличия культурного, бытового и ценностного характера мы отметили у курсантов из Юго-Восточной Азии.

Курсанты из Африки, Ближнего Востока, ближнего зарубежья не маркируют Россию и русскую культуру как «культуру Другого». Восприятие Российской Федерации иностранцами происходит в положительных коннотациях («Россия помогает многим странам», «без России только Бог знает, существовал бы Мозамбик сегодня или нет», «Россия по-преж-

нему помогает Вьетнаму, и в условиях эпидемии — развитие России в производстве и приготовлении вакцины вызывает у меня восхищение», «я уважаю и восхищаюсь российским Президентом»), тогда как при опросах россиян мы зачастую видим утрированно-негативный образ своей страны. Россия настоящего для опрошенных видится одновременно как продолжение «великой истории» СССР и как современное государство с одной из лучших образовательных систем. Среди российских курсантов-первокурсников, для которых русский язык и русская культура являются родными, был проведен вербально-ассоциативный эксперимент и опрос (табл.). Экспериментальная часть предполагала следующее задание: *Запишите ассоциации к словам РОССИЯ, русская культура, российская армия, символы и образы России.* Опрос предлагал задание, требующее развернутого аналитического ответа: *Сформулируйте в виде краткого связного текста ответ на вопрос «Каким должен быть образ России в учебниках для иностранцев?».*

Результаты вербально-ассоциативного эксперимента, %

Феномены	Единицы содержания (упомянутые в анкетах факты)	Долевое соотношение
Россия	Могущество, сила	33
	Простор	28
	Семья, родной дом	28
	Великая история и культура	20
	Непобедимая армия	15
	Грязь, разруха, коррупция	8
	Путин	8
	Также: свобода, справедливость, патриотизм, хоккей, спорт, волк	
Назовите главные символы России	Гимн	80
	Флаг	80
	Герб	78
	Армия	18
	Народные песни	6
	Береза	6
	Матрешка	6
	Также: АК-47, танк Т-34, балалайка, кокошник, валенки, живопись, колорит, нефть и газ, Петр I, Гагарин, Ленин, Путин	

Окончание таблицы

Феномены	Единицы содержания (упомянутые в анкетах факты)	Долевое соотношение
Русская культура — это	Традиции	33
	Уникальные особенности	15
	Фольклор, песни, танцы	12
	Также: красивое, родное, сила, архитектура, живопись, досуговые мероприятия	
Российская армия — это	Вооруженная силовая структура страны, предназначенная для безопасности государства, защиты границ и интересов, а также отражения наступления врага	75
	Народные силы; в ней воспитываются люди на опыте поколений свих дедов и прадедов, которые, не жалея себя, сражались за то, чтобы новые поколения жили в мире	45
	Вооружение и техника	25
	Несокрушимый дух	25
	Трудности, испытания, изоляция, показуха	6

Результаты проведенного эксперимента не столько помогают решить поставленную проблему: каким должен формироваться образ России, сколько ставят новые задачи. Помимо заявленных вопросов, касающихся отбора фактов, текстов, персоналий русской истории и культуры, появляются новые: как формировать этнокультурную самобытность, собственно, у носителей родной культуры? как привить уважение к своей истории, культуре, науке, образованию, иным сторонам российской жизни?

Рассматривая и анализируя полученные результаты, мы можем отметить то, что для исторического сознания молодежи характерна, во-первых, разрозненность и фрагментарность исторических знаний; во-вторых, смещение вектора от научно-теоретического уровня исторического сознания к обыденному уровню.

Респондентам были заданы вопросы о том, какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого вызывают у них чувства горечи и стыда. В числе «событий гордости» были упомянуты Победа в Великой Отечественной войне (82 %); дни воинской славы России (24 %); полет Ю. А. Гагарина в космос (22 %). Подавляющее большинство опрошенных в целом положительно оценивают опыт прошлых поколений, гордятся им (80 %), тем не менее в ряде ответов прозвучало нежелание отвечать, а также отрицательная оценка: «Опыт старших поколений не высокий, мне кажется, многие взрослые многого не знают про историю нашей страны».

«Событие стыда», в оценке респондентов, долгое время оставалось неизменным — это перестройка и развал СССР, а в 2021 г. с большей частотностью отмечалось травмирующее военное прошлое: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда (60 %); террористические акты современности: трагедия в Беслане, нападение на школу в Казани (16 %); а также распад СССР / продажа Аляски (по 12 %). Курсантами были упомянуты Смутное время в XVII в., Бородинское сражение и последующее отступление из Москвы, Кровавое воскресенье. С 2018 г. часть опрошенных указывают, что стыдно им не за прошлое, а за настоящее России; в 2021 г. в ряду «событий стыда» упомянута пандемия коронавируса.

В преддверии 100-летнего юбилея СССР был задан вопрос об оценке роли СССР в мировой истории: «СССР сыграл большую роль в мире, оставил большой след, отпечаток в людях, в архитектуре, культуре в целом. Мне кажется, только СССР смог победить гитлеровскую Германию. Поэтому, я думаю, СССР был необходим нам в ту эпоху» (87 %); «Роль СССР велика научными достижениями и вкладом в научно-технический прогресс» (16 %); «СССР ослабил Россию, свергнув самодержавие. Россия утратила часть русской культуры» (2 %). Большинство опрошенных курсантов считают, что роль Советского Союза велика и значима, особенно в контексте военных побед и научных достижений советского периода.

На вопрос «Если бы вы составляли учебник по истории России для иностранцев, какие разделы/сведения там должны были бы быть в обязательном порядке?» были получены следующие ответы: становление русской государственности — 33 %; завоевания и войны, дни воинской славы — 33 %; история СССР — 33 %; Великая Отечественная война — 25 %; современная Россия — 25 %; правители России — 20 %; правление Ивана IV — 10 %; правление Петра I — 10 %; главные достопримечательности, города-герои — 10 %; помощь России другим государствам — 10 %; революция 1905–1907 гг. — 6 %. Также упоминались русская наука, ученые, главные открытия и изобретения, культура России.

Таким образом, при отборе учебного материала для презентации образа России в учебниках истории необходимо отчетливо определить сферы человеческого знания и бытия, которые могли бы адекватно и полноценно представить образ страны (география, история, административное и политическое устройство, культура, быт и т. п.); обозначить аспекты, связанные с интерпретацией понятий культуры и цивилизации, народа и народности(-ей), национального характера и межэтнических стереотипов; выявить факты, события, персоналии, наиболее репрезентативные для освещения российской действительности и ментальности; установить факты и реалии,

неоднозначно интерпретируемые в мировом сообществе, с целью исключения из учебных материалов потенциальных конфликтогенов и т. д.

Составляющими и наиболее значимыми частями образа России для иностранных обучающихся являются вооруженные силы и Президент Российской Федерации; помощь в строительстве крупного промышленного производства, в военно-инженерном образовании, вооружении и технике странам Азии, Африки, Ближнего Востока, постсоветского пространства; а также русская культура, язык и традиционные ценности.

---

1. *Вашутина О. Ю., Закарлюка В. А.* Формирование положительного образа России на занятиях по русскому языку как иностранному // Национальные приоритеты России. — 2015. — № 3 (17). — С. 144–147.

2. *Нагаев И. Б., Спирина Т. П., Ракимжанов Н. Е.* Формирование позитивного образа России у иностранных слушателей и курсантов как задача в преподавании дисциплин гуманитарного цикла военного вуза // Вестн. Воен. академии матер.-техн. обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева. — 2017. — № 4 (12). — С. 188–193.

3. Формирование позитивного образа России у иностранных военных специалистов в процессе обучения гуманитарным дисциплинам : учеб.-метод. пособие / под ред. Ю. Ю. Зверевой. — Омск : Ом. автобронетанк. инженер. ин-т, 2015. — С. 52–95.

УДК 001.89

Ю. Р. Горелова

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОТРУДНИКОВ СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

В рамках данной статьи рассматриваются основные направления исследований культурной среды города в трудах сотрудников Сибирского филиала Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва за последние несколько лет, а именно с 2016 г. по настоящее время.

Ключевые слова: культурная среда города, культурный ландшафт, культурное наследие, историческая память, образ города.

Городоведческие исследования традиционно занимали значимое место среди направлений научной работы сотрудников Сибирского филиала (сначала Института культурологии, а впоследствии Института культурного и природного наследия). При этом приоритетное место занимало именно изучение социокультурных факторов развития городской среды. Не изменилась данная тенденция и в последние годы.

© Горелова Ю. Р., 2022

За последние пять лет сотрудники отдела «Изучения городской среды и населения в условиях модернизации» Сибирского филиала Института наследия работали над несколькими научно-преемственными темами, а именно «Культурные ландшафты городов Сибири: аксиология, история, практики» (2016–2018; научный руководитель Д. А. Алисов); «Динамика культурной среды сибирского города глазами современников» (2016–2018; научный руководитель Ю. Р. Горелова); «Культурный ландшафт постсоветского города: особенности формирования и трансформации» (2018–2020; научный руководитель Д. А. Алисов); «Культурная среда современного города: проблемные зоны и ресурсные точки развития» (2021 — по настоящее время; научный руководитель Ю. Р. Горелова).

Под научным руководством Д. А. Алисова за последние годы было реализовано преемственное научное исследование городских культурных ландшафтов. Исследовательская преемственность позволила авторскому коллективу всесторонне изучить выбранный объект исследования; глубоко и основательно разработать теоретические и исследовать более частные и практические аспекты темы. Научные изыскания завершились изданием коллективной монографии [1], сборников научных трудов [2; 3; 4], организацией Всероссийской научной конференции и изданием сборника ее материалов [5], а также нашли отражение в юбилейном сборнике научных трудов, посвященном 25-летию создания Сибирского филиала [6].

Рассматривая культурный ландшафт как сложную динамично развивающуюся систему, определяемую природными, антропогенными, культурными, социальными и историко-политическими факторами, исследователи активно использовали возможности междисциплинарного подхода. Культурный ландшафт рассматривался как результат совместного влияния человека и природы, включающий материальную и нематериальную сферы, динамичный (живая культура и культурные процессы) и статичный (материальное наследие) срезы и характеризующийся универсальностью, аутентичностью и целостностью. При исследовании учитывались такие факторы, как общемировая, общероссийская, региональная политическая ситуация; фактор госзаказа/соцзаказа, экономические и демографические факторы, культурная специфика и др. Важным механизмом, определяющим развитие культурного ландшафта, признавалась историческая и культурная память, в связи с чем этому блоку уделялось приоритетное внимание. Значимым, по мнению ученых, было признано изучение ландшафтообразующих процессов в современном крупном городе, особенностей и факторов трансформации культурного ландшафта мегаполиса в постсоветский период в условиях смены идеологических парадигм и ценностных установок. Активно исследовались процессы формирования и закрепления

исторической памяти в городской среде, динамика образных характеристик среды и их влияние на культурогенез.

Значительный вклад в разработку теоретико-методологических основ исследования культурных ландшафтов города внесли исследования Д. А. Алисова, О. В. Петренко, Ю. Р. Гореловой. Д. А. Алисов предложил авторскую концепцию 3-осевого исследования культурных ландшафтов (1-я ось — материальная среда, созданная человеком; 2-я ось — нематериальная антропогенная составляющая; 3-я ось — время) и выделил такие индикаторы формирования и развития культурного ландшафта города, как географические (природные) объекты, преобразованные человеком; архитектурные памятники и сооружения; топонимические системы; коммеморативные практики; городские праздники; городская символика и символические объекты; мифология и образные характеристики городской среды [7]. Значительный научный потенциал содержат размышления Д. А. Алисова, касающиеся сравнительного анализа тенденций мирового урбанизма и советской модели урбанизации [8]. По мнению Д. А. Алисова, при изучении культурных ландшафтов следует обращать внимание на такие их характеристики, как, во-первых, историческая преемственность (культурный ландшафт каждого периода формируется на основе ландшафта предыдущего периода, но дополняется, а старый контекст получает новое идеологическое наполнение); во-вторых, динамизм бытования (даже в рамках одного периода ландшафт не остается неизменным) [9].

Вопросы историографии и методологии исследования культурных ландшафтов также успешно изучались О. В. Петренко [10]. Ею была предложена авторская исследовательская стратегия изучения культурного ландшафта города, предполагающая учет таких факторов, как географический, политический, исторический, социокультурный контекст; динамика инфраструктуры культуры; аспект исторической и культурной памяти; образные характеристики города и персональная история (роль личности в формировании культурного ландшафта) [11, с. 109]. Ю. Р. Гореловой было углублено понимание историко-культурного потенциала территории [12].

Отдельное внимание уделялось изучению влияния «исторического прошлого» на современное состояние культурных ландшафтов городов Сибири и особенностям фиксации исторической памяти в городском ландшафте. В данной связи хотелось бы отметить вклад Д. А. Алисова в разработку методологического инструментария научного направления как memory studies для изучения исторической памяти в городской среде. Д. А. Алисов исследовал механизмы формирования, закрепления и трансформации исторической памяти в городской среде на примере деятельности музеев, бытования памятников и мемориалов, топонимики и т. п. [13].

Отдельным интересным направлением исследований стало изучение особенностей формирования и трансляции исторической памяти и выявление факторов, влияющих на возникновение мифологем в публичной истории. В данном случае необходимо отметить вклад Д. А. Алисова [14] и П. П. Вибе [15].

Кроме того, изучались тенденции динамики инфраструктуры культурного ландшафта постсоветского города. В этой связи анализировалась деятельность как отдельных процессов, определяющих развитие культурного пространства современных городов (например, процессы цифровизации) [16; 17], так и конкретных учреждений культуры, таких как библиотеки, театры, культурно-досуговые учреждения, парки культуры и отдыха, музеи и др. Д. А. Алисовым, П. П. Вибе и Ю. Р. Гореловой изучалась роль музеев в культурном ландшафте современного города, сохранении историко-культурного наследия региона и преемственности культурной памяти [18; 19; 20]. Ю. Р. Горелова и О. В. Петренко занимались изучением изменений в функционале и формах работы библиотек, культурно-досуговых и клубных учреждений [21; 22]. Ю. Р. Горелова и О. В. Гефнер изучали функционал и направления работы парков культуры [23; 24]. Отдельное внимание уделялось исследованию визуально воспринимаемых аспектов ландшафта и его образного потенциала. В рамках этого направления исследовались различные аспекты архитектурно-ландшафтной среды. Ю. Р. Гореловой изучался архитектурный аспект культурного ландшафта города и проблемы сохранения материального культурного наследия [25; 26]. О. В. Гефнер изучалась городская скульптура современного Новосибирска [27].

Отдельным научным направлением в рамках изучения ландшафтов городов Сибири стало изучение специфики культурных ландшафтов малых городов. Основные методологические принципы изучения культурных ландшафтов малых городов были определены Д. А. Алисовым и Ю. Р. Гореловой [28; 29]. Значительный вклад в исследование инфраструктуры малых городов региона внесли труды Н. Ф. Хилько. Автором были исследованы такие аспекты культурного ландшафта малых городов, как динамика инфраструктуры культуры, топонимические процессы и сфера сохранения культурно-исторической памяти и наследия и др. [30; 31].

В рамках такого направления, как «Динамика культурной среды сибирского города глазами современников» (2016–2018), ключевым предметом стало исследование образных характеристик городской среды. Результаты многолетних исследований образных характеристик городской среды нашли отражение в монографии Ю. Р. Гореловой «Образ города в восприятии горожан», вышедшей под грифом Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева в 2019 г. [32], а также в сборнике

материалов научной конференции «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» [33] и многочисленных публикациях авторского коллектива в научных изданиях. Ю. Р. Гореловой были подробно разработаны вопросы теории, методологии и историографии в рамках данного научного направления [34]; раскрыта суть образа города, его структура, классификация; предложены авторские модели исследования.

Основой авторской парадигмы стало допущение о том, что образ, с одной стороны, всегда основывается на реальных явлениях, с другой стороны — показывает, как оно отразилось в сознании конкретного человека, социальной группы. Образ представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности, города). У каждого города существует некий образный каркас, под которым мы подразумеваем систему наиболее мощных, ярких и устойчивых образов, связанных с той или иной территорией и выраженных посредствам ключевых метафор. Основу для формирования образного каркаса территории во многом закладывают объекты материального культурного наследия. Исходя из этого, в рамках заявленного научного направления разрабатывались такие аспекты, как, во-первых, изучение облика города, его архитектурно-ландшафтной среды (эта часть реализована в рамках уже описанного нами направления по исследованию культурных ландшафтов); во-вторых, изучение восприятия городской среды ее непосредственными участниками — горожанами; в-третьих, изучение отражения образа города в искусстве как вторичной, творимой человеком культурной реальности.

Для исследования восприятия городской среды горожанами применялись методы социологических исследований, а именно были использованы метод открытого вопроса [35], метод семантического дифференциала [36], метод образных клише [37]. В рамках исследования проводился анализ структурно-пространственных представлений горожан, изучена специфика пространственного восприятия центральных и окраинных территорий города его жителями [38; 39], проанализировано отношение населения к сфере историко-культурного наследия. Исследования в основном проводились на материалах Омска и Новосибирска [40]. В рамках исследования специфики отражения образа города в искусстве были определены черты концепта «город» и его визуальные маркеры [41]. Отдельно изучался образ города в литературном творчестве [42] и изобразительном искусстве [43], в фотографии [44]. Отдельными научными направлениями исследований стало изучение отражения архитектурной среды города и объектов наследия в изобразительном искусстве [45], отражение ландшафтных характеристик среды [46], субъектов городского пространства — самих горожан [47].

В рамках исследовательского направления «Культурная среда современного города…» преемственно продолжается изучение таких тематических блоков, как «динамика инфраструктуры культуры», «культурная память и наследие». О. В. Петренко продолжаются изыскания в области историографии [48], а Д. А. Алисовым — в области методологии исследований [49]. О. В. Гефнер изучает культурные процессы, характеризующие развитие среды крупных городов региона [50; 51]. В рамках изучения динамики инфраструктуры культуры деятельность зрелищно-концертных, культурно-досуговых учреждений, а также клубных формирований исследуется Н. Ф. Хилько и Ю. Р. Гореловой [52]. О. В. Петренко изучается деятельность театров, изменения в их репертуарной политике, Д. А. Алисов и Ю. Р. Горелова традиционно уделяют внимание проблемам трансляции исторической памяти и сохранению культурного наследия [53; 54]. Интересным направлением исследований становится изучение эстетических представлений современных горожан. К настоящему времени проанализировано восприятие концептов «прекрасное» и «возвышенное» в обыденном сознании горожан, выявлено его влияние на оценку городских объектов и пространств [55].

Представленная выше характеристика деятельности ученых Сибирского филиала по изучению культурной среды городов региона позволяет, во-первых, с уверенностью констатировать весомость вклада в исследования в рамках заявленного научного направления; во-вторых, показать сохранение научной преемственности; в-третьих, — наличие большого научного потенциала для дальнейших исследований.

---

1. Культурные ландшафты советского города : сибирские города позднего социализма : моногр. / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько. — М. : Институт Наследия, 2019. — 98 с.

2. Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — 154 с.

3. Культурные ландшафты современного города : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — 130 с.

4. Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сб. науч. тр. / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. ; Омск : Институт Наследия, 2021. — 170 с.

5. Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — М. ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — 444 с.

6. Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия /

гл. ред. И. А. Селезнева ; отв. ред. Т. Н. Золотова ; ред. Ю. Р. Горелова. — М. : Институт Наследия, 2019. — 169 с.

7. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — М. ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — С. 7–17.

8. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт городов Сибири: мировой урбанизм и советская модель урбанизации // Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия / гл. ред. И. А. Селезнева ; отв. ред. Т. Н. Золотова ; ред. Ю. Р. Горелова. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 62–71.

9. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 4–5.

10. *Петренко О. В.* Опыт изучения городского культурного ландшафта в Институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева в 1992–2013 гг.: к постановке проблемы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — С. 46–61.

11. *Петренко О. В.* Динамика культурного ландшафта постсоветской Тюмени (2000–2020): познавательный потенциал исследования // Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сб. науч. тр. / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. ; Омск : Институт Наследия, 2021. — С. 73–122.

12. *Горелова Ю. Р.* Историко-культурный потенциал территории — фактор обеспечения культурной преемственности и формирования позитивного образа территории // Культурология в Сибири: научные центры, направления исследований, социокультурные тренды : сб. науч. ст., посвящ. 25-летию Сиб. филиала Института Наследия / гл. ред. И. А. Селезнева ; отв. ред. Т. Н. Золотова ; ред. Ю. Р. Горелова. — М. : Институт Наследия, 2018. — С. 157–168.

13. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города и историческая память: проблемы формирования и разрушения // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — М. ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — С. 347–355.

14. *Алисов Д. А.* Особенности формирования и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) в структуре культурного ландшафта сибирского города = Features of the Formation and Translation of the Historical Memory of The Great Patriotic War (1941–1945) in the Structure of the Cultural Landscape of the Siberian City) // Национальный проект «Культура» и региональные культурные стратегии : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с меж-

дунар. участием) / под ред. А. А. Лисенковой, П. С. Ширинкина. — Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2021. — С. 293–299.

15. *Вибе П. П.* Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. — Омск : ОГИК музей, 2020. — 56 с.

16. *Гефнер О. В.* Цифровизация и культурный ландшафт современного города (на примере Новосибирска) // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — М. ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — С. 243–248.

17. *Петренко О. В.* Информационный слой культурного ландшафта современной Тюмени // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 18–25.

18. *Алисов Д. А.* Музей в культурном ландшафте города // Аношинские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (р. п. Большеречье Омской области, 10–11 октября 2019 г.) / отв. ред. Т. Н. Золотова. — Омск : Изд. дом «Наука», 2019. — С. 22–29.

19. *Вибе П. П., Беляева О. Г.* Музей сказки «Васин хутор» как элемент туристской инфраструктуры и средство популяризации этнографических знаний в Омской области // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. — 2019. — № 22. — С. 229–235.

20. *Горелова Ю. Р.* Библиотеки и музеи в культурном ландшафте современного Омска // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 34–45.

21. *Горелова Ю. Р.* Клубные и культурно-досуговые учреждения Омской области на современном этапе: социокультурные функции и направления деятельности // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 46–56.

22. *Петренко О. В.* Общедоступные библиотеки в культурном ландшафте современной Тюмени // Культурные ландшафты современного города : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 22–56.

23. *Горелова Ю. Р.* Парки культуры и отдыха в инфраструктуре учреждений культуры современного города (на примере парков Омска и Омской области) // Культурные ландшафты современного города : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 120–127.

24. *Гефнер О. В.* Парки культуры и отдыха как часть культурного ландшафта современного Новосибирска // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 26–33.

25. *Горелова Ю. Р.* Архитектурные ансамбли Омска XVIII — середины XIX вв.: культурное значение, проблемы реновации // Архитектура и дизайн. — 2017. — № 4. — С. 31–45.

26. *Горелова Ю. Р.* Архитектурная среда Омска эпохи развитого социализма // Культура и искусство. — 2020. — № 1. — С. 62–80.

27. *Гефнер О. В.* Городская скульптура в культурном ландшафте современного Новосибирска // Культурные ландшафты современного города : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 57–70.

28. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики : сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 4–17.

29. *Горелова Ю. Р.* Культурный ландшафт малого города в восприятии жителей (по материалам опроса жителей Называевска Омской области) // Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия / гл. ред. И. А. Селезнева ; отв. ред. Т. Н. Золотова ; ред. Ю. Р. Горелова. — М. : Институт Наследия, 2019. — С. 104–110.

30. *Хилько Н. Ф.* Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и сельских поселениях Омского региона : моногр. — Омск : Амфора, 2020. — 142 с.

31. Критерии и подходы к формированию качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населенных пунктах / авт. коллектив: А. В. Кыласов, Ю. С. Путрик, И. А. Селезнева, Н. Ф. Хилько ; под общ. ред. Ю. С. Путрика. — М. : Институт Наследия, 2021. — 100 с.

32. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан : моногр. — М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева, 2019. — 154 с.

33. Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. — Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — 390 с.

34. *Горелова Ю. Р.* Образные характеристики городской среды: методология исследования // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. — Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. — С. 10–25.

35. *Горелова Ю. Р., Межевикин И. В.* Образ крупного города в восприятии его жителей // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. — 2016. — № 4 (13). — С. 15–18.

36. *Горелова Ю. Р.* Городская среда в восприятии жителей крупного провинциального города (на материалах г. Омска) // Урбанистика. — 2017. — № 1. — С. 51–60.

37. *Горелова Ю. Р., Смирных К. Ю.* Образ города в представлениях молодежи // Сохранение культурного наследия и художественное достояние регионов России : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : [б. и.], 2018. — С. 73–78.

38. *Горелова Ю. Р., Межевикин И. В.* Социокультурное пространство города: проблема зонирования городских территорий в восприятии горожан // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (15). — С. 14–17.

39. *Горелова Ю. Р., Гефнер О. В.* Проблема структурирования городских территорий в восприятии горожан (на материалах Новосибирска) // Урбанистика. — 2018. — № 3. — С. 134–140.

40. *Гефнер О. В., Горелова Ю. Р.* «Визитные карточки» культурного ландшафта современного Новосибирска в восприятии горожан // Электрон. науч.-метод. журнал Ом. ГАУ. — 2018. — № 3 (14), июль–сентябрь. — URL: http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/3/00602.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

41. *Горелова Ю. Р.* Город как концепт и визуально-художественный образ // Урбанистика. — 2018. — № 1. — С. 74–89.

42. *Горелова Ю. Р.* Образные клише города в поэтических текстах // Урбанистика. — 2018. — № 3. — С. 141–149.

43. *Горелова Ю. Р.* Концептуальные особенности городского пространства: специфика фиксации в визуальных текстах изобразительного искусства // Культурное наследие Сибири. — 2018. — № 1. — URL: http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=133 (дата обращения: 15.05.2022).

44. *Хилько Н. Ф.* Смена доминанты образов культурных ландшафтов г. Омска в творчестве фотохудожников второй половины XX — начала XXI вв. как часть медианаследия // Художественные и образовательные технологии подготовки специалистов в сфере экранных видов искусств : межвуз. сб. науч. и метод. тр. — Омск : Амфора, 2019. — Вып. 7. — С. 81–86.

45. *Горелова Ю. Р., Маматулина А. М.* Архитектурная компонента образа города в городском пейзаже (на материалах Омска) // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики (ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). — 2020. — Вып. 4 (26). — С. 41–74.

46. *Горелова Ю. Р.* Ландшафтная составляющая художественных образов пространства // V Рос. культурологич. конгресс с междунар. участием «Культурное наследие — от прошлого к будущему» : программа и тез. докл. — СПб. ; М. : Институт Наследия, 2021. — С. 127.

47. *Горелова Ю. Р.* Пейзаж со статфажем: субъект в городском пейзажем // Инновационное развитие науки и образования : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Наука и Просвещение, 2019. — С. 177–179.

48. *Петренко О. В.* Фундаментальные исследования историко-культурного и природного наследия России: институциональный аспект // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). — 2021. — № 2 (28). — С. 49–54.

49. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города как исторический текст // V Рос. культурологич. конгресс с междунар. участием «Культурное наследие — от прошлого к будущему» : программа и тез. докл. — СПб. ; М. : Институт Наследия, 2021. — С. 62.

50. *Гефнер О. В.* Культурный ландшафт современного Новосибирска // Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сб. науч. тр. / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М. ; Омск : Институт Наследия, 2021. — С. 18–48.

51. *Гефнер О. В.* Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах городов Западной Сибири) // Электрон. науч.-метод. журнал Ом. ГАУ. — 2021. — № 1 (24), январь–март. — URL: http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2021/1/00905.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

52. *Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р.* Проблемы развития зрительской культуры студентов вузов в инфраструктуре зрелищно-концертных учреждений Омска в формах трансляции культурного наследия // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 4 (89). — С. 99–102.

53. *Алисов Д. А.* Памятники как способ формирования и трансляции исторической памяти в городской среде // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред.: М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. — Омск : Изд. дом «Наука», 2021. — Ч. 1. — С. 355–360.

54. *Горелова Ю. Р.* Формы сохранения архитектурного наследия в исторической застройке городов Сибири (на материалах Омска) // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). — 2021. — № 2 (28). — С. 30–35.

55. *Горелова Ю. Р.* Аксиология городской культуры: категория «прекрасное» в оценке городских пространств современными горожанами // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 2 (310). — С. 16–24.

УДК 79.1/069.8

Г. М. Запорожченко

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА: ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР-СТУДИЯ (1962–1988)

В статье впервые рассматривается деятельность самодеятельного театра-студии в Академгородке Новосибирского научного центра Сибирского отделения АН СССР в 1960–1980-х гг. Опыт его деятельности, реконструируемый на основе материалов электронных архивов, представляет важное для осмысления истории Академгородка нематериальное наследие, раскрывающее интересные грани общественной жизни, социоментального образа поколения ученых, создававших сибирскую науку.

Ключевые слова: самодеятельный театр, театральная студия, общественная жизнь, нематериальное наследие, Академгородок, СО РАН.

Одно из основных понятий исследовательской парадигмы «Наследие» — «освоение наследия» подразумевает, что благодаря постоянно осуществляемой социальными акторами работе прошлое является не фиксированным и обособленным, а реальным, живым, доступным пониманию историческим наследием, удовлетворяющим запросам сегодняшнего дня [1, с. 7]. Информационно-аксиологический подход к наследию, разработанный в Российском институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, позволяет на научной основе выявлять и исследовать в новоси-

© Запорожченко Г. М., 2022

бирском Академгородке, как исторически маркированном научном топосе, культурный ландшафт — сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью исторической и культурологической информативности [2, с. 66].

С конца 1950-х гг. в Академгородке Новосибирского научного центра Сибирского отделения АН СССР концентрировались талантливые ученые, проявлявшие креативную общественную активность, создававшие его уникальный культурный ландшафт. Интеллектуально-досуговая составляющая культурной сферы Академгородка в советское время была представлена такими яркими явлениями, как Интернеделя и Маёвка, арт-программы Дома ученых, дома культуры «Академия», кафе-клуба «Под интегралом», капустников Клуба веселых и находчивых (КВН) Новосибирского государственного университета (НГУ).

Большое место занимало самодеятельное творчество ученых и студентов, прежде всего, в области театрального искусства, что является наименее освещенным сюжетом в научной литературе. В настоящее время для изучения этой темы сложились благоприятные обстоятельства благодаря созданию на базе Института систем информатики СО РАН «Открытого архива СО РАН как электронной системы накопления, представления и хранения научного наследия», где в фонде театра-студии Академгородка представлен значительный объем материалов (документов, фотографий, воспоминаний) о театральном творчестве академгородковцев. Архив театра-студии сохранился благодаря усилиям его ветеранов Л. Н. Качан и К. П. Штерн. Материалы периодической печати, интервью с участниками событий служат дополнительными источниками по теме.

Любительский театр возник практически одновременно с Академгородком. Ставили небольшие инсценировки на вечерах в институтах, выступали с чтением стихов и прозы. Первый спектакль «Диплом на звание человека», который репетировали в 1961 г. еще в подвале одного из первых домов Академгородка, так и не был поставлен.

Впервые полномасштабный спектакль в Академгородке «Абсолютный нуль» был поставлен в университете в 1962 г. только что перешедшими в НГУ «из столиц» студентами В. Свиньиным и А. Чернобровым. Спектакль, который был театрализованным капустником, оказался судьбоносным. Многие его участники стали актерами театра-студии. Сам театр был создан в Академгородке в 1962 г. Его основали филолог Ю. С. Постнов и физик А. Г. Пономаренко.

В марте — начале апреля 1962 г. в газете «За науку в Сибири» и в городке были распространены объявления о создании самодеятельного театра-студии. В объявлении отмечалось, что в «коллектив театра должны

войти энтузиасты всех возрастов, пожизненно зараженные любовью к театру и готовые стойко выдерживать конкуренцию с кино» [3]. После первых двух встреч начиная с 10 апреля 1962 г. в университете (впоследствии это школа № 130) занятия были перенесены в дом культуры «Юность», а затем в дом культуры «Академия». Сразу же выявилось два режиссера и коллектив разделился на две постановочные группы.

Одна — под руководством Ю. С. Постнова начала готовить «Фабричную девчонку» А. Володина. Другая — под руководством А. Г. Пономаренко — пьесу прогрессивного с советской точки зрения французского журналиста и драматурга Э. Роблес «Ради одной надежды» («Монсерра»). Группа А. Пономаренко, за исключением самого режиссера, ранее участвовавшего в самодеятельных спектаклях Харьковского государственного университета, состояла из людей, никогда на сцене не выступавших. Нужно было учиться говорить, двигаться, доносить до зрителя мысль автора и режиссера. Сохранились протоколы заседаний художественного совета с записями острых дебатов по поводу целей и программы обучения сценическим навыкам. В духе «оттепели» искали новые смыслы и формы самовыражения. Одни считали, что нужно учиться актерской технике, другие — что нужно предоставить всем полную свободу творчества. Но тем не менее каждую неделю проходили раздельные и совместные занятия и репетиции обеих групп театра-студии [4].

На занятиях разыгрывались пантомимы, этюды, читались стихи, отрабатывались миниатюры («Предвестник весны» О. Генри, «Там, где чисто, светло» Э. Хемингуэя), показанные в декабре 1962 г. широкой публике и принятые очень тепло. Весной 1963 г. была показана премьера первого большого спектакля театра-студии «Ради одной надежды». Постановка этого спектакля была осуществлена восемь раз, из них два раза в городе и три раза в районах Новосибирской области — Ярково, Боровом, Посевной.

Была успешно осуществлена постановка «Фабричной девчонки» (временно отложенная с подготовкой к намечавшемуся тогда открытию Академгородка). В дальнейшем Ю. С. Постнов в связи с погружением в науку отошел от театра, но предложил актерам поставить свою пьесу «В день премьеры». Спектакль был поставлен режиссером И. Хасиным, который тоже вскоре отошел от театральной самодеятельности [5]. Театр часто называли по имени оставшегося режиссера «театром Пономаренко».

Театр-студия не была уникальным явлением, а скорее типическим для той эпохи. На уровне идей и участников его деятельность тесно переплеталась с кафе-клубом «Под интегралом», где самодеятельные актеры часто показывали короткие сценки, в частности об Остапе Бендере. В марте 1967 г. по приглашению клуба «Под интегралом» в Академгородок при-

был на гастроли театр-студия Московского государственного университета «Наш дом» с главным режиссером Марком Розовским (советский, российский театральный режиссер, драматург и сценарист, композитор, прозаик, поэт, родился в 1937 г.). Дух творческого общения с москвичами сохранился в шутливых надписях на объявлении о гастролях: «Как без птиц нет яиц, так у дружбы нет границ!»; «Цветы благоухают к ночи. Мы интегральцев любим очень!»; «Душистое мыло — юное тело. Мы делаем вместе общий Geschäft (дело)»; «Эх, шарабан мой, американка! Мы не забудем про эти пьянки! (от нашей кучки — вашей закорючке)»; «А у вас в “Интеграле” можно просто сойти с ума!» [6].

В театре-студии и продолжавших его дело других театральных группах Академгородка участвовали В. Штерн, А. Хуторецкий, С. Табаровская (Лобачёва), И. Калинина, С. Периков, В. Харченко, Л. Климина, Г. Кайгородцев, Л. Шкутин, А. Мамлин, Г. Цикин и др. И. Алфёрова стала народной артисткой РФ (2007). С театром работал Ю. И. Кононенко (1938–1995) — художник, сценограф, керамист, график, живший в 1965–1970 гг. в Академгородке.

В 1960–1970-х гг. театр-студия осуществлял постановки таких серьезных пьес, как «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, «Утиная охота» А. Вампилова, «Трамвай “Желание”» Т. Уильямса, «Авантюристка» Э. Брагинского, «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Гость из ночи» Л. Ашкенази, «Женитьба» Н. Гоголя, «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера, «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, «Сильное чувство» И. Ильфа и Е. Петрова. Театр выступал с гастролями на сцене самодеятельных театров в Москве.

Впоследствии, когда А. Пономаренко отошел от театральных дел, при Доме ученых был создан клуб «Лицедей», в который вступили актеры театра-студии, режиссером стал С. Кудрявцев. Репетируя в Доме ученых, «Лицедей» оставался в структуре дома культуры «Академия», который и отвечал за театральные постановки «Лицедея». В 1984 г. пик общественного интереса вызвал спектакль «Самоубийца» по комедии Н. Эрдмана в постановке В. Новикова. Спектакль вызвал недовольство и даже репрессии властей против актеров, постановщика и руководства дома культуры «Академия».

В период перестройки спектакль «Самоубийца» был возобновлен С. Кудрявцевым в начале 1988 г. и восемь раз триумфально прошел в Новосибирске, Томске (место ссылки Н. Эрдмана) и в Красноярске (место «ссылки» В. Новикова).

Опыт деятельности самодеятельного театра-студии представляет важное для осмысления истории Новосибирского научного центра нематериальное наследие, нуждающееся в пристальном изучении. Оно раскрывает

интересные грани общественной жизни Академгородка, социоментального образа поколения ученых, создававших сибирскую науку.

1. *Репина Л. П.* Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 2 (71). — С. 6–16.

2. *Петренко О. В.* Теоретические основания изучения объектов наследия: опыт Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : материалы IV Всерос. (с междунар. участием) научн.-практ. конф. — Новосибирск : НГУ, 2020. — 238 с.

3. Объявление о создании Театра-студии. 1962 г. // Открытый архив СО РАН : [сайт]. — URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635513015734375000_9933&eid=Ta_0001_0542 (дата обращения: 30.06.2022).

4. Стенограмма заседания художественного совета театра. Прибл. 1961 г. Л. 1 // Открытый архив СО РАН : [сайт]. — URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_31920&eid=Ta_0001_0651 (дата обращения: 30.06.2022).

5. Воспоминания об истории создания Театра-студии // Открытый архив СО РАН : [сайт]. — URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635513015734375000_9926&eid=Ta_0001_0537 (дата обращения: 30.06.2022).

6. Записи М. Розовского и актеров театра «Наш дом» // Открытый архив СО РАН : [сайт]. — URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_8415&eid=Ci_0001_0626 (дата обращения: 30.06.2022).

УДК [39+316.722]:004.738.5(1-925.11/.16)

А. В. Крюков

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЦИФРОВОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГИОНАХ СИБИРИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Автором статьи проведен анализ интернет-ресурсов, отражающих нематериальное культурное наследие ряда регионов Сибири. Изучено содержание соответствующих веб-сайтов. Определены тематические области, составляющие структуру цифрового нематериального наследия рассмотренных регионов, а также проблемы и перспективы развития деятельности, нацеленной на сохранение и цифровую репрезентацию традиционных форм культурного самовыражения.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, цифровое нематериальное наследие, интернет-сайт, Сибирь, народное творчество, реестр, репозиторий.

© Крюков А. В., 2022

Термин «цифровое нематериальное наследие» может быть условно определен как форма представления нематериального наследия, основанная на широком использовании различных цифровых технологий и устройств для фиксации, архивации, сохранения, исследования, репрезентации и популяризации его артефактов (объектов нематериального наследия).

Научные изыскания, нацеленные на создание наиболее эффективных условий и методик создания цифровых аналогов средств культурного самовыражения, осуществляются на стыке информационных, гуманитарных и социальных наук, а круг объектов, на которые направлено внимание ученых, представлен базами данных, репозиториями, каталогами, а также интерактивными играми и платформами. Актуальность таких исследований осознается в настоящее время представителями научного сообщества практически повсеместно, и Россия закономерно не является в данном смысле исключением.

На международном уровне накоплен обширный опыт создания и функционирования сетевых ресурсов, представляющих своим посетителям оцифрованные объекты нематериального наследия. Основное их назначение, как правило, заключается в размещении пополняемого списка (реестра) форм самовыражения, присущих нематериальной культуре той или иной страны.

Особенности репрезентации цифрового нематериального наследия в Российской Федерации определяются несколькими социокультурными предпосылками, в частности полиэтничностью национальной культуры; обширным объемом знаний, накопленных в процессе ее многовекового изучения; технологическим скачком, произошедшим в первых двух десятилетиях текущего века, и лавинообразным увеличением числа пользователей сети Интернет в России [1; 2].

Цифровизированный государственный учет объектов нематериального культурного наследия России начал осуществляться в 2009 г. с формирования одноименного всероссийского реестра. Этот информационный массив был впервые опубликован в виде открытых данных в 2018 г. и содержал на тот момент 449 записей [3]. По состоянию на июнь 2022 г. количество позиций в списке практически не изменилось.

Реестр формируется специалистами Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и представляет собой таблицу, информация в которой структурирована по нескольким графам: наименование, адрес, языковая группа и т. д.

Более приемлемая для восприятия (в том числе и неспециалистами) версия данных об объектах, включенных в описанный реестр, расположена в разделе «Традиции» портала «Культура.РФ», который фактически выступает

в качестве национального репозитория нематериального культурного наследия России. Структура раздела состоит из четырех крупных тематических блоков: традиционные технологии; мифологические представления и верования, этнографические комплексы; народное исполнительство; конфессиональные практики в народной культуре. Работа, ведущаяся в регионах России, создает существенные основания для утверждения о том, что содержательное совершенствование рассматриваемого портала будет в ближайшие несколько лет продолжено [4].

Дополнительным подтверждением истинности данного тезиса служит интенсивная деятельность региональных исследователей и институций, направленная на выявление нематериального наследия и преобразование его объектов в цифровую форму с последующим размещением в сети Интернет. Электронные ресурсы, созданные в регионах Сибири, отражают всё многообразие и широту культурной палитры этой обширной культурно-исторической области, облик которой формировался на протяжении столетий как сложный комплекс органически связанных между собой элементов. Вместе с тем состав и характеристики исследованных ресурсов подчас достаточно серьезно отличаются от региона к региону.

В частности, нематериальное наследие народов Республики Алтай представлено на сайте Республиканского центра народного творчества в виде документа в pdf-формате, содержащего постановление правительства республики об утверждении государственного реестра соответствующих объектов с приложением самого реестра в текстовой форме [5]. Структура описания каждого объекта состоит из трех разделов (характеристика объекта, анализа ареала его распространения и данных о современном состоянии). По данным на июнь 2022 г., статус объектов нематериального наследия был присвоен 21 форме культурного самовыражения народов республики.

В Иркутской области с 2017 г. функционирует Единый реестр объектов нематериального культурного наследия, создание и пополнение которого осуществляется сотрудниками Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии. Реестр представлен на сайте Центра и структурно дифференцирован по трем направлениям: устное народное творчество, празднично-обрядовая культура, техники и технологии [6]. Содержание реестра представлено в виде связанных между собой HTML-документов, описания объектов (на конец июня 2022 г. их насчитывалось 25) довольно подробны, часто не привязаны к какой-либо формальной схеме, почти каждое из них снабжено иллюстрацией и перечнем источников.

Каталог нематериального культурного наследия Красноярского края создан и функционирует на сайте регионального Государственного цент-

ра народного творчества [7]. По состоянию на конец июня 2022 г. данный свод содержит 18 объектов, при этом в структуре сайта не выделены отдельные тематические сектора, в составе каталога превалируют технологии приготовления различных традиционных блюд, имеются также способы изготовления изделий декоративно-прикладного искусства и предметов быта, народные танцы. Обширные описания снабжены видеороликами, демонстрирующими ту или иную традиционную технологию или вид деятельности. Примечательно, что объекты, отраженные в краевом каталоге, не совпадают с формами культурного самовыражения, представленными Красноярским краем в упомянутом выше репозитории на сайте «Культура.РФ» и, соответственно, в федеральном реестре (последний включает главным образом наследие ненцев и нганасан) [8].

Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Республики Хакасия, начало создания которого относится к 2017 г., расположен на сайте республиканского Министерства культуры [9]. Данные структурированы в рамках пяти тематических разделов (устное народное творчество, исполнительские искусства, празднично-обрядовая культура, игровая культура, техники и технологии), из которых 1-й и 4-й пока еще не обрели своего конкретного содержания; остальные три раздела включают в общей сложности шесть объектов, являющихся артефактами нематериальной культуры хакасов и отличающихся от форм нематериального наследия Хакасии, представленных на ресурсе «Культура.РФ» [10].

Государственный центр народного творчества Омской области на своем официальном сайте [11] разместил 24 объекта нематериального наследия, относящихся к культуре трех этнографических групп, представители которых проживают в регионе (русские старожилы, украинские и белорусские переселенцы) [12]. На странице предусмотрены фильтры, при помощи которых пользователь может выделить этнографическую группу, муниципальный район или искомую разновидность (категорию) объектов (мифологические представления, народное исполнительство и традиционные технологии).

Описание каждого объекта достаточно подробно, выполнено на профессиональном уровне, снабжено библиографическими ссылками, мультимедийными и фотоматериалами.

Значительную работу, нацеленную на популяризацию нематериального наследия, проводит одно из структурных подразделений Государственного центра народного творчества Омской области — отдел русской традиционной культуры (Сибирский культурный центр), которым разработаны и реализованы многие проекты, связанные с развитием и популяризацией культуры русского народа, с сохранением художественных промыслов

и ремесел (например, Всероссийский фестиваль «Егорий Хоробрый», межрегиональный съезжий праздник «Троицкие гулянья» и Всероссийский праздник традиционных ремесел «Покровская ярмарка»).

Центр проводит активную работу по популяризации нематериального наследия региона в социальных сетях. При этом достаточно ценные мультимедийные материалы публикуются на странице сообщества Центра в соцсети «ВКонтакте» [13] и посвящены народным танцам, традиционной кулинарии и ремеслам старожильческого населения Сибири. Особенно интенсивные усилия предпринимаются в направлении реконструкции русской традиционной одежды и технологий ее изготовления.

Итак, в рамках данного небольшого исследования были рассмотрены практики сохранения и популяризации нематериального культурного наследия путем его преобразования в цифровую форму, существующие в ряде регионов Сибири. Практически каждый из рассмотренных регионов в той или иной степени предпринимает усилия, нацеленные на репрезентацию форм нематериальной культуры посредством телекоммуникационных сетей, однако технический уровень и содержание соответствующих ресурсов очень сильно отличаются, варьируясь от простых pdf-документов, включающих соответствующие реестры, до довольно дробно структурированных и информационно насыщенных сайтов. В большинстве случаев ведение электронных реестров или каталогов нематериального наследия относится к компетенции региональных домов народного творчества, зачастую обладающих неодинаковыми возможностями (в том числе и техническими). Основная проблема, как представляется, лежит в плоскости совершенствования функционала и дизайна интернет-представительств данных учреждений, что позволит представлять цифровое нематериальное наследие Сибири на более высоком уровне. Другая проблема — отсутствие единой методологии создания цифровых образов объектов нематериального наследия, что влечет за собой существенные различия в структуре и объемах текстовых описаний, содержании и смысловой наполненности мультимедийных материалов и т. д. Разработка такой методологии (возможно, предпринятая на общефедеральном уровне), учитывающей как полиэтничность нашей страны, так и необходимость учета новейших достижений технического прогресса, должна составить ближайший перспективный ориентир деятельности по созданию, сохранению и популяризации цифрового нематериального наследия.

---

1. Top 20 Countries with the Highest Number of Internet Users // Internet World Stats. Usage and Population Statistics : [сайт]. — URL: https://www.internetworldstats.com/top20.htm (дата обращения: 24.05.2022).

2. Internet Stats and Facebook Usage in Europe. 2022 Mid-Year Statistics // Internet World Stats. Usage and Population Statistics : [сайт]. — URL: https://www.internetworldstats.com/stats4.htm#europe (дата обращения: 24.05.2022).

3. Объекты нематериального культурного наследия // Минкультуры России : офиц. сайт. — URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-folklore (дата обращения: 17.05.2022).

4. Завершился цикл вебинаров по сохранению нематериального культурного наследия // Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова : [сайт]. — URL: http://www.rusfolk.ru/seminars/zaversilsa-cikl-vebinarov-posohraneniu-nematerialnogo-kulturnogo-nasledia (дата обращения: 12.06.2022).

5. Постановление правительства Республики Алтай от 14 мая 2014 г. № 140 «Об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай» // Республиканский центр народного творчества Республики Алтай : [сайт]. — URL: https://rcnt04.ru/wp-content/uploads/2018/05/B9.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

6. Реестр ОНКН // Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии : [сайт]. — URL: https://sibfolk.ru/?page_id=120 (дата обращения: 20.06.2022).

7. Объекты нематериального культурного наследия Красноярского края // Государственный центр народного творчества Красноярского края : [сайт]. — URL: http://krasfolk.ru/obekty-nkn (дата обращения: 20.06.2022).

8. Нематериальное культурное наследие Красноярского края // Культура.РФ : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-krasnoyarskiy-kray (дата обращения: 20.06.2022).

9. Объекты нематериального культурного наследия Республики Хакасия // Министерство культуры Республики Хакасия : [сайт]. — URL: https://culture19.ru/contents/142-obyektyi-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-respubliki-hakasiya.html (дата обращения: 20.06.2022).

10. Нематериальное культурное наследие Республики Хакасии // Культура.РФ : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-respublika-hakasiya (дата обращения: 20.06.2022).

11. Нематериальное культурное наследие // Государственный центр народного творчества Омской области : сайт. — URL: https://www.omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/ (дата обращения: 20.06.2022).

12. Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Омской области // Традиционная культура русского Прииртышья : [сайт]. — URL: https://folk55.ru/traditsii/index.php (дата обращения: 01.05.2022).

13. Сибирский культурный центр — «ТЕРЕМ» // ВКонтакте : соц. сеть. — URL: https://vk.com/teremomsk (дата обращения: 01.05.2022).

УДК 130.2

И. Ю. Макарчук

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)

В статье на основе одной из глав романа А. И. Солженицына «В круге первом» рассматривается проблема сохранения культурной памяти. Признается важность и необходимость бережного и внимательного отношения к памятникам культуры вне зависимости от социокультурных обстоятельств. Памятники церковной культуры имеют непреходящее культурное значение.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, культурная память, церковь Никиты Мученика, история культуры, памятники культуры.

Одна из 96 глав романа А. И. Солженицына «В круге первом» называется «Церковь Никиты Мученика» [1, с. 166–174]. В ней экспонируется проблема сохранения культурной памяти народа на примере церкви Никиты Мученика.

Церковь Никиты Мученика имела для А. И. Солженицына особое значение. В 1957 г. А. И. Солженицын с 13 по 21 июня провел в Москве, и одним из поразительных событий, по его воспоминаниям, было найти находящуюся на реставрации (в середине 1950-х гг. реставрацией храма занимался архитектор Лев Артурович Давид) церковь Никиты Мученика. В письме Елене Александровне Зубовой и Николаю Ивановичу Зубову, своим друзьям и тайным помощникам, А. И. Солженицын подробно описывал текущее состояние церкви [1, с. 804].

О важности этого момента говорит и то обстоятельство, что описание церкви Никиты Мученика также вошло и в сценарий телевизионного сериала по роману «В круге первом», который был написан А. И. Солженицыным в 2003 г. Телевизионный фильм снят режиссером Г. А. Панфиловым и показан на телеканале ВГТРК Россия-1. Сам сценарий впервые опубликован в собрании сочинений в 30 томах [2, с. 633–838].

В центре рассматриваемого эпизода воспоминания Антона Яконова, бродящего по Москве (в районе р. Яуза) после посещения министра государственной безопасности Абакумова, о том, как «двадцать два года назад на этом самом месте он стоял с девушкой, которую звали Агния» [1, с. 166].

Ниже мы приведем описание указанного эпизода и его соответствующую интерпретацию в разрезе всевременной актуальности проблемы сохранения культурной памяти.

© Макарчук И. Ю., 2022

Осенью 1927 г. Агния и Антон под вечер шли переулками у Таганской площади. Для Агнии местонахождение церкви Никиты Мученика (в сегодняшней адресации: ул. Гончарная, д. 4-6) — одно из самых красивых мест в Москве. В середине 1920-х гг. это была маленькая кирпичная церковь, покрашенная в белую и красную краску; вокруг церкви имела место узкая дорожка, предназначенная для крестного хода (для священника и дьякона).

Природа описываемого момента представлена следующим образом: «на каменных плитах двора лежали желтые и оранжевые листья дуба. Едва не в сени того же дуба стояла и древняя шатровая колоколенка. Она и прицерковный домик за оградой заслоняли закатное, уже низкое солнце». Антон сначала скептически отнесся к красоте и неповторимости церкви, но, когда Агния провела его «к паперти главного входа, вышла из тени в поток заката и села на низкий каменный парапет, где обрывалась ограда и начинался просвет для ворот», Антон ахнул: «ведь они как будто сразу вырвались из теснины города и вышли на крутую высоту с просторной, открытой далью. Паперть сквозь перерыв парапета стекала в долгую белокаменную лестницу, которая многими маршами, чередуясь с площадками, спускалась по склону горы к самой Москва-реке» [1, с. 169].

Агния и Антон восхищались красотой Москвы, умению выбирать русскими людьми величественные места для церквей, для монастырей. При этом Агния высказала убеждение, что эту прекрасную церковь снесут. На что Антон ей парировал, что это памятник искусства и такого не может быть.

Несмотря на то, что Агния в общем-то росла в атеистической семье, выросла с устойчивой жизненной позицией: «всегда быть на стороне тех, кого теснят, кого ловят, кого гонят, кого преследует власть» [1, с. 170]. Также она была и «за церковь, потому что ее гонят. Она настаивала, что теперь-то было бы низко избегать церкви, и, к ужасу матери и бабки, стала ходить туда, отчего невольно вникала во вкус богослужений» [1, с. 170].

И сейчас в разговоре с Антоном она считала, что церковь гонима «как всегда тихо, малозвучно… раз на нее говорят и печатают, что хотят, а ей оправдываться не дают, имущество алтарное описывают, священников ссылают» [1, с. 170].

В развитии этой дискуссии Антон критикует Агнию за то, что она несправедлива к большевикам, а ведь у них самое бережное отношение к мировой культуре: «они за то, чтобы не было произвола человека над человеком, а было бы царство разума. А главное, они — за равенство! Вообрази: всеобщее, полное и абсолютное равенство. Никто не будет иметь привилегий перед другим, никто не будет иметь преимуществ ни в доходах,

ни в положении. Разве есть что-нибудь привлекательнее такого общества? Разве оно не стоит жертв?» [1, с. 171]

Мимо них проходили прихожане церкви; крестились на открытые двери поднявшиеся с набережной запоздавшие верующие. А. И. Солженицын акцентирует внимание читателя на том, что среди прихожан церкви «мужчин было меньше гораздо, и не было молодых».

Агния настояла перед Антоном, что хочет пойти помолиться. Они вдвоем зашли внутрь и под массивными сводами обнаружили кольцевую галерею с небольшими окнами, «обрешеченными в древнерусском стиле», а «заходившее солнце наполняло церковь светом и расходилось золотой игрой по верху иконостаса и мозаичному образу Саваофа» [1, с. 173].

Приведенное краткое, но весьма емкое и художественное описание убранства церкви Никиты Мученика, философичный диалог двух молодых людей о проблеме отношения советской власти к церквям высвечивает проблему сохранения культурного наследия и памяти через памятники архитектуры.

Писатель транслирует идею о необходимости сохранения наследия, своевременной реставрации памятников архитектуры. Такое наследие имеет непреходящее значение не только для нынешнего поколения, но и для потомков. Последние нуждаются в культурной памяти для надлежащего познания и расшифровки культурных кодов. И такие проблемы были характерны для начала XX в., остаются они насущными и в настоящее время.

Проблема сохранения и трансляции культурной памяти рассматривается писателем на примере церкви Никиты Мученика, которая имела не только культурно-историческое значение, но и «личное» значение для двух молодых людей — Агнии и Антона. А. И. Солженицын мотивированно призывает сохранять памятники архитектуры, поскольку в них аккумулируется духовная энергия поколений.

И когда Антон Яконов очнулся, он понял, что пророчества Агнии сбылись, колокольня и лестница были разрушены. Он не только не смог в это поверить, но не может этого принять (эта сцена уже описывается в следующей — 26-й главе романа).

---

1. *Солженицын А. И.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 2. В круге первом. — М. : Время, 2011. — 877 с.

2. *Солженицын А. И.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 19. Пьесы и сценарии. — М. : Время, 2017. — 861 с.

УДК 351.85

И. В. Межевикин

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОМСКИМИ НАУЧНЫМИ И КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕНТРАМИ

«Цифровизация» — относительно новое понятие и явление в научном обороте. В настоящее время существует проблема самого определения термина. Еще менее проработанной остается тематика цифровизации культурного наследия. Данная статья написана с целью проанализировать на конкретных примерах деятельность в этом направлении омских научных и культурных центров.

Ключевые слова: цифровизация, культурное наследие, научные центры, культурные центры, Омск.

Термин «цифровизация» (Digitalization) появляется практически одновременно с компьютерами и изначально понимается как перевод аналоговых (физических) предметов (прежде всего, текстов на бумажных носителях) в электронный формат и в целом внедрение цифровых технологий во все сферы человеческой деятельности. Однако в дальнейшем понятия «автоматизация», «информатизация» и «цифровизация» исследователи начинают разделять и давать им собственные определения и сферы применения. Проблемами данного исследовательского поля является неопределенность самого термина «цифровизация» применительно к культурному наследию, а с практической точки зрения — взаимодействие центра и периферии, локальные особенности формирования автоматизированных баз данных культурного наследия. Исследователи отмечают неоднозначность, неопределенность самого термина «цифровизация» [1, с. 17; 2, с. 20]. Кроме того, в стадии становления находится законодательная база, обуславливающая порядок цифровизации культурного наследия [3]. В 2020 г. Российским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва была организована конференция «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий», на которой происходила широкая дискуссия относительно теории и практики обозначенной темы, по итогам был выпущен сборник, обобщающий современные наработки российских ученых [4]. В настоящее время, как правило, под цифровизацией культурного наследия понимается не просто оцифровка материалов и внедрение новых технологий, но и создание новых продуктов, форм представления и продвижения объектов в Сети.

В этом аспекте интересным представляется проанализировать практику исследовательских и общественных организаций. Рассмотрим ряд

© Межевикин И. В., 2022

примеров цифровизации культурного наследия омскими научными и культурными центрами.

В 2012 г. при поддержке проекта Российского гуманитарного научного фонда 12-01-12040в на базе сайта Сибирского филиала Российского института культурологии (в настоящее время Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва) была разработана информационная система «Культурные ресурсы Омской области» [5]. Система разработана как коммуникативная площадка для обсуждения проблем распространения гуманитарного знания в интернет-среде. Кроме того, здесь размещены базы данных Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Омской области, Центров культурологических исследований в Сибири, а также была создана библиотека полнотекстовых электронных версий книг и журналов, посвященных культурному наследию, причем каждое издание снабжалось аннотацией на отдельной странице сайта. Разделы «Авторский взгляд» и «Места памяти» представляют собой дискуссионные площадки с набором публикаций, призывающие посетителей сайта к диалогу по поводу актуальных вопросов исследования исторической памяти и проблематики культурного наследия Западной Сибири.

Активную деятельность по цифровизации культурного наследия народов Омской области ведет БУК «Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение “Сибирь” (Дом Дружбы)». Значимой работой стало создание Омской энциклопедии дружбы [6]. В энциклопедии народы классифицированы по языковым семьям и по алфавиту. Помимо энциклопедических научных статей, посвященных этнической истории, материальной и духовной культуре народов, семейному укладу и национально-культурным центрам Омской области, приведены интервью с представителями центров, а также фотогалереи и анимационные материалы.

Исторический архив Омской области (далее — ИАОО) разработал поиск по номерам и наименованиям дел и описей и отбор по фондам. Кроме того, сотрудниками архива были составлены тематические обзоры фондов с развернутыми аннотациями, поясняющими содержание обзоров. Наиболее яркая форма цифровизации культурного наследия на официальном сайте ИАОО — виртуальные выставки [7]. Здесь тексты по темам, связанным с исторической памятью, сопровождаются цифровыми копиями подлинников документов из фондов, а также богатым иллюстративным материалом. В настоящее время на официальном сайте архива размещены 29 таких выставок, посвященных разным периодом истории Омска и области, личным фондам, фондам организаций и отдельным историческим сюжетам.

Омский государственный историко-краеведческий музей в последние годы активно занялся представлением своей деятельности в Сети. Особый интерес вызывает формат анонсирования экспозиций. Помимо развернутой текстовой справки, сообщающей посетителям сайта о содержании выставки, прилагаются фотографии залов, позволяющие получить общее представление о комплексах предметов. В отдельных случаях дополнительно представлена виртуальная экскурсия по экспозиции с возможностью поворота камеры на 360° [8].

На сайте Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля наиболее интересен раздел «Коллекции». Здесь по рубрикам представлены основные произведения искусства, доступные для посетителей. К каждому разделу дана искусствоведческая справка, проиллюстрированная фотокопиями знаковых работ. Кроме того, в ряде случаев к странице, посвященной отдельной коллекции, прикреплены полнотекстовые версии цветных иллюстрированных каталогов [9]. Новостные блоки о выставках и творческих студиях сопровождаются иллюстрированными статьями по тематике блоков.

В настоящее время все перечисленные организации, помимо сайтов, активно ведут страницы в социальных сетях. Эти страницы предоставляют более широкие возможности для коммуникации, чем собственно официальные сайты организаций.

На вышеприведенных примерах можно видеть, что омские научно-исследовательские и культурные центры планомерно ведут деятельность, направленную на цифровизацию культурного наследия региона. Помимо оцифровки материалов и размещения их в открытом доступе в сети Интернет, производится создание новых форм представления объектов культурного наследия в электронном виде, а также их продвижение на сайтах и на страницах учреждений в социальных сетях. Данная работа активизировалась в период пандемии COVID-19, что позволило в отсутствие прямого физического доступа к объектам культурного наследия обеспечить возможность участвовать в культурной жизни в онлайн-формате. Следует отметить, что, несмотря на значительные успехи в плане цифровизации, предстоит осуществить большой объем работ как по практическому формированию новых площадок для размещения и продвижения культурного наследия в Сети, так и в плане исследования процессов его цифровизации.

---

1. Индустрия российских медиа: цифровое будущее : моногр. / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, М. И. Макеенко, С. С. Смирнов. — М. : МедиаМир, 2017. — 160 с.

2. *Нещерет М. Ю.* Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках — это уже реальность // Библиосфера. — 2019. — № 2. — С. 19–25.

3. *Неретин О. П.* Интеллектуальная собственность как инструмент цифровизации культуры: к вопросу сохранения традиционных знаний и традиционных выражений культуры // Вестн. МГУКИ. — 2018. — № 6 (86), ноябрь–декабрь. — С. 158–163.

4. Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : материалы Всерос. науч. конф. / под. ред. С. Ю. Житенёва. — М. : Институт Наследия, 2020. — 204 с.

5. Информационная система «Культурные ресурсы Омской области: прошлое и настоящее» — новая виртуальная коммуникационная площадка // Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва : [сайт]. — URL: http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=174 (дата обращения: 04.06.2022).

6. Омская энциклопедия дружбы // Омское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» : [сайт]. — URL: https://narodovmnogo-omsk.ru/projects/encyclopedia/ (дата обращения: 04.06.2022).

7. Виртуальные выставки // Исторический архив Омской области : [сайт]. — URL: https://iaoo.ru/blog/virtual-exhibitions/ (дата обращения: 04.06.2022).

8. Этническая панорама Сибири // Омский государственный историко-краеведческий музей : [сайт]. — URL: https://sibmuseum.ru/event/etnicheskaya-panorama-sibiri/ (дата обращения: 04.06.2022).

9. Керамика и стекло // Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля : [сайт]. — URL: https://vrubel.ru/keramika-i-steklo/ (дата обращения: 04.06.2022).

УДК 130.2

И. А. Селезнева

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОПРОСЫ УЧЕТА

В статье рассматриваются существующие формы и способы учета объектов нематериального культурного наследия России, выявляются имеющиеся недочеты. Автор выражает надежду, что изменить ситуацию поможет новый законопроект о нематериальном культурном достоянии, однако и он не лишен противоречивости в содержании.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, нематериальное культурное достояние, реестр, учет, закон.

Текущий 2022 г. объявлен в России годом культурного наследия народов России. Нематериальное культурное наследие (далее — НКН) является важной его частью. Немаловажно и то, кто, как и на каких ресурсах осуществляет учет выявленных объектов.

© Селезнева И. А., 2022

В России с 2009 г. формируется список объектов нематериального культурного наследия, который составляется по субъектам Федерации. Каждый регион составляет свой список критериев отбора, руководствуясь международным и отечественным опытом. Как правило, предлагаются следующие критерии отбора тех или иных объектов в список нематериального культурного наследия народов Российской Федерации:

1) высокая историческая и культурная значимость для населения или части населения страны;

2) уникальная ценность (имеет высокую художественную и иную ценность);

3) культурная самобытность;

4) свидетельство живой культурной традиции;

5) преемственность традиции;

6) высший уровень мастерства, умений и навыков;

7) риск исчезновения.

Учет — одно из главных направлений в деле сохранения нематериального культурного наследия. Следует отметить, что механизм формирования списков и перечней объектов НКН хорошо прописан в «Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия». Этому вопросу посвящены статьи 16 и 17. Согласно Конвенции, разработка критериев составления, обновления и публикации Репрезентативного списка входит в обязанности Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия [1].

Как известно, в этот список ЮНЕСКО от России были внесены два объекта: культурное пространство и устная культура общины Семейские (2001) и якутский героический эпос «Олонхо» (2005).

Помимо Репрезентативного списка, Конвенция предусматривает создание и пополнение Списка нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, и Реестра лучших практик по сохранению НКН.

В РФ аналогом этих международных списков стал такой учетный документ, как Единый электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов РФ. Реализация проекта по созданию каталога началась после принятия Приказа Министерства культуры РФ от 17 декабря 2008 г. № 267 «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» [2].

В реестре (каталоге) объектов НКН размещены уникальные образцы народного творчества, которые разделены на четыре категории:

1) мифологические представления и верования, этнографические комплексы;

2) конфессиональные практики в народной культуре;

3) народное исполнительство;

4) традиционные технологии [3].

Как указано на сайте Министерства культуры РФ, сведения об этих объектах формируются Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова и размещаются на портале культурного наследия и традиций народов России «Культура.РФ» [4].

По состоянию на август 2022 г. на портале «Культура.РФ» размещено 494 объекта НКН. У каждого из них есть свой паспорт, который включает следующие данные: наименование этноса, религия, язык, адрес, категория, автор описания, экспедиция, история выявления и фиксации, библиография и дата публикации. Описание объекта сопровождается фотоиллюстрациями, аудио- и/или видеозаписями.

Однако на практике оказалось, что электронные каталоги, расположенные на разных сайтах, отличаются друг от друга своим наполнением. Рассмотрим эти отличия на примере информации о НКН Омской области.

Реестр объектов НКН, расположенный по адресу: https://nkn.givc.ru/#/council, содержит один объект, имеющий отношение к Омской области, — «Вечёрочные традиции русских старожилов (чалдонов) северных районов Омской области» [5].

В Реестре по адресу: http://www.rusfolknasledie.ru/#/main, нет ни одного объекта НКН, имеющего отношение к Омской области [6].

На портале «Культура.РФ» Омская область представлена одним объектом НКН — «Родильно-крестильный обряд белорусов-переселенцев Омского Прииртышья» [7].

В списке НКН народов Омской области оба эти объекта указаны как «Объекты НКН в федеральном каталоге» [8], а вот описание этих объектов на сайте Государственного центра народного творчества Омской области в разделе «Нематериальное культурное наследие» отсутствует.

В результате мы имеем противоречивую информацию об объектах НКН Омской области, размещенных на федеральных ресурсах. Наверное, стоило бы иметь один, но выверенный реестр, отражающий достоверную информацию.

Возможно, такой ресурс вскоре появится, всё зависит от того, будет ли принят законопроект «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», внесенный на рассмотрение в Государственную Думу РФ 7 апреля 2022 г. и прошедший первое чтение [9]. Представленный документ фактически вводит новое понятие — «нематериальное этнокультурное достояние», под которым понимается «совокупность присущих народам и этническим общностям Российской Федерации духовных,

интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением их культурной самобытности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также современные тенденции». В итоге мы получаем еще одно определение, фактически идентичное тому, которое используется сейчас применительно к НКН. Однако из текста законопроекта не совсем понятны отличия наследия от достояния, станут ли эти термины синонимами или НКН будет пониматься шире, в соответствии с тем, как это сформулировано в Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. [10].

Не добавляет ясности и пояснительная записка к проекту Федерального закона, в которой, с одной стороны, указано, что «...нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации является частью общего наследия человечества в различных областях деятельности...», а с другой — «...нематериальном культурном наследии, которое является частью нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» и «...Законы о нематериальном культурном наследии (части нематериального этнокультурного достояния)...».

Кроме того, законопроект вводит еще два новых понятия: носители нематериального этнокультурного достояния РФ и хранители нематериального этнокультурного достояния РФ.

В качестве основного источника информации об объектах нематериального этнокультурного достояния РФ федерального значения предлагается создать Государственную информационную систему «Федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации». Кроме того, планируется запустить региональную информационную систему объектов нематериального этнокультурного достояния РФ регионального и местного (муниципального) значения.

Однако в той же пояснительной записке указано, что «...при этом создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы “Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации”) является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального культурного наследия народов России».

Возникает вопрос: будет ли это новый ресурс или просто поменяется одно слово в названии уже существующих? все указанные недочеты так и останутся неисправленными, и мы продолжим теряться в догадках, какому ресурсу стоит доверять?

1. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 16.08.2022).

2. Приказ Министерства культуры РФ от 17 декабря 2008 г. № 267 «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» // Кодекс : справ.-правовая система. — URL: https://docs.cntd.ru/document/902160920 (дата обращения: 20.08.2022).

3. Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации : [сайт]. — URL: http://nkn.givc.ru/ (дата обращения: 20.08.2022).

4. Объекты нематериального культурного наследия // Открытые данные Министерства культуры России : [сайт]. — URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-folklore/ (дата обращения: 20.08.2022).

5. Вечёрочные традиции русских старожилов (чалдонов) северных районов Омской области // Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации : [сайт]. — URL: https://nkn.givc.ru/#/nkn/6dcd236d-d616-c64e-7ccc-4d3ef86cedcc/ (дата обращения: 20.08.2022).

6. Расширенный поиск объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации // Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации : [сайт]. — URL: http://www.rusfolknasledie.ru/#/search/ (дата обращения: 20.08.2022).

7. Родильно-крестильный обряд белорусов-переселенцев Омского Прииртышья // Нематериальное культурное наследие России : [сайт]. — URL: https://www.culture.ru/objects/510/rodilno-krestilnyi-obryad-belorusov-pereselencev-omskogo-priirtyshya/ (дата обращения: 20.08.2022).

8. Сводный перечень объектов нематериального культурного наследия Омской области // Государственный центр народного творчества Омской области : [сайт]. — URL: https://omsk-gcnt.ru/upload/files/Сводный%20перечень%20объектов%20нематериального%20культурного%20наследия%20Омской%20области.pdf/ (дата обращения: 20.08.2022).

9. Законопроект № 102232-8 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8/ (дата обращения: 20.08.2022).

10. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России : [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208/ (дата обращения: 20.08.2022).

УДК 316; 39

Т. Б. Смирнова

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И СИМВОЛЫ НАРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)*

В статье представлены результаты социологического опроса студентов, посвященного культурной памяти и символам народа. Опрос проводился в регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Ключевые слова: идентичность, культурная память, символы народа, социологический опрос.

Основу российской идентичности составляет ряд ключевых компонентов, среди которых важнейшее место, наряду с исторической памятью, языком, культурой и религией, принадлежит национальным символам и ценностям [1, с. 359]. Эти ценности могут быть вечными и общечеловеческими, например ценность человеческой жизни, семья и семейные традиции, добро и справедливость, а могут соответствовать конкретному времени, иметь значение для конкретной социальной группы или для поколения. Самый распространенный метод изучения культурной памяти, символов и ценностей — социологические опросы, которые дополняются качественными методами (интервью и наблюдением). Подобные исследования, в частности социологические опросы, проводились в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022) по поручению Президента РФ от 16 января 2020 г. (Пр71, п. 6). Эта Программа была разработана и реализуется под руководством Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений.

Исследование проводится в 12 регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. В проекте участвуют эксперты из Свердловской, Тюменской и Челябинской областей (Уральский федеральный округ), Красноярского края, Республики Алтай, Омской и Новосибирской областей (Сибирский федеральный округ), Приморского края, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Хабаровского края, Чукотского автономного округа (Дальневосточный федеральный округ).

Опрос, посвященный идентичности, был проведен в 2021 и 2022 гг. Проводилось два вида опроса: массовый и опрос студентов. Анкета включала

* Исследование проводилось в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

© Смирнова Т. Б., 2022

в себя вопросы по общероссийской, гражданской и этнической идентичности (например, что объединяет граждан России; какие общие ценности являются базовыми для российского общества; насколько важна для респондентов принадлежность к российскому народу; какие чувства эта принадлежность вызывает; как соотносятся между собой общероссийская и региональная идентичности; как определяется этническая идентичность); вопросы о множественной этнической идентичности, о чувствах, которые она вызывает, и влиянии, которое этническая идентичность оказывает на различные стороны жизни человека; о символах, героях, национальных языках и вероисповедании. Результаты опросов в настоящее время анализируются, в частности проводится сравнение результатов в разных регионах и между федеральными округами массового опроса и опроса студентов.

Всего было опрошено 2400 человек, по 200 человек в каждом из 12 регионов (1200 человек — в рамках массового опроса и 1200 человек — в рамках опроса студентов). Были опрошены студенты 25 университетов. Выборка была сделана по полу (50 % мужчин и 50 % женщин) и по направлениям подготовки (50 % — естественные и технические, 50 % — общественные и гуманитарные). Этнический состав опрошенных студентов: русские — 831 человек (69,3 %), другие — 369 человек. Из них 334 человека назвали национальность. Наиболее многочисленные национальности: азербайджанцы — 12 человек, алтайцы — 28 человек, армяне — 8 человек, буряты — 36 человек, казахи — 13 человек, киргизы — 6 человек, немцы — 12 человек, саха (якуты) — 84 человека, татары — 22 человека, украинцы — 11 человек, чукчи — 39 человек. Наиболее многочисленными, кроме русских, были алтайцы, буряты, якуты и чукчи, поскольку опрос проводился в том числе в национальных регионах.

Приведем некоторые результаты опроса студентов в целом по Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам. Это ответы на вопросы, которые касаются исторической памяти, культуры и символов. На вопрос «Насколько для Вас важна Ваша этническая (национальная) принадлежность? (по 5-балльной шкале, где 1 — самая низкая оценка, 5 — самая высокая)» наибольшее количество набрала оценка 3 балла — 29 %. На 2-м месте оценка 5 баллов — 25 %, на 3-м — 4 балла (23 %), на 4-м — 1 балл (13 %) и на последнем месте оценка 2 балла, которая набрала 10 % ответов. Для сравнения — в массовом опросе «взрослое» население чаще всего ставило оценку 5 баллов. У разных народов ответы на этот вопрос отличаются. Так, студенты-алтайцы очень высоко ценят свою этническую принадлежность, 24 человека из 28 (85,7 %) поставили 5 баллов. У чукчей доля тех, кто ценит свою этническую принадлежность так же высоко, со-

ставляет 61,5 %, у бурят — 36,1 %, у саха (якутов) — 16,7 %. У якутов самая популярная оценка — 3 балла, ее поставили 40 % респондентов. Получается, что оценки выше у малочисленных народов и ниже у тех, чья численность является существенной.

Студентам также был задан вопрос «Какие важнейшие даты, события из истории Вашего народа Вы можете назвать?». Затруднились ответить на этот вопрос 466 человек (38,8 %). Многие говорили, что знают общероссийские даты и события, праздники всех народов России, но не конкретно своего народа. Назвали даты и события 734 человека (61,2 %), из них подавляющее большинство назвало события, связанные с Великой Отечественной войной, — 360 человек (49,0 %). Это в первую очередь День Победы (9 мая 1945 г.) — 180 человек; Великая Отечественная война, включая Сталинградскую битву, блокаду Ленинграда, взятие Берлина, — 175 человек; Вторая мировая война — 5 человек.

На 2-м месте по частоте упоминаний Крещение Руси в 988 г. — эту дату назвали 94 человека (12,8 %). Из древней истории респонденты также называли 1240 и 1242 гг. (Невская битва и Ледовое побоище) — 16 человек; 1380 г. (Куликовская битва) — 17 человек; стояние на р. Угре 1480 г. — 12 человек; 862 г. (призвание варягов) — 11 человек; 882 г. (объединение Олегом Новгорода и Киева) — 6 человек; 1147 г. (первое упоминание о Москве, договоры Руси с Византией и правление Золотой Орды).

На 3-м месте по частоте упоминаний события 1917 г., Февральская и Октябрьская революции с разными, часто противоположными, оценками — 84 человека. Студенты называли события, так или иначе связанные с русской революцией 1917 г. Это Первая мировая война — 9 человек; гражданская война — 7 человек; 1918 г. (начало гражданской войны и провозглашение РСФСР), 1922 г. (образование СССР) — 5 человек; индустриализация и коллективизация — 3 человека; 1937 г. (репрессии, террор) — 2 человека; 7 ноября — 2 человека. Три респондента назвали 1905 г., Первую русскую революцию, включая Кровавое воскресенье.

На 4-м месте находятся события 1991 г. — распад СССР и начало новой России, о них упомянули 72 человека, оценки этих событий разные, от резко негативных, которых больше, до полного принятия новой России.

Следующий по частоте упоминаний — 1861 г., отмена крепостного права — эту дату назвали 60 человек. Далее следует Отечественная война 1812 г., включая Бородинское сражение, — 36 человек; 12 апреля 1961 г. (полет Гагарина в космос) — 28 человек.

Период 1598–1613 гг., Смутное время, ополчение Минина и Пожарского, воцарение Романовых назвали 25 человек; 1721 г. — Северная война (включая Полтавскую битву) и провозглашение России Империей — 19 человек.

Далее по частоте упоминаний следовали события, связанные с недавней историей: 12 июня (День России) назвали 15 человек; 12 декабря 1993 г. (принятие Конституции) — 13 человек; 2000 г. (начало правления В. Путина) — 6 человек. Несколько человек назвали в числе важных дат и событий других правителей России: Петра I — 3 человека, Екатерины II — 2 человека, Александра II и Сталина.

Можно отметить во многих случаях связь называемых событий с национальностью респондентов. Так, четыре киргиза из шести опрошенных назвали День независимости Киргизии (31 августа 1991 г.). Из восьми опрошенных армян трое назвали 301 г. — дату принятия Арменией христианства, двое — геноцид армян, по одному человеку — землетрясение 1988 г. и войну в Карабахе. Из 12 опрошенных азербайджанцев четверо назвали войну в Нагорном Карабахе, а остальные затруднились ответить. Из шести евреев двое назвали исход из Египта, двое — Холокост и двое — образование государства Израиль. Многие из представителей нерусских национальностей называли общероссийские даты (Крещение Руси, Ледовое побоище, Куликовскую битву и т. д.), особенно часто — связанные с Великой Отечественной войной.

В республиках респонденты называли в основном даты, связанные с образованием этих республик, со становлением их национальной государственности. Так, большинство алтайцев или затруднились ответить (13 человек), или назвали вхождение алтайцев в состав России (3 человека), или назвали образование Ойротской республики в 1922 г. и Республики Алтай в 1992 г. (9 человек). Еще трое назвали День Победы. Всего было опрошено 28 студентов-алтайцев.

Из 36 опрошенных бурят 22 человека не смогли назвать никаких дат и событий. Общероссийские праздники назвали 8 человек, 6 человек назвали события из истории республики: основание в 1666 г., присоединение территории Бурятии к территории России, образование Бурят-Монгольской АССР в 1923 г., переименование Верхнеудинска в Улан-Удэ в 1934 г., праздник Сагаалган. Многие буряты называли общероссийские праздники, День Победы.

Было опрошено 84 саха (якутов), из них 38 человек затруднились назвать ключевые даты, а 14 человек назвали общероссийские праздники. Из якутских праздников наиболее часто упоминалась дата 27 апреля 1922 г., когда была образована ЯАССР, — 16 человек; 12 человек назвали 1632 г. — основание Якутска и вхождение в состав Российского государства; 27 сентября — День государственности Республики Саха (Якутия) — назвали 8 человек. Также упоминали приход православия, начало развитие республики в 1830 г., Ысыах 21 июня (праздник лета, связанный

с культом солнца), день якутского алфавита, Международные интеллектуальные игры 2018 г.

Самая большая доля затруднившихся ответить на вопрос о важных датах в истории своего народа у чукчей — 25 человек из 40 респондентов (62,5 %). Ответившие на этот вопрос называли общероссийские праздники, регату 17 июня–18 июля (2 человека), день коренных малочисленных народов 5 декабря (2 человека), 1930 г. — год основания с. Энмелен (2 человека), 1924 г., 1961 г., 2000 г., корфест, день поселка, 10 декабря, 17 августа — собрание чукотских малочисленных народов, 21 февраля — день родного языка.

В ходе опроса студентам также задавался вопрос о символах: «Кто из представителей Вашей национальности является великим человеком, символом народа?», на который 496 опрошенных (41,3 %) затруднились ответить. Из ответивших, с перевесом более чем в два раза по сравнению со 2-м местом, большинство назвали В. В. Путина — 112 человек. На 2-м месте — В. И. Ленин — 61 человек. На 3-м месте Ю. А. Гагарин — 56 голосов, А. С. Пушкина назвали символом народа 52 человека, И. В. Сталина — 40 человек, Петра I — 39 человек.

Среди опрошенных алтайцев затруднились ответить 18 человек, назвали следующих людей, являющихся символом алтайского народа: Г. И. Чорос-Гуркин — 7 человек, В. И. Чаптынов — 3 человека, Н. Улагашев, Л. Кокышев, А. Самтаев, Р. Асканаков — по одному человеку. У бурятов безусловный лидер — Доржи Банзаров, его назвали 12 человек. Затруднились ответить — 18 человек. Среди саха (якутов) затруднились ответить — 41 человек. Платон Ойунский набрал 18 голосов, Максим Аммосов — 14, Михаил Ефимович Николаев — 7, Алексей Кулаковский — 7, Манчаары — 5, Тыгын Дархан — 5, Исидор Барахов — 2, В. И. Ленин — 2. У чукчей затруднились ответить 24 человека, назвали Юрия Рытхэу 12 человек.

В заключение следует отметить, что по результатам опроса превалирует общероссийский контекст исторической памяти и символики над этническим. Многие символы и герои по времени своего существования относятся к советской эпохе, поскольку в постсоветский период героизация этнической истории и создание этнических символов в России не приобрели такого размаха, как в других независимых государствах постсоветского пространства.

---

1. *Тишков В. А.* Национальная идея России. — М. : АСТ, 2021. — 416 с.

УДК 908

А. А. Тихонов

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЭТА Л. Н. ЧАШЕЧНИКОВА В ПОДМОСКОВЬЕ, ОМСКОЙ И АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Статья посвящена специфике сохранения и популяризации творческого наследия поэта Леонида Николаевича Чашечникова на его родине в Омской области, а также в Астрахани и Подмосковье, где жил поэт.

Ключевые слова: Чашечников, поэзия, творческое наследие, литературное краеведение, популяризация.

Уроженец с. Воскресенка Омской области, поэт Леонид Николаевич Чашечников известен любителям поэзии в Омской и Астраханской областях, в подмосковных Сергиевом Посаде и Балашихе. Сам Чашечников в предисловии к своей главной, последней прижизненной книге «Русская Голгофа», вышедшей за несколько месяцев до смерти поэта, описывал причину своей малой известности читателям: «в первую очередь потому, что большинство книг вышло в провинции» [1, с. 3].

Работая над очерком о судьбе Леонида Николаевича, я пришел к мысли, что подмосковные, астраханские и омские почитатели его поэтического таланта, библиотекари, писатели, краеведы по-разному, но искренне и деятельно борются за сохранение памяти о поэте, популяризируют его творчество. Данная статья — попытка обобщенно рассказать о том, какими путями ведется сохранение и популяризация творческого наследия поэта в Омской и Астраханской областях, в Подмосковье.

В 2013 г. по инициативе Межрегиональной общественной организации «Омское землячество» была издана первая за 14 лет после «Русской Голгофы» книга Леонида Чашечникова «Цветы и тернии любви», редактором которой выступил друг поэта, собрат по перу — М. И. Сильванович. В марте 2016 г. на заседании Московского координационного совета региональных землячеств при Правительстве Москвы награда «Лучшая книга, изданная землячеством» досталась сборнику избранной лирики «Цветы и тернии любви» [2].

В Подмосковье, где поэт провел последние годы жизни, в Сергиевом Посаде и Балашихе бережно сохраняют творческое наследие поэта, проводят памятные вечера. В центральной городской библиотеке им. А. С. Горловского (Сергиев Посад) организуются вечера памяти Чашечникова при участии местного литературного объединения «Свиток» [3]. На страни-

© Тихонов А. А., 2022

цах сайта библиотеки подчеркивается: «С 1981 по 1999 год жил в деревне Семёнково Сергиево-Посадского района, здесь он написал свою главную книгу “Русская Голгофа”» [3].

Помнят Леонида Николаевича и в Балашихе, где он жил некоторое время. На портале «Балашиха: вчера, сегодня, завтра» в разделе «Знаменитые люди Балашихи» отдельная страница посвящена поэту [4]. Виктор Карпушин рассказывает: «В Балашихе есть улицы Дмитриева и Брагина, жаль, что нет улицы Чашечникова. Но его помнят и сотрудники Управления культуры городского округа Балашиха, и читатели библиотеки семейного чтения в микрорайоне “Новый Свет”, педагоги и учащиеся Детской школы искусств № 1 им. Г. В. Свиридова» [5].

В статье «Музей в деревне» для газеты «Тарское Прииртышье» Михаил Сильванович приводит слова руководителя семенковского музея Галины Фёдоровны Костыриной, которая случайно увидела на кладбище могилу Леонида Чашечникова, начала узнавать о нём и была поражена тем, что в д. Семёнково последние годы жизни провел большой русский поэт. Она рассказала Сильвановичу: «Мало-помалу стал собираться материал. Отыскались книги с автографами. Когда мы нашли Николая Максимовича Братишко, он подарил еще одну книгу, фотопортрет Леонида Николаевича. Вот только что привез его пепельницу. Так появился и постепенно пополняется уголок истории, посвященный жизни и творчеству этого поэта-семенковца. На посетителей производит особое впечатление, когда мы показываем балкон его квартиры, которая была в доме напротив музея» [6, с. 14].

В Астрахани для школьников проводятся уроки литературы, посвященные творчеству поэта [7]. В брошюре «О любимой Астрахани говорит поэт», изданной астраханскими библиотекарями, цитируется стихотворение Чашечникова «Астрахань» как образчик патриотического стихотворения об астраханском крае [8, с. 7]. Далее библиотекари патетично восклицают: «Леонид Чашечников, как и его собратья по перу, вошел в славную когорту поэтов-“шестидесятников”, прославивших нашу Астрахань на редкость талантливыми произведениями, среди которых немало поэтических шедевров».

Председатель астраханской писательской организации Юрий Щербаков пишет: «Конечно, мы давным-давно зачислили незабвенного Леонида Николаевича в астраханцы! Прекрасный поэт, публицист и переводчик, он был еще и настоящим наставником. Руководимое им литературное объединение “Высота” при Доме Культуры Строителей гремело! Известными поэтами стали его воспитанники Борис Свердлов и Павел Морозов» [9].

В 2002 г. в Астраханской области региональное отделение Союза писателей России совместно с Администрацией Володарского района, где

жил Леонид Николаевич, учредили литературную премию его имени, которую вручают ежегодно, в канун дня рождения поэта. В положении о премии значится, что она вручается «за литературно-художественные произведения, созданные в традициях российской духовности, пропагандирующие гуманизм, нравственность, дружбу между народами, любовь к Родине».

Память о своем выпускнике хранят в Омске, в областном колледже культуры и искусства (ранее — Омская областная культпросветшкола в Таре, которую Чашечников окончил в 1951 г.). В 1997 г. по инициативе педагога (ныне члена Союза краеведов России) Анны Фёдоровны Изотовой в колледже началось формирование музея учреждения. Эта идея, высказанная в канун полувекового юбилея колледжа, легла на благодатную почву, и музей начал крепнуть, формировались фонды. Начался сбор материалов о выпускниках колледжа. Участница Великой Отечественной войны А. К. Полежаева рассказала, что ее однокурсником в колледже был известный поэт Чашечников. В 2003 г. именем Чашечникова была названа библиотека колледжа.

В статье для журнала «Литературный Омск» Анна Изотова пишет: «В музее истории Омского областного колледжа культуры и искусства хранится личный фонд Леонида Николаевича Чашечникова. Ценность его экспонатов — в их уникальности: многие из них были в свое время присланы самим Леонидом Николаевичем. Это поэтические сборники разных лет, фотографии, личные вещи, а главное — письма, хранящие теплое отношение к родному колледжу и к Омску» [10, с. 115].

В городе юности Чашечникова, в Таре, как и в Астрахани, вручается литературная премия его имени, однако в Сибири премию начали вручать позже, с 2013 г. в рамках литературных чтений им. Л. Н. Чашечникова. За время существования литературных чтений лауреатами премии его имени становились писатели из Омской области, проводились и проводятся литературный, музыкальный, художественный конкурсы, артисты Северного драматического театра им. М. А. Ульянова создают сценические постановки на стихи поэта.

Долгое время обсуждался вопрос о присвоении Тарской центральной районной библиотеке имени поэта. Об этом говорили авторы клуба «Вечера на Александровской», активно пропагандировавшие творчество Чашечникова. Одним из первых, кто упомянул необходимость такого шага, стал друг Леонида Николаевича, поэт и журналист Михаил Авдеевич Белозёров в книге «Я — не плачу! Я — люблю!» [11, с. 37–49].

В октябре 2001 г. в районной газете «Тарское Прииртышье» [12] была опубликована рубрика «Земляки предлагают», в рамках которой представлены предложения известных тарчан о присвоении районной библиотеке

имени Л. Н. Чашечникова. Так, за присвоение имени поэта одной из библиотек (не конкретизируя, районной или сельской) выступила заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Тарского филиала ОмГПУ Татьяна Писчурникова и преподаватели кафедры, а также известный в Таре филолог, лауреат Пушкинской медали Евгения Алексеевна Кабанова.

Осенью 2009 г. в статье «Будто и не было в Таре поэта» [13] Татьяна Бурундукова пишет: «Инициатива тарчан о присвоении имени Леонида Чашечникова центральной районной библиотеке так и осталась нереализованной».

Однако, несмотря на ряд сложностей, осенью 2021 г. было принято решение о присвоении Тарской централизованной библиотечной системе имени поэта, в здании районной библиотеки установлен бюст Л. Н. Чашечникова и взят курс на развитие связей со всеми, кому небезразличны судьба и творчество поэта.

---

1. *Чашечников Л. Н.* Русская голгофа: стихотворения и поэмы. — Сергиев Посад : [б. и.], 1999. — 327 с.

2. Книги, изданные Омским землячеством, получили дипломы межрегионального конкурса // Официальный сайт Омского землячества в Москве : [сайт]. — 2016. — 2 апр. — URL: http://omskzem.ru/?p=16064 (дата обращения: 01.05.2022).

3. Памяти поэта // Центральная городская библиотека им. А. С. Горловского (г. Сергиев Посад) : [сайт]. — 2018. — 25 дек. — URL: http://www.biblgorlov.ru/novosti/686-pamyati-poeta-2 (дата обращения: 21.04.2022).

4. Чашечников Леонид Николаевич // Балашиха: вчера, сегодня, завтра : [сайт]. — 2012. — 21 мая. — URL: https://143900.ru/znamenitye-lyudi-balashihi/chashechnikov-leonid-nikolaevich.html (дата обращения: 21.04.2022).

5. Материалы беседы с В. В. Карпушиным от 17 мая 2021 г. Из личного архива А. Тихонова.

6. *Сильванович М. И.* Музей в деревне // Тарское Прииртышье. — 2005. — 6 янв. — № 1 (11282). — С. 14.

7. *Зварыкина И. С.* Конспект открытого урока по литературе на тему «Родная природа в стихотворениях поэтов XX века». 5-й класс (по учебной программе по литературе под редакцией Г. С. Меркина, С. А. Зинина) // nsportal.ru : образоват. соц. сеть. — 2013. — 16 авг. — URL: https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/08/16/konspekt-otkrytogo-uroka-po-literature-na-temu-rodnaya-priroda (дата обращения: 01.05.2022).

8. О любимой Астрахани говорит поэт. — Астрахань : Централизованная городская библиотечная система Астрахани, 2019. — 8 с.

9. *Щербаков Ю. Н.* Комментарий к материалу «Чашечников Л. Н. “Щемящей памятью живой...”» // Российский писатель : [сайт]. — URL: https://www.rospisatel.ru/chashechnikov-stihi.html (дата обращения: 26.04.2022).

10. *Изотова А. Ф.* «Я люблю тебя, Омск!» // Литературный Омск. — 2014. — № 22. — С. 115.

11. *Белозёров М. А.* Я не забуду эти встречи // Белозёров М. А. «Я — не плачу! Я — люблю!». — Тара : [б. и.], 2001. — С. 37–49.

12. Земляки предлагают: Е. Кабанова, Т. Писчурникова // Тарское Прииртышье. — 2001. — № 43. — 22–28 окт.

13. *Бурундукова Т. В.* Будто и не было в Таре поэта // Тарское Прииртышье. — 2009. — № 38. — 23 сент.

УДК 379.85

О. Л. Чернобай, Г. К. Чернобай

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧИСТООЗЁРНОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ. КРАТКИЙ ОБЗОР

В статье раскрываются особенности географического положения и рельефа Чистоозёрного района Новосибирской области, исторические этапы заселения и территориального деления: за свою достаточно долгую историю район успел побывать в составе Омской области. Описаны отдельные культурные туристские объекты, интересные исторические факты. В статье использованы материалы фондов Государственного архива Новосибирской области и отдела архивной службы Чистоозёрного района Новосибирской области. Приводятся выдержки из интервью, взятого авторами статьи у старожила-краеведа А. В. Соболева.

Ключевые слова: Чистоозёрный район, Новосибирская область, озёра, культурные и туристские объекты.

Чистоозёрный район Новосибирской области занимает юго-западную часть Барабинской низменности. Административный центр — р. п. Чистоозёрное, основанный в 1914–1915 гг. во время строительства Кулундинской железнодорожной ветки. С 1948 г. — рабочий поселок. Численность населения на 2021 г. составила 5292 человека (в 2002 г. в Чистоозёрном проживал 6791 житель, на 2008 г. численность составляла 6400 человек) [1, с. 504]. Станция «Чистоозёрное» находится в 528 км от Новосибирска.

Своеобразна история возникновения Чистоозёрного района. До 1925 г. территория входила в состав Юдинской волости Каинского уезда Тобольской губернии. В 1925 г. был организован Юдинский район с центром в пос. Чистоозёрное. В 1932 г. район был ликвидирован, а все населенные пункты поделены между Купинским, Татарским и Чановским районами. В 1935 г. район вновь восстановлен, но в урезанном виде, часть населенных пунктов не вернулась. С этого времени район носит название «Чистоозёрный» [2]. Если учесть, что в 1920-х гг. территория района еще побывала в составе Омской области,

© Чернобай О. Л., Чернобай Г. К., 2022

то можно назвать его самым «невезучим» в Новосибирской области. В итоге район лишился многих архивов. Кроме плановых систематических работ, проводившихся сотрудниками Омского краеведческого музея, археологические исследования на территории современной Новосибирской области в 1920–1930-х гг. были немногочисленны и имели непостоянный характер [3].

Район занимает пониженную часть области (абсолютные высоты колеблются от 101 до 117 м), которая характеризуется однообразием рельефа: слабоволнистая равнина, местами пересеченная гривами длиной до 3 км и высотой 2–6 м. Другой элемент рельефа — неглубокие плоскодонные западины, многие из которых заполнены водой, а часть занята кочковатыми тростниково-осоковыми болотами [4, с. 372].

В прошлом практически вся территория района была дном оз. Чаны — самое большое в Новосибирской области и Западной Сибири, в 1994 г. включено в список водно-болотных угодий мирового значения (Рамсарские угодья) [4, с. 12]. С отступлением воды на ней осталось большое количество озер, которых насчитывается более 200, причем весьма разнообразных по величине и степени минерализации. «Озера Чаны и, в частности, Юдинского плёса в Чистоозёрном районе больше нет. Есть лишь котловина на месте этого озера, поросшая травой и камышом. От с. Юдино до самой дамбы, отрезавшей Юдинский плёс, можно пройти пешком прямо по дну бывшего озера…» — так пишет историк-краевед А. В. Соболев из р. п. Чистоозёрное.

Первые переселенцы на нынешней территории района появились еще в 1686 г. (Юдино, Канавы, Редкое). В основном это были ссыльные и беглые стрельцы и казаки, бежавшие после подавления «стрелецкого восстания» 1682 г. С этого времени началось постепенное его заселение.

К востоку от железной дороги Татарская — Кулунда на территории Чистоозёрного района с 1978 г. расположен биологический заказник «Юдинский» площадью 112 820 га. Заказник организован для развития миграционных путей водоплавающей птицы и для сохранения популяции лося, косули, зайцев, поселений барсука. На территории заказника осуществляется охрана таких видов птиц, как лебедь, краснозобая казарка, гусь-пискулька, стрепет, пеганка, огарь [5].

Одна из географических особенностей — отсутствие рек. Их в районе нет, но есть два ручья с пресной водой (примерно 6 и 3 км), впадающие в оз. Чебаклы. Они являются остатками протоки, соединявшей некогда оз. Чаны с оз. Чебаклы [4, с. 356]. Когда-то здесь стояли даже мельницы, сейчас же оз. Чебаклы очень обмелело, буквально «усохло» и стало соленым.

Озёра не идут в сравнение с Чанами, однако довольно большие. Это на востоке района — Чебаклы, Горькое, в центральной части — Табулга, Солёное, Абушкан, на западе — Атаичье, Волчий Плёс и др. Озёра плоскодонные,

неглубокие, многие летом пересыхают, в большинстве вода соленая и горько-соленая. Берега таких озер выделяются остатками солей, образующими беловатый пояс вокруг водоемов. Немногочисленные пресные озёра окаймлены густыми тростниково-осоковыми зарослями. Охотничья фауна типичная для Кулунды и Барабы: здесь гнездятся все виды водоплавающих и болотных птиц, кроме таких обитателей лесных озер, как гоголь, черный турпан, леток, большой крохаль, но и они бывают на пролетах. В непромерзающих озерах водится карась. Озёра богаты сапропелем.

В 4 км западнее районного центра расположено оз. Лебяжье (Лечебное) с рапой и лечебной грязью. Дорога с асфальтовым покрытием. Место паломничества местного населения.

В 1920-х гг. именно на этом месте была оборудована лечебница для высшего командного состава Красной армии, так как за время гражданской войны более знаменитый курорт Озеро Карачи сильно пострадал и его состояние было крайне печальным: многие здания были разрушены, уничтожена половина рапного отделения.

В 1930-х гг. лечебницу привели в рабочую готовность для приема трудящихся и ветеранов гражданской войны. И лечебница с оз. Лебяжьего переехала на новое место, что и позволило сохранить рапу и лечебную грязь для местного населения и небольших групп приезжих туристов.

«Любопытен участок между разъездами Журавлиным и Редким. В XIX веке здесь был пролив из озер Чановской группы в озёра Сумы — Чебаклы — Абушканской системы. Сейчас от них осталось лишь несколько мелких горько-соленых озер», подойти к которым можно буквально ступая по корке соли [6, с. 18–21].

Более того, местные жители утверждают, что в прошлом на месте поселка, нынешнего районного центра, было озеро, но постепенно оно высохло. Население со временем освоило дно бывшего водоема. Так что значительная часть поселка находится в низине.

Пристанционный поселок Чистоозёрное возник в 1914–1915 гг. при строительстве Кулундинской железнодорожной ветки. В 1915–1916 гг. была построена водонапорная 3-ярусная прямоствольная башня с шатровой крышей и куполом. До сих пор поражает качество кирпичной кладки и совершенство архитектурных форм. В 2008 г. возле железнодорожного вокзала поставлен на постамент паровоз в память о людях, приезжавших в 50–60-х гг. XX в. на освоение новых земель. В райцентре уже в начале XXI в. была открыта церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Через весь поселок проходит парк. Возле железнодорожного вокзала, Дворца культуры, обелиска Славы разбиты скверы (благо грунтовые воды залегают близко к поверхности).

Чистоозёрный историко-краеведческий музей относительно молодой, в этом году отметил свое 20-летие. Сейчас шесть залов музея переехали в новое здание — Дворец культуры по адресу: ул. Покрышкина, 12.

Еще во второй половине прошлого века продукция Чистоозёрного электродного завода (образован в 1959 г.) отправлялась в 68 адресов Советского Союза. В 1990-х гг. предприятие переживало нелегкие времена и фактически перестало существовать. Однако в последние годы завод был реанимирован, его партнерами стали не только регионы России (Кемерово, например), но и государства ближнего зарубежья — Казахстан и Узбекистан [7]. Остается надеяться, что и сегодняшняя первоочередная экономическая задача импортозамещения предоставит заводу новые возможности.

В Чистоозёрном работает музыкальная школа (сейчас детская школа искусств) — ровесница Новосибирского театра оперы и балета (с 1945-го), это старейшее учебное заведение среди сельских школ такого типа [8].

В 12 км к востоку от р. п. Чистоозёрное, недалеко от с. Юдино, многие десятилетия был расположен оздоровительный лагерь — «Зеленая Роща» (на берегу оз. Курья). В 2022 г. лагерь переехал в здание Мироновской школы (50 км от райцентра Чистоозёрного района). Школа по разным причинам была закрыта, но, чтобы сохранить педсостав, было принято решение перенести старый лагерь именно сюда.

В 10 км к юго-западу от райцентра расположено с. Журавка (более 1 тыс. жителей). На 2-м этаже Дома культуры на ул. Центральной размещена картинная галерея (первая колхозная в области) и выставка произведений прикладного искусства местных мастеров. Во второй половине XX в. в районе побывала группа художников из областного центра и оставила 36 своих работ. Разместить галерею в Чистоозёрном не удалось, а председатель колхоза им. Мичурина из с. Журавка предложил выставить картины в своем Доме культуры. Сегодня в двух залах находится 176 работ живописи и графики художников: Н. Н. Жукова, И. В. и В. В. Титковых, омичей — Фокина и К. Н. Щёкотова, местного художника В. Д. Войтова.

Интересен еще один факт из истории Чистоозёрного района. В 24 км к югу от райцентра расположен первый в области овцеводческий совхоз (1928) под названием Барабо-Юдинский (помимо образованного в 1930 г. колхоза им. Урицкого). Первоначально он назывался «Овцевод», потому что здесь держали около 80 тыс. овец. Село называлось «Центральная усадьба совхоза “Овцевод”» [9]. Вокруг села находилось 22 хутора, где жили чабаны со своими семьями, пасли овец, крупный рогатый скот, лошадей. В хозяйстве разводили кур, уток, кроликов. Имелись большие посевные площади и сенокосные угодья, хороший сад, где выращивали малину, смородину,

вишню. Несмотря на то, что в Советском Союзе было около 30 000 колхозов и 18 000 совхозов, в 90-х гг. XX в. многие из них разорились и исчезли. Барабо-Юдинский совхоз продержался до середины 2000-х гг., в 2006 г. он был признан банкротом и ликвидирован [9].

В с. Покровка (18 км к северу от р. п. Чистоозёрное) в 1900–1910 гг. построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Удивительно, как с 30-х гг. XX в. сохранилась большая часть церкви! Утрачена колокольня (сохранилось два яруса), снесены купола — самая хрупкая часть сооружения, но основной облик, выложенный из высококачественного кирпича, сохранился. Хорошая компоновка, совершенство работы ставят эту церковь в один ряд с замечательными культовыми сооружениями области, такими как собор Александра Невского в Новосибирске, церковь Покрова в Завьялове Искитимского района, Серафима Саровского в Турнаеве Болотнинского района. Сейчас в Покровку приехал батюшка, ведется служба.

Пятидесятые годы прошлого столетия стали своеобразной вехой в развитии археологических исследований на территории Новосибирской области. Связано это с созданием Новосибирской археологической экспедиции и началом планомерных исследовательских работ на территории области. Организатором Новосибирской археологической экспедиции и родоначальником новосибирской археологической школы была доктор исторических наук, профессор Татьяна Николаевна Троицкая. Приехав в 1957 г. на работу в Новосибирский государственный педагогический институт, Т. Н. Троицкая, имевшая опыт археологических исследований в Крыму и Башкирии, стала первым профессиональным новосибирским археологом. Уже в 1959 г., как результат сотрудничества НГПИ и Краеведческого музея, под ее руководством начинает работу Новосибирская археологическая экспедиция (НАЭ) [3].

Кроме традиционных работ в Новосибирском Приобье, Барабинским отрядом Новосибирской археологической экспедиции под руководством профессора НГПУ Виктора Ивановича Соболева разворачиваются масштабные работы в Барабинской лесостепи. Именно благодаря этим работам удалось воссоздать историю аборигенного населения Барабы.

В Чистоозёрном районе впервые на территории области был открыт и изучен интересный археологический памятник (1970-е), получивший название Олтарь-1 (д. Олтарь в 18 км к югу от райцентра), — мавзолей, сооруженный из изготовленного здесь же сырцового кирпича. Очевидно, в мавзолее был погребен предводитель племени кочевников (начало II тыс. н. э.). Южносибирские народы — тюрки, киргизы — подвергались влиянию народов Средней Азии (судя по найденным предметам в мавзолее). «Вообще курганов было много, особенно на юге (ближе к границе

с Казахстаном), так называемых “царских”, высотой в несколько метров. Сейчас в приграничном районе вести раскопки сложно», — сетует старожил-краевед А. В. Соболев.

Итак, рассмотрев некоторые особенности природных и культурных объектов Чистоозёрного района Новосибирской области, мы провели краткий обзор интересных и знаковых мест этой озерной земли. Краеведение не может развиваться без большой идеи и задач, которые бы объединили участников краеведческого движения. Вот что сказал об этом сибирский ученый Г. Н. Потанин: «Если бы в каждой области образовался свой деятельный контингент местных патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, — сколько бы было сделано культурной работы. Если бы это случилось, лицо русской земли сделалось бы неузнаваемо» [10, с. 256–258].

---

1. Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской области 1937–2006 гг. — Новосибирск : [б. и.], 2007. — 601 с.

2. ГАНО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 206а. Л. 3.

3. Археологическое изучение Новосибирской области (исторический очерк) // Культурное наследие Новосибирской области : [сайт]. — URL: http://www.nasledie-nso.ru/node/288 (дата обращения: 05.06.2022).

4. *Чернобай Л. П.* Гидрография и водные ресурсы Новосибирской области. — Новосибирск : [б. и.], 2016. — 456 с.

5. Юдинский заказник // Туристический портал Новосибирской области : [сайт]. — 2019. — 2 дек. — URL: https://turizm.nso.ru/ru/content/gosudarstvennyy-prirodnyy-zakaznik-yudinskiy (дата обращения: 23.06.2022).

6. *Крылов Г. В., Юдин Б. С.* Умей отдыхать и беречь природу. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986. — 268 с.

7. Чистоозёрный электродный завод : [сайт]. — URL: https://electrode-nsk.com (дата обращения: 05.07.2022).

8. ГАНО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

9. История совхоза и села Барабо-Юдино // Администрация Барабо-Юдинского сельсовета Чистоозёрного района Новосибирской области : [сайт]. — 2018. — 28 янв. — URL: https://barabo-yudinskiy.nso.ru/page/17 (дата обращения: 10.07.2022).

10. Литературное наследство Сибири. Т. 7: Григорий Николаевич Потанин / редкол.: Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др.]. — Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1986. — 339 с.

УДК 930.2+908

Т. К. Щеглова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, ПАМЯТЬ, УСТНАЯ ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Автором статьи рассматриваются понятия нематериального историко-культурного наследия, устной истории и памяти, краеведения и краеведческого движения. Основное внимание уделено использованию методов и источников устной истории в деле изучения историко-культурного наследия с опорой на социальную, индивидуальную, коллективную и культурную память. Дается анализ приоритетных направлений исследования памяти и состава ее носителей.

Ключевые слова: устная история, нематериальное историко-культурное наследие, краеведение, память социальная, память культурная.

В публикации ставится задача рассмотреть взаимодействие устной истории с краеведением в деле выявления, сохранения и популяризации историко-культурного наследия с опорой на память. Это взаимодействие базируется на основе деятельности исследователей по документированию информации в памяти участников недавнего исторического прошлого и носителей народных (этнических) традиций. В таком случае мы говорим о нематериальных формах историко-культурного наследия.

При большом многообразии определений историко-культурного наследия мы включаем в него наряду с обычаями, обрядами и традициями народной культуры; знаниями, опытом и навыками в народных ремеслах; устным народным творчеством (сказками, былинами, песнями) и ту часть, которая связана с ментальными особенностями и представлениями, созданными прошлыми поколениями на основе эмпирического жизненного опыта и передающимися потомкам как нечто ценное через семейные коммуникации. Речь идет о материалах устной истории, в которых содержится образ той или иной эпохи (крестьянской, советской, современной), отражается мировоззрение и ценности общества и человека, оценки исторических явлений, процессов, результатов деятельности. Антропоцентрическая информация — своеобразная форма наследия, которая значима для политического и общественного развития страны.

Примером может служить пласт информации в социальной памяти российской семьи, который связан с Великой Отечественной войной. Информация о жизни на фронте и в тылу передавалась из поколения в поколение устно через семейные каналы коммуникаций и служила краеугольным камнем в формировании гражданской идентичности. Жизненный опыт и эмпирические версии заполняли всё семейное пространство на уровне

© Щеглова Т. К., 2022

поколения участников войны (фронтовиков и тружениц тыла), были базовыми в воспоминаниях их детей, т. е. того поколения, которое сейчас получило статус «дети войны». Ослаб интерес к этой информации в семейной памяти внуков, еще более — правнуков и т. д. Не зафиксированные семейные истории об адаптивных жизнесохранительных практиках населения на фронте и в тылу, жизненные стратегии и народные традиции в системе жизнеобеспечения семьи в затруднительных военных условиях уходят из информационной среды семьи. Обрыв информационного потока небезопасен, а потеря памяти об этом может быть угрожающей для общества. Современные коммеморативные практики, среди которых существенную роль играет Бессмертный полк, пытаются сохранить у поколений, ушедших далеко от войны, семейную память. Эта часть устной истории является частью историко-культурного наследия.

В устной истории, как самостоятельном направлении исторических исследований, разработаны технологии исследования этих аспектов нематериальной части историко-культурного наследия. Объект устной истории — память, которая существует в разных видах. Основные методы — опрос, интервью, беседа с носителями информации. В арсенал методов также входит методика документирования и архивирования полученной устной информации для создания новых антропоцентричных источников и формирования архивов (коллекций). В этом отношении устная история может существенно повысить качество краеведческой работы, о чём автор неоднократно писала [1].

Чтобы понять, какую роль играет устная история в изучении, сохранении и популяризации историко-культурного наследия, необходимо разобраться с понятием памяти, ее типами или видами и формами. Память находится в междисциплинарном дискурсе. Для нас важен социогуманитарный подход. В нём значение памяти определяется информацией, которая в ней хранится, и формой, в которую она обличена (устная, материальная, визуальная). Выделяют обычно несколько типов памяти — коллективную, индивидуальную, социальную, культурную, политическую, историческую и др. К тому же есть разные версии их определения. Для нас интересны те типы памяти, которые важны для исследователей и краеведов, занимающихся изучением и сохранением нематериального историко-культурного наследия. Прежде всего, это социальная память (которая может быть индивидуальной, коллективной, семейной) и культурная память в том определении, как мы их понимаем.

При работе с памятью, в том числе в краеведческой работе, можно посоветовать обратиться к исследованиям в области социальной/культурной памяти Л. П. Репиной [2], которая рассматривает память в контексте

современных общественно-политических трансформаций; к публикациям по конструированию советской социальной памяти в культурной антропологии и ее связях с музеефикацией В. А. Шнирельмана [3; 4] и П. С. Куприянова [5] и др. Их подходы отличаются как от других версий, так и друг от друга. Мы воспользуемся обоснованием Алейдой Ассман трех видов памяти — индивидуальной, социальной, культурной [6]. Они соподчиняются друг с другом в рамках коллективной памяти, которая включает три взаимосвязанных уровня памяти: нейронный (реализуется через индивидуальную память носителей информации, которая не может существовать без социальной коммуникации), социальный и культурный. Интервьюирование участников и очевидцев в первую очередь проводится для мобилизации индивидуального эмпирического опыта, который не может существовать без социальной памяти, которая, так же, как и культурный уровень памяти, относится к коллективной.

На наш взгляд, в устноисторической практике наибольший интерес представляет социальная память (так, как мы ее понимаем), для которой характерен межпоколенческий характер. По подсчетам исследователей социальная память существует на протяжении 80–100 лет, т. е. 3–5 поколений, опираясь на межличностное общение и «воспоминания, передающиеся посредством рассказов» в семейном коммуникативном общении. Благодаря поколенческому характеру социальной памяти прошлое существует относительно долговременно, опираясь на жизненный опыт участников этого прошлого, и по этой причине несет более или менее «незамутненную информацию». Исследователям и краеведам важно зафиксировать эту «незамутненную информацию» как историко-культурное наследие народа, поскольку неизбежно формирование более долговременной, иногда «вечной» политической или национальной памяти. По оценкам антропологов, политическая или национальная память стремятся упростить воспоминания, лишить их многозначности, искоренить какой бы то ни было интерпретационный плюрализм — достичь состояния «памяти строгого режима». В устной истории исследователь, как правило, встречается с социальной памятью; в материалах районных газет, в делопроизводственных документах (протоколах собраний трудовых коллективов или партийных собраниях), в музейных экспозициях чаще встречается с национальной и политической памятью.

Таким образом, характерной чертой социальной памяти является ее ограниченность в 80–100 лет, которые приходятся на 3–5 поколений. Нехитрый подсчет показывает, что для современного исследователя в той или иной степени доступна информация о человеке, его мироощущениях, его ценностях, повседневно-бытовой культуре в 1920–2020-х гг. Можно констатировать, что на современном этапе фактически уходит из информационной сре-

ды историко-культурное наследие крестьянской эпохи — «крестьянская антропология» с перемещением ее на периферию памяти, пока благоприятным остается изучение историко-культурных аспектов советского общества — «антропология советскости». На наш взгляд, необходимо сосредоточиться именно на советских традициях жизнедеятельности семьи. Не государства и общественно-политическая жизнь, чему посвящена официальная (национальная), учебная или иная история, как продукт политической или национальной памяти, а повседневно-бытовая культура, менталитет и поведение советского человека как иная версия истории. Что касается историко-культурного наследия крестьянской эпохи, то оно еще существует фрагментарно. Так, например, сохраняются цельные сюжеты о переселении в Сибирь, о коммунарском движении, о разрушении церквей и т. д.

Так или иначе в информационном поле социальной памяти присутствуют воспоминания о той и о другой эпохе, но неравномерно. В поисках осколков крестьянской культуры мы теряем советское наследие российского общества. И спустя какое-то время также будем по крупицам собирать устную историю советского образа жизни и повседневно-бытовых ценностей. Смена поколений потомственных крестьян (1910–1920-е гг. р.) и советских людей (1920–1970-е гг. р.*) происходила в 1950-1980-х гг.; смена поколений советских и постсоветских (1980–2010-е гг. р.) респондентов происходит сейчас. Опыт многолетних полевых исследователей позволяет говорить об изменениях в информационном поле памяти разных поколений. У преобладающих на сегодняшний день респондентов советской эпохи в памяти доминируют сюжеты прошлого эмпирического опыта об участии в коллективно-общественном производстве и общественной жизни сельского или городского социума, сюжеты повседневно-бытовой и досуговой культуры, например традиции советских праздников и обрядов, собраний, митингов, демонстраций, товарищеских судов и комсомольско-партийных собраний и других коммуникативных площадок. Работа с ними требует учета той трансформации, которая происходит у них в оценках прошлых советско-социалистических ценностей в сравнении с современным социально-личностным положением и либерально-демократическими ценностями. В их памяти наряду с положительными картинками присутствуют и травматические места памяти.

* Это утверждение носит не абсолютный характер. В группе респондентов 1930–1940-х гг. р. сохранилась хорошая память об антропоцентричных сюжетах крестьянской культуры, что мы связываем с тем, что предвоенные и военные дети в условиях тотальной мобилизации на боевой и трудовой фронт родителей находились в орбите влияния дедушек и бабушек — носителей крестьянских ценностей, благодаря чему они также являются носителями крестьянских традиций.

Важным источником изучения социальной, так же, как и индивидуальной, памяти по антропологии советскости служат визуальные источники семейных фотоальбомов, которые крайне информативны, так как зеркально визуализируют информацию устного наследия — фотографии сельских праздников, например Первой борозды или Урожая, традиций проводов в армию, колхозных «пикников» на природе (маевки), других коллективных форм досуга и повседневной культуры*. Память индивидуальная связана с личным опытом человека (личные воспоминания), социальная — с информацией, переданной им ближайшими предками (фотографии, письма и т. д.).

Благодаря сохранению в орбите семейных «пересудов» воспоминаний о советской жизни советская эпоха находится в зоне досягаемости для исследователя, с постепенным передвижением ее на периферию социальной памяти. Затухание потоков «советских воспоминаний» в определенной степени связано с тем, что они мало востребованы постперестроечным поколением, чьи представления и оценки о советском времени в значительной степени сформировались в 1990-х гг., когда утверждение новой идеологии базировалось на критике и разрушении образа советской эпохи и «советских людей». Более того, на коммуникативном уровне сформировалось противопоставление поколения «совков» («коммуняк») — постсоветскому поколению. Устная история, извлекая из социальной памяти материалы по мировоззрению и менталитету советских людей, их жизни и деятельности, способствует взаимопониманию и восстановлению межпоколенного диалога. Расширение проблемного поля исследований создает условия, с одной стороны, по преодолению резко отрицательного образа «совка», с другой стороны, по преодолению ностальгической мифологии. Формируемая источниковая база по антропологии «советскости» существенно дополняет коллекции официальных источников в госархивах (статистика, делопроизводство и др.).

Важно изучение социальной памяти по антропологии советскости запараллелить с работой по культурной памяти — вокруг мемориальных памятников советской эпохи (включая памятники погибшим в годы граж-

* Попутно заметим, что в визуализации современного историко-культурного наследия потеряны такие источники, как фотоколлекции и письма. Они не вписались в электронно-информационную среду и интернет-пространство, в которых отсутствует фиксация эпохи (ее документирование), в том числе по причинам недолговечности интернет-платформ, так же, как и информации соцсетей. Парадоксально, но при доступности фото- и видеосъемки с телефонов потеряна традиция создавать памятные семейные альбомы, идет процесс потери семейной и родовой памяти.

данской или Великой Отечественной войн), вокруг памятников советского монументального искусства и монументальной пропаганды советского образа жизни и социалистических идей в камне, в гипсе, в бетоне (стилизованные фигуры физкультурников, пионеров, колхозниц, рабочих и др.), вокруг графических памятников монументальной пропаганды (настенная мозаика, плакатная живопись и др.), памятников выдающимся деятелям в области производства, науки, культуры, образования и других сферах жизни советского общества и т. д. Социальная память в таком случае будет базой для воссоздания как истории создания памятника(-ов), так и истории события или жизни и деятельности человека (людей), которым он/они посвящен(-ы).

Завершая рассуждения о социальной памяти, источником которой служит индивидуальная память, а базой — семейные коммуникации, необходимо обратить внимание на травматические места памяти, которые могут дольше, чем положительный опыт, сохраняться в семейной информационной среде. Для сибирского общества это не только память о раскулачивании, репрессиях или депортациях, но и память о практиках выживания в годы войны в сибирском тылу. Носителями этой памяти являются на современном этапе уходящее поколение «детей войны» (1930–1940-е гг. р.). Это показал реализованный в 2017–2019 гг. проект «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации», в ходе которого был создан архив устных документов. При его реализации авторский коллектив пришел к выводу о решающей жизнесохранительной роли традиционной культуры, которая в условиях отсутствия помощи государства стала источником формирования адаптационных повседневных практик жизнедеятельности, включая практики обеспечения жилищем, пищей, одеждой, санитарно-бытовыми принадлежностями, лекарственными средствами и др. Материалы интервью «детей войны» содержат конкретную информацию о том, как традиционная культура подстраховала сельскую семью жизнеобеспечивающими практиками с опорой на природно-географические ресурсы и семейное производство. Среди респондентов преобладали женщины. Уместным будет подчеркнуть, что при выборе респондентов при работе с памятью, в том числе с ее травматическими местами, необходимо учитывать гендерный фактор. Дело в том, что женщины, занятые повседневными проблемами поддержания жизнедеятельности семьи и детей в первую очередь, трудными для семьи условиями, гораздо глубже были погружены в повседневную жизнь и являются носителями культурно-бытовых традиций. Тогда как мужчины в повседневной жизни более ориентированы на общественное производство и общественную жизнь и являются

замечательными информантами по антропологии советскости, хотя и сюжеты об их участии в жизни семьи в экстремальных условиях обладают неповторимой ценностью мужского вклада в поддержание семьи.

Как показал проект, одно из мест памяти о войне — депортации в сибирское село или город. При этом в центре внимания могут быть наряду с уже хорошо исследованными сюжетами, связанными с государственной политикой, процессом выселения и доставки депортированных, малоизученные вопросы восприятия и формирования образов принимающей стороны и депортированных, взаимодействие культур русских сибиряков и этнических депортируемых, их совместная жизнь в течение почти двух десятилетий, формирование совместной системы преодоления трудностей, в том числе негативных социально-эмоциональных факторов. Исследование этих мест социальной памяти можно дополнить изучением культурной памяти — это, например, памятники и памятные знаки депортированным калмыкам на пути их «Поездов памяти»; это участки кладбищ с захоронением депортированных армян, калмыков, поляков, литовцев и др., т. е. материализованные места культурной памяти — от памятников и памятных знаков до участков сельской или городской застройки, производственных и жилых сооружений, топонимов и антропонимов и т. д. Самостоятельным сюжетом должны стать семейные истории о миграции и переездах русского и русскоязычного населения из бывших постсоветских республик — Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Они тоже зачастую расположены в местах травматической памяти. И эта сфера историко-культурного наследия, базирующаяся на социальной и культурной памяти, как правило, остается вне зоны краеведческих изысканий.

Результатом расширения работы по изучению историко-культурного наследия методами устной истории с опорой на память должны стать архивы устной истории по тем или иным историческим и культурным событиям прошлого с материалами аудио- и видеоинтервью, графических или иллюстративных материалов социальной памяти; коллекции фото- и видеодокументов, памятных знаков и других объектов культурной памяти и т. д. Например, историко-культурным наследием может стать созданный на основе изучения индивидуальной, социальной и культурной памяти информационный банк исчезнувших сёл, куда войдут материалы интервью их жителей, рисунки расположения улиц и домов с подписью об их владельцах, сделанные руками респондента, коллекции фото- и видеосъемки материальных остатков поселения, погостов, сохранившихся памятников и т. п. Такая работа может стать самостоятельной программой по устной истории, частью музейной экспозиции, темой научной работы.

1. *Щеглова Т. К.* Устная история как метод и источник историко-краеведческих исследований: достижения, недостатки, перспективы и взаимодействие // Краеведение и туризм : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию историка и краеведа Алексея Дмитриевича Сергеева / редкол.: И. В. Архипова, А. В. Рыков, Т. К. Щеглова (отв. ред.). — Барнаул : АлтГПУ, 2020. — Вып. 2. — С. 142–152.

2. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : моногр. / под общ. ред. Л. П. Репиной. — М. : Аквилон, 2020. — 464 с.

3. *Шнирельман В. А.* Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. — 2016. — № 1. — С. 100–129.

4. *Шнирельман В. А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 4. — С. 8–26.

5. *Куприянов П. С.* Поймать память: устные воспоминания в краеведческом формате // Шаги. — 2021. — Т. 7, № 1. — С. 293–302.

6. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 323 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Автеньева Елена Дмитриевна — заместитель директора; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Адам Александр Яковлевич — заведующий отделом «Центр краеведческой информации»; Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина.

Алисов Дмитрий Андреевич — доктор исторических наук, профессор; руководитель отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Амосова Лариса Александровна — ведущий методист; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Ахунова Эльфира Рахимовна — старший лаборант; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН.

Безродная Ольга Анатольевна — кандидат исторических наук; директор; Музейно-выставочный комплекс «Моя история»; Омск.

Бережнова Марина Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; старший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Блинова Анна Николаевна — кандидат исторических наук; научный сотрудник; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН.

Бокарева Ольга Борисовна — старший научный сотрудник; Архив РАН; Москва.

Бочкарева Татьяна Валентиновна — преподаватель; Омский строительный колледж.

Бутова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук; доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин; Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Быкова Юлия Сергеевна — учащаяся; Школа № 1519; Москва. Научный руководитель: кандидат исторических наук Виктор Владимирович Акимченков.

Васильев Глеб Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела культурологии; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Москва.

Воробьева Наталья Владимировна — доктор исторических наук, доцент; профессор 11-й кафедры военно-политической работы в войсках (силах); Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева Министерства обороны РФ; Омск.

Гефнер Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права; Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина; старший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Голубкова Ольга Владимировна — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск.

Гоппе Анастасия Александровна — ведущий специалист по учебно-методической работе; Центр устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета; Барнаул.

Горелова Юлия Робертовна — кандидат исторических наук, доцент; ученый секретарь, старший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; доцент кафедры архитектурно-конструктивного проектирования; Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; Омск.

Гулько Александр Дмитриевич — директор; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Демешко Виталий Николаевич — кандидат географических наук, доцент; Омский государственный педагогический университет.

Елизарова Наталья Владимировна — кандидат исторических наук; редактор музейного отдела; Омский государственный академический театр драмы.

Ерошевская Дарья Викторовна — кандидат исторических наук; исполняющая обязанности заместителя директора по научной работе; Омский государственный историко-краеведческий музей.

Запорожченко Галина Михайловна — доктор исторических наук; старший научный сотрудник; Институт истории СО РАН; Новосибирск.

Золотова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук; заместитель директора, ведущий научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Иванова Лариса Алексеевна — заведующая отделом этнокультурного наследия и туристической деятельности; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Кабакова Наталья Васильевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры философии и истории; Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; Омск.

Казакова Карина Ацамазовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры связей с общественностью и рекламы; Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина; Республика Коми.

Каменецкий Иван Павлович — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Институт истории СО РАН; Новосибирск.

Кассал Борис Юрьевич — кандидат ветеринарных наук, доцент; старший научный сотрудник; почетный член Омского регионального отделения Русского географического общества.

Кирьянова Ольга Геннадьевна — аспирант; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Москва.

Козлова Наталья Константиновна — доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры литературы и культурологии; Омский государственный педагогический университет.

Коляскина Елена Александровна — кандидат исторических наук; ведущий специалист по учебно-методической работе; Центр устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета; Барнаул.

Коников Борис Александрович — кандидат исторических наук, профессор; советник Генерального директора; Радиозавод им. А. С. Попова; Омск.

Корусенко Светлана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент; заведующая кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; заведующая; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН.

Крынина Оксана Анатольевна — заведующая информационно-аналитическим отделом; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Крюков Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук; ученый секретарь; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Краснодар.

Люля Наталья Викторовна — ведущий специалист по учебно-методической работе; Центр устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета; Барнаул.

Макарчук Иван Юрьевич — кандидат юридических наук; доцент кафедры философии; Сибирский федеральный университет; Красноярск.

Марченко Екатерина Александровна — студент; Омский строительный колледж. Научный руководитель: Елена Владимировна Чекмарева.

Махнанова Ирина Алексеевна — ведущий архивист отдела научно-исследовательской и организационно-методической работы; Исторический архив Омской области.

Межевикин Иван Владимирович — младший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Мишакова Оксана Эдуардовна — кандидат исторических наук, доцент; заведующая кафедрой музеологии и наследия; Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Улан-Удэ; Республика Бурятия.

Огуренко Егор Владимирович — лаборант-исследователь; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; главный археограф; Государственный архив Свердловской области; Екатеринбург.

Озерова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии; Омский государственный педагогический университет.

Опалев Максим Николаевич — кандидат исторических наук; доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»; Волжский политехнический институт, филиал Волгоградского государственного технического университета.

Осадчая Оксана Александровна — методист отдела этнокультурного наследия и туристической деятельности; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Патова Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин; Юридический институт Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина; Республика Коми.

Пекина Анна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры философии и культурологии; Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; Республика Карелия.

Платонова Полина Ростиславовна — магистрант; хранитель Музея Б. У. Кашкина; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Екатеринбург.

Полякова Татьяна Сергеевна — научный сотрудник отдела научно-фондовой и экспозиционной работы; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Попова Евгения Вячеславовна — студент; Омский строительный колледж. Научный руководитель: Елена Владимировна Чекмарева.

Пресяжнюк Анна Николаевна — ведущий методист; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Путрик Юрий Степанович — доктор исторических наук; главный научный сотрудник, руководитель центра социокультурных и туристских программ; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Москва.

Рыков Алексей Викторович — кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры отечественной истории; Алтайский государственный педагогический университет; Барнаул.

Себелева Лариса Ивановна — преподаватель кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин; Белгородский государственный институт искусств и культуры.

Секретова Людмила Валериановна — кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры социально-культурной деятельности; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Селезнева Ирина Александровна — кандидат исторических наук; доцент; директор; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; доцент; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Смирнова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; руководи-

тель отдела национальных культур и историко-культурного наследия; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Смирных Ксения Юрьевна — младший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Соловьева Елена Петровна — кандидат филологических наук; Омская область, Седельниковский район, с. Седельниково.

Сорокин Алексей Петрович — заместитель директора; Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина.

Станиславских Виктория Сергеевна — научный сотрудник; Алтайский государственный краеведческий музей; аспирант кафедры отечественной истории; Алтайский государственный педагогический университет; Барнаул.

Татауров Сергей Филиппович — кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Татауров Филипп Сергеевич — кандидат исторических наук; заведующий отделом культурного наследия; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»; Омская область, Большереченский район, р. п. Большеречье.

Тихомиров Константин Николаевич — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН; Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская».

Тихонов Александр Александрович — заведующий отделом научно-методической и просветительской деятельности; Мультимедийный исторический парк «Россия — моя история»; Омск.

Тихонов Сергей Семенович — кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН.

Тойбазарова Дайана Шаймухановна — студент; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Томилов Николай Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор; ведущий научный сотрудник; Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН.

Труевцева Ольга Николаевна — доктор исторических наук, профессор; директор; Научно-образовательный центр «Историко-культурное

наследие Большого Алтая»; заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма; Алтайский государственный педагогический университет; Барнаул.

Хилько Николай Федорович — доктор педагогических наук, доцент; старший научный сотрудник; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; Омск.

Чекмарева Елена Владимировна — преподаватель; Омский строительный колледж.

Чекмарева Татьяна Владимировна — преподаватель; Омский колледж транспортного строительства.

Чернобай Георгий Константинович — студент; Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Чернобай Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук; начальник отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства; Государственный архив Новосибирской области.

Чиканова Наталья Александровна — кандидат исторических наук; Омск.

Шатова Наталья Николаевна — методист II категории; Музей «Заельцовка», отдел Музея Новосибирска.

Шелегина Ольга Николаевна — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник сектора общественно-политического развития; Институт истории СО РАН; Новосибирск.

Шерстнев Владимир Леонидович — ученый секретарь; Козьмодемьянский музейный комплекс; Республика Марий Эл.

Шихова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры философии, социологии и культурологии; Уральский государственный педагогический университет; лаборант-исследователь международной лаборатории демографических исследований; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Екатеринбург.

Щеглова Татьяна Кирилловна — доктор исторических наук; профессор; заведующая кафедрой отечественной истории; Алтайский государственный педагогический университет; Барнаул.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей

АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет

АН — Академия наук

АРАН — Архив Российской академии наук

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

БУК — бюджетное учреждение культуры

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГААК — Государственный архив Алтайского края

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГО — Географическое общество

ГРЦРФ — Государственный республиканский центр русского фольклора

ГЦНТ — Государственный центр народного творчества

ЗСОИРГО — Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

ИАОО — Исторический архив Омской области

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИЗОГИЗ — издательство «Изобразительное искусство»

ИРООО — Институт развития образования Омской области

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета

МГУКИ — Московский государственный университет культуры и искусств

НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт

НГПУ — Новосибирский государственный педагогический университет

НГУ — Новосибирский государственный университет

ОГИК музей — Омский государственный историко-краеведческий музей

ОГОНБ — Омская государственная областная научная библиотека

ОмГПИ — Омский государственный педагогический институт

ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет

ОмГУ — Омский государственный университет

ООИПКРО — Омский областной институт повышения квалификации работников образования

РАН — Российская академия наук

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РГО — Русское географическое общество

РПЦ — Русская православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований

СибАДИ — Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

СНК — Совет народных комиссаров

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

США — Соединенные Штаты Америки

ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

УК — Уголовный кодекс

УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел

ЧГПУ — Чувашский государственный педагогический университет

ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

ЯАССР — Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

Научное издание

АНОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Омской области, 90-летию со дня основания Центрального НИИ методов краеведческой работы и 30-летию Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (р. п. Большеречье Омской области, 12–14 октября 2022 г.)

Технический редактор *Л. Л. Митюкова*
Корректоры *Н. А. Кацай* (разделы 1–4),
А. Ф. Махибородa (разделы 5–7)

Подписано в печать 27.09.2022. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 27,74.
Тираж 150 экз. Заказ М-174.

ООО «Издатель-Полиграфист».
Отпечатано в типографии ООО «Издатель-Полиграфист».
Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс: (3812) 24-58-84, (3812) 47-11-66.